81
А-48

Н. Ф. Алефиренко

Н.Ф. Алефиренко

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

Учебное пособие

Допущено Учебно-методическим объединением
по направлениям педагогического образования
Министерства образования и науки Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению 540300 (050300)
«Филологическое образование»

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2005

УДК 81(075)
ББК 81.923
А45

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Рецензенты:
Кафедра общего и славяно-русского языкознания
Кубанского государственного университета
Докт. филол. наук, проф. *Н.С. Ковалев*
Докт. филол. наук, проф. *В.А. Маслова*

Алефиренко Н.Ф.
Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.

ISBN 5-89349-573-X (Флинта)
ISBN 5-02-032584-8 (Наука)

Книга знакомит начинающего исследователя с многополярным миром лингвистических идей, школ и направлений. Предлагаемый анализ проблем современной отечественной и мировой лингвистики поможет подготовиться к кандидатскому экзамену по специальности.

Учебное пособие предназначено для магистрантов и аспирантов филологических специальностей высших учебных заведений, а также может быть рекомендовано более широкой аудитории: преподавателям-лингвистам и студентам, изучающим курс «Общее языкознание».

ISBN 5-89349-573-X (Флинта)
ISBN 5-02-032584-8 (Наука)
© Издательство «Флинта», 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Современное языкознание как предмет изучения 5
Часть I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ 17
Глава 1. Парадигмы современной науки о языке 17
1.1. Парадигмы и «научные революции» в лингвистике 17
1.2. Структура лингвистической макропарадигмы 21
1.3. Непарадигмальные стимулы развития лингвистической теории 28
Глава 2. Сущность языка и речи 34
2.1. Гносеологические определения 38
2.2. Онтологические определения 39
2.3. Прагматические определения 41
2.4. Многокачественная природа языка 43
2.5. Основные этапы порождения речи 53
2.6. Единицы языка и единицы речи 58
Глава 3. Система и структура языка 62
3.1. Системно-структурная организация языка 62
3.2. «Элемент», «единица» и «множество» как понятия системной лингвистики 86
3.3. Соотношение в языке части и целого 93
3.4. Форма и содержание в языке 98
Глава 4. Лингвосемиотика 107
4.1. Природа и сущность языкового знака 107
4.2. Знаковые теории языка 109
4.3. Типология языковых знаков 115
Глава 5. Менталингвистика: язык и мышление 123
5.1. Лингвофилософские аспекты связи языка, мышления и сознания 123
5.2. Дискуссионные подходы к проблеме соотношения языка, мышления и сознания 125
5.3. Взаимоотношения языка с разными типами мышления 132
Глава 6. Семантическая система языка 145
6.1. Сознание, знание и значение 145
6.2. Дискуссионные вопросы теории языкового значения 149
6.3. Типы языковых значений 154
Часть II. СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ 164
Глава 7. Психолингвистика 164
7.1. Становление и развитие психолингвистических идей 164
7.2. Проблемы отечественной психолингвистики 167
Глава 8. Когнитивная лингвистика 174
8.1. Основные понятия когнитивной лингвистики 174
8.2. Лингвистические проблемы концептуализации и категоризации знания 179
8.3. Типы концептов и их вербализация 187
Глава 9. Коммуникативная лингвистика 200
9.1. Коммуникативные единицы языка и речи 200

9.2. Проблема соотношения пресуппозиции и пропозиции ... 208
9.3. Синтаксическое и коммуникативное значения ... 211
9.4. Проблемы современной прагмалингвистики ... 217
Глава 10. Прикладная лингвистика ... 231
10.1. Проблемы моделирования языка в действии. Компьютерная лингвистика ... 231
10.2. Информационно-поисковые аспекты прикладной лингвистики ... 234
Часть III. ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ... 239
Глава 11. Социолингвистика ... 239
11.1. Язык и общество ... 239
11.2. Классификация социолингвистических факторов ... 241
11.3. Социальные факторы в развитии системы языка ... 243
11.4. Современная языковая ситуация ... 256
Глава 12. Лингвокультурология ... 268
12.1. Язык и культура: методология и теория ... 268
12.2. Спорные вопросы о взаимоотношении языка и культуры ... 272
12.3. Когнитивные аспекты лингвокультурологии ... 276
Глава 13. Современное историческое языкознание ... 283
13.1. Проблемы компаративистики на рубеже XIX—XX веков ... 283
13.2. Внутренняя реконструкция ... 289
13.3. Принципы ареальной (пространственной) лингвистки в современном сравнительно-историческом языкознании ... 298
13.4. Проблема индоевропейской прародины ... 306
Часть IV. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ... 314
Глава 14. Методология и методы языкознания ... 314
14.1. Основные понятия ... 314
14.2. Методологические поиски современного языкознания ... 320
14.3. Философский компонент методологий лингвистического поиска ... 329
Глава 15. Методы лингвистической компаративистики ... 340
15.1. Сравнительно-исторический метод ... 340
15.2. Историко-сравнительный метод ... 348
15.3. Сравнительно-сопоставительный метод ... 352
Глава 16. Структуральные методы ... 360
16.1. Метод дистрибутивного анализа ... 360
16.2. Метод трансформационного анализа ... 365
16.3. Метод непосредственно составляющих ... 371
16.4. Метод компонентного анализа ... 375
Глава 17. Лингвостатистический метод ... 382
17.1. Количественно-вероятностный характер языка ... 382
17.2. Основные понятия лингвостатистики ... 384
17.3. Основные методики лингвостатистического анализа ... 389
Заключение ... 398
Литература для углубленного изучения ... 401

СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Языкознание — наука о естественном средстве общения человека, как никакая другая дисциплина, находится в теснейшей связи с философией, психологией, нейрофизиологией, семиотикой и другими науками о человеке, его мышлении и речевой деятельности в целом. В кругу гуманитарных наук лингвистика, изучающая язык как средоточие человеческой сути, занимает особенно значимое место. Характером междисциплинарных связей, взаимным воздействием этих наук и языкознания во многом определялись стратегические направления изучения языка, устанавливался тип соотношения традиции и инновации в истории лингвистических учений. Они и определяли, главным образом, содержание понятия «современное языкознание» для той или иной эпохи развития лингвистической мысли. Современная лингвистика обращена не только в будущее. Она многими своими идейными узами связана с традиционным языкознанием, поскольку в ней сконцентрирована научная энергия лингвистических идей предыдущих эпох, энергия, стимулирующая поиск новых подходов к языку.

Знания о языке, как известно, накапливались на протяжении многих веков. Первые размышления о языке зафиксированы уже в древнеиндийских трактатах V—IV веков до н.э. Они были порождены ведической культурой, в частности необходимостью разъяснить уже ставшие трудно постижимыми для индусов религиозные тексты, созданные на вышедшем из активного речевого обихода языке — санскрите. Он к V веку использовался только как литературный язык. Языками же обыденного общения к тому времени стали пракриты — разговорные языки, на базе которых позже возникли современные языки Индии (хинди, урду, бенгали, панджаби (пенджаби), маратхи, гуджарати, ория, ассами, синдхи и др.). Для сознательного использования санскрита создавались лингвистические комментарии древнеиндийских письменных памятников, древнейшими из которых являются веданги. Наряду с комментариями составлялись описательные грамматики и словари. Наибольшую известность приобрели работы Яска, Панини, Вараручи, Катьяяны, Патанджали. В древнейших грамматиках описывается не только грамматический строй (учение о

частях речи, словоизменении, морфемике и синтаксисе санскрита, но и физиологические особенности звуков речи, типы ударения, некоторые звуковые процессы).

Античными мыслителями (Гераклит, Августин, Демокрит, Аристотель и др.) ставились и частично решались философские вопросы языка. Их интересовали проблемы именования (теория *фюсей* и *тесей),* связь между мыслью и речью, взаимосвязь между лексической и грамматической семантикой, теории аномалий и аналогий, вопросы происхождения языка. Наряду с философией языка, античные ученые активно изучали грамматическую структуру языка (Александрийская и Пергамская грамматические школы). По образцу греческих создавались римские грамматики (Марк Теренций Варрон, Элий Донат, Присциан и др.). Большое значение придавалось в римском языкознании вопросам риторики.

Значительный вклад в развитие науки о языке внесли арабские ученые. В области грамматики стали всемирно известными Сибавейхи («Аль-Китаб»), в лексикографии Халиль аль Фарахиди («Книга Айна»), аль Фирузабади (60-томный словарь «Камус» — в переводе «Океан»), Махмуд аль Кашгари («Диван турецких языков» — первый основательный труд по тюркологии) и др. Кроме лексикографии, арабскими языковедами достаточно плодотворно изучался звуковой строй языка. Именно они впервые в истории лингвистических учений стали различать понятия «звук» и «буква».

Средние века в истории лингвистических учений считаются эпохой застоя. Развивались главным образом теории античных мыслителей: в области теории номинации следует назвать реалистов (Ансельм — епископ Кентерберийский и др.) и номиналистов (Абеляр, Иоанн Росцелин и др.). Основным предметом изучения в этот период стал латинский язык. На его основе подготавливалась почва для создания универсальных (идеальных) грамматик.

Сами же универсальные грамматики возникают в эпоху Возрождения («Грамматика Пор-Рояля» Антуана Арно и Клода Лансло). Их методологической основой стала картезианская философия (философия Ренэ Декарта — лат. имя *Картезий).* В это же время укрепляется интерес к сопоставительному исследованию разных языков, бурно развивается историческое языкознание, лексикография, создаются различные теории происхождения языка (Ж.-Ж. Руссо, Г. Лейбниц, И. Гердер и др.).

В начале XIX века складываются предпосылки для возникновения сравнительно-исторического языкознания (Франц Бопп, Расмус Раск, Якоб Гримм, А.Х. Востоков и др.), на базе которого происходит становление общего языкознания (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ и др.).

В XX веке в лингвистике а) утверждается тенденция к использованию «объективных» методов исследования языка, требующих максимально исключить навязывание чуждых ему категорий, заимствованных из других наук (школы лингвистического структурализма); б) внедряются принципы математического мышления (математическая лингвистика, лингвостатистика, компьютерная/вычислительная лингвистика, машинный перевод и др.); в) приоритетным считается изучение «живых» языков (исследование спонтанной, т.е. неподготовленной разговорной речи; бурное развитие диалектологии); все более заметное место в современной лингвистике занимают такие собственно лингвистические объекты, как языковая деятельность и продукты языковой деятельности; г) стремительно распространяется метод лингвистического эксперимента (основной метод психолингвистики, нейролингвистики, полевой лингвистики и др.); д) завершается становление лексикологии как самостоятельной лингвистической дисциплины (реализуются предсказания И.А. Бодуэна де Куртенэ, сделанные в XIX веке, об основных направлениях развития языкознания в XX веке) и др.

Знания о языке в конечном счете обособляются в отдельную науку. Основанием для этого послужило выделение «своих», специфических для новой дисциплины, *объекта, предмета* изучения и *метода* исследования, которые тем не менее в XIX—XX веках продолжают оставаться в центре острых дискуссий. Отношение к ним стало служить принципиальной основой формирования разных школ и направлений (компаративистики, структурализма и современных теорий — психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, прагмалингвистики и др.). И все же, несмотря на различия, существующие между различными подходами к пониманию природы и сущности языка, можно сформулировать наиболее распространенное понимание объекта и предмета языкознания, поскольку в современной науке проблема предмета и объекта остается достаточно сложной и запутанной (Г.П. Щедровицкий). Объектом изучения выступают, как правило,

разного рода события, явления, процессы, вещи (предметы), которые воспринимаются конкретно как объективно-реальные феномены и требуют научного (абстрагированного) осмысления и истолкования. В зависимости от характера построения научной абстракции в едином объекте исследования разными науками выделяются соответствующие (только им присущие) предметы исследования.

Объектом изучения в языкознании, как вытекает из вышеизложенного, является речевая деятельность [РД] (langage) не в узком (психолингвистическом), а в широком смысле: языковые средства в процессах порождения речи и ее понимания, в дискурсе и тексте. Это положение можно выразить формулой:

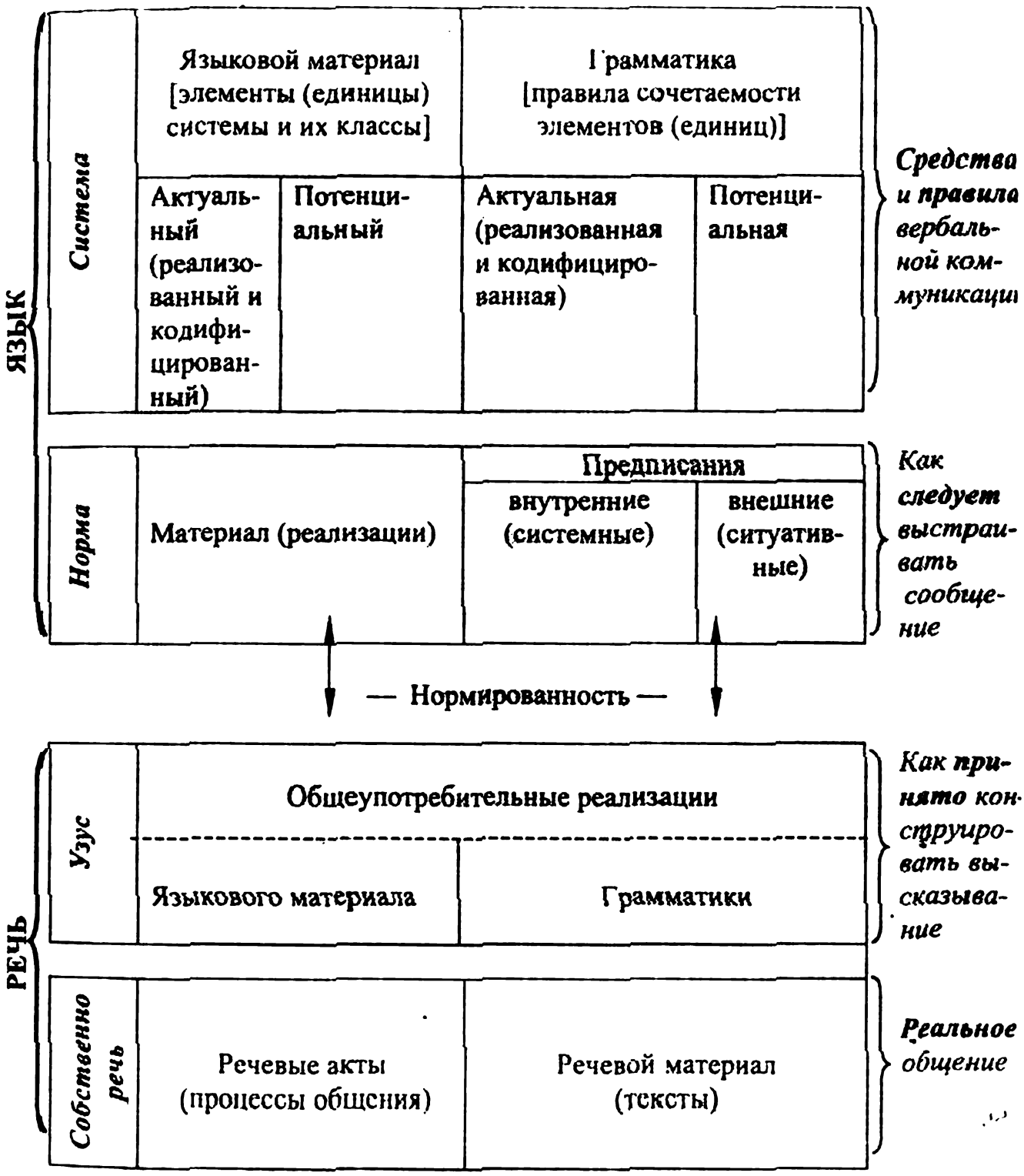
РД = язык (система + норма) + речь.

В обобщенном виде данную формулу можно объяснить при помощи схемы (см. с. 9).

Язык в таком соотношении компонентов РД представляет собой закрепленное в языковом сознании знание системы средств и правил речемышления (мыслить, говорить и понимать). Перефразируя Э. Косериу, можно сказать, что язык — это идеальная система средств языковых элементов (единиц) и соответствующих классов языковых элементов (единиц), обеспечивающих потенциальную возможность осуществлять речемыслительные акты; норма — то, что и как *надо* или *следует* говорить; а речь — *реализация,* актуализация потенциальных возможностей языковой системы в процессе общения (реальное общение, речевые акты и тексты как продукты речемышления). Поскольку реальное общение может отличаться от того, как принято говорить, как обычно говорят, то между нормой и речевым актом (текстом) выделяют промежуточное звено — узус (своего рода обобщение конкретных речевых актов и текстов, неосознанная и некодифицированная норма). При восприятии речи выделенным звеньям *(язык — норма — узус — речь)* соответствует схема «идеальная *система средств,* осуществляющая возможность понимания сообщения — *как надо* понимать — *как принято* понимать — *реальное восприятие* сообщения».

Все компоненты речемышления, по П.М. Алексееву, находятся в определенных взаимоотношениях: система и норма принадлежат языку *(langue),* узус и собственно речевые акты – речи

Схема 1

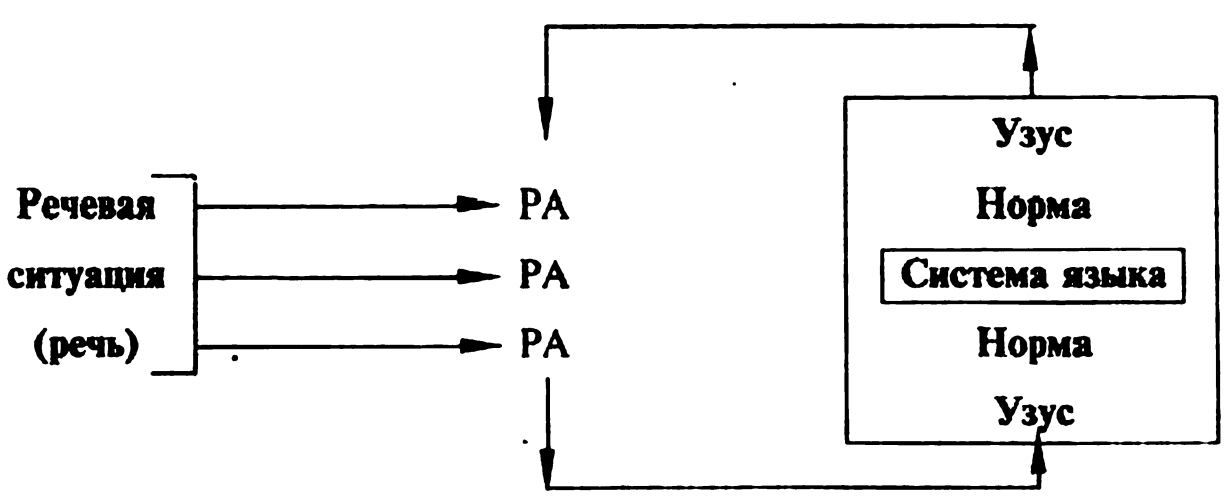


(parole); норму и узус сближает их «нормированность». Норма состоит из принятых и традиционно употребляемых в соответствующем этноязыковом коллективе речевых моделей (такое определение нормы близко к определению языка у А. Гардинера). Действительно, норма как свод правил реализации языковой системы и

система таких правил оказываются связанными и с языком, и с внешними условиями порождения речи. И в этом смысле норма «служит фильтром, распределяющим возможности системы (обеспечивая при этом некоторый выбор в ограниченных пределах) по конкретным речевым актам в зависимости от конкретных (типовых) ситуаций»[1]. Иными словами, норма регулирует использование элементов, структур, моделей как системы языка, так и системы речи[2]. В этом плане она выступает как часть системы. Дальнейшее развитие теории нормы связано с понятием *вариантности*, независимо от того, будем ли мы следовать триаде Э. Косериу «система — норма — речь», где норма как коррелят системы ограничивает присущую последней вариантность, или будем следовать концепции Пражской лингвистической школы, где норма предстает как система обязательных манифестаций языка (идеального инварианта) в речи (в виде реального варианта). Норма, таким образом, с одной стороны, выступает ограничителем вариантности языковой системы, а с другой, сама в определенном смысле подвержена вариантности как необходимому условию своего собственного развития.

Буферным звеном между нормой и речевым актом (РА) выступает узус (некодифицированная норма). Будучи элементами речевой деятельности, язык, норма, узус, речь составляют объект лингвистики. Между компонентами РД существует функциональная взаимосвязь, которую можно представить в виде следующей схемы:

Схема 2



[1] *Алексеев П.М.* Квантитативные аспекты речевой деятельности // Языковая норма и статистика. М.: Наука, 1977. С. 46.

[2] См.: *Сидоров Е.В.* Проблемы системности речи. М.: Наука, 1987.

Схема показывает, что порождение высказывания (речи) определяется, с одной стороны, системой языка и накладывающимися на нее нормой и узусом, а с другой стороны, совершенно независимой от языка и не контролируемой им речевой ситуацией. Исследователи РД установили, что практически каждое речевое высказывание содержит в себе такие речевые явления, которые не предусмотрены ни языковой системой, ни нормой языка, ни узусом. Это различного рода сверхфразовые элементы построения предложений, сочетания слов, неологизмы и др. Если подобного рода внесистемные единицы будут появляться в речи регулярно, они могут проникнуть в узус, а оттуда переместиться в норму, что создает реальные предпосылки к отдельным сдвигам в языковой системе или даже к ее перестройке.

Уже этих аргументов вполне достаточно, чтобы в качестве объекта лингвистических исследований определять не речь или язык, а речевую деятельность в широком ее понимании.

К сожалению, разные исследователи вкладывают различное содержание в понятие «речевая деятельность»: то, что Ф. де Соссюр называет «речевой деятельностью», А.И. Смирницкий (и многие другие лингвисты) именует «речью». Как правило, такое смешение происходит из-за неадекватного перевода французского термина *langage*: одни ученые переводят его как «речь», другие — «речевая деятельность», а название книги Ж. Вандриеса «Langage» переведено на русский как «Язык». Отсюда и путаница в интерпретации соотношения «язык — речь». Стало уже привычным обвинять Ф. де Соссюра в том, что его «различие языка и речи было проведено неправильно» (А.И. Смирницкий), хотя Ф. де Соссюр различает «langue» и «langage». В целом различение языка и речи, по Ф. де Соссюру, следует интерпретировать не как противопоставление «langue» и «parole», а как выделение «langue» из «langage».

Со взглядами Ф. де Соссюра можно, конечно, соглашаться или не соглашаться, но стоит при этом учесть суждение Э. Косериу, согласно которому «признавать объективность «языка» и изучать его как таковой еще не означает «отрывать» или «изолировать» его от речи... Необходимо настаивать на том, что «познавать» — это прежде всего значит «различать» и что мысленное различение не является и не может являться «калечением» реальности, поскольку оно осуществляется не в плоскости объекта. Не следует никоим образом смешивать то, как даны объекты, и то,

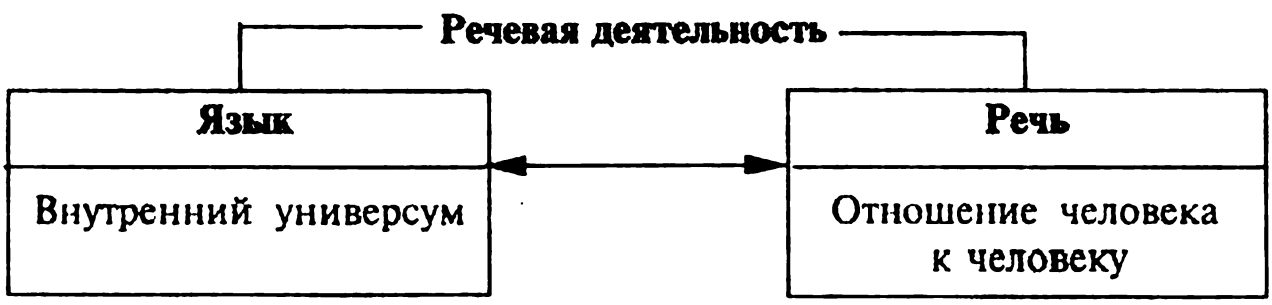
как мы их рассматриваем» [Косериу Э., 1963: *173*]. Речевая деятельность, речь — объект наблюдения, а язык — предмет лингвистики.

Язык как бы «извлекается» (абстрагируется) из речевой деятельности. Язык, как следует из подобных рассуждений, — самый ненаблюдаемый непосредственно феномен, его единицы вне акта коммуникации локализуются в мозгу «как следы в памяти человека, в нейронах и нейронных связях головного мозга, в которых кодируется их идеальная сторона (образ в гносеологическом смысле) и ее материальная сторона (кинестезические раздражения от артикулирующих органов речи), а также слуховой образ звучащего слова» [Панфилов В.З., 1977: *91*].

Процесс абстрагирования, «извлечения» языка из речи осуществляется поэтапно. Первый этап абстрагирования речи — у з у с, следующий этап — н о р м а — речь, рассматриваемая с более высокого уровня абстракции, и, наконец, — с и с т е м а я з ы к а.

Таким образом, речевая деятельность, «если рассматривать ее в целом, составляет законченное сооружение, построенное для сохранения потенции мышления и, кроме этого, для того, чтобы дать возможность общаться человеку с человеком» [Гийом Г., 1992: *166*]. О единстве и взаимосвязи компонентов речевой деятельности, по Г. Гийому, дает наглядное представление следующая схема:

Схема 3



В целом деятельностная природа языка выражается в его функциях. С этой точки зрения язык рассматривается в функции регулирования. Поэтому в понятие «речевая деятельность» следует включать и чтение/письмо, и говорение/слушание, которые связаны попарно и *определены двумя факторами реализации системы языка* — устной (чтение, письмо) и письменной (говорение, слушание).

Язык следует интерпретировать как деятельность по нескольким основаниям, но главным из них является то, что язык органически входит в единое поле психической деятельности человека. Это еще раз подтверждает мысль о том, что язык объективно является условием существования человека и, следовательно, его деятельности. Поскольку же речевая деятельность изучается и другими науками (психологией, философией, логикой, физиологией, филологией, литературоведением и др.), то выделяют еще и предмет исследования, концентрирующий в себе интересы каждой из этих наук.

Предметом изучения лингвистики является язык. Этим и объясняется то, что основной проблемой общего языкознания считается вопрос о сущности языка. Еще сложнее разграничивать объект и предмет исследования в пределах одной и той же науки. Однако и здесь следует использовать в качестве критерия разграничения оппозицию «объективно-реальное — абстрактное». Так, приступая к исследованию языковых процессов в диалектах изолированного типа, диссертант в качестве объекта может избрать ранние переселенческие донские говоры, а предметом изучения определить языковые процессы в лексической, фонетической и грамматической подсистемах социально изолированных говоров. Сформулировав тему «Коммуникативно-прагматические свойства фразеологических единиц в диалогической речи», исследователь, скорее всего, назовет объектом изучения фразеологизмы в художественном диалоге, а предметом — коммуникативно-прагматические свойства фразеологических единиц в диалогической речи.

Поскольку разграничение объекта и предмета исследования — задача достаточно сложная, требующая тонкого и глубокого проникновения в суть изучаемого явления, многие начинающие исследователи и вовсе не утруждают себя решением этой задачи. Между тем это важнейший этап научного поиска: следует отчетливо осознавать, 1) *что* находится под объективом «лингвистического микроскопа» и 2) *что* мы хотим увидеть, какие свойства, признаки, механизмы функционирования понять и описать. В наиболее общем виде можно сказать, что объектом любого лингвистического исследования является совокупность объективно-реальных явлений языка и речи, а предметом — система абстрактных, научно достоверных построений, отражающих уровень нашего познания языка. При этом один и тот же предмет может

быть представлен разными научными моделями. Пожалуй, наиболее ярким примером тому служат две модели системы фонем русского языка, разработанные «петербургской» и «московской» фонологическими школами. Предмет языкознания в целом или той или иной лингвистической дисциплины как раз и образуется путем обобщения множества возможных моделей представления объективно-реального явления.

Иными словами, предмет исследования представляет собой некий инвариант нескольких научных моделей, поскольку ни одна модель не может претендовать на абсолютную полноту отражения исследуемого объекта. Этому имеется, по крайней мере, два объяснения: во-первых, модель отражает не только объективно-реальные знания об изучаемом явлении, но и точку зрения ученого или школы, к которой он принадлежит. Во-вторых, в соответствии с целями и задачами исследования при моделировании объекта одни его свойства оказываются в поле нашего зрения, другие же, как несущественные для данного исследования, выводятся за его пределы. Однако в любом случае моделирование объекта — важнейший и обязательный момент лингвистического поиска. Без него не может обойтись ни одно лингвистическое исследование, если, разумеется, под моделированием понимать не любое (и тем более не зеркальное) отображение языкового явления в модели. Дело в том, что, моделируя языковое явление, мы с целью его познания конструируем другой (реальный или воображаемый) объект, изоморфный изучаемому явлению в наиболее существенных его признаках и свойствах. Отсюда следуют минимум два принципа лингвистического моделирования: принцип изоморфизма и принцип эвристичности как два смыслообразующих компонента соответствующей дефиниции.

Моделирование в лингвистике — это построение объективно-реальных моделей изучаемых языковых явлений, отвечающее принципам изоморфности (адекватности моделируемого изучаемому) и эвристичности (результатом моделирования должно быть получение нового знания). В соответствии с этим, лингвистическая модель — это *аналог, образец, тип, схема* эвристического представления в нашем сознании структуры изучаемого языкового явления. Значительно шире, но в том же духе определяют модель и философы: *любая мысленно представляемая или материально реализуемая система, которая, отображая и воспроизводя объект ис-*

следования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте. Моделирование, таким образом, как основной способ получения знаний о языке, непосредственно связано с лингвистическими теориями. Однако лингвистическая теория это не всякая совокупность знаний о языке, а строго организованная система знаний, каждый элемент которой связан с другими элементами этой же системы и непосредственно следует из них. Лингвистическая теория возникает лишь на достаточно высокой ступени развития познания языковой действительности и включает в себя такие формы выражения знаний, как принципы (исходные положения исповедуемой концепции), научные понятия, суждения и законы.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
2. *Вандриес Ж.* Язык: Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
3. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М.: «Прогресс», 1992.
4. *Рамишвили Г.В.* Языкознание в кругу наук о человеке // Вопр. философии. 1981. № 6. С. 106—110.
5. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. Изд. 2-е. М., 1975. Раздел «Язык как объект теории».

Дополнительная

1. *Абаев В.И.* Языкознание описательное и объяснительное в классификации наук //Вопр. языкознания. 1986. № 2. С. 27—38.
2. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1975.
3. *Гак В.Г.* Языкознание и другие науки. Язык, орудие, товар // *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 162—178.
4. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
5. *Панфилов В.З.* Философские проблемы языкознания. М.: Наука, 1977.
6. *Плунгян В.А.* Почему языки такие разные? М.: «Русские словари», 1996.
7. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Вопросы и задания

- Как связано языкознание с другими науками о человеке и обществе?
- В чем вы видите преемственность истории и теории языкознания?

- Назовите отличительные особенности лингвистики XX века.
- Какое значение для развития современных лингвистических теорий имеет обсуждение вопроса об объекте и предмете языкознания?
- Как связаны между собой объект и предмет языкознания?
- Начертите схему речевой деятельности, отражающую основные этапы и механизмы взаимодействия языка и речи.
- Что представляет собой лингвистическое моделирование? Дайте определение лингвистической модели. Назовите принципы лингвистического моделирования.

Часть I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Глава 1

ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

1.1. Парадигмы и «научные революции» в лингвистике

В новое тысячелетие наука о языке входит с достаточно впечатляющим множеством идей и их решений: зачастую они становятся настолько трудно различимыми, что возникает потребность в осмыслении не только основополагающих постулатов отдельных школ, но и стратегических направлений развития современной *лингвистики*.

Вплоть до середины XX века языковеды были убеждены в линейном характере развития лингвистических учений. Лингвистические знания, считалось, накапливаются путем постепенного приближения к истинной сущности языка по известному (традиционному) сценарию: обновление и пополнение знаний о языке происходит за счет расширения эмпирической основы исследования. Однако к концу XX века обнаружилось, что кумулятивные представления о характере развития нашей науки не отвечают объективному ходу лингвистического познания. Оно, оказывается, не столь прямолинейно. Скорее, его непреложным законом выступает единство двух противоположных тенденций: рождения новой, более адекватной концепции языка и процесса поступательного развития знаний в рамках данного видения предмета исследования.

Определение стратегии лингвистического поиска тем более необходимо в наше время, когда в экспликации нуждается сам предмет лингвистического поиска. С одной стороны, он традиционен: после выхода в свет трудов И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы и Ф. де Соссюра таковым считается язык, с другой

стороны, к концу XX века в центре внимания исследователей оказываются его связи и отношения с другими объектами научного познания, такими, как речь, общение, деятельность, психика, культура и этнос. Одни из них связаны с языком генетически, например, речь и общение, другие — по смежности, как пересекающиеся сферы глобального человековедения. Более того, внутри каждого из них существуют разветвления не только различного, но и противоположного характера. Накопление таких противоположностей, как известно из диалектики развития, приводит к кардинальным изменениям в науке. Томас Кун (1977) такие изменения назвал шокирующим словосочетанием «научные революции», а подлежащие заменам феноменологические состояния науки — **парадигмами**. С легкой руки Т. Куна и термин *парадигма,* и обозначаемое им понятие получили в современном языкознании достаточно широкое распространение. Понятие научной парадигмы в условиях трудно обозримого множества идей и подходов было призвано выполнить систематизирующую миссию, воссоздать и предсказать металингвистическую устойчивость и изменчивость, показать сложный и многоаспектный процесс смены способов «лингвистического философствования» (А.Л. Факторович). Однако для успешного выполнения этой миссии понятие парадигмы нуждается в устранении неопределенности и в более рельефной делимитации своего понятийного содержания.

В настоящее время недостаточно четко осознается *общее* и *специфическое* в содержании таких понятий, как «парадигма», «концепция», «направление», «школа», «теория»».

Общность первых двух понятий обнаруживается в их наиболее принятых дефинициях.

Под **научной парадигмой** Т. Кун подразумевал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений»; они, по его мнению, являются «источником методов, проблемных ситуаций и стандартов решения», принятых учеными на данном этапе развития [Кун Т., 1977: *31*]. В современной лингвистике научная парадигма — это господствующая на каждом этапе истории лингвистических учений система воззрений на язык, определяющая предмет и принципы лингвистического исследования в соответствии с культурно-историческим и философским контекстом эпохи.

При всем многообразии лингвистических учений можно выделить три научные парадигмы, определившие собой основные этапы развития мировой лингвистической мысли. Это — **лингвистический компаративизм,** располагавший особым средством постижения истины — сравнением и принципом исследования, которым являлся историзм. По сути, это была, по определению А.М. Ломтева, элементно-таксономическая парадигма, поскольку она выявила и классифицировала основные единицы языка и разработала его уровневую модель.

К началу XX века стал очевиден «атомизм» этого подхода к изучению языка: языковые явления исследовались разобщенно, вне закономерных связей одного явления с другим. И, поскольку исходные постулаты такого подхода уже осознавались как неадекватные языковой действительности, пришло время формирования нового лингвистического мировоззрения — **системно-структурной** парадигмы. Теперь акценты смещаются в сторону выявления всеобщей связи языковых единиц, языка в целом и его отдельных структурных областей. Остовом новой парадигмы служит принцип целостности и системности. В связи с этим утверждается взгляд на язык как строго структурированное и имманентное образование, язык «очищается» от смежных явлений. Основой языкового структурирования служат оппозиции «язык — речь», «парадигматика — синтагматика», «синхрония — диахрония». Однако и эта научная парадигма не смогла до конца преодолеть замкнутости и зашоренности лингвистического поиска, поскольку исключала из поля своего зрения человека.

Устранить этот недостаток была призвана третья парадигма — **коммуникативно-прагматическая,** объединившая три лингвистические теории: теорию номинации, теорию референции и теорию речевых актов.

В настоящее время наблюдается становление четвертой парадигмы — **дискурсивно-когнитивной.**

Итак, уже этот короткий обзор позволяет разграничить два смежных понятия — парадигму и концепцию. *Лингвистическая парадигма* — «исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения», а *концепция* — определенный способ понимания, трактовки явлений, основная точка зрения, руководящая идея для их освещения. Однако данные определения продолжают обсуждаться. Толкования сущности и взаимосвязей этих

понятий в современной лингвистической литературе достаточно противоречивы. С одной стороны, концепция (или в данной дефиниции — «концептуальная схема») является основой идентификации парадигмы, а с другой стороны, «парадигма» и «концепция» соотносятся как «общее — частное». Казалось бы, вторая линия их взаимных отношений могла бы поглотить первую: одна из частностей — индентифицирующий признак общего, если бы не амбивалентность концепций, которые способны взаимодействовать и внутри парадигм, и между ними. Так, концепция полевой организации языковых подсистем находит место в самых разных парадигмах — системной, когнитивной и функциональной.

Поскольку понятия парадигмы и концепции обретают в современном языкознании методологическую значимость, важно установить их «горизонтальную» и «вертикальную» сущность.

По горизонтали лингвистические парадигмы характеризуются как развивающиеся сущности. Их линейное движение, видоизменение и преобразование может быть внутренним и внешним. Внутреннее развитие парадигмы стимулируется взаимодействием концепций в рамках одной парадигмы. Внешнее развитие лингвистической мысли связано с взаимодействием интерпарадигмального характера. Здесь должна идти речь о взаимодействии парадигм, олицетворяющих собой разные этапы истории языкознания. Это, как нам представляется, порождает еще одну проблему: кроме гетерогенности парадигм, возникает необходимость ставить и решать вопрос об иерархии интерпарадигмальных отношений. Они могут быть, прежде всего, описаны по двум моделям: с точки зрения их интенсивного и экстенсивного характера. В первом случае речь должна идти об их ядерно-периферийных отношениях, а во втором — об их хронотопических свойствах (о распространении идей той или иной парадигмы в мировой науке о языке и об охвате более или менее длительных периодов истории языкознания).

В статике, т.е. при сохранении баланса между внутренними и внешними стимулами познания языковой действительности, лингвистическая парадигма развивается. Динамический «взрыв», вызываемый асимметрическим ускорением внутрипарадигмальных или интерпарадигмальных изменений, приводит к научным революциям, т.е. замене одной лингвистической парадигмы другой.

По вертикали различимы языковые макропарадигмы и парадигмы-спецификаторы (Ю.И. Сватко). Макропарадигмы, охваты-

вая всю область дисциплинарного знания, выполняют концептуальную функцию и поэтому предстают как внутренние непротиворечивые интерконцептуальные образования. С помощью механизма функционального включения научные макропарадигмы объединяют в себе парадигмы-спецификаторы (микропарадигмы), представляющие собой разные уровни концептуального обобщения дисциплинарного знания. Такая иерархия научных парадигм в языкознании позволяет «примирить» два взаимоисключающих понимания их сущности: однородности и неоднородности элементов структуры лингвистической парадигмы.

1.2. Структура лингвистической макропарадигмы

В состав *макропарадигмы* входят неоднородные составляющие — теории, школы, концепции, подходы. Однородность составляющих — отличительное свойство *парадигм-спецификаторов*.

Лингвистическая теория (ЛТ) возникает лишь на достаточно высокой ступени осмысления языковых явлений. Определяющим элементом лингвистической теории является принцип — ее содержательная основа. Это верхний ярус ЛТ. На следующем ярусе выделяют понятия, суждения и законы. Следовательно, в отличие от парадигмы, ЛТ — это не любая совокупность знаний о языке, а строго организованная *замкнутая система* знаний с минимальным количеством идей и основополагающих понятий. ЛТ выполняет две функции — объяснительную и прогнозирующую.

Объяснительная функция ЛТ — ее важнейшая функция: через осмысление языковых явлений она позволяет раскрыть многоаспектную и многообразную сущность объекта исследования. Через познание закономерностей языковых явлений ЛТ способна выполнять еще и важную — прогнозирующую функцию. Обе функции ЛТ взаимодетерминируемы в силу определенной системности ЛТ (В.А. Карпов).

Системность ЛТ обусловлена гносеологической системностью. И в этом мы усматриваем субстратную связь ЛТ с концепцией лингвистического познания. Концепция как вполне определенный идейный остов, ракурс лингвистического видения мира пред-

ставляет собой ту точку опоры в лингвистическом исследовании, которая и способна определять характер интерпретации языковых явлений, и, если следовать формуле Архимеда («дайте мне точку опоры, и я переверну мир»), кардинально изменить наши традиционные представления об устройстве и функциональных возможностях языка, т.е. «перевернуть» методологические установки лингвогносеологии.

В первом случае концепция оказывается содержательным воплощением той или иной лингвистической идеи, исходной точкой зрения для системной (сущностной) интерпретации языковых явлений в виде конкретной ЛТ, а во втором случае она выступает той критической точкой кардинального переосмысления, которая порождает новую концептуальную схему, принципиально новую модель решения не только вечных лингвистических проблем, но и постановки новых. В последнем случае созданная концепция выступает смыслогенерирующим ядром новой лингвистической парадигмы.

История лингвистической мысли знает несколько лингвистических революций, или, если ослабить регистр научной риторики, знает несколько типов лингвистических парадигм. Это сравнительно-историческая, системная (или структурно-таксономическая) и антропоцентрическая парадигмы. В рамках каждой из них различаются направления, концепции и школы.

Понятия «научная школа», «направление» и «течение», несмотря на свою употребительность в истории лингвистических учений, остаются достаточно аморфными и нечетко определенными. Даже в весьма авторитетном издании «Лингвистический энциклопедический словарь» (М., 1990) известные и традиционные лингвистические школы — Казанская, Московская, Петербургская, Харьковская, Пражская — определяются как *направления*, Копенгагенская — как простое *объединение* датских лингвистов; отдельные авторы называют некоторые из этих школ *кружками*. Вместе с тем, несмотря на традиции, статус отдельных научных сообществ (например, Казанской и Петербургской школ) продолжает обсуждаться[1]. С другой стороны, наблюдается неадекват-

[1] См.: *Иванова И.С.* Еще раз к вопросу о научной школе в лингвистике (Бодуэн де Куртенэ и Петербургская лингвистическая школа)//Учен. зап. Казанского ун-та. 2002. № 143. С. 48.

ное использование понятия «научная школа» в современных печатных изданиях и устной речи деятелей науки и высших учебных заведений, когда оно выполняет не терминологическую, а оценочную роль. Таким образом пытаются подчеркнуть значимость деятельности того или иного известного ученого, воспитавшего многочисленных учеников. Этому, разумеется, есть объяснение. Во-первых, существующие словарные дефиниции соответствующих слов (см., например: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. «Толковый словарь русского словаря»): *направление* — 1) «путь развития», 2) «общественная группировка или общественное движение, течение» (с. 389); *течение* — «направление в какой-либо области деятельности» (с. 797); *школа* — «направление в области науки, искусства» (с. 898); *кружок* — «небольшая группа лиц, объединившихся для какой-либо деятельности» (с. 309). Во-вторых, такое положение дел обусловливается нетерминологическим значением этих слов, когда под *научной школой* понимают элементарную структуру «учитель и его ученики». Однако для научного общения такое нетерминологическое употребление этих понятий нежелательно.

Теория и история языкознания требуют более строгого (терминологического) употребления выделенных понятий. Центральным в этом ряду является понятие «научная школа».

Научная школа — это творческое содружество ученых разных поколений, объединенных принципами подхода к решению соответствующей научной проблемы, стилем работы, взглядами на развитие исследований в избранном научном направлении, общей для них оригинальной идеей, доказательство которой служит стимулом развития исследований и фактором объединения исполнителей, несмотря на возможное различие их характеров и представлений. Критериями научной школы служат такие ее характеристики, как 1) наличие основателя, первоначально сформулировавшего сущность научного подхода к предмету исследования и основных методологических принципов, 2) сходство научных позиций его учеников, принявших его методологию и подход к анализу конкретных языковых явлений, 3) единство места: прикрепленность данного научного сообщества к тому или иному институту (например, Московский, Казанский или Харьковский университеты, соответственно, для Ф.Ф. Фортунатова, И.А. Бодуэна де Куртенэ и А.А. Потебни, у физиков -- Институт Курчатова и др.), 5) новизна и оригинальность методологического подхода, который формулируется данной школой.

Первоначальным формальным объединением научной школы служит, как правило, ***научный кружок*** — группа ученых, объединившихся для осуществления определенной интеллектуальной деятельности под общей исследовательской доктриной своего идейного лидера или учителя (Пражский лингвистический кружок Вилема Матезиуса, Казанский лингвистический кружок И.А. Бодуэна де Куртенэ). Отсутствие формального объединения (при наличии всех других признаков лингвистической деятельности) свидетельствует о появлении нового подхода и даже ***научного течения.*** Оно может предшествовать научной школе или зарождаться как вариация сложившейся лингвистической концепции в недрах уже существующей школы (ассоциативный, параметрический или прототипический подходы к исследованию значения слова в семасиологии). ***Научное направление*** — это вектор развития лингвистической мысли, попытка нетрадиционного осмысления языковых явлений, методологический поиск новых путей и способов их познания (натуралистическое, психологическое, формально-грамматическое, структуральное направления в истории лингвистических учений).

Как историческое понятие «научная школа» должна характеризоваться в трех измерениях: *ретроспективном* (выявляется, *что* предшествует школе и *что* является базой ее возникновения); *синхронном* (определяется место данной школы в системе идей и воззрений на язык в данную эпоху); *перспективном* (прослеживается развитие идей школы в последующие периоды развития языкознания).

Наиболее законсервированной структурой характеризуется сравнительно-историческая парадигма, в которой выделяются три направления: сравнительное, историческое и психологическое. Близость этих направлений обусловливается их взаимодополняющей доминантностью: лингвистическая компаративистика, как правило, всегда была исторической, историческое языкознание не обходилось без сравнения, а лингвистический психологизм сочетал начала когнитивной лингвистики с компаративистикой как *средством* и с историзмом как *принципом* лингвистического познания. В рамках названных направлений сравнительно-исторического языкознания работали такие известные лингвистические школы, как младограмматическая, потебнианская, формально-грамматическая Ф.Ф. Фортунатова и др.

Более открытой является структурно-таксономическая парадигма. Несмотря на единый структурный принцип, она объеди-

няла достаточно отдаленные друг от друга направления: с одной стороны, функционализм Пражской школы, а с другой — таксономизм американского дескриптивизма и датской (копенгагенской) глоссематики с ярко выраженными концепциями релятивной обусловленности сущности языковых единиц.

И все же наиболее широкой предстает антропоцентрическая парадигма, настолько широкой, что ее приходится называть *над-* или *суперпарадигмой*. К этому побуждает тот неоспоримый факт, что находившиеся в ее составе концепции все более очевидно себя перерастали, превращаясь в самостоятельные лингвистические парадигмы. Наиболее отчетливо воспринимаются контуры таких научных парадигм, как когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, прагмалингвистика. Достаточно интенсивно развивается в последней трети XX в. «гибридное» производное двух последних — коммуникативно-прагматическая лингвистика.

Внутри каждой из названных парадигм в «живом» взаимодействии сосуществуют и порой борются не только разные, но и противостоящие концепции [Степанов Ю.С., Проскурин С.Г., 1993]. Наглядным примером тому могут служить психолингвистические концепции:

1) ассоциативная концепция Чарльза Осгуда (1953 г.), укладывающаяся в бихевиористскую схему «стимул — реакция» и характеризующаяся атомизмом и индивидуализмом;
2) порождающая грамматика Н. Хомского, преодолевшая атомизм осгудовской концепции (усвоение языка — это не овладение отдельными языковыми элементами, а усвоение системы правил построения осмысленного высказывания); два других недостатка ассоциативной концепции (идея реактивности и индивидуализма) остались в концепции Н. Хомского без принципиальных изменений;
3) противостоящее названным концепциям учение о порождении речи Л.С. Выготского, в рамках которого весьма плодотворно сформировался деятельностный подход А.Н. Леонтьева, и на его базе возникает сначала **понятие**, а затем и **теория** речевой деятельности, структурными компонентами которой являются составляющие так называемого деятельностного фрейма — мотив, цель, действия, операции (способы осуществления действий), установки и продукты деятельности.

Выделенные психолингвистические концепции, к сожалению, не всегда учитываются теми исследователями, которые, не являясь психолингвистами, обращаются в своих работах к отдельным психолингвистическим приемам и методикам (ассоциативно-вербальному эксперименту, методикам порождающей грамматики или речедеятельностному синтезу).

Отношение к рассматриваемым парадигмам современного языкознания далеко не однозначно, что обнаруживается уже в аксиологическом разграничении «традиционного» и «современного» языкознания [Кубрякова Е.С., 1994]. Такое разграничение может использоваться лишь с оговорками и весьма условно. Дело в том, что традиционные, точнее, более ранние научные парадигмы претерпели существенные изменения и стали вполне современными. Прежде всего имеется в виду сближение сравнительно-исторического и системного языкознания.

Системный подход к истории языка, включающий анализ пространственно-временных характеристик эволюционирующей системы и ее элементов, позволяет реконструировать последовательные смены состояний данной языковой системы во времени.

Представленные суждения о сущности, структуре и функциях лингвистических парадигм призваны организовать исследовательский процесс в рамках избранной концептуальной схемы познания, подчинив его соответствующей стратегии лингвистического поиска. Все это составляет суть парадигмального способа познания. Чтобы не оказаться в хаотическом и поэтому эклектическом продвижении к исследовательской цели, важно помнить, что «парадигмальные познания осуществляются в рамках и на основе существующих теорий понятий и представлений» (А.С. Майданов). Кроме стратегического вектора, «частота» парадигмального мышления обеспечивает лингвиста необходимыми методологическими ориентирами, поскольку на базе таких компонентов парадигмального познания, как лингвистическая теория, понятия и представления, строятся применяемые подходы и адекватные методы лингвистического анализа. Причем исследователь, сознательно определивший свое парадигмальное поле, в истинности принятых лингвистических теорий не сомневается. Избранный парадигмальный способ познания языковой действительности становится стилем лингвистического мышления отдельного ученого, школы и даже эпохи.

В связи с тем, что те или иные лингвистические парадигмы (теоретические положения, методологические принципы и установки, способы и средства решения проблем) предопределяют характер, цели и пути лингвистического поиска, можно усматривать в «работе» их внутреннего механизма действие **принципа парадигмального детерминизма.** Однако сфера влияния данного принципа не безгранична, и наиболее эффективно он функционирует при решении парадигмальных проблем (сравнительно-исторических, сопоставительно-типологических, системно-структурных и т.п.).

Следует отметить, что парадигма — понятие историческое. На начальных стадиях формирования лингвистического знания еще не существует его парадигмальной структуры (Т. Кун), поскольку на данном этапе развития науки ведется поиск ее проблематики, границ, методов и основных понятий. Предпарадигмальная стадия завершается лишь тогда, когда в языкознании складывается определенный блок проблем, обусловливающих появление некоторого общего направления, в рамках которого угасает интерес к поиску альтернативных решений. Содружество исследователей подчиняется общепринятому образцу лингвистического мышления. Господство той или иной парадигмы сохраняется, пока несовместимые с ней языковые факты не разрушают ее методологической доктрины.

Накопление противоречий внутри данной парадигмы сначала приводит к зарождению элементов нового знания, к формированию разных научных направлений, а затем и к кризисной ситуации, в результате которой разрушается фундамент старой парадигмы и закладываются основания новой. Как раз переходный период от старой парадигмы к новой у автора «Структуры научных революций» оставался без должного разъяснения. Невнимание к внутренней логике развития науки является, по мнению С.Д. Кацнельсона, слабой стороной концепции Т. Куна: «...отдельные этапы в становлении данной науки и преемственность между различными стадиями, в сущности, остаются за пределами куновской теории парадигм»[1]. Задача же ученого состоит в том, чтобы следовать внутренней логике поэтапного развития лингвистического познания. Наиболее сложной в преемственности парадигм оказывается ситуация, когда старая парадигма показала свою несостоятельность в решении актуальных (аномальных) проблем язы-

[1] *Кацнельсон С.Д.* Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: «Языки славянской культуры», 2001. С. 700.

кознания, а новая еще не сформировалась. Наступает период непарадигмального подхода к поиску истины: анализируются парадигмальные алгоритмы, изучаются языковые факты, не вмещающиеся в старые, привычные представления, дается критическая оценка старым подходам, которые в результате или существенно видоизменяются, *или сужается область их применения,* привлекаются новые представления и теории, разрабатывается база для новой методологии и адекватных методов познания языковой действительности.

В современной лингвистике все чаще приходится решать проблемы непарадигмального характера. Какова же в этом случае роль парадигмальной детерминации?

1.3. Непарадигмальные стимулы развития лингвистической теории

К непарадигмальным проблемам мы относим новаторские, нетрадиционные способы познания лингвистической действительности, которые уже по определению не вписываются в рамки общепринятых концептуальных схем, проблемных ситуаций и стандартов их решения. Поэтому *непарадигмальное познание языка/* речи «разрывает» каноны существующих теорий, понятий и представлений, требуя новых подходов и методов лингвистического поиска. При этом не следует думать, что смена научных парадигм в языкознании происходит исключительно в виде революционных скачков. По справедливому замечанию М.А. Косарик, «особенность механизма смены парадигм в гуманитарном знании состоит... в постепенности развития и в коллективном авторстве научных идей при индивидуальном авторстве отдельных научных текстов» [Косарик М.А., 1995: *105*]. Концентрация внимания на революционных скачках происходит в тех случаях, когда история лингвистических учений ограничивается топиками наиболее именитых исследователей языка, знаменующих собою узловые моменты в развитии нашей науки, когда действительно наступает перелом в лингвистическом мышлении. Для понимания закономерностей развития лингвистической мысли в ее глобальной целостности такие моменты переоценить невозможно. Они как нельзя лучше отражают сущность заключительной фазы (качественного сдвига) в действии закона перехода количественных изменений в

качественные. Однако при этом остаются на периферии исследовательского внимания второстепенные количественные изменения (зарождение, формирование и становление новых лингвистических понятий и методов познания языковой действительности). Поэтому процесс смены научных парадигм в языкознании осуществляется постепенно, интеллектуальными усилиями целых лингвистических школ и направлений. Оформление же новой научной доктрины завершается, как правило, созданием оригинальной (и поэтому внепарадигмальной) лингвистической теории, которая обычно связана с именем лидера лингвистической мысли той или иной лингвокультуры. Ср. известные лингвистические парадигмы и имена таких корифеев языкознания, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Потебня, Ф. де Соссюр и др.

В качестве примера обратимся к такой внепарадигмальной области, как коммуникативно-прагматическая фразеология. Ее «рождение» происходило на наших глазах наряду с развитием парадигмальных исследований фраземики в системном и коммуникативном аспектах. Основная цель коммуникативно-прагматического исследования фразем — познание прагматических свойств фразеологических единиц в живых коммуникативных актах. Ее достижение оказалось невозможным ни в рамках системной, ни в рамках коммуникативной парадигмы. Такой стратегии препятствовал прагматический компонент исследования.

Прагматика, несомненно, входит в компетенцию лингвистики коммуникативной: изучение механизма речевого воздействия и анализ отношений между говорящими и употребляемыми ими языковыми знаками является облигаторным компонентом исследования «языка в действии» (Е.С. Кубрякова). И в этом плане определение «коммуникативно-прагматическая» имеет целью сузить и конкретизировать параметры изучения «фраземики в действии», что предполагает осмысление глубинных взаимосвязей ее коннотации и прагматики путем использования элементов когнитивной лингвистики. Отсюда гипотеза исследования: предположение о возможности и целесообразности интегрирования в рамках коммуникативно-прагматической фразеологии основных подходов и категорий коммуникативной и когнитивной лингвистики, которые, как нам представляется, и порождают прагматику ФЕ. Такая междисциплинарная интеграция (вопреки попыткам некоторых «лингвоэкологов» создать имманентно стерильные разделы общей

лингвистики) предопределяется самой логикой речевого общения: «коммуникативная интенция — смысл — высказывание — понимание и интерпретация», где последовательно предполагают друг друга коммуникативные и когнитивные компоненты речевой деятельности.

Действительно, вся жизнь человека, осмысленная в категориях общественного сознания, фиксируется, интерпретируется и обобщается в категориях языкового сознания, которые вербализуются системой лексико-фразеологических средств, единицами прямой, непрямой и косвенно-производной номинации. Такие языковые единицы не только именуют, но и выражают в структуре соответствующего коммуникативного акта целую гамму отношений к именуемому эмотивного, экспрессивного и оценочного характера [Алефиренко Н.Ф., 1998: *310*]. В связи с этим человек как создатель и «ваятель» таких языковых знаков оказывается центральной фигурой языка, и, прежде всего, его экспрессивно-образной макросистемы. Наряду с лексическими средствами экспрессивно-образной макросистемы (метафорой, метонимией, синекдохой) особым антропоцентризмом обладают 1) фразеологизованные структуры (перифразы, устойчивые антитезы, гиперболы, литоты, оксюморон и другие устойчиво воспроизводимые словесные комплексы) и 2) фразеологические единицы (ФЕ). Они служат не столько косвенно-производными средствами знакообозначения предметов, явлений и ситуаций, сколько средствами выражения отношения к ним человека. Ср. глагольную лексему *удивляться* и ФЕ *вот тебе раз,* наречие *наконец* и ФЕ *в конце концов:* 1) *[Николай:] Вы странная Вера. [Вера:] — Я странная? **Вот тебе раз!** Самая обыкновенная* (А.Н. Толстой); 2) *— Это невежливо, Николай Иванович! Все-таки я дама, **в конце концов!*** (М. Булгаков). В первом случае передается выражение удивления и разочарования, а во втором — не столько «в итоге», сколько эмоциональное выражение крайней степени недовольства. В другой коммуникативной ситуации та же ФЕ выражает нетерпение и раздражение: *Надо же быть мужчиной! **В конце концов*** (А. Битов).

Все это, во-первых, предопределяет прагматическую значимость фраземики в структуре разных по типологии речевых актов, во-вторых, делает мотивированным выделение коммуникативно-прагматической фразеологии в отдельную отрасль лингвистического знания.

В нашем представлении, методология коммуникативно-прагматической фразеологии должна обеспечивать стратегию исследования онтологических и функциональных свойств фраземики, составляющих ее прагматическую ценность в разных актах коммуникации. Краеугольным камнем данной методологии является, на наш взгляд, философия образно-речевой деятельности как особого вида деятельности вообще. Ее основой может служить учение о взаимодействии *чувственного* и *рационального* познания в процессе речевой деятельности по обмену информацией.

Теоретической основой формирующейся методологии более явно признается известная логико-философская доктрина речевых актов Дж. Остина, Дж. Серля, З. Вендлера и др. Менее активно используется теория речевой деятельности Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, И.А. Зимней и др. Между тем прагматический потенциал фраземики раскрывается только в единстве двух названных выше теорий. Этому есть несколько объяснений.

Главное из них — в объективной соотнесенности двух понятий: а) *фразеологизированного речевого акта* стереотипного речевого действия, совершаемого в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном этноязыковом коллективе; такие речевые акты характеризуются типовой интенциональностью, целеустремленностью и конвенциональностью говорящего и б) *образно-речевой деятельности* — особого вида деятельности *Homo lingua,* включающего акты говорения, восприятия речи, ее понимания и интерпретации. Следовательно, образно-речевая деятельность, направленная на создание, восприятие, понимание и интерпретацию речевых актов, смыслообразующим компонентом которых выступает ФЕ, является объектом коммуникативно-прагматической фразеологии, а ее предметом — антропологическая сущность ФЕ, их амбивалентные отношения к другим элементам высказывания и к участникам коммуникативно-знаковой ситуации в рамках соответствующего ей речевого акта.

Анализ структуры коммуникативно-прагматической ситуации направлен на выявление прагмасемантики ФЕ с точки зрения различных видов речемыслительной деятельности: а) номинативной *(человек — денотат);* б) отражательно-интерпретирующей *(человек — представление)* и в) условно-рефлекторной *(человек — знак, языковое сознание).*

Такое понимание объекта и предмета коммуникативно-прагматической фразеологии предполагает исследование прагматических свойств ФЕ в нескольких аспектах, связанных с а) субъектом речи; б) адресатом, их стремлением к взаимному воздействию (особенно в диалогической речи) и в) ситуацией общения.

Каждый из выделенных аспектов коммуникативно-прагматической фразеологии имеет свой предмет исследования.

Итак, становясь шорами, классические парадигмы мешают увидеть новые явления даже тогда, когда уже имеются некоторые их очевидные признаки. В подобной ситуации лингвист (вопреки существующим парадигмам) не откажется от осмысления новых фактов. В результате, как в нашем случае с коммуникативно-прагматической фразеологией, лингвистический поиск станет многонаправленным и приобретет веерообразный характер. И желательно, чтобы этот вид поиска воплотился в деятельности не одного ученого, а в коллективном исследовании множества его учеников и последователей, образующих соответствующую научную школу. Ее становление обычно связано с преодолением тех противоречий, которые вызываются парадигмальным и непарадигмальным мышлением. Начинается процесс переоценки существующих лингвистических понятий и представлений; более актуальным становится поиск новых методов, приемов и методик исследования, ускоряется переосмысление и переформулирование проблемы, меняется подход к ней, пересматривается стратегия лингвистического поиска.

В чем состоит эвристический потенциал непарадигмальных решений?

Если коротко — в нестандартности научного поиска. Логика парадигмального мышления основывается на известных связях, зависимостях, закономерностях, закрепленных в концептуальной системе данной лингвистической парадигмы. При переходе к непарадигмальным решениям лингвист лишен такой концептуальной схемы и поэтому вынужден использовать самые разные операции: внешние аналогии, произвольные ассоциации, построение необычных комбинаций, выдвижение идей по принципу контраста, модификацию имеющихся знаний и т.п. Появляется непредубежденный, свежий взгляд на предмет исследования. Принцип парадигмальной детерминации уступает место принципу детерминации объектной. Приоритетными становятся новые данные об объекте познания без оглядки на прежние концептуальные

схемы. И только в результате концептуально-качественного развития и обогащения лингвистических знаний объектный принцип лингвистического поиска вновь уступит место принципу парадигмальной детерминации, что послужит свидетельством сформированности новой лингвистической парадигмы.

Итак, современная система лингвистических знаний и представлений находится в стадии интенсивных изменений. Меняются аспекты и содержание традиционных лингвистических дисциплин, углубляются их взаимоотношения со смежными науками, формируются новые направления лингвистического поиска и новые парадигмы. В этом сложном процессе поступательное развитие языкознания нередко сопровождается неудачами и неоправданными затратами исследовательских усилий. Избежать их полностью вряд ли удастся, однако свести к минимуму можно, если обеспечить непарадигмальные способы исследования необходимым методологическим и теоретическим базисом.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Кубрякова Е.С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус //Известия РАН. Серия лит. и яз. 1994. Т. 53. № 2.
2. *Кун Т.* Структура научьых революций. М., 1977.
3. *Степанов Ю.С., Проскурин С.* Смена «культурных парадигм» и ее внутренние механизмы. 1993.

Дополнительная

1. *Алефиренко Н.Ф.* Теория языка. Введение в общее языкознание. Волгоград: Перемена, 1998.
2. *Алпатов В.М.* Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку //Вопр. языкознания. 1993. № 3.
3. *Берестнев Г.И.* О «новой реальности» языкознания //Филол. науки. 1997. №4.
4. *Гак В.Г.* О плюрализме в лингвистических теориях //Филол. науки. 1997. № 6.

Вопросы и задания

- Как в истории языкознания определяются две стратегии научного поиска — линейная и парадигмальная?
- Представьте короткий обзор определений понятия «научная парадигма». Как оно соотносится со смежными понятиями —

«концепция», «направление», «школа», «лингвистическая теория»?

- Охарактеризуйте три сформировавшиеся лингвистические парадигмы и очертания новой, четвертой.
- Какова структура лингвистической макропарадигмы?
- Какое значение для развития современной науки о языке имеет непарадигмальный лингвистический поиск?

Глава 2

СУЩНОСТЬ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Проблема объекта и предмета в современной лингвистике связана главным образом с необходимостью установления границ науки о языке и с определением ее основных категорий, понятий и единиц. Иными словами, она напрямую связана с основным вопросом: чем должно заниматься языковедение и что выходит за рамки его компетенции. И это не праздный вопрос: в современных работах по лингвокультурологии нередко приходится встречаться, хотя и с интересными, но с исключительно экстралингвистическими изысканиями; в исследованиях по когнитивной лингвистике наблюдается та же диспропорция — в сторону чистой когнитологии, психологии мышления, логики или гносеологии; социолингвисты пытаются все в жизни языка объяснить социальными факторами в ущерб собственно лингвистическим законам и т.п. Отсюда и путаница с единицами и категориями: в лингвокультурологии — лингвокультурема, *слово* или *культурные концепты;* в когнитивной лингвистике — *языковое значение, смысл* или *концепт;* в социолингвистике — *социолект, социоидиома* или *языковая ситуация?*

Подобные сложности подстерегают исследователей в области прагмалингвистики, психолингвистики, этнолингвистики и т.д. И дело здесь не только в междисциплинарных связях, но и в исконной двойственности объекта нашей науки, о которой писали и В. фон Гумбольдт (*ergon — energeia*), Ф. де Соссюр (*язык — речь*), Н. Хомский (*языковая компетенция — языковое употребление*), Л. Ельмслев (*схема — узус*).

Другие исследователи, наоборот, избегают говорить о подобной двойственности, что приводит а) или к нежелательному смешению разнопорядковых явлений, б) или к изучению, главным образом, речи (язык при этом рассматривается как метаязыковое средство описания речи), либо в) к описанию языковой системы при сознательном игнорировании речевых явлений. Такие ограничения, разумеется, допустимы при исследовании частных вопросов жизни языка, но при создании общей лингвистической теории они заведомо делают ее ущербной. Выход из этой ситуации один: разграничивая язык и речь, не следует их противопоставлять, поскольку они суть две стороны одного и того же феномена — специфического вида человеческой деятельности, обеспечивающей общение и мышление людей[1].

Такое разграничение необходимо практически для любого исследования уже потому, что, с одной стороны, «исторически факт речи всегда предшествует языку» (Ф. де Соссюр), а единицы языка вычленяются из речи; речь содержит в себе нечто спонтанное и живое, она нечто большее, чем язык. С другой стороны, речь организуется более или менее по законам языка, который она сама создала (А. Сеше). В связи с этим, «по меньшей мере, странно заниматься лишь частным в обход того (большего), в которое входит это частное». В основе любой лингвистической теории должно находиться первичное, большее, общее, т.е. речь (В.А. Звегинцев). Главной задачей языковедения является не только и не столько описать систему языковых средств, сколько исследовать механизмы д е я т е л ь н о с т и языка, не устраняясь от его первоосновы, поскольку речь — место встречи языка с мыслью (А.А. Потебня, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.А. Звегинцев и др.). Итак, лингвистика изучает две ипостаси одного и того же объекта.

Стройное, хотя и небесспорное разграничение языка и речи Ф. де Соссюром достигается путем бинарных (двучленных) противопоставлений их отличительных признаков, образующих известные **дихотомии, или антиномии.**

---

[1] О концептах «язык» и «речь» см. работы *В.З. Демьянкова, И.Б. Левонтиной, И.М. Кобозевой* в сб.: Язык о языке/Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. С. 193—362.

1. Язык (langue) — явление чисто психическое, а речь (parole) — явление психофизическое.
2. Язык есть система знаков, а речь асистемна, поскольку представляет собой некий «сверхъязыковой остаток» речевой деятельности.
3. Язык — социальное явление, тогда как речь — явление индивидуальное.
4. Язык есть форма, в то время как речь — субстанция, поскольку включает в себя звуки и значения (субстанция < лат. substantial — сущность).
5. Язык — сущность, речь — явление.

В послесоссюровском языкознании эти антиномии были дополнены другими. Среди них назовем наиболее значительные:

Язык — нечто общее, абстрактное, а речь — частное и конкретное (Н.С. Трубецкой).

Язык — постоянен; речь — преходяща, переменна (С.Н. Трубецкой, Луи Ельмслев).

Язык — код, система, речь — ее реализация, текст; сообщение.

Язык — потенция, речь — ее актуализация.

Язык — инвариант, речь — вариант.

Наблюдается также новое обозначение объекта изучения и его составляющих. Происходит это, видимо потому, что существует возможность избежать неоднозначного терминоупотребления, когда термином *речь* называют и саму речевую деятельность и ее компонент — «язык в действии». Поэтому возникают такие определения соотношения языка и речи, как код и обмен сообщениями, средство и цель (Р.О. Якобсон), диссоциация и интеграция (Э. Бенвенист), сущность и явление, форма и содержание. И все же эти определения выделяют лишь один из признаков дихотомии «язык — речь», они не учитывают основного признака оппозиции — «процессуальности». Л.В. Щерба попытался устранить этот просчет, предложив различать «обработанный лингвистический опыт» и «процесс говорения», что перекликается с гумбольдтовским пониманием языка как статического явления, а речи — как динамического.

Стремясь к более глубокому определению сущности речевой деятельности, И.Р. Гальперин представляет ее в виде тетратемии (вместо привычной дихотомии), т.е. различает в речевой деятельности не две стороны, а три — язык, речь и текст. Каждый из этих компонентов выполняет особые функции: язык систематизирует факты лингвистического опыта, которые доступны наблюдению и обобщению; речь реализует сообщения; текст фиксирует сообщения в виде документа, письменного или звукового — это уже моделированная речь.

Ученый подчеркивает, что факты языка располагаются по вертикальной оси и находятся по отношению друг к другу в подчинительной связи (в отношениях иерархии). Факты речи располагаются по горизонтальной оси, причем в строго поступательном движении. Факты текста располагаются как в поступательном, так и в регрессивном направлениях (написанное можно прочитать или прослушать в исполнении другого человека, например чтеца, или в записи на магнитофонной ленте). Все это позволяет проникнуть в трехаспектную сущность речи, выделив в ней следующие ярусы:

— сегментный[1], на котором речевой поток членится на воспринимаемые отрезки в виде линейной прямой;
— сверхсегментный, или паралингвистический[2], ярус, который накладывается на сегментный (интонация) и дополняет высказывания своеобразными смысловыми оттенками; он всегда модален и нередко повышенно эмоционален;
— кинетический, являющийся по существу внеязыковым (экстралингвистическим), но существенно дополняющий смысл высказывания при помощи жестов и мимики. Кинетика нередко предопределяет интонационный рисунок высказывания, его морфологическую, лексическую и синтаксическую организацию.

Представленные выше толкования проблемы соотношения языка и речи требуют, разумеется, критического осмысления с точки зрения современного состояния науки о языке. Прежде всего, такой анализ необходим для дихотомий Ф. де Соссюра. И дело здесь не только в хронологии: в них основа основ всего учения

[1] *Сегмент* (< лат. *segmentum*) — отрезок.
[2] *Паралингвистика* (< греч. *para* — возле, при, вне) — это совокупность невербальных средств общения; раздел языкознания, их изучающий.

выдающегося швейцарского лингвиста, определившего характер развития лингвистической мысли в XX веке. По этому поводу уместно привести суждения Луи Ельмслева: «Сущность учения Ф. де Соссюра, выраженная в самой краткой форме, — это различие между языком *(langue)* и речью *(parole)*. Вся остальная теория логически выводится из этого основного тезиса».[1]

Н.А. Слюсарева считает целесообразным рассматривать соссюровские дихотомии в трех ракурсах: гносеологическом[2], т.е. с точки зрения теории познания; онтологическом[3] — с точки зрения предметных свойств языка и речи; прагматическом[4] — с точки зрения сферы применения и характера использования языка и речи.

2.1. Гносеологические определения

1. Язык и речь соотносятся как общее и частное. Известно, что единичное — форма существования всеобщности, а общее существует в отдельном, через отдельное. Как всеобщее язык существует в отвлечении от речи, от ее единичных актов. Всеобщность есть закон связи вещей, и постигается он разумом. В соответствии с этим язык — явление психическое, результат типизации и обобщения частных речевых актов. Данные определения непосредственно связаны со второй парой противопоставлений.

2. Язык рассматривается как абстрактное, а речь — как конкретное. Абстрактное здесь понимается как мысленное, понятийное, а конкретное приобретает чувственно-созерцательную данность речи. Абстрагирование, как следует предположить, связано не со случайными единичными фактами, а с идеальным отражением их связей и отношений в сознании человека, что, в свою очередь, порождает конкретную систему данного языка. Следовательно, язык абстрактен в своей конкретности.

3. Обобщение и абстрагирование связаны с отграничением языка (и его единиц) как существенного от всего

---

[1] *Ельмслев Л.* Язык и речь // Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965. С. 111.

[2] *Гносеология* (< греч. *gnōsis (gnōseōs* — знания, познание + *logos* — учение).

[3] *Онтология* (< греч. *on (ontos)* — сущее + *logos* — учение).

[4] *Прагматика* (< греч. *pragma* — дело, действие).

несущественного. Однако усматривать в речи только несущественное — значит не видеть главного, а именно механизма речевого общения. Обмениваться мыслями посредством несущественного психофизического устройства невозможно. Поэтому ближе к истине те определения, согласно которым язык рассматривается как сущность, а речь — как явление.

4. Поскольку сущность познается через явление, то осмысление языка происходит через наблюдаемые и обобщаемые речевые явления. Сущность — это внутреннее строение, нечто наиболее важное, значительное и закономерное. Явление — это форма выражения сущности. Значит, познание языка начинается с восприятия речевых фактов, затем на их основе путем абстрагирования постигается сущность, т.е. язык. Знание сущности (языка) позволяет более глубоко изучить явление (речь).

5. Противоречивым и недостаточно определенным является также соотношение языка и речи как формы и содержания. Под формой понимают либо материальность — способ выражения грамматического значения, либо структуру — способ выражения содержания. Второе понимание формы приближает к сущности языка, но никак не соотносится с речью, которая не может быть содержанием. Форма и содержание характеризуют и язык, и речь. Следовательно, они не могут использоваться в качестве критериев разграничения языка и речи.

2.2. Онтологические определения

Определения этой группы ориентированы на «предметные» свойства языка и речи, указывающие на сферы их локализации, устройство и роль в осуществлении речевой деятельности.

1. Различие связано с пониманием природы компонентов речевого общения — языка как явления психического, а речи как явления физического. Понимание языка как психического феномена имеет в лингвистике глубокие исторические корни и восходит к трудам Г. Штейнталя, А.А. Потебни и др. На рубеже XIX и XX веков происходит существенная модификация их концепции: психическое начало в языке стало рассматриваться как социальное. В работах И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра язык понимается как социально-психическое образование. Однако помимо этого в языке обнаруживается ряд других конструк-

тивных свойств собственно лингвистического характера. Поэтому социально-психологический подход к нему нельзя считать полным. Таким же односторонним является и толкование исключительно физических (физиологических) свойств речи.

Более достоверным следует считать рассмотрение проблемы соотношения языка и речи как виртуального (того, что потенциально содержится в сознании человека) и актуального (непосредственно воспринимаемого, материального). Это определение можно бы объединить с предыдущим, как и другие противопоставления: потенция — акт, отображение — отображаемое; пассивное — активное, умозрительное построение — наблюдаемое, реальное, В конечном счете большинство лингвистов предпочитают определять язык как виртуальное (потенциальное, компетенцию или способность), а речь как актуальное (реализацию языковой способности, область естественных объектов).

2. Подгруппа противопоставлений: система — текст, система — функция, парадигматика — синтагматика. Видимо, ни у кого из современных лингвистов не вызывает сомнений понимание языка как системного образования, единицы которого находятся в закономерных связях и отношениях, взаимно обусловливая друг друга. Более дискуссионными оказываются толкования речи то как текста, то как функции, то как синтагматики. Понимание речи как текста позволяет изучать разные способы функционирования языка. Однако выделять текст и дискурс[1] в нечто среднее между языком и речью, как справедливо считают некоторые ученые, нет оснований, поскольку любой акт речи воплощается в тексте (от реплики-междометия до корпуса книги). Следовательно, текст и дискурс — речевые категории, и выделять их можно лишь с целью детализации речи. (Текст и дискурс рядом ученых рассматриваются в качестве самостоятельных компонентов речевой деятельности. См. работы И.Р. Гальперина, Э. Бюйсанса, В.Я. Мыркина.) Толкования речи с точки зрения теории функций или сужают ее рамки, или переводят в сферу прагматической лингвистики (сферу применения речи, ее отношение к говорящему и слушающему и т.п.). Не является исключительно речевым свой-

[1] *Дискурс* (< франц. *(discours* — речь) — текст, взятый в событийном аспекте; в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами.

ством и синтагматика: синтагматические отношения — важный аспект языковой системы.

3. В современной лингвистике широкое распространение получила интерпретация языка как инварианта (стабильной, устойчивой части речевой деятельности), а речи — как вариантных реализаций языка (изменяющегося, моментального). Это противопоставление может быть принято только как принцип разграничения языка и речи. И все же нельзя игнорировать вариантности языковых средств общения и наличия устойчивых механизмов построения конкретных речевых актов.

2.3. Прагматические определения

Третья группа определений уточняет понимание языка и речи с точки зрения их функционирования, назначения и цели существования.

Важнейшими дихотомиями в этой группе следует признать противопоставления языка и речи по следующим трем направлениям:

— социальное — индивидуальное;

— узуальное — окказиональное;

— код — сообщение.

1. Социальный характер языка считается в современной лингвистике общепризнанным (оспаривается лишь его абсолютизация, исключающая другие факторы — биологические и психические, в частности). Что же касается индивидуальности речи, то она оказывается для многих лингвистов весьма уязвимой. Речь индивидуальна в том смысле, что порождается индивидуумами в процессе общения. Однако это обстоятельство не допускает произвола в закономерностях построения высказывания. Речевое общение — процесс двусторонний, обеспечивающий взаимопонимание говорящих и слушающих. И в этом отношении речь не может быть лишена социальности. Иными словами, и знание языка как системы средств, и практическое им владение должны быть социально *обусловленными*.

2. Противопоставление языка и речи по линии узуальности — окказиональности может быть принято только в смысле общепринятости и нормативности языковых явлений, отфильтрованных от речевых случайностей, не нормированных и еще не принятых обществом.

3. В лингвистических работах последних лет язык все чаще определяют как код, а речь как сообщение. Особенно популярными они стали в исследованиях систем искусственного интеллекта. Понятие языкового кода включает в себя способы фиксации и выражения информации при помощи всей системы языковых единиц. Под сообщением обычно понимается передача информации. Признание языка кодом стимулировало появление новых определений: языка как порождающего устройства, а речи как его функционирования.

Лингвопрагматический подход сопряжен с рассмотрением функций языка и речи. В широком понимании функция — это назначение, роль, выполняемая языком или речью в жизнедеятельности человека и общества в целом. Главное назначение языка и речи — обеспечивать существование человеческого общества. Различные виды речевого общения служат взаимодействию, взаимопониманию и координации речевого поведения членов соответствующего этнокультурного сообщества и в этом смысле выступают его структурообразующими элементами. В процессе речевого общения происходит накопление и освоение культурных ценностей, норм и знаний — в ходе коллективной обработки информации складываются и совершенствуются формы человеческого мышления, происходит духовное освоение мира (О.Б. Сиротинина).

Количественный спектр функций языка и речи и характер их взаимосвязи в современной науке о языке пока не определен. Г.В. Колшанский, например, выделяет лишь одну функцию — коммуникативную, включающую в себя все возможные виды использования языка в человеческом обществе. С.Д. Кацнельсон основными функциями языка считает только номинативную, основанную на репрезентативной функции словесного знака, и синтаксическую (сочинительно-аранжирующую)[1]. Другие ученые выделяют свыше десяти функций: коммуникативную, мыслеформирующую, когнитивную, номинативную, эмотивную, экспрессивную, поэтическую, метаязыковую, прагматическую, фатическую (контактоустанавливающую), дейктическую (указательную) и др. Список функций языка и речи остается в современной науке

[1] См.: *Кацнельсон С.Д.* Категории языка и мышление: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 472.

открытым. Более того, он подвергается достаточно аргументированной критике, поскольку названные функции не являются однопорядковыми; некоторые из них рассматриваются как разновидности основных — коммуникативной и мыслеформирующей.

Крайне сложно разграничить функции языка и функции речи, поскольку свое назначение язык выполняет в процессе речевого общения. Однако попытки такого разграничения уже имеются. Так, А.А. Леонтьев выделяет из общего списка функции речи и относит к ним *магическую* (табу, эвфемизмы), *диакритическую* (компрессия речи, например, в конспектах, телеграммах и др.), *экспрессивную, эстетическую* (поэтическую) и др. В.А. Аврорин выделил четыре **функции языка:** *коммуникативную, экспрессивную* (выражения мысли), *конструктивную* (формирования мысли) и *аккумулятивную* (накопления общественного опыта и знаний) и шесть **функций речи:** *номинативную, эмотивно-волюнтативную, сигнальную, поэтическую, магическую и этническую.*

Думается, что теория функций языка и речи получит развитие в ходе исследований функций единиц языка и речи.

2.4. Многокачественная природа языка

Объяснение сущности языка с методологических позиций отдельно взятого направления (биологического, психологического или социального) становится ныне явно неудовлетворительным. Природа языка, его эволюционные и функциональные механизмы так же сложны и многообразны, как и сам человек, специфическим видом деятельности которого язык является. Поэтому сущность языка может быть раскрыта лишь в процессе познания речевого онтогенеза[1] человека (в частности, изучения детской речи), при использовании данных генетики, психофизиологии, нейропсихологии и т.п. Такое осмысление сущности языка обещает приблизить нас к истине, хотя в настоящее время оно представлено не столько достоверными выводами, сколько острыми дискуссиями и предположениями. О размахе и остроте споров может дать представление дискуссия между Н. Хомским, Ж. Пиаже и Ф. Жакобом. Теоретической основой данного подхода служат исследования отечественных нейролингвистов под руководством А.Р. Лурия.

[1] *Онтогенез* — индивидуальное развитие существа от стадии оплодотворения до окончания индивидуальной жизни.

В центре обсуждения оказывается, как правило, гипотеза Н. Хомского о врожденности «глубинной грамматической структуры» как специфического устройства человеческого разума, служащего механизмом овладения конкретным языком. Врожденную языковую способность он сравнивает с врожденностью зрительной системы. «Биологические основания» такого понимания *находят в анатомии и функционировании человеческого мозга* (Э. Леннеберг). Язык в этом случае предстает как средство выражения познавательных функций мозга, таких, как категоризация (обобщающие объединения однородных явлений в крупные классы или разряды) и переработка информации (сведений), поступающей извне.

Возникают вопросы: как поступает информация извне? Какие механизмы человеческого мозга обеспечивают ее переработку? Каким образом эта информация получает языковое выражение? Ответить на них или хотя бы приблизиться к истине помогает наука, изучающая человеческий мозг — важнейшую составляющую часть центральной нервной системы, которая собственно и воспринимает поступающую извне информацию. Происходит это благодаря миллионам рецепторов[1] человеческого организма, постоянно следящих за изменениями внешней и внутренней среды. Воспринимаемые раздражения передаются в клетки нашего организма. Сотни тысяч клеток, называемых мотонейронами[2], управляют движениями мышц и секреций желез. А связующая их сложная сеть из миллиардов клеток, называемых нейронами[3], непрерывно сопоставляет сигналы от рецепторов с сигналами, в которых закодирован прошлый опыт, и обрушивает на мотонейроны команды для соответствующей реакции человека на раздражение среды. Человеческий мозг представляет собой совокупность миллиардов нейронов, образующих сложно переплетенные сети. Поэтому сигнал, поступивший от рецептора, мгновенно взаимодействует с миллиардами других, полученных системой раньше. Для наглядного представления о структуре нейрона и механизме пе-

[1] *Рецепторы* — конечные образования нервов, способные воспринимать раздражения из внешней или из внутренней среды организма.

[2] *Мотонейроны* — двигательные нейроны.

[3] *Нейрин*, или *неврон*, — нервная клетка со всеми отходящими от нее отростками (невритами и дендритами) и их конечными разветвлениями.

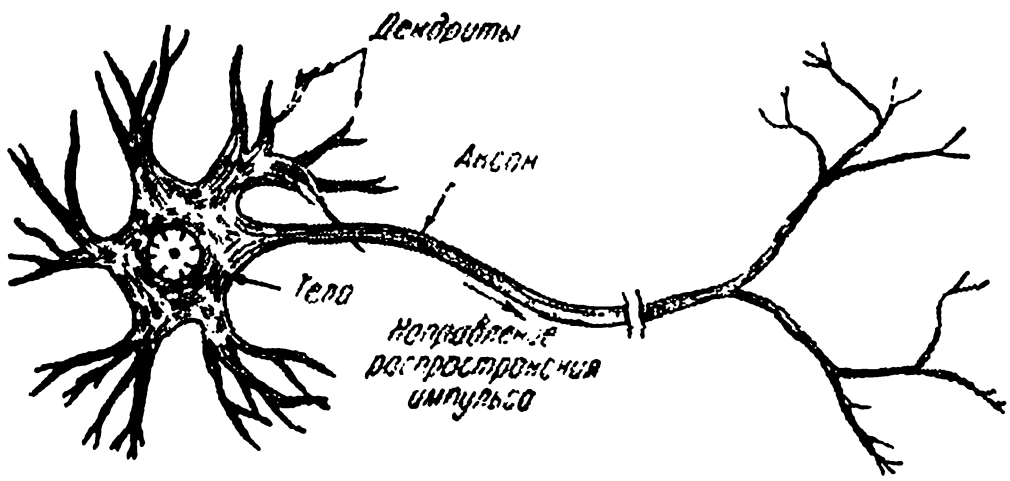


Рис. 1. Структура нейрона

редачи сигналов имеет смысл познакомиться со схемой М. Арбиба (рис. 1), автора книги «Метафорический мозг».

Возбуждение рецепторов изменяет мембранные возможности отростков нейрона — дендритов *(1)* и тела клетки *(2)*. Результаты этих изменений (эффекты) сосредоточиваются на аксонном холмике *(3)*, а затем импульс мембранного характера распространяется по аксону *(4)* — удлиненному волокну — и его конечным (утолщенным в виде луковички) разветвлениям *(5)*. При этом важно, что луковички располагаются на других нейронах, что позволяет изменять мембранный потенциал уже этих (других) нейронов или мышечных волокон. Поток информации проходит от нейрона к нейрону в направлении, указанном на схеме стрелками.

Кора головного мозга человека, по мнению специалистов, представляет слой толщиной всего лишь в 60—100 нейронов. Для того чтобы в ограниченном пространстве черепа могло уместиться несколько миллиардов нейронов, образуется множество складок. Их называют бороздами, а выступающую между двумя бороздами ткань — извилинами. Нейрофизиологические исследования показали, что борозды и извилины, распределяясь в левом и правом полушариях коры головного мозга, образуют специализированные зоны, отвечающие за определенные познавательные функции. В каждом полушарии головного мозга выделяют четыре доли — лобную, височную, теменную и затылочную. Область больших полушарий, примыкающих к центральной, или роландовой, борозде, называют сенсомоторной, а остальные области коры мозга — ассоциативными. Сенсомоторная область отвечает за слухо-

вую и зрительную деятельность, а также звуковую речь, поскольку «из всех сенсорных воздействий для человека самым чувственным, богатым и тонким является звук и его прием слухом» (Н.И. Жинкин).

В процессе изучения патологии речи были открыты две основные речевые зоны — П. Брока, отвечающая за производство речи (говорение), и К. Вернике, отвечающая за восприятие и понимание чужой речи. Это доказывается многочисленными фактами нарушения речи — афазией. Люди с поражениями зоны Брока понимают речь, но затрудняются организовать слова во фразы, поэтому ее нарушения называют моторной афазией. У больных с повреждениями зоны Вернике собственная речь не нарушается, но воспринимать и воспроизводить речь других людей они не могут. *Этот тип афазии называется сенсорной. Поскольку обе зоны* расположены в левом полушарии коры головного мозга, то его принято считать доминантным — главным. Оно управляет движением правой — главной — руки и речевой деятельностью. В нем сосредоточено все словесное, интеллектуальное, абстрактное, аналитическое, объективное, временное. Это предполагает существование в левом полушарии не только сенсомоторных, но и других не менее важных речевых механизмов. Их деятельностью руководят сопредельные с зонами Брока и Вернике центры. В лобной доле левого полушария впереди от зоны Брока расположено еще несколько речевых центров, которые управляют механизмами сцепления единиц речи: реализуют способность звуков сочетаться в слоги, морфем — в слова, слов — в предложения, предложений — в связный текст. Иными словами, эти зоны приводят в действие синтагматические механизмы, причем более «передние» речевые центры обладают способностью к более высокому уровню организации речи.

В задней части левого полушария (его височная, теменная и затылочная доли) за зоной Вернике расположены механизмы объединения однородных единиц в классы, разряды, категории на основе какого-либо общего их признака. Наиболее известными еще из школьной программы классами такого рода являются синонимические и антонимические отношения языковых единиц, которые называются парадигматическими. Благодаря механизму парадигматики все единицы языка хранятся в нашей памяти в виде блоков, полей, групп, рядов.

Правое полушарие ответственно, прежде всего, за наглядное восприятие внешнего мира. В его ведении все зрительное, образное, чувственное, интуитивное, конкретное, синтетическое и субъективное. Здесь преобладают ассоциативные области мозга, деятельность которых, по данным нейролингвистики, также важна для возникновения, развития и функционирования языка. Левое и правое полушария работают, отмечает Л.В. Сахарный, как единая система, и этому имеются биологические (нейрофизиологические) основания: полушария головного мозга связаны соединительными нервными нитями. По ним и происходит обмен информацией, благодаря чему язык оказывается посредником между человеком и средой, в которой он живет. Дело в том, что левое полушарие снабжает речемыслительную деятельность информацией о хранящихся в нем в виде звуковых образов словах, а правое посылает информацию о своем арсенале зрительных и чувственных образов — мыслительных копий окружающего мира.

Наиболее общая схема такого взаимодействия вырисовывается в работах Л.В. Сахарного. Сигнал из внешнего мира поступает на рецепторы правого полушария, где возникает некая целостная картина-образ. Если ее оказывается недостаточно, то возникает необходимость расчленить целостный образ на составляющие и назвать их. Но это уже «функциональные обязанности» левого полушария, которое располагает грамматикой, набором абстрактных слов, служебных частей речи, синонимическими структурами, трансформами и т.п., и поэтому информация передается в его распоряжение. После членения и преобразования в более сложную структуру название «перебрасывается» снова в правое полушарие, где происходит сопоставление с изначальной картиной (эталоном). Если человек считает, что название не отвечает эталону, то процедура повторяется.

Возникает вопрос: каков механизм приема и передачи информации? Современная наука пока находится в состоянии поиска ответа на него, однако уже сейчас не вызывает сомнений, что механизм этот обладает нейропсихической природой. Он лежит в основе возникновения и функционирования языка, а также овладения языком детьми.

Новейшие молекулярно-биологические исследования убеждают, что в основе работы мозга в процессе возникновения языка лежат сложные генетические и физиологические механизмы. Ока-

залось, что порождение речи, процесс возбуждения захватывают не только речевые зоны (Брока, Вернике), но и всю нейронную систему мозга[1] — левое и правое полушария. Возбуждение нейронных структур происходит в результате увеличения кровотока и количества кислорода. Таким способом нейрон получает свое главное «горючее» — глюкозу, а за счет окисления создается необходимая для работы речевых зон энергия, носителями которой являются ядра водорода. Атомы водорода входят в состав воды, особенно в ее серое вещество, выполняющее мыслительно-речевые функции. Не случайно повреждение мозговой ткани (особенно боковых отделов левого полушария) приводит к замедлению речи и нарушению словесной памяти. Память же играет исключительно важную роль в обеспечении нормального функционирования речевых зон человеческого мозга.

В наиболее общем определении память — это свойство мозга хранить информацию, которая необходима для речемыслительной деятельности человека. Итак, информация должна храниться и передаваться. Функцию хранения информации выполняют ДНК (дезоксирибонуклеиновые кислоты), а функцию передачи — последовательные цепочки аминокислот в белке, которые выполняют роль химического сообщения. Мозг, следовательно, располагает двумя типами кодов, двумя «алфавитами» — ДНК и белковым. Перевод или перекодировка последовательности ДНК в белковый ряд сопоставимы, по мнению биолога Франсуа Жакоба, с сообщением по системе Морзе. Оба типа «алфавитов» служат, по определению ученых, генетическим языком человека, обнаруживающим изоморфизм[2] с естественным языком, т.е. одинаковое (точнее, принципиально сходное) устройство. Одни исследователи объясняют такой изоморфизм сходством функций генетического и естественного языков — хранить и передавать информацию (эту точку зрения отстаивает Ф. Жакоб); другие, например, Роман Якобсо́н, придерживаются мнения, согласно которому сходство этих языков обусловлено их «родственными

[1] См.: *Лалаянц И.Э., Милованова Л.С.* Новейшие исследования механизмов языковой функции мозга // Вопр. языкознания. 1992. № 2. С. 120.

[2] *Изоморфизм* (< греч. *isos* — равный, одинаковый, подобный и *morfē* — вид, форма) — свойство каких-либо вещей или явлений иметь одинаковое строение.

отношениями», что языковой код возник по образу и структурным принципам кода генетического.

Думается, что второй подход позволит приоткрыть завесу над *тайнами нейропсихических механизмов взаимодействия первой и* второй сигнальных систем. Для этого необходимо иметь более глубокое представление о соответствии элементов генетического и языкового кодов, пока же наука располагает лишь предположением о сходстве элементов в уровневой организации одного и другого кода. Лишь с определенной условностью можно говорить о том, что единицы низшего уровня генетического кода — нуклеотиды — напоминают единицы низшего уровня языкового кода — фонемы. И все же их сближает многое: они лишены собственного значения и служат «материалом» для образования минимальных значимых единиц. В генетическом коде такими элементарными единицами, имеющими значения, являются *энхансоны* с довольно ограниченной сочетаемостью. Допускают, что возможна аналогия между ними и морфемами языкового кода. Выше располагаются единицы, образованные комбинациями элементов предыдущего уровня: в генетическом коде — *промоторы*, *терминаторы*, *энхансонные модули*, а в языковом — слова. Сочетаемость этих единиц в генетическом коде синтезирует белок, а в языковом образует предложение. Наконец, молекула ДНК — своеобразный текст генетического кода[1].

Дальнейшее изучение подобного изоморфизма обещает расширить наши знания о закономерностях накопления, хранения и переработки информации, связанных с мышлением. Мышление и язык возникли, по данным современной науки, в результате единого эволюционного процесса. Звуковой язык появился вместе с возникновением человека. Он формировался на основе уже имевшихся голосового и слухового аппаратов, способных соответственно производить и воспринимать акустические сигналы (это свойственно также и животным). В процессе эволюции человека звуковые сигналы превращались в сложнейшую систему символов, знаков, наиболее совершенными из которых являются языковые знаки. Очевидно, изначально эти знаки имели непосредственные (прямые) связи с предметами окружающего мира. За-

[1] Подробнее о молекулярно-генетических процессах см.: В мире науки. 1985. № 12 («Молекулы жизни»).

тем произошло замещение и полное вытеснение реальных связей условными, в результате чего знаки стали воспроизводимыми. Это свойство необходимо не только для того, чтобы, подобно генетическому коду, хранить и передавать информацию, но и для выполнения естественным языком общественных функций. Свойство изоморфизма генетического и языкового кодов объясняется, надо полагать, единством глобального эволюционного процесса.

И все же рассматриваемые аспекты сущности языка не должны создавать иллюзии о «биологической» природе языка. Их, скорее, можно отнести к биологическим предпосылкам, обеспечивающим и возникновение, и функционирование языка человека. *Ведь сам человек — не просто «биологическое» существо, а живое* существо, в котором теснейшим образом сплетаются биологические факторы. Иными словами, человек — существо живое, разумное и общественное. Это означает, что генетическая база человека позволяет включиться в социальную сферу жизни и обрести язык как средство формирования мысли и общения.

Биопсихическая база, по мнению А.Н. Портнова, состоит из двух уровней. На первом — *анатомо-физиологическом* — закладываются генетические основы языка. Здесь происходит формирование корковых зон головного мозга. Прежде всего, вырабатываются следующие, необходимые для речевой деятельности рефлексы:

— «схватывания новизны» (умение сосредоточивать внимание, следить за раздражителями, такими, как свет, звук, прикосновение);
— слежения за предметами (безусловный характер его не вызывает сомнений: он проявляется и у слепых от рождения детей, хотя впоследствии оттормаживается);
— хватательный и переступательный, на основе которых развиваются различные моторные (двигательные) системы человека, — без них была бы невозможна речевая деятельность.

На втором — *психофизиологическом уровне* — возможности первого становятся реальными механизмами речи. Однако это не значит, что эти уровни разделены во времени: сначала один, затем второй. Об органическом взаимодействии биологического и социального в развитии психики говорит уже тот факт, что даже в первые часы жизни ребенка звуковой язык активизирует имен-

но левое полушарие с его речевыми зонами. Следовательно, доминантность левого полушария в речевой деятельности — врожденная.

Наследственной является способность выделять акустические сигналы, которые оказываются универсальными. Лишь к концу первого года жизни ребенок начинает воспринимать только те звуковые признаки, которые есть в языке окружающих. Генетически обусловленными, думается, являются и предречевые механизмы звукообразования, такие, как гуление и лепет. Именно врожденностью объясняется их наличие у глухих детей. На этапе **гуления** любой ребенок «сучит» языком так же естественно, как ножками и ручками. Он как бы тренирует свой речевой аппарат. Гуление — это практическое освоение языка как лингвальной (языковой) способности. Происходит оно, по мнению Н.И. Жинкина, по типу самонаучения. Принцип подражания здесь исключается. Ребенок в этот период не способен подражать, он скорее напоминает птицу, которая учится летать не потому, что ее обучают аэронавтике, а потому, что сама пробует крылья. Вскоре гуление сменяется **лепетом** — самоподражательным повторением одинаковых слогов — *мы-мы-мы, ма-ма-ма, ды-ды-ды, та-та-та* и т.п. Происходит это также спонтанно, самопроизвольно, без внешнего воздействия. Как птица поет песню без выучки, так и ребенок лепечет в подражание самому себе, ради собственного удовольствия, забавы. Он даже не слышит (не различает) двух звуков в слоге. Для него лепет — слоговая гимнастика и только.

Социальные факторы включаются лишь тогда, когда ребенок начинает реагировать на ласковый голос, мелодию, т.е. когда начинается общение. С этого момента наступает научение, подражание звуковой речи взрослых, произнесение слогов уже не для самого себя, а для общения с другими. Возникает обратная связь — основа коммуникации: ребенок слышит самого себя, контролирует произносимое, воздействует на других. Речевая деятельность все больше приобретает общественный характер.

С другой стороны, обнаружены биологические предпосылки раннего общения ребенка со взрослыми. Вначале — это общение на уровне эмоций. Эмоциональное состояние матери воспринимается ребенком еще в утробе. Можно сказать, что отработка навыков общения начинается задолго до речевой коммуникации. Со второго полугодия закладываются основы речевой деятельности:

формируется внутренняя речь и создается база для знакового общения.

Внутренняя речь еще не использует ни грамматики, ни лексики. Она оперирует логическими, смысловыми связями или, по определению Н.И. Жинкина, «универсальным предметным кодом» (УПК). УПК — это пространственные схемы, наглядные представления, отголоски интонации, отдельные слова. Это язык-посредник, который осуществляет перевод замысла на общедоступный язык. На его основе происходит взаимопонимание говорящих.

На последнем этапе речевого общения внутренняя речь переводится во внешнюю. Ее задача — выразить мысль словесно, сделать ее достоянием других. В этом смысле речевое общение социально. Однако и оно не лишено нейропсихологического основания. Дело в том, что мысль — явление психическое, а значит, идеальное. Но бесплотных идей вне материального носителя не существует. Такими материальными носителями выступают знаки — доречевые средства общения (жесты, мимика, звуковые сигналы, предметы), или «протоязыки», которые делают ребенка участником коммуникативного процесса[1], и языковые знаки — звуковые или графические буквы. Внешняя речь (речевое общение) использует языковые (речевые) знаки.

Знаковая функция — функция сообщения мысли — в естественном языке устанавливается первоначально самопроизвольно для осуществления коммуникативного намерения, позже, в развитом языке, — и спонтанно, и намеренно. Язык в этом процессе не «передает мысли» и не является «средством обмена мыслями», как нередко говорят и пишут, а служит средством пробуждения у слушающего идей и представлений, аналогичных мыслям говорящего. Нейропсихологический механизм этого процесса заключен в условно-рефлекторной деятельности человека, основы которой представлены в учении И.П. Павлова о второй сигнальной системе. В отличие от первой сигнальной системы[2], ее сигналы являются знаковыми, т.е. обладают социально обусловленной и осознанной сущностью. Они предназначены для осуще-

[1] См.: *Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 1982.

[2] Сигналами первой сигнальной системы служат безусловные, инстинктивные раздражители, чувственные образы.

ствления коммуникативного намерения и потому имеют условный характер.

Все это убеждает в том, что сущность языка в плане его возникновения и с точки зрения функционирования определяется тесным сплетением биологических, психологических и социальных факторов. Ими объясняются многие «живые» процессы, происходящие в современном языке. Так, академик Б.А. Серебренников биологическими особенностями человеческого организма объясняет тенденцию к экономии звуковых средств. Человеческий организм противится чрезмерной детализации[1]. Отсюда в языке ограниченное количество звуковых и грамматических средств (фонем, падежей, грамматических времен и т.п.). Действие этой тенденции обнаруживается в стремлении облегчить произношение (ассимиляция, диссимиляция, упрощение групп согласных, редукция гласных в безударных слогах и т.д. Нейрофизиологические законы лежат в основе восприятия окружающего мира. Наиболее ярким проявлением этих законов является типизация — сведение некоторого множества языковых явлений к небольшому числу типовых образов, моделей (части речи, образцы склонения и спряжения, модели словообразования и т.п.). Огромное значение в жизни языка имеют психические законы, прежде всего законы ассоциации и аналогии. Они проявляются в семантике языка, в сфере фонологии, лексикологии, фразеологии, словообразования, грамматики (и др.). И, наконец, сущность языка определяется его внутренними законами, которые обнаруживаются в различного рода изменениях (фонетических, морфологических и др.), а также в особенностях его употребления.

2.5. Основные этапы порождения речи

Порождение речи происходит в процессе речевой деятельности, направленной на вербализацию мысли. Это путь от мысли к слову (рис. 2).

Путь от мысли к слову состоит главным образом в подготовке речевого высказывания. Отечественный нейро- и психолингвист

[1] См.: *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. С. 48—49.

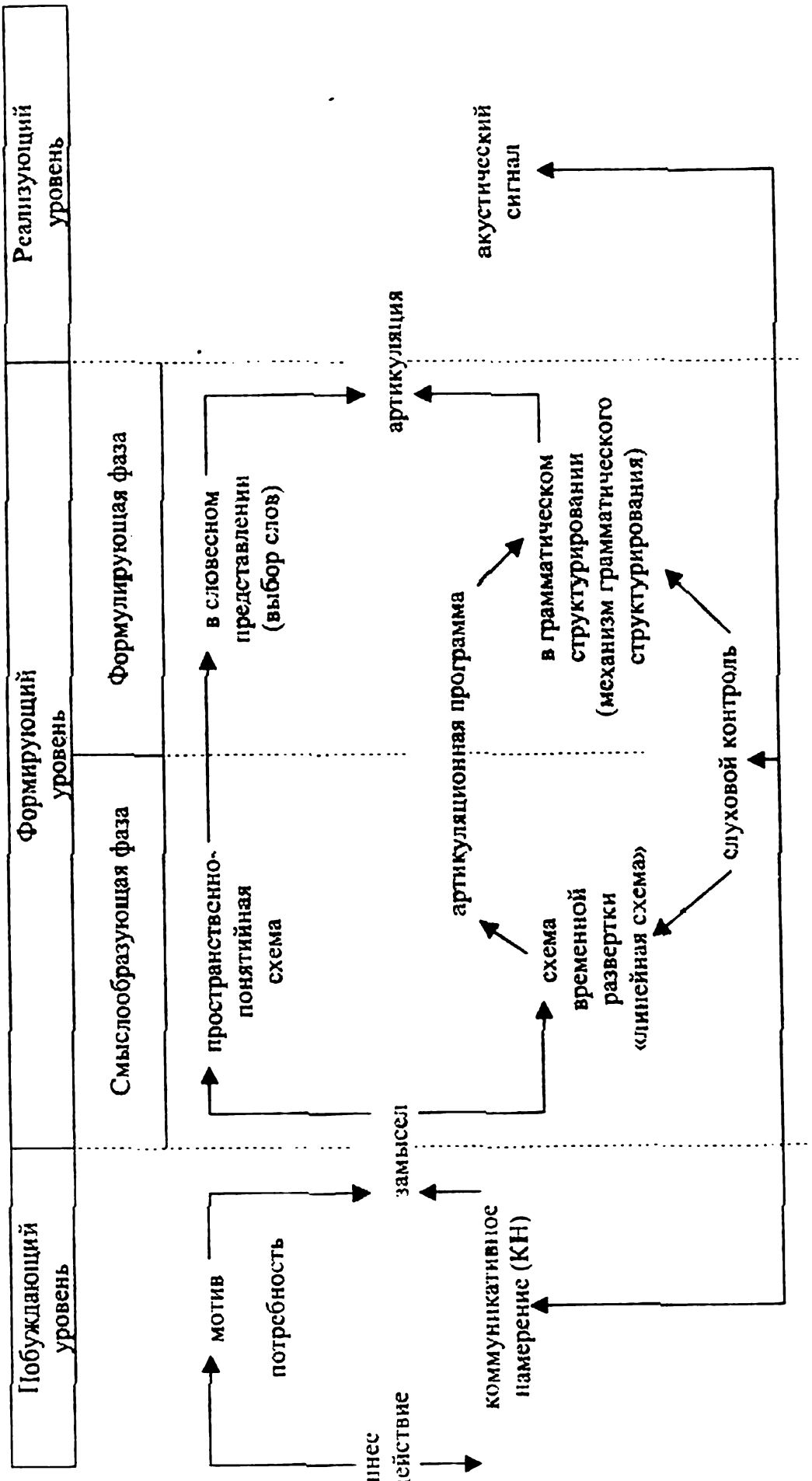


Рис. 2. Порождение речи (автор — И.А. Зимняя)

А.Р. Лурия выделяет на этом пути четыре этапа (см. схему порождения речи).

Начинается он с мотива и общего замысла (1-й этап). Затем проходит через стадию внутренней речи, которая опирается на схемы семантической записи (2-й этап). За ним следует этап (3-й) формирования глубинной синтаксической структуры. Завершается порождение речи развертыванием внешнего речевого высказывания (4-й этап).

Различают две стадии порождения речи:

а) довербальную, связанную с появлением у говорящего замысла;

б) вербальную, когда личностные смыслы обретают словесное выражение.

Названные стадии затрагивают соответственно работу правого и левого полушарий коры головного мозга в их, разумеется, тесном взаимодействии. При этом каждое из полушарий отвечает за «свой» участок речемыслительной деятельности. На «внутреннем экране» (по выражению Е.С. Кубряковой) правого полушария проносятся образы, картины, рисуется воображаемая ситуация, а на «дисплее» левого полушария возникают не столько смутные образы, сколько подписи под ними[1].

Взаимодействие правого и левого полушарий подчиняется в процессе речепорождения одной главной цели: переводу мысли в речь. Преобразование мысли в речь сопряжено с трансформированием многомерного мыслительного образа в одномерное, линейное высказывание.

Поскольку существуют разные типы мышления и среди них такие довербальные, как образное, наглядное, предметное, то логично предположить, что замысел — результат довербального мышления. На этом этапе происходит осмысление предмета речи при помощи неязыковых знаков — предметных, образных, ситуативных. Мысль как «опредмеченная потребность» становится внутренним мотивом, тем, что конкретно и непосредственно побуждает к коммуникативной деятельности. Это начальный этап речевой деятельности. Психолингвисты называют его мотивационно-побуждающим уровнем. В нем сплетаются, по

[1] См.: *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. С. 125.

данным проф. И.А. Зимней, *потребность, предмет* и *мотив*. А по словам Л.С. Выготского, «мотивирующая сфера нашего сознания... охватывает наше влечение, потребности, наши интересы и побуждения...». Это уровень объединения *мотива* (как побуждающего начала) и *коммуникативного намерения* (КН) говорящего, где обозначается конкретная цель будущего высказывания (определить, уточнить, спросить, призвать, осудить, одобрить, посоветовать, потребовать и т.п.). КН определяет роль говорящего в общении. На данном уровне — уровне «запуска» процесса речепроизводства — говорящий выделяет предмет и тему высказывания, он знает *о чем*, а не *что* говорить.

Вторая стадия порождения речи называется формирующей. Здесь происходит формирование мысли а) в логическом и б) языковом аспектах. На логическом, или смыслообразующем, подуровне формируется общий замысел, определяется смысловая схема высказывания, моделируется его «семантическая запись». На уровне формирования речепорождающего процесса А.А. Леонтьев различает а) внутреннее программирование и б) формирование «грамматики мысли»: пространственно-понятийной схемы (схемы соотношения понятий), схемы временной развертки мысли. А.А. Леонтьев выступает за строгое разграничение замысла и программы. Замысел — лишь начальная фаза внутреннего программирования. Как нерасчлененный смысл высказывания, замысел реализуется в виде предметно-изобразительного кода (внутренней речи, которая, по данным Л.С. Выготского, представляет собой «речь почти без слов»). Программа же призвана раскрыть замысел, расположив личностные смыслы в логической последовательности. Она отвечает на вопросы: «Что и как (в какой последовательности) сказать?»

Внутреннюю программу речепорождения, предостерегает Л.В. Сахарный, следует отличать а) от внутреннего проговаривания и б) от внутренней речи. Это наиболее глубинный и абстрактный уровень речевой деятельности. Многие элементы внутренней программы авербальны, т.е. не связаны с каким-либо конкретным языком. Они, скорее всего, связаны с общечеловеческими способностями к членораздельной речи, членению мира, к построению высказывания и т.д.

На основе психолингвистических данных суть внутренней программы определяется следующими свойствами: а) ее структура

носит линейный характер; б) компонентами программы выступают надсловные единицы типа *субъект, предикат, объект* (схематично: кто-то делает что-то, направленное на что-то); в) внутреннее программирование оперирует не лексическими значениями, а личностными «смыслами»; г) такое программирование представляет собой акт предикации (по А.А. Шахматову, операции сочетания двух представлений). Операция предицирования, собственно, и отличает просто слово *зима* от предложения *Зима.* Во втором случае содержится утверждение, что имеется, наличествует зима. В ряде европейских языков предикация выражается в глаголе-связке (*is* — в английском, *ist* — в немецком, в русском — в прошедшем времени: *Была зима).* На языковом подуровне мысль формулируется.

1. Включается механизм синтаксирования (грамматического структурирования) будущего высказывания. Структурируется схема предложения, в которой пока нет места для конкретных слов. Предложение на этой фазе порождения речи состоит лишь из словоформ. Н.И. Жинкин полагает, что такое линейное грамматическое структурирование (синтаксирование) открывает поле действия для лексики.

2. Смысл высказывания порождается механизмом номинации (выбора слов). Так, синтаксическая схема высказывания заполняется соответствующими словами. На месте словоформы возникает слово. Это и обеспечивает «перевод» личностных смыслов в языковые значения, понятные всем членам данного языкового коллектива.

Поскольку мозг человека — многоканальное устройство, многие речемыслительные механизмы включаются одновременно. Поэтому формирующий уровень речепроизводства, наряду с синтаксированием и номинацией, включает в работу артикуляционную программу. Ее задача — управлять произносительными движениями. Сами произносительные движения представляют собой процесс преобразования единиц формирующего уровня в акустические сигналы, т.е. во внешнюю речь. Процесс порождения речи завершается ее озвучиванием.

В конечном счете сущность языка можно всесторонне раскрыть только при рассмотрении функций его системы и структуры.

2.6. Единицы языка и единицы речи

До разграничения языка и речи считалось, что единицы, наблюдаемые в речевых произведениях, собственно и есть единицы языка. В наше время часть языковедов сознательно придерживается этой точки зрения, подчеркивая тем самым единство и неделимость объекта лингвистической науки. Те же ученые, которые придерживаются дихотомии «язык — речь», подчиняясь логике такого подхода, различают факты языка и факты речи. Такая позиция предполагает различение единиц языка и единиц речи в их взаимообусловленности, выражающейся в том, что единицы речи образуются из комбинирования единиц языка, и, как следствие этого, в единицах речи проявляются основные свойства единиц языка. В языке нет ничего такого, чего бы не было в речи, — утверждал Ф. де Соссюр. Еще В. фон Гумбольдт писал, что не единицы речи строятся из предшествующих единиц языка, а единицы языка возникают из единиц речи. И такой точке зрения в современном языкознании имеется вполне справедливое объяснение: *единицы речи*, как и речь в целом, — это не простой результат функционирования единиц языка; они всегда нечто большее, чем функционирующие единицы языка, поскольку являются ситуативно обусловленными образованиями, *источником инноваций, обновления и развития языка.*

Именно речевая деятельность делает наше общение целенаправленным, творческим и осмысленным. Иными словами, в речи, кроме порождения «правильных» (языковых) структур, происходит формирование смысла (в процессе построения речевых структур). Ср.: правильное с точки зрения законов языка словосочетание *квадратное солнце* (как единица языка оно построено по грамматической модели атрибутивного словосочетания: A+N) не является единицей речи, поскольку оно лишено смысловой сочетаемости. Таковыми могут быть только осмысленные словосочетания типа *круглое солнце, золотое солнце, горячее солнце, палящее солнце, южное солнце, ласковое солнце* и т.п. Еще более ярко специфика языковых и речевых единиц проявляется на уровне коммуникативных единиц. Вспомним пресловутые грамматически правильные, но бессмысленные предложения, искусственно созданные соответственно Л.В. Щербой и Н. Хомским: 1) *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка;* 2) *Бесцветные*

зеленые идеи спят яростно. Поскольку они грамматически правильны, сами создатели называют их предложениями (и в этом смысле они представляют известные модели синтаксических единиц языка), но назвать их единицами речи нельзя, так как единицы речи — и в этом их принципиальное отличие от единиц языка — «всегда целенаправлены и ситуативно привязаны (В.А. Звегинцев).

Названные (категориальные) признаки единиц речи не следует, однако, понимать упрощенно: речь — не просто ориентированный на ситуацию язык. Ситуативность — категориальное (общее, абстрактное) свойство речи. Ситуативная привязанность выражается по-разному, способы ее выражения безграничны. Поэтому они не подлежат исчислению, а значит, не поддаются исследованию лингвистическими методами; они подвластны, главным образом, экспериментальной методике, разработанной в психолингвистике (см. главу 7 «Психолингвистика»). Ситуативность речи (и речевых единиц, разумеется) — основа понимания в процессе общения, поскольку включает в себя а) экстралингвистические условия речевого акта, б) коммуникативные пресуппозиции, в) эмотивный фон, г) прагматический контекст. Если перевести разговор о языковых и речевых единицах на семиотический метаязык, то можно, развивая идеи В.А. Звегинцева, сказать, что единицы языка располагаются в координатах синтагматики, парадигматики, эпидигматики и семантики, а единицы речи, кроме того, находятся еще и в координатах прагматики.

Итак, проблема специализации и взаимодействия языковых и речевых единиц на уровне синтаксиса требует первоочередного решения. В.С. Юрченко предлагал ее решать в коммуникативно-когнитивном аспекте [Юрченко В.С., 2000: *121—124*]. Когнитивным основанием в его концепции служило разграничение виртуального (*предмет — всеобщий признак*) и актуального (*тема — рема*) суждений, которые непосредственно друг с другом не связаны. Между ними находятся грамматика и лексика. Иными словами, связь между двумя типами суждений опосредованна. Грамматика здесь представлена, прежде всего, синтаксисом предложения. Состав подлежащего на уровне **языка** выражает обобщенный предмет, а на уровне **речи** выступает в качестве *темы*. Состав глагольного сказуемого на уровне **языка** выражает всеобщий признак, а на уровне **речи** выступает в качестве *ремы* высказывания. В конечном счете актуальное суждение есть речевая реп-

резентация виртуального суждения. В процессе этой репрезентации каждый из компонентов речевой деятельности или специализируется на выполнении особой функции, или является ее продуктом.

Язык — результат и процесс моделирования в сознании (на оси реального времени) действительности в предметно-признаковой плоскости. **Предложение** — это построенная на оси реального времени четырехчленная (один предмет + три признака) грамматическая структура языка. Такого рода грамматическая конструкция через имя (амодальный член) и финитный глагол (модальный член) выражает двучленную структуру мысли (**S — P**). Категориями наклонения и времени глагола выражаются модальные отношения, а через категорию лица предложение включается в структуру обобщенного речевого акта *(говорящий — слушающий — предмет речи)*.

Части речи — это структурированные на линейной оси предложения категориальные значения (прилагательное — непосредственный признак, существительное — предмет, опосредствующий признак — личный глагол, опосредованный признак — наречие), которые служат основой для выражения соответствующих лексических значений. **Слово** — номинативная единица языка — единство акустического образа и семантики в трех ее ипостасях: грамматического, категориального и лексического значений. Каждое из этих значений находит свое воплощение в речи. Грамматическое значение в речи может быть представлено служебным морфом, категориальное значение материализуется в качестве субстрата лексической семантики словоформы, которая, в свою очередь, через свое сигнификативное значение выражает понятие о предмете, через денотативное значение указывает на принадлежность предмета к определенной категории (классу однородных предметов), а через референтное значение указывает на конкретный предмет мысли. Наконец, **высказывание** — это коммуникативная единица речи, включенная в структуру актуального речевого акта (*говорящий — слушающий — предмет речи*). Высказывание завершает речемыслительный круг: виртуальное суждение превращается в актуальное (темо-рематическое), а само высказывание передает конкретное сообщение.

Предложение как единица языка — грамматически, семантически и логически «правильная» структура, а как единица речи — это целенаправленное, осмысленное и ситуативно ориентирован-

ное образование. Из этого положения вытекает, в частности, важный в методологическом отношении постулат общего языкознания: менталингвистика должна изучать не двуединство «язык — мышление», как это традиционно представлено в учебниках по введению в языкознание, а взаимодействие четырех «участников» речемыследеятельности — *языка, речи, мышления и сознания.*

И, наконец, несмотря на необходимость различения языка и речи, следует помнить, что целенаправленность, осмысленность и ситуативность единиц речи обеспечиваются, главным образом, «правильностью» языка. Речь и язык едины как цель и средство, что и делает лингвистику целостной наукой, изучающей многокачественную природу естественного языка[1].

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Будагов Р.А.* Что такое общественная природа языка? // Вопр. языкознания. 1975. №3. С. 27—39.
2. *Николаева Т.М.* «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопр. языкознания, 2002. № 4.
3. *Панфилов В.З.* О некоторых аспектах социальной природы языка // Вопр. языкознания. 1982. № 6. С. 28—44.
4. *Попова З.Д.* Общее языкознание. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. С. 6—40.
5. *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983.

Дополнительная

1. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
2. *Вандриес Ж.* Язык. М., 1937.
3. *Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
4. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.
5. *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Эдиториал УРСС; 2001. С. 7—19, 271—284.
6. *Мыркин В.Я.* Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык — речь // Вопр. языкознания. 1970. № 1.
7. Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. Главы 1, 2.
8. Онтология языка как общественного явления. М.: Наука, 1983. С. 3—36.

[1] Последнее суждение следует понимать как контраргумент тем ученым, которые предлагали «узаконить» две науки — лингвистику языка и лингвистику речи.

Вопросы и задания

- Как соотносятся понятия языка и речи?
- Дайте онтологические определения языка и речи в их соотношении.
- В чем сущность прагматических свойств явлений языка и речи?
- На каких основаниях выстраивается версия о многокачественной природе языка?
- Назовите и охарактеризуйте основные этапы порождения речи.
- В каком соотношении находятся между собой единицы языка и единицы речи?

Глава 3

СИСТЕМА И СТРУКТУРА ЯЗЫКА

3.1. Системно-структурная организация языка

Язык — особый вид человеческой деятельности, имеющий двунаправленный характер. С одной стороны, он направлен на внешний, предметный мир: с помощью языка осуществляется осмысление воспринимаемой действительности, а с другой — на внутренний, духовный мир человека. Возникновение и функционирование языка было бы невозможным без тесного взаимодействия этих двух сфер — материальной и идеальной. Ведь основное назначение языка — быть средством общения, а общение, по словам Г.В. Колшанского, — это прежде всего сообщение некоторой мысли, отражающей в своей самобытной плоти реальные предметы, их отношения и процессы, как бы воссоздающие при этом материальный мир в его вторичном проявлении, в идеальном воплощении. Для осуществления такого назначения язык должен обладать необходимым устройством, средствами и механизмами функционирования. Раскрыть закономерности внутреннего устройства языка — одна из основных задач лингвистики.

Мысль о том, что язык — не простая совокупность средств общения, высказывалась еще древнеиндийскими исследователя-

ми (Яски, Панини), утверждалась в учении об аналогии древнегреческих мыслителей александрийской школы (Аристарх, Дионисий Фракиец). Уже тогда делались предположения о сложной взаимообусловленности языковых явлений. Однако глубокое и последовательное изучение внутренней организации языка началась только в XIX веке и оформилось в отдельную теорию к середине XX века в связи с утверждением в науке системного подхода. Все это происходило под воздействием стремительно развивающихся системных исследований в различных областях науки. В естествознании системный подход утверждался А.М. Бутлеровым и Д.И. Менделеевым. Наиболее яркое представление о нем дает всем известная со школы Периодическая система химических элементов Д. И. Менделеева. Познание закономерных связей между последними позволило ученому даже описать строение и свойства еще не открытых к тому времени химических элементов. Системные отношения в капиталистическом обществе рассматриваются в «Капитале» К. Маркса. В области языкознания системный метод наиболее последовательно применил Фердинанд де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» (1916), хотя представления о языке как системе зарождаются и развиваются в трудах таких его именитых предшественников и современников, как Вильгельм фон Гумбольдт и И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845—1929).

Системный подход в языкознании получил диаметрально противоположные оценки: от восторженного поклонения до отрицания. Первое породило лингвистический структурализм; второе отражало стремление сторонников традиционного языкознания отстоять приоритеты исторического метода, ввиду якобы несовместимости системного и исторического подходов[1]. Непримиримость двух подходов исходила главным образом из разного понимания понятия «система». В философии понятие «система» нередко отождествлялось с такими смежными понятиями, как «порядок», «организация», «целое», «агрегат», «совокупность». Например, у Гольбаха природа выступает и как система, и как целое, и как совокупность. Известный французский просветитель Кондильяк писал: «Всякая система есть не что иное, как расположение различных частей <...> в известном порядке, в котором они взаимно

[1] См.: *Будагов Р.А.* Система и антисистема в науке о языке // Вопр. языкознания. 1978. № 4. С. 3—17.

поддерживают друг друга и в котором последние части объединяются первыми»[1].

Происходит дальнейшее смысловое обогащение понятия: «система» понимается как саморазвивающаяся идея, как целостность, содержащая в себе множество ступеней. В свою очередь каждая «ступень» есть система. Иными словами, у Гегеля все системно, мир в целом есть система систем. Со второй половины XX века можно говорить об уже сформировавшемся системном стиле мышления. В настоящее время системы классифицируют на *материальные* (состоящие из материальных элементов) и *идеальные* (их элементы — идеальные объекты: понятия, идеи, образы), *простые* (состоящие из однородных элементов) и *сложные* (они объединяют неоднородные группировки или классы элементов), *первичные* (их элементы значимы для системы в силу своих природных свойств) и *вторичные* (их элементы используются людьми преднамеренно для передачи информации; поэтому такие системы называются семиотическим, т.е. знаковыми). Выделяют также системы *целостные* (связи между составляющими их элементами прочнее, чем связи между элементами со средой) и *суммативные* (связи между элементами такие же, как и связи элементов со средой); *естественные* и *искусственные; динамические* (развивающиеся) и *статические* (неизменчивые); *«открытые»* (взаимодействующие со средой) и *«закрытые»; самоорганизующиеся* и *неорганизованные; управляемые* и *неуправляемые* и др.

Какое же место в представленной типологии систем занимает язык? Однозначно отнести язык к одному их типов систем невозможно в силу его многокачественной природы. Прежде всего продолжает вызывать острые споры вопрос о локализации (сфере существования) языка. Ученые, называющие язык идеальной системой, исходят в своих суждениях из того, что язык как система закодирован в мозгу человека в виде идеальных образований — акустических образов и соотносимых с ними значений. Однако такого рода код является не средством общения, а языковой памятью (и в этом нельзя не согласиться с Е.Н. Миллером). Языковая память — важнейшее, но не единственное условие существования языка как средства общения. Вторым условием является материальное воплощение идеальной стороны языка в ма-

[1] *Кондильяк.* Соч. в 3-х т. М., 1982. С. 6.

териальных языковых комплексах. Идея единства материального и идеального в языке наиболее последовательно развивалась в трудах А.И. Смирницкого. С точки зрения компонентного состава, система языка объединяет неоднородные компоненты (фонемы, морфемы, слова и т.д.) и поэтому относится к разряду сложных систем. Поскольку язык предназначен для передачи информации не «природой», а в результате преднамеренной деятельности людей по закреплению и выражению семантической информации (идеальных систем-понятий, идей), то его следует рассматривать как вторичную семиотическую (знаковую) систему.

Итак, язык — это вторичная сложная материально-идеальная система.

Не менее дискуссионными следует признать и другие свойства языковой системы. Отношение к ним разделяет лингвистику на структуральную и историческую (традиционную). Представители структурального направления рассматривают систему языка как закрытую, жесткую и однозначно обусловленную, что и вызывает решительные возражения со стороны приверженцев сравнительно-исторического языкознания. Компаративисты если и признают язык системой, то только системой целостной, динамической, открытой и самоорганизующейся. Такое понимание системы языка является господствующим в отечественной лингвистике. Оно удовлетворяет и традиционные, и новые направления науки о языке.

Для полного и всестороннего осмысления языка как системы необходимо выяснить, в каких отношениях находится понятие «система» (языка) со смежными понятиями, такими, как «совокупность», «целое», «организация», «элемент» и «структура».

Прежде всего языковая система — это совокупность языковых единиц, однако совокупность не любая, а лишь определенным способом упорядоченная[1]. Понятие «система» (языка) нетождественно также и понятию «целое». Понятие «целое» отражает лишь одно из качеств языковой системы — ее завершенность, пребывание в состоянии относительной устойчивости, конечность восходящего этапа ее развития. Иногда понятие «система» (языка) отождествляется с понятием «организация». И все же имеются

[1] В связи с этим уместно напомнить, что в философии выделяют в отдельную группу неорганизованные совокупности: куча камней, случайное скопление людей на улице и т.п.

достаточные основания для их разграничения. Понятие «организация» шире понятия «система», более того, любая система в языке обладает организацией, но не всякая организация является системой. Понятие «организация» дополнительно отражает и определенный процесс упорядочения элементов языковой системы. Поэтому понятие «организация» является свойством системы, так как выражает характер упорядочения соотношения между состоянием элементов языковой системы и системой языка в целом в соответствии с законами ее существования.

Наконец,. все рассматриваемые понятия предполагают наличие минимальных, далее не делимых компонентов, из которых состоит система языка. Ср.: совокупность *чего*? целостность *чего*? организация (упорядочение) *чего*? На место вопроса вполне естественно поставить слово «компоненты» системы. Компоненты языковой системы обычно называют ее элементами или единицами языка (языковыми единицами), их употребление нередко приводит к путанице понятий, этими терминами обозначаемых.

Прежде всего важно разобраться, в каком соотношении находятся элементы и единицы языка. По мнению В.М. Солнцева, «элементы — необходимые компоненты любой системы», в силу чего сам термин «элемент» не является собственно лингвистическим. В качестве такового он использует термин «единицы языка», обозначающий элементы именно языка [Солнцев В.М., 1976: *145*]. Иными словами, эти термины по содержанию считаются равнозначными, однако различаются по употреблению (как термин общенаучный и термин собственно лингвистический). Вместе с этим, по мере развития системного познания языка и стремлением проникнуть во внутренние свойства языковых явлений, наблюдается тенденция и к содержательному разграничению понятий «элементы» и «единицы» языка как части и целого. Как составные части единиц языка (их плана выражения или плана содержания) элементы языка несамостоятельны; они выражают лишь некоторые свойства языковой системы. Единицы языка, напротив, обладают всеми существенными признаками системы языка и как целостные образования характеризуются относительной самостоятельностью (субстанциональной[1] и функциональной). Они составляют первый системообразующий фактор.

---

[1] *Субстанция* (от лат. *substantia* «сущность») — первооснова, материя; субстанциональный — «материальный».

Например, слово — это основная единица языка, обладающая двусторонней сущностью: материальной (звуковой), она называется лексемой[1], и идеальной (содержательной), она называется семантемой. Каждая из сторон состоит из элементов: лексема — из морфем, семантема — из сем. Элемент — это относительно неделимый компонент языковой системы. Различные комбинации языковых элементов образуют *единицу* языковой системы.

В определении единицы языка среди ученых существуют известные разногласия, из-за которых весьма сложно установить их качественный состав. Наиболее спорным остается вопрос о минимальной и максимальной единице языка. По достаточно распространенному определению А.И. Смирницкого, единица языка должна а) сохранять существенные общие признаки языковой системы, б) выражать значение и в) быть воспроизводимой в готовом виде.

В этом случае из списка языковых единиц исключаются звуки языка, или фонемы, поскольку они лишены самостоятельных значений. Минимальной единицей языка, в концепции А.И. Смирницкого, выступает морфема, а основой — слово. В работах американских структуралистов (Л. Блумфилд, Г. Глисон) основной единицей языка была названа *морфема* (корень, префикс, суффикс), которая «растворила» в себе даже слово. Однако эта американская лингвистическая терминология в отечественном языковедении не прижилась. В традиционном же русском языкознании вопрос о единицах языка оставался открытым из-за неопределенности в нем статуса фонемы. В.М. Солнцев считает фонему единицей языка на том основании, что она участвует в выражении смысла и сохраняет существенные общие признаки языка. Д.Г. Богушевич единицей языка предлагает считать любое явление, имеющее отношение к передаче значений и каким-либо образом отраженное в речи. В этом обобщенном определении единиц языка легко снимается вопрос о фонеме как минимальной единице языковой системы, имеющей отношение к смыслоразличению и соответствующей минимальному сегменту (отрезку) речевой цепи — звуку. За фонемой, по мере усложнения устройства и выполняемых функций, следуют морфемы, слова, фразеологизмы, словосочетания и предложения — основные, в общепринятом понимании, единицы языка.

---

[1] Так понимают лексему Н.И. Толстой, В.Г. Гак, Б.Ю. Городецкий и др.

Наконец, понятие «система» в языкознании теснейшим образом связано с понятием «структура». Многочисленные и нередко противоречивые толкования этих понятий прослежены в работе А.С. Мельничука «Понятие системы и структуры языка в свете диалектологического материализма» (ВЯ. 1970. № 1). Это избавляет нас от необходимости анализировать существующие точки зрения на проблему соотношения этих понятий. Однако укажем, что в самом общем плане все многообразие взглядов на соотношение понятий «система» и «структура» языка можно сгруппировать в следующую триаду:

1. Данные понятия не разграничиваются, поэтому для их обозначения а) либо используют один из терминов, б) либо же используют оба термина как синонимы.
2. Понятия разграничиваются, и для их обозначения используются оба термина в двух одинаковых значениях.
3. Сами термины последовательно различаются, однако то, что у одного автора называется структурой, у другого именуется системой.

Подобная терминологическая пестрота вносит путаницу в понимание сущности языка. Поэтому возникает необходимость расставить правильные акценты, без которых современные лингвистические теории немыслимы.

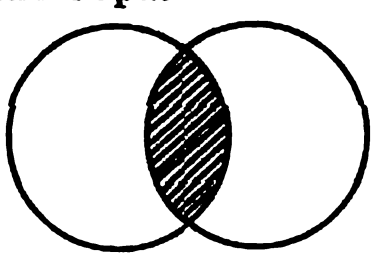
Из ранее изложенного явствует, что под системой понимается язык в целом, поскольку он характеризуется упорядоченной совокупностью языковых единиц. Структура же в буквальном смысле этого слова есть с т р о е н и е системы. Вне систем структуры не существуют. Следовательно, системность — это свойство языка, а структурность — это свойство системы языка.

Когда говорят о строении чего-либо, то выделяют в первую очередь количество элементов, из которых состоит объект, их пространственное расположение и способ, характер их связи. Что касается языка, то его строение, или структура, обусловливается количеством выделяемых в нем единиц, их расположением в языковой системе и характером связей между ними. Ранее мы определили перечень языковых единиц. При этом отмечалось, что языковые единицы неоднородны. Они различаются и количественно, и качественно, и функционально. Совокупности однородных единиц языка образуют определенные подсистемы, называемые еще ярусами, или уровнями. Причем характер связей между единица-

ми внутри подсистемы отличается от связи между самими подсистемами. Характер связей между единицами одной подсистемы зависит от природы и свойств этих языковых единиц.

Итак, чтобы уяснить специфику структуры языка, необходимо выделить единицы данной языковой системы и затем вскрыть те закономерные связи, по которым эти языковые единицы функционируют, показать взаимодействие языковой системы с окружающим миром. Связи между языковыми единицами являются динамическими, что обеспечивает системе языка гибкость в выполнении коммуникативной функции и способность к самосовершенствованию.

Таким образом, **структура** языка — *это совокупность закономерных связей и отношений между языковыми единицами, зависящих от их природы и определяющих качественное своеобразие языковой системы в целом и характер ее функционирования.* Для большинства ученых это определение является единственным. Другие, вслед за Г.П. Щедровицким, различают две модели языковой структуры: «внутреннюю» и «внешнюю». Схематически они могут быть представлены следующим образом:



«Вкладывая» первую модель во вторую, можно обсуждать вопрос о связях и отношениях между «внешней» и «внутренней» структурами языковой системы. По существу, характер связей и отношений между единицами языка обусловливает своеобразие языковой структуры. Для этого прежде всего следует выяснить содержание понятий «отношение» и «связь», нередко употребляемых как равнозначные. Вместе с тем имеются достаточные основания для их различения. В.И. Свидерский, например, приходит к выводу о том, что понятие «отношение» шире понятия «связь».

Отношение — результат сопоставления двух или более единиц языка по какому-либо их общему основанию или признаку. Отношение — это опосредованная зависимость языковых единиц, при которой изменение одной из них не ведет к изменению других.

В структуре языковой системы основополагающими являются а) иерархические отношения, которые устанавливаются

между неоднородными единицами языка (фонемами и морфемами, морфемами и лексемами), когда единица более сложной подсистемы включает в себя единицы низшие, хотя и не равна их сумме, и б) оппозитивные[1] отношения, когда единицы или их свойства, признаки противопоставляются друг другу (например, оппозиция согласных по твердости—мягкости, оппозиция «гласные—согласные» и т.п.).

Связи языковых единиц определяются как частный случай их отношений. *Связь* — это непосредственная зависимость языковых единиц, при которой изменение одной единицы вызывает изменения (или производность) других. Ярким примером связи языковых единиц могут служить выделяемые в грамматике согласование, управление и примыкание.

Закономерные связи и отношения между единицами (первый системообразующий фактор) составляют сущность структуры языковой системы. Учитывая конструктивную, системообразующую роль связей и отношений в строении системы языка, можно утверждать, что ее структура — итог движения, изменений элементов и единиц языковой системы, итог их организации, упорядочения. И в этом смысле структура выступает как закон связи этих элементов и единиц в пределах определенной системы или подсистемы языка, что предполагает наличие, наряду с динамизмом, изменчивостью, такого важного свойства структуры, как устойчивость.

Следовательно, устойчивость и изменчивость — две диалектически связанные и «противоборствующие» друг с другом тенденции языковой системы. В процессе функционирования и развития системы языка ее *структура* проявляет себя как форма выражения **устойчивости,** а *функция* — как форма выражения **изменчивости.** Действительно, для того чтобы язык оставался средством общения для нескольких поколений людей, его система должна иметь устойчивую структуру. В противном случае носители языка, живущие в XXI веке, не смогли бы воспринимать оригинальные произведения писателей XVI—XVII веков. Языковая структура поэтому в определенных пределах характеризуется постоянством, сохраняя тем самым систему в целом. Без устойчивых связей, без взаимодействия частей, т.е. без структуры, система языка как це-

[1] *Оппозиция* (от лат. *oppositio* — противоположение) — противопоставление.

лостное образование распалось бы на свои компоненты и перестала существовать. Структура языковой системы «противостоит» постоянным и неоправданно быстрым (с точки зрения коммуникации) изменениям частей (фонем, морфем, слов и т.д.), удерживает эти изменения в определенных рамках. Однако это вовсе не означает, что система языка не изменяется вообще: наличие структуры — условие накопления количественных изменений внутри системы, являющихся необходимой предпосылкой для ее качественных преобразований, развития и совершенствования. В результате этого в системе языка происходят различные трансформационные и эволюционные изменения (например, переходы в системе частей речи или образование новой системы склонения в восточнославянских языках на базе древнерусской).

Итак, структура благодаря своей устойчивости (статике) и изменчивости (динамике) выступает в языке вторым важнейшим системообразующим фактором.

Третьим фактором образования системы (подсистемы) языка выступают с в о й с т в а языковой единицы, под которыми подразумевают проявление ее природы, внутреннего содержания через отношения к другим единицам. Отношения между единицами языка и их свойства взаимосвязаны: отношение может быть выражено свойством и, наоборот, свойство — отношением. Целесообразно различать внутренние (собственные) и внешние свойства языковых единиц. Первые зависят от внутренних связей и отношений, установившихся между однородными единицами одной подсистемы (уровня) или между единицами разных подсистем (уровней). Вторые зависят от внешних связей и отношений языковых единиц (например, их отношений к действительности, к окружающему миру, к мыслям и чувствам человека). Это свойства называть что-либо, обозначать, указывать, выражать, различать, представлять, воздействовать и т.п. Свойства языковых единиц иногда рассматривают как *функции* подсистемы (уровня), образуемой ими.

Итак, основными атрибутами (наиболее существенными признаками) системы языка выступают *субстанция* (элементы и единицы языка — его первооснова), *структура* и *свойства*. Это необходимое условие образования любых систем, не только языковой. Так, при построении периодической системы химических элементов Д.И. Менделеев должен был а) исходить из некоторых

совокупностей химических элементов, известных в его время; б) установить закономерные отношения между ними и в) их свойства. Обнаруженная структура (закон связи химических элементов и их свойства) позволила ученому предсказать существование неизвестных еще науке элементов, указав на их свойства.

Что же представляет собой структура языковой системы? Ответить на поставленный вопрос — значит раскрыть сущность тех связей и отношений, благодаря которым единицы языка образуют систему. Прежде всего следует отметить, что искомые связи и отношения располагаются по двум направлениям, образующим две системообразующие оси языковой структуры: горизонтальную и вертикальную. Такое устройство языковой системы неслучайно. *Горизонтальная* ось структуры отражает свойство языковых единиц сочетаться друг с другом, выполняя тем самым основное предназначение языка — быть средством коммуникации. *Вертикальная* ось структуры отражает связь языковых единиц с нейрофизиологическим механизмом головного мозга как источником своего существования.

Вертикальная ось языковой структуры представляет собой парадигматические[1] отношения между единицами системы (подсистемы), а горизонтальная ось — отношения синтагматические[2]. Их необходимость для системы языка вызвана потребностью приводить в действие два основополагающих механизма речевой деятельности: а) номинации (наименования, называния) и б) предикации (соединения друг с другом названных независимых предметов мысли для языкового выражения[3] какого-либо события или какой-либо ситуации). Номинативный аспект речевой деятельности предполагает наличие в языке парадигматических отношений. Предикация же нуждается в синтагматических отношениях. Исторически (с точки зрения формирования и развития системы языка) синтагматика предшествует парадигматике. В наиболее общей формулировке синтагматическими называются

[1] *Парадигма* (от греч. *paradeigma* — «пример, образец») — а) любой класс языковых единиц; б) модель, схема организации такого класса.

[2] *Синтагма* (от греч. *syntagma* — букв. «вместе построенное, соединенное») — последовательное соположение двух или более языковых единиц.

[3] Языковой *формой* предикации являются структурные схемы (модели) предложения.

все виды отношений между языковыми единицами в речевой цепи, служащие передаче сообщения. Синтагматическое выражение информации осуществляется путем расположения языковых единиц в линейной последовательности и поэтому представляет собой развернутое сообщение. Синтагматические отношения, таким образом, реализуют главную — коммуникативную — функцию языка. Причем в такие отношения вступают не только слова, но и фонемы, морфемы, части сложного предложения.

Парадигматическими называются ассоциативно-смысловые отношения однородных единиц языка, в результате которых последние объединяются в классы, группы, разряды, т.е. в парадигмы. К таковым относятся различного рода варианты одной и той же единицы языка, синонимические ряды, антонимические пары, лексико-семантические группы и семантические поля. Так же как и в синтагматике, в парадигматические отношения вступают разные единицы языка.

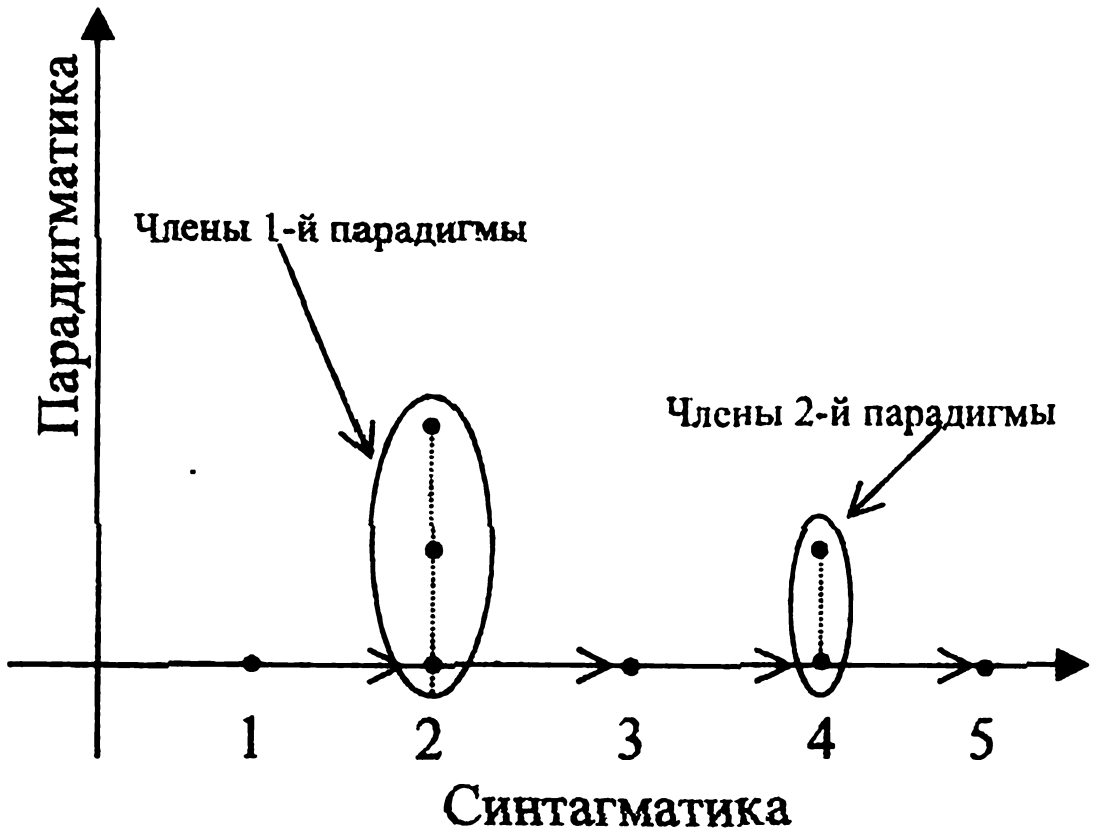
Оба типа отношений тесно взаимосвязаны. Прежде всего это выражается в том, что парадигматические отношения порождаются синтагматическими. По словам В.М. Солнцева, образование классов всех видов происходит путем постановки на одни и те же места речевой цепи разных, хотя и однородных языковых единиц. Языковые единицы, замещающие друг друга в одной и той же позиции, считаются членами этой парадигмы[1] (см. схему).

Нередко парадигматические отношения, характеризующие язык как инвентарь, средство, называют языковыми, а синтагматические отношения, отражающие функциональные свойства языковых единиц, — речевыми. Основания для такого разграничения, конечно, есть. Однако оно требует более тонкого подхода. По справедливому утверждению В.М. Солнцева, синтагматика присуща и языку, и речи.

Синтагматические отношения, выступающие как способность единицы сочетаться в линейной последовательности с другой единицей, являются свойством языка. Реализация же этой способности в процессе построения конкретного сообщения происходит в речи. В этом случае актуальные синтагматические отношения оказываются речевыми.

---

[1] См.: *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977. С. 70.



Примеры:

Наши (1) отважные (2) моряки (3) покоряют (4) Антарктиду (5).
Члены 1-й синонимической парадигмы: *отважные, бесстрашные, смелые.*
Члены 2-й синонимической парадигмы: *покоряют, осваивают.*
Члены морфологических парадигм глагола: а) парадигма времени: *покоряют, покоряли, покорят;* б) парадигма лица: *покоряю, покоряешь, покоряет, покоряем, покоряете, покоряют.*

Схема. Взаимосвязи синтагматики и парадигматики

Итак, синтагматика и парадигматика характеризуют внутреннюю структуру языка как важнейшие системообразующие факторы, предполагающие и взаимообусловливающие друг друга. В связи с этим уместно привести слова В.А. Звегинцева о том, что единицы языка не могут существовать вне парадигматических и синтагматических отношений. Они представляют собой точку пересечения синтагматики и парадигматики: «Сами эти отношения определяются друг через друга и поэтому автономно друг от друга не существуют»[1].

[1] *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. Изд. 2-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 167

И, наконец, следует отметить, что по характеру синтагматики и парадигматики языковые единицы объединяются в относительно самостоятельные крупные классы, или сверхпарадигмы. В их состав входят однородные языковые единицы одинаковой степени сложности. Каждому такому классу единиц присущи особые функции: различительная, указательная, номинативная, релятивная, моделирующая и др. Однородный состав единиц языка, входящих в один класс, одинаковая степень их сложности исключают между ними отношения деривационной иерархии (подчинения перехода от низшего к высшему). Однако между единицами одного класса вполне естественны отношения внутреннего соподчинения, включения и т.п. (см., например, на с. 90 схему «Системность лексики»).

Иерархические отношения, так же как синтагматические и парадигматические, играют в языке важную системообразующую роль. Но устанавливаются они между классами (сверхпарадигмами) однородных единиц языка. С другой стороны, между классами (сверхпарадигмами) языковых единиц не обнаруживаются синтагматические и парадигматические отношения. Такие классы, или сверхпарадигмы, образуют в системе языка своеобразные *уровни* (*ярусы*): уровень фонем, уровень морфем, уровень лексем и т.д. Иерархические отношения между ними — одно из важнейших условий выполнения системой языка главной своей — коммуникативной — функции. Такое многоуровневое устройство языка не случайно. Оно соответствует структуре мозга, «управляющего» психическими механизмами речевого общения. «Мозг, по данным Н.И. Жинкина, это сложнейшая иерархическая структура, которая реализует управление, начиная с низших уровней до наивысших...»[1].

Уровневая модель системы языка

Исходя из вышеизложенного в качестве предварительного определения можно представить уровень языковой структуры как класса, или сверхпарадигму языковых единиц, обладающих сходными признаками и одинаково относящихся к другим единицам (Д.Г. Богушевич). Языковые уровни *располагаются* по отношению друг к другу по *принципу* восходящей (или нисходящей) *сложности* единиц языка. Однако отношение сложности между единица-

[1] *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. С. 63.

ми смежных уровней не следует понимать упрощенно: рассматривать *каждый предыдущий уровень только как* более элементарную единицу следующего, более высокого уровня организации. Дело в том, что низший уровень в пределах более высокого уровня не остается прежним, неизменным как в силу новых отношений, так и в силу возрастающего усложнения своей прежней организации, специализации и развития своих дифференциальных признаков и развития особых функций. Интеграция, или включение, низшего уровня более сложной системой высших уровней происходит по принципу «снятия», введенного в научный обиход Гегелем. Сущность этого процесса — в сохранении свойств и признаков единиц низшего уровня в системе высшего уровня, но уже в более совершенной форме. Иными словами, когда говорят о возрастающей сложности высших уровней языковой системы, имеют в виду не только количественные, но и качественные параметры. Более высокий уровень не только располагает большим количеством единиц (морфем больше, чем фонем, а слов больше, чем морфем), но и обладает новыми свойствами. Причем новые свойства более высокого уровня нельзя вывести в виде «следствий» ни из свойств, присущих единицам низлежащего уровня, взятым порознь, не включенным в новую систему, ни из законов взаимодействия этих единиц. Этим, разумеется, не отрицается тот очевидный факт, что свойства более высокого уровня зависят от свойств единиц предыдущего уровня как «конституирующих элементов». И все же новые свойства более высокого уровня, его качественная специфика появляются лишь тогда, когда эти элементы (единицы) «включаются» в новые связи и отношения.

Следовательно, отношения между уровнями языковой системы не сводимы к простой иерархии — подчинения или вхождения. «По направлению от низших единиц к высшим, от низших уровней языка к высшим, — писал Э.А. Макаев, — возрастает количество конститутивных единиц уровня, увеличивается архитектоническая сложность данных единиц, возрастает сложность их парадигматических и синтагматических отношений, возрастает степень их вариативности»[1]. При таком понимании соотношения языковых уровней нередко используемое сравнение структу-

[1] *Макаев Э.А.* Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопр. языкознания. 1962. № 5. С. 49.

ры языковой системы с этажеркой или многоэтажным зданием отражает лишь поверхностное сходство сопоставляемых объектов, когда на первом этаже условно размещают самый элементарный уровень, а на последнем — наиболее сложный. При этом из виду упускается главное: качественное и функциональное своеобразие каждого уровня языковой системы. Это означает, что единицы каждого языкового уровня образуют оригинальную подсистему языка, т.е. в пределах своего уровня они организованы особым образом, пребывая в специфических отношениях (синтагматика и парадигматика фонем отличается от аналогичных параметров морфем и тем более слов). В связи с этим **систему языка** в целом вполне справедливо называют **системой систем.** Построение уровневой системы языка предполагает в качестве первого и важнейшего шага выделение единиц языка и их стратификацию, распределение по уровням.

В качестве исходного (базового) положения при выделении уровневых единиц языка целесообразно использовать принятое нами соотношение двух сфер речевой деятельности — языка и речи: единицы языка как идеальные образования находят свое материальное воплощение, осуществляют свои функции в речи. Из ставшего уже крылатым выражения Ф. де Соссюра о том, что в системе языка не может быть ничего, что не реализовалось бы в речи, следует: *единицей языка можно называть то, что, выражая значение, материализуется в речевых сегментах и их признаках.* Поэтому «в поиске» языковых единиц необходимо отталкиваться от выделения тех сегментов речевой цепи, в которых единицы языка получают свою материальную реализацию (см. схему на с. 78—79). Поскольку речевая реализация единиц языка характеризуется достаточно широким диапазоном вариативности, то к выделенным речевым сегментам применяется мыслительная ***операция отождествления.*** Суть этой операции заключается в том, что ***формально*** различающиеся речевые сегменты (единицы речи) признаются материальным воплощением одной и той же единицы языка. Основанием для такого отождествления служит общность выражаемого варьирующимися единицами речи значения или общность выполняемой ими функции.

Началом сегментации речевого потока является выделение в нем коммуникативных единиц — высказываний, или фраз. Высказывание состоит из конкретных словоформ, которые могут

находиться в одной и той же грамматической форме. Ср.: *Студент слушает лекцию* и *Художник рисует картину*. Общность их грамматических форм — основание для отождествления этих высказываний в синтаксическую модель (или схему) $S_{им.} + V + S_{вин}$ Синтаксема, синтаксическая модель, в отличие от высказывания, является единицей языка, представляющей синтаксический уровень языковой системы. Иногда этот языковой уровень разбивают на два подуровня: словосочетаний и предложений. Оба подуровня составляют предмет синтаксиса.

Следующим этапом сегментации речевого потока является членение высказываний на словоформы, в которых совмещается несколько разных (неоднородных) функций: номинативная, деривационная (словообразовательная) и релятивная (функция выражать отношения данной словоформы к другим словоформам). Следовательно, одна и та же словоформа может выражать соответственно лексическое, словообразовательное и релятивное (морфологическое) значения. Отождествление словоформ осуществляется отдельно по каждому направлению.

Класс словоформ, характеризующийся одинаковыми по значению корневыми и аффиксальными морфемами, отождествляется в основную единицу языка — слово, или лексему. Ср.: земля́ — земли́ — земле́ — зе́млю — землёй — на земле́, где все словоформы реализируют одну и ту же лексему, поскольку их лексическое

Схема. ***Соотношение единиц***

№ п/п	Единицы речи (речевые сегменты)	Основание для отождествления	Единицы языка
1	Высказывания	Общность грамматической структуры	Синтаксема, синтаксическая модель (схема)
2	Словоформы	Общность номинативной функции	Слово, или лексема
3	Словоформы	Общность словообразовательных значений	Дериватема. Словообразовательный тип
4	Словоформы	Общность релятивной функции	Граммема
5	Морфы	Общность значения	Морфема
6	Звуки речи (фоны)	Смыслоразличительная функция	Фонема

значение остается неизменным. Словарный состав того или иного языка образует лексический уровень — предмет лексикологии.

Класс словоформ, обладающий одинаковым словообразовательным значением, составляет словообразовательный тип — деривату. Ср.: *садовник*, *печник*, *речник*, *лесник*. Обычно такие словоформы рассматривает дериватология (словообразование). Однако словообразовательный уровень считается промежуточным.

Класс словоформ с тождественными формообразовательными аффиксами (*зимы́*, *ле́та*, *пе́сни*, *са́да*, *ржи́*, *со́вести* — род. падеж) отождествляется в грамматическую форму. Грамматические формы — предмет морфологии.

Следующий этап сегментации речевого потока состоит в выделении из словоформ наименьших значимых единиц. Таковыми являются единицы, носящие общее название «морфы». Морфы с тождественными лексическими (корни) или грамматическими значениями (служебные, аффиксальные) объединяются в одну единицу языка — морфему. Вся совокупность морфем данного языка образует самостоятельный структурный уровень в системе языка — морфемный. Изучает его специальная лингвистическая дисциплина — морфемика.

Наконец, завершает сегментацию речевого потока выделение в морфах минимальных речевых отрезков — звуков. Разные по своим физическим свойствам звуки, или фо́ны, могут выполнять

речи и единиц языка

Определения единиц языка	Примеры
Класс высказываний с тождественным составом грамматических форм	Художник рисует картину Ветер раскачивает деревья $S_{им.} + V + S_{вин.}$
Класс словоформ с тождественными корневыми и словообразовательными морфемами	Снег — снега — снегу — снег — снегом... Учу — учишь — учит...
Класс словоформ с одинаковым словообразовательным значением	Учитель — водитель — писатель...
Класс словоформ с тождественными формообразовательными аффиксами	Стола́ — окна́ — кварти́ры — со́ли (формы род. падежа)
Класс морфов с тождественным значением	Дух — дышать — выдохнуть — отдушина
Класс звуков речи с тождественными смыслоразличительными функциями	Лук [лук] – [люк] [л'у̀к]: Звуки [у] и [у̀] представляют фонему /у/.

одну и ту же смыслоразличительную роль. На этом основании звуки (фоны) отождествляются в одну языковую единицу — фонему. Ср. звуки (фоны) [к] и [г] в словоформах *луг* [лук] и *луга* [луга́] представляют одну фонему [г]. Фонема — минимальная единица языка. Система фонем образует фонологический уровень языка, который исследуется фонологией. К промежуточным уровням языковой системы, кроме уже названного словообразовательного, относят и фразеологический (единица языка — фразема). Иногда выделяют семантический уровень, что встречает все больше и больше возражений, так как семантика (значения) распределяется по всем языковым уровням, кроме фонологического, т.е. не воплощена в особом речевом сегменте. Обобщающее представление уровневой стратификации языка дает схема на с. 78—79.

Кроме основных уровней, как уже упоминалось, некоторые лингвисты выделяют промежуточные уровни языковой системы: морфонологический, словообразовательный и фразеологический[1]. Не решен вопрос и о количестве структурных уровней языка: во-первых, часть исследователей отдельные уровни промежуточного характера относят к основным; во-вторых, все еще ведутся дискуссии о верхнем и нижнем пределах уровневой структуры языка. Ярким примером первого могут служить споры об уровневом статусе фразеологических единиц: В.П. Жуков считает, что они образуют промежуточный уровень; П.В. Чесноков полагает, что «нет оснований рассматривать <...> фразеологию в качестве особого уровня, потому что фразеологические единицы в плане соотношения части и целого равноценны свободным словосочетаниям и предложениям, а значит, образуют специфические участки на уровнях словосочетаний и предложений»[2]. Ю.М. Златопольский, наоборот, отмечая такие свойства фразем, как воспроизводимость, устойчивость и целостность семантики, выделяет их в отдельный уровень. Иногда даже выделяют интонационный, семантический, стилистический и текстовый уровни. При этом явно нарушаются основные принципы и критерии выделения структурных уровней

[1] См., напр.: *Маслов Ю.С.* Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка // Вопр языкознания. 1968. №4.

[2] *Чесноков П.В.* О структурных уровнях языка и ступенях обобщения языковых фактов // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка. М., 1988. С. 20.

системы языка и, прежде всего, особой единицы языка, соотносимой с определенным речевым сегментом.

Что касается возможности выделения структурных уровней языка, возвышающихся над синтаксическим (уровнем предложения), то некоторые предположения об их существовании были высказаны Кеннетом Тайком в его дискуссии с Эмилем Бенвенистом. Однако выделение интонационного, семантического и стилистического уровней не выдерживают критики уже потому, что в качестве средств их выражения выступают разноуровневые единицы языка и речи. Так, семантическими свойствами обладают и морфемы, и слова, и фраземы, и словосочетания, и предложения.

Следовательно, выделение той или иной сферы (подсистемы) языка в отдельный структурный уровень допускается лишь в том случае, если а) подсистема обладает основными свойствами языковой системы в целом; б) подсистема отвечает требованию конструктивности, т.е. если единицы подсистемы служат конструированию единиц подсистемы более высокой организации и вычленяются из них; г) если свойства подсистемы качественно отличаются от свойств конструирующих ее единиц нижележащей подсистемы; д) если подсистему определяет единица языка, качественно отличающаяся от единиц смежных подсистем.

Итак, «имеет смысл выделять различные единицы — и соответственно различные... уровни — в том и только в том случае, если эти единицы отличаются друг от друга не только «протяженностью», но обладают некоторым специфическим качеством, не выводимым из суммы качеств составляющих их элементов»[1].

Своеобразием уровневой модели языковой системы является стремление представить язык как симметричную и идеально упорядоченную схему. Подобная идея сама по себе весьма привлекательна. Однако язык отнюдь не представляет собой абсолютно гармоничной, симметричной и идеально упорядоченной системы. Наряду с систематизированными гомогенными (однопорядковыми) явлениями, в нем имеются также явления маргинальные (< лат. *margo* — «край») и идиосинкретические (< греч. *idios* — «свой, своеобразный, особый»), образуемые гетерогенными (разнопорядковыми, неоднородными) элементами. В связи с этим все большую популярность приобретает полевая модель языковой системы.

---

[1] Общее языкознание. М.: Наука, 1972. С. 102

Полевая модель системы языка

Главным принципом полевого моделирования системы языка служит объединение языковых единиц по общности их содержания — семантического и функционального. Единицы одного и того же языкового поля отражают предметное, понятийное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Поэтому полевая модель представляет диалектическую связь между языковыми явлениями и внеязыковым миром. Теория языкового поля разрабатывается в трудах М.М. Пешковского, П. Роже, Ф. Дорнзайфа, Р. Халлига и В. Вартбурга, И. Трира, Г. Ипсена, В. Порцига, Ю.Н. Караулова, А. В. Бондарко и др.

Структурной спецификой полевой модели языка является выделение в поле ядра (центра) и периферии. Ядерные элементы языкового поля наиболее специализированы для выполнения функций поля, они систематически используются, функцию поля выполняют наиболее однозначно, наиболее частотны. Иными словами, ядро концентрирует в себе максимальный набор полеобразующих признаков. Периферию образуют языковые единицы с неполным набором этих признаков; более того, их интенсивность может быть существенно ослаблена. Граница между ядром и периферией нечеткая, размытая. Переход от ядра к периферии осуществляется постепенно, что позволяет выделять несколько периферийных зон поля (околоядерную, заядерную; ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию).

Концепция «центр — периферия» стремится привести в соответствие логику метода и онтологию изучаемого явления языка. Благодаря этой концепции полевая модель языка позволяет:

- выразить универсальное свойство языка, общий принцип его организации и развития;
- представить язык как образование, где диалектически сочетаются дискретность и недискретность (< лат. *discretus* «прерывистый, состоящий из отдельных частей»), общее и частное;
- объединить в единое целое «нормальное», стилистически нейтральное — ядро и аномальное, стилистически маркированное (отмеченное) — периферию.

Уже из сказанного следует, что единицы, составляющие ядро поля, характеризуются определенными и достаточно четкими признаками, а единицы периферии, наоборот, обладают менее

определенными, более индивидуальными и потому нечетко выраженными признаками поля. Периферийные единицы, как правило, являются экспрессивными образованиями. Видимо, поэтому они труднее поддаются выделению и систематизации, хотя некоторые исследователи и пытаются загнать их в привычное «прокрустово ложе». Примечательным в этой связи является суждение Эдварда Станкевича: «...следует признать, что языковой статус некоторых явлений, сигнализирующих об эмоциях, трудно установить, поскольку эти явления не поддаются систематизации того вида, к какому привыкли лингвисты, и, кроме того, нелегко установить их соотношение с другими элементами. Тем не менее я не вижу причин, почему мы должны сопротивляться признанию существования (в языке. — *Н.А.)* размытой периферии»[1]. И все же было бы неправильным думать, что периферия языкового поля полностью деструктурирована. Это означало бы невозможность выделения ядра и периферии того или иного поля.

Критерии определения ядра и периферии были разработаны чешскими лингвистами. Ими было предложено три критерия. *Первый* учитывает степень интегрированности данной единицы в сетку отношений, свойственных соответствующему полю. Этот критерий ориентирует на выявление того набора свойств и признаков, которые свойственны полю в целом, а также тех признаков, по которым единицы тяготеют к другим подсистемам (полям). При этом учитывается иерархия признаков подсистемы.

Вторым критерием является функциональная нагрузка анализируемой единицы в системе (ее различительные и сочетаемостные свойства).

Третий критерий — это частота употребления единицы в речи (тексте).

Более высокие значения по всем трем параметрам свидетельствуют о том, что элемент является центральным, более низкие — что он принадлежит к периферии. Возникновение периферийных единиц любого языкового поля получает как историческое, так и синхроническое функциональное объяснение: динамика развития языка, система языка — незамкнутое, открытое и динамическое образование.

---

[1] *Stankiewicz E.* Problems of emotive language // Approaches to semiotics. — Mouton. 1964. P. 267.

Полевая модель системы языка хорошо соотносится с современными нейролингвистическими теориями, разрабатывающими проблемы устройства и функционирования коры головного мозга человека. Установлено, что «упаковка» и «хранение» языка в мозгу человека также осуществляется по принципу поля (парадигматические группировки языковых единиц, типовые синтагматические блоки-схемы, эпидигматические гнезда и др.). Причем за каждый блок «отвечает» тот или иной специализированный речевой центр левого полушария коры головного мозга: зона Брока — за производство речи, зона Вернике — за понимание и восприятие чужой речи, перед зоной Брока — центры синтагматики (сцепления, сочетания языковых единиц), в затылочной части, за зоной Вернике — центры парадигматики (категоризации).

Дальнейшее полевое моделирование системы языка (его лексического и грамматического корпуса) окажется весьма полезным для психолингвистики, в частности, для изучения проблем формирования и организации лексикона человека.

В зависимости от принципа структурирования поля различают несколько типов языковых полей. Семантический принцип положен в основу лексико-семантических, лексико-фразеологических и лексико-грамматических полей, где языковые единицы группируются на основе общности выражаемого ими значения. Функциональный принцип предполагает объединение языковых единиц по общности выполняемых ими функций (функционально-грамматические и функционально-стилистические поля). Комбинацией двух первых признаков является функционально-семантический принцип, по которому моделируются функционально-семантические поля (бытийности, фазисности, аспектуальности, таксисности и др.).

Главное достоинство полевой модели системы языка в том, что она дает возможность представить язык как систему систем, между которыми происходит взаимодействие и взаимопредставление. В результате такого подхода язык предстает как функционирующая система, в которой происходят постоянные перестройки элементов и отношений между ними.

И, наконец, следует ответить на главный вопрос: что значит системно-структурное изучение языка, какие аспекты языка при этом познаются особенно глубоко и эффективно?

- Прежде всего системные принципы служат методологической базой для построения современных лингвистических теорий, для полевого принципа изучения иностранных языков.
- Функции языка рассматриваются не как параллельно сосуществующие, а в их системном взаимодействии.
- Сопоставляется система естественного языка с другими знаковыми системами.
- Классификация различных языков (естественного и искусственных) осуществляется на единой — системной — основе.
- Принцип системности внедряется в сравнительно-историческое исследование языка (см. работы В.К. Журавлева, С.Г. Бережана и др.).
- Изучение системообразующих фактов — в их взаимодействии; моделирование взаимодействия языковых явлений, являющегося, по сути дела, важнейшим систематизирующим фактором в языке. Поскольку «неразличение или смешение разных структурных отношений или разных уровней в языке, а также отсутствие тщательного анализа их взаимодействия неизбежно ведет к путанице в кругу разных структурно-смысловых языковых единиц»[1], то выяснение системных связей и отношений, их специфики на разных структурных уровнях языка и между уровнями — одна из важнейших задач языкознания.

Важнейшим стимулом в зарождении идей системно-структурной организации языка послужило понимание того, что язык в целом и все составляющие его явления представляют собой весьма сложные и многогранные образования, требующие всестороннего их осмысления. В основе системного изучения языка лежит, на первый взгляд, противоречивое представление о языковой структуре: с одной стороны, выдвигается требование рассматривать язык как *целостное* образование, а с другой — вычленять в нем составляющие его *элементы,* устанавливать между ними закономерные связи и отношения. Изучение языковых явлений отвечает принципу системности, одному из главных философских принципов науки. Сущность его сфокусирована в таких философ-

[1] *Виноградов В.В.* О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. М., 1969. С. 5.

ских категориях, как **система** и **структура, часть** и **целое, форма** и **содержание.**

Несмотря на обилие дефиниций понятия «система» не только в разных науках, но и в пределах одной научной сферы, все их объединяет уже достаточно устоявшееся философское определение: система — это множество элементов, находящихся между собой в закономерных связях и отношениях, образующих определенную целостность. Понятие системы, таким образом, является общенаучным. Однако, поскольку предмет изучения каждой из наук достаточно специфичен (имеются также различия в способах, целях и задачах его исследования), возникает необходимость толковать понятия системы с учетом специфики каждой дисциплины.

Исходными критериями *языковой системы* являются: а) ее целостность, б) относительная неделимость элементов системы, в) иерархическая организация и г) структурность. При этом в качестве основных используются понятия «элемент», «единица», «множество».

3.2. «Элемент», «единица» и «множество» как понятия системной лингвистики

История языкознания — это, главным образом, последовательное и поэтапное развитие представлений о членении формы и содержания языка. Под членимостью языка обычно понимают его способность выделять в своем составе все более простые элементы.

Принято различать внешнее и внутреннее членение языкового континуума. Внутреннее членение обусловливается а) соотношением однородных элементов языка в пределах того или иного уровня (в результате такого членения и объединения выделяют фонемы, морфемы, лексемы, фраземы и т.п.) или б) соотношением гетерогенных (неоднородных) элементов, принадлежащих к разным уровням (в итоге моделируется структура языковой системы в целом). Внешнее членение языка основывается на соотношении языковых элементов с внеязыковой действительностью (выделяют смыслоразличительные, номинативные, дейктические, экспрессивно-оценочные, коммуникативные и другие компоненты языка). Такое понимание членения языка, как видим, связано с соотношением формы и содержания, плана выражения и плана

содержания, означающего и означаемого языкового знака. Однако членение языка — не простое разграничение языковых знаков. Ведь звуковая цепочка живой речи представляет собой непрерывный поток, в котором различаются только те элементы, которые обладают значением. Так, в незнакомом иностранном языке невозможно выделение фонем, морфем, слов, поскольку для иноязычного сознания они лишены значений. Невозможно также членение языка без опоры на звуковые (материальные) репрезентаторы значений. Все это требует рассмотрения вопроса о том, как соотносятся между собой понятия «языковой знак» и «языковая единица».

Хотя взаимоотношение знака и единицы в языке остается вопросом дискуссионным, все же наиболее убедительной следует признать точку зрения, согласно которой понятие языковой единицы уже (специфичнее) понятия «языковой знак». Это объясняется тем, что членение языка на сегменты не совпадает с его членением на языковые знаки (на билатеральные, двусторонние, сущности). Так, различают звуковые единицы (фонему, слог, фонетическое слово, речевой такт, фонетическую фразу) и знаковые единицы (морфему, слово, словосочетание, предложение). Эти ряды соотносятся лишь частично: слог не всегда тождествен морфеме (ср.: *ко-тик* и *кот-ик, сне-жин-ка* и *снеж-ин-к-а),* речевой акт — словосочетанию, фонетическая фраза — предложению, фонетическое слово — лексеме).

Все существующие принципы членения языковых единиц условно подразделяются на структурные и функциональные. Структурный принцип предполагает нахождение все более элементарных, простых и, наконец, неделимых единиц. Таковыми в плане выражения оказывается фонема, а в плане содержания — семема, реализующиеся в речи соответственно аллофонами и аллосемами. В соответствии с функциональным принципом членения языка различают номинативные, коммуникативные и конструктивные (строевые) единицы языка, имеющие в языке разное назначение. Номинативные единицы (знаменательные слова, идиомы, составные термины и др.) обозначают отдельные объекты, действия, качества и выражают понятия и представления. Коммуникативные единицы формируют и выражают мысль, сообщение (предложения). Конструктивные единицы используются в языке в качестве «строительного материала» для образования номинативных и коммуникативных единиц (фонемы, морфемы).

Выражение «строительный материал» языковой единицы не более чем научная метафора, поскольку на самом деле единицы высших уровней не состоят из единиц нижележащего уровня: вторые вычленяются из первых. Да и в языковом сознании прежде всего фиксируются единицы высших уровней (предложение, слово) и лишь затем, в результате специального анализа, выделяются единицы низших уровней (морфемы, фонемы). Следовательно, единицы низшего уровня следует рассматривать по отношению к единицам более сложных уровней как часть целого. При этом единица более высокого уровня может внешне (формально) соотноситься с единицей низшего уровня: предложение — со словом *(Осень. Вечер. Дождь.)*, слово — с морфемой (ср.: *на встречу — навстречу)*, морфема — с фонемой (*к, в, и — к столу, в лесу, отцы и дети)*. Однако это лишь внешнее совпадение: по содержанию они — совершенно разные единицы. Однословное предложение — не слово, одноморфемное слово — не морфема, а однофонемная морфема — не фонема, поскольку соотносимые единицы выполняют различные функции: предложение — *коммуникативную*, слово — *номинативную*, морфема — *конструктивную*, а фонема *дистинктивную* (смыслоразличительную) и *перцептивную* (словораспознавательную).

Тем не менее и языковые единицы, содержащие в своем составе лишь одну единицу нижележащего уровня, и единицы многокомпонентные, состоящие из нескольких более простых единиц, представляют собой качественно иное образование и содержательно, и функционально. Они являют собой нечто более сложное, чем простая сумма единиц предшествующего уровня. Каждая языковая единица существует в сознании говорящих (в языковом сознании) в двух ипостасях: в составе единицы высшего уровня как часть целого, а в пределах своего уровня — как целое. В языковых единицах каждого последующего уровня вербализуются результаты качественно иного отражения мира.

Множество — это класс (группа) языковых единиц (явлений), обладающих некоторым общим свойством.

Объекты, составляющие то или иное множество, называются его элементами. Так, гласные или согласные фонемы любого языка образуют определенное множество — класс (группу) фонем, объединяемых в единую систему по некоторому свойству (для гласных — преобладание голоса над шумом, а для согласных — наоборот).

Итак языковая система обладает следующими признаками:

1. Главный признак языковой системы — ее целостность, под которой понимается, прежде всего, множество, т.е. единство элементов, имеющее свою определенную структуру. Из данного суждения вытекают, по крайней мере, два положения: а) абсолютно монолитного целого в языке не существует: целое в языке — это, в первую очередь, множество элементов; б) целостность этих элементов обеспечивается структурой: бесструктурное целое в сфере языковых образований — нонсенс.

2. Нечленимость элементов языковой системы относительна в том смысле, что неделимыми элементы могут быть только в пределах данной системы. За пределами же своей системы они могут члениться на более дробные элементы, способные входить уже в другие системы и подсистемы. Так, с точки зрения номинативной функции слово неделимо, поскольку его составляющие не смогут самостоятельно выполнять функцию именования. Членение же слова на морфемы образует новое множество — систему морфем, членение морфем приводит к образованию множества фонем. Итак, элементы неделимы только в данной системе. Потенциально же элементы языка членимы. Более того, благодаря такой возможности образованные множества оказываются в отношениях иерархического подчинения.

3. Иерархичность системы как раз и предполагает возможность расчленения той или иной системы на ряд других систем (подсистем). С другой стороны, это позволяет данной системе входить в качестве элемента (подсистемы) в иную, более сложную систему. Так, высказывания членятся на словоформы, словоформы — на морфы, морфы — на звуки, что служит основанием для образования множества морфологических форм (морфологической системы), множества морфем (морфемной системы), множества фонем (фонологической системы). Элементы менее сложной системы входят в состав элементов более сложной: фонемы — в состав морфем, морфемы — в состав лексем, лексемы — в состав синтаксем. Таким образом, языковая система представляет собой достаточно сложное образование, имеющее иерархическую структуру (см., напр., схему З.Д. Поповой «Системность лексики»).

4. Структура языковой системы — это способ организации ее элементов, схема закономерных связей и отношений между ними. Иными словами, существование языковой системы невозможно

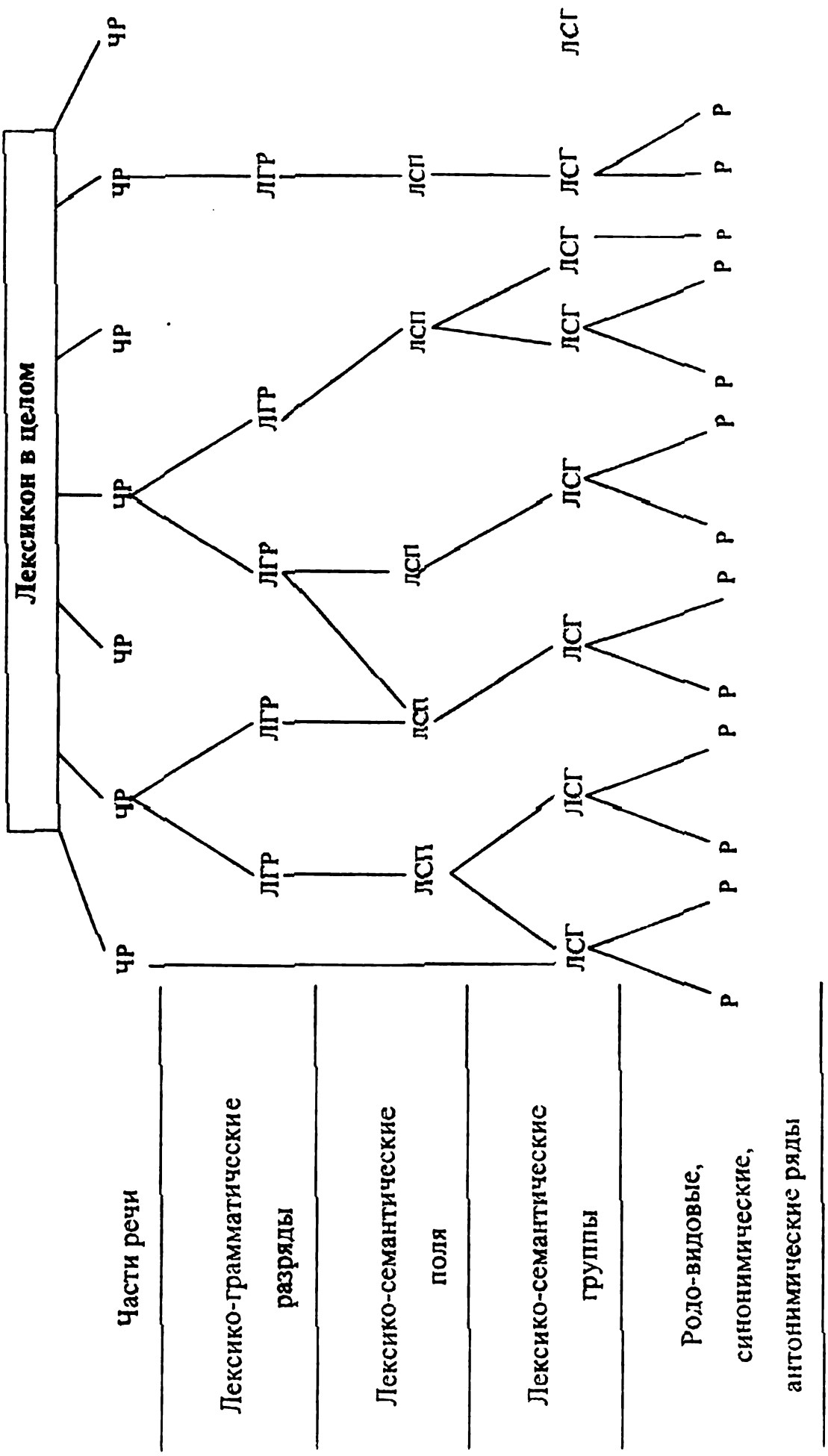


Схема. Системность лексики (З.Д. Попова)

ни без элементов (языковых единиц), ни без их структурной организации. Языковые элементы и структура языковой системы представляют собой диалектическое единство, поэтому их следует рассматривать как две стороны одного явления. В особых целях лингвистического анализа их, разумеется, можно изучать сами по себе, обособленно; однако при этом следует помнить, что в системе языка они находятся во взаимосвязи и взаимодополнении. Поэтому целостное представление о системе языка или о его конкретной подсистеме невозможно без комплексного исследования языковых элементов в их закономерных связях и отношениях.

Дело в том, что структура языковой системы имеет более сложную организацию, не сводимую к исключительно иерархическим отношениям между языковыми элементами. Ее образуют так называемые горизонтальные и вертикальные связи, имеющие в языкознании специальные терминологические обозначения — синтагматика и парадигматика.

Синтагматические и парадигматические свойства языковых единиц находятся в тесной взаимосвязи. В результате исследования системных свойств слова Д.Н. Шмелев определил следующую закономерность: **степень парадигматической закрепленности слова [...] находится в обратной зависимости от степени его синтагматической закрепленности.** Иными словами, чем определеннее место слова в лексико-семантической парадигме, тем меньше оно связано синтагматически. И наоборот. Так, слова в свободном прямом значении *(большой, погода, идти)* практически не имеют жестких синтагматических ограничений *(**большой** город, теплоход, караван* и т.д.; ***погода** теплая, холодная, дождливая, суровая, сибирская* и т.д.; ***идти** быстро, медленно, по тропинке, напевая* и т.д.). Зато такие слова обладают вполне определенными парадигматическими связями (синонимическими, антонимическими). Слова с фразеологически связанными значениями, наоборот, характеризуясь синтагматической консервативностью *(**кромешный** ад, **щекотливый** вопрос, **влачить** жалкое существование)*, т.е., реализуя данное значение только в сочетании со словами *ад, вопрос* и (жалкое) *существование,* не обладают определенными парадигматическими свойствами: трудно найти им однозначное, устойчивое и постоянное место в каких-либо парадигматических разрядах слов.

Таким образом, парадигматические и синтагматические отношения обусловливают собственную значимость каждой языко-

вой единицы, к какому бы структурному уровню она ни принадлежала (М.В. Панов, Д.Н. Шмелев, В.М. Солнцев). И все же внутриязыковые отношения языковых единиц не исчерпываются их линейными и вертикальными отношениями. Дело в том, что каждая двусторонняя единица языка является средоточием и этих связей, и связей с формально сходными единицами, с теми точками «семантического пространства», с которыми соотносится их смысловое содержание. Поэтому, кроме синтагматических и парадигматических, выделяют еще и *эпидигматические* отношения языковых единиц. Если синтагматика и парадигматика обусловливают состав семемы, то эпидигматика с элементами языкового значения не связана, она отражает те устойчивые ассоциации, которые базируются на представлениях о предмете (явлении или ситуации) знакообозначения.

Парадигматические отношения как системообразующее свойство языка играют ведущую роль в формировании и развитии языковой семантики. Во-первых, они определяют характер языкового значения единиц разных структурных уровней, во-вторых, служат организующим остовом семантической системы языка, позволяют выделять полисемию, синонимию и антонимию всех значимых единиц языка — морфем, слов, грамматических форм и синтаксических структур (моделей словосочетаний и предложений).

Эпидигматические отношения представляют собой единство содержательных и формальных связей языкового знака. Содержательные связи знака обусловливаются как внеязыковыми ассоциациями (они как раз и отражают устойчивые представления о предмете номинации), так и языковыми факторами (внеязыковые ассоциации образуют обширные тематические группы и семантические поля слов и фразеологизмов, предопределяя потенциальное смысловое преобразование прямых значений). Так, с вторичным значением слова *горячий* ассоциируются переносные употребления слов *пламя, пыл, жар, пылать, жечь, гореть* и т.д., а со значениями слова *холодный* — переносные употребления слов *стужа, лед, холод.* Предметные ассоциации проходят, таким образом, своеобразный избирательный фильтр, создаваемый языком для переносного словоупотребления и семантических транспозиций. Последние обусловливаются (задаются) тем ассоциативно-тематическим полем, к которому принадлежат соответствующие слова.

С другой стороны, эпидигматические отношения обусловливаются формальными (структурными) связями языковых знаков. Так, слово *земля* в разных своих значениях многообразно связано деривационными отношениями со словами *земляной, землистый, земной, наземный, земельный, земляк; землекоп, землемер, земледелец, землепроходец.* Ср.: парадигматика *(земля — песок — глина)* и синтагматика *(рыть землю, сыпать землю, комок земли)* представлены словообразовательными отношениями *(земля — земляной — землистый — землекоп)*, а значение обусловлено парадигматическими отношениями *(земля — вода).*

Эпидигматика, таким образом, — это комплексный системообразующий фактор, использующий синтагматические и парадигматические отношения в функции ассоциативно-деривационной мотивации.

Как системообразующие скрепы синтагматика, парадигматика и эпидигматика представляют собой разные аспекты соотношения в языке части и целого.

3.3. Соотношение в языке части и целого

Взаимоотношения частей и целого связаны с проблемой соотношения в языке элементов и тех систем (подсистем), в состав которых они входят, с проблемой упорядочения и организации языковых элементов в соответствующие системы.

В истории науки о языке известны два подхода к изучению языковых объектов. Один из них использует расчленение сложного явления на все более простые составляющие (на части) с последующим их изучением. Этот подход основан на убеждении, что, расчленив целое на части и изучив их характерные свойства и признаки, можно получить адекватное представление о сущности целого. Это применимо, пожалуй, только к простым объектам, в частности к таким подсистемам языка, как фонетика и морфемика. Например, расчленив фонему на составляющие ее признаки, можно достаточно полно охарактеризовать саму фонему (фонема /**н**'/ — согласная, сонорная, носовая, мягкая), а расчленив морфему **до-** на фонемы /**д**/ и /**о**/, получим представления о звуковой оболочке этой морфемы и ее внутренней структуре.

Однако более сложные подсистемы языка требуют иного подхода. Дело в том, что специфика сложных языковых объектов не

выводима из суммы особенностей составляющих их частей. Так, сопоставив две пары слов *учитель, укротитель* и *выключатель, опрыскиватель,* легко убеждаемся в том, что они членятся на однотипные составляющие: **глагольная основа + суффикс *-тель*.** Обратный же расчленению процесс (синтез) показывает, что эти пары слов различаются по словообразовательному значению. Ср.: 1) «лицо, выполняющее действие, категориальные признаки которого содержит производящая основа» и 2) «предмет, предназначенный для выполнения действия, названного производящей основой». Следовательно, своеобразие объектов сложных подсистем невозможно сводить только к особенностям их составляющих частей, поскольку такие объекты обладают свойствами, отсутствующими у их частей, хотя во многом зависящими от них. Еще ярче данный постулат обнаруживается при анализе единиц более сложной организации, чем слово. Известно, что, расчленив фразеологизм на составляющие его части, практически невозможно раскрыть значение целого. Так, уяснив значения слов *выносить, изба* и *сор,* невозможно без дополнительных изысканий определить значение целого — фразеологизма *выносить сор из избы* «разглашать сведения о неприятностях, происходящих между близкими людьми». Подобными смысловыми приращениями характеризуются производные слова типа *зачетка* «зачетная книжка», *вечерка* «вечерняя газета», *ишачить* «выполнять тяжелую работу». Ср.: *зачет* + *к*(а), *вечер* + *к*(а), *ишак/ч* + *и*(ть). Значение целого — деривата — не сводится к сумме значений производящих морфем.

Итак, взаимоотношение части и целого имеет в языке достаточно сложный характер. С одной стороны, любое целостное образование в языке членимо на составляющие (части), а любое составляющее — это часть целого. Одно немыслимо без другого. Поэтому понять целое, не осмыслив его составляющие, невозможно в принципе (хотя знание частей и не служит окончательным условием познания целого), как нельзя раскрыть сущность компонентов, не понимая целого, в состав которого они входят. С другой стороны, целое может обладать свойствами, которые отсутствуют у его составляющих.

Для более глубокого осмысления этой диалектической связи требуется последовательное различение *части* целого и его *элемента* (*компонента*). Главный критерием дифференциации здесь служит характер их взаимосвязи с целым языковым образовани-

ем. Часть — это собственно составляющая целого, тогда как элемент соотносится с целым опосредованно. Языковой элемент лишь потенциально может стать частью целого; часть целого формируется из соответствующих исходных элементов, которые, устанавливая между собой избирательные связи и отношения, и образуют части целого. Часть, следовательно, — это не исходный элемент, поскольку обладает в отличие от него новыми свойствами и приобретенными в составе целого особыми функциями. Часть обусловливается целым, является результатом внутреннего развития. Так, исходными элементами слова *сад* служат фонемы /с/, /а/ и /д/, установившиеся между ними дистрибутивные связи превращают их в часть (морфему) целого (слова) — *сад*. Сочетание этих фонем в слове (*сад*-) выступает в качестве корневой морфемы (частью целого), поскольку под «давлением» целого приобретает новые свойства (номинативность, значение, связь с однокорневыми словами: *садик, садовый, садовник, садовод* и др.), которыми сочетание [*с-а-д*] на фонологическом уровне не обладало. Новые свойства (уже морфемы *сад*-) порождаются воздействием целого (слова) на части. Средствами такого воздействия выступают парадигматические, синтагматические и эпидигматические связи слова. Целое (в нашем случае слово) включает части, взаимодействует с ними, но не разрушает и не растворяет их. Так, в составе слова морфемы остаются частями лексемы, а слово в составе словосочетаний и предложений рассматривается как часть синтаксемы: *зимний сад, один раз в год сады цветут, отдых в саду*. В отличие от фонем, морфемы — носители свойств целого (слова). Тем самым в языке обеспечивается постоянное взаимодействие общего и отдельного.

Взаимоотношения частей при возникновении целого (объекта более сложного структурного уровня) сопровождаются несколькими процессами: а) образованием взаимодействующих связей между частями целого, поскольку целое образуют не любые элементы, а лишь те, которые располагают определенными возможностями, условиями и качественными характеристиками, обеспечивающими такое взаимодействие; б) утратой частями некоторых своих свойств, не востребованных их вхождением в состав целого; в) формированием у целого новых качеств, обусловленных природой составляющих их частей и возникновением между ними новых связей и отношений.

Соотношение части и целого, отдельного и общего лежит в основе понимания закономерностей языковых изменений. Часть в составе целого обнаруживает, разумеется, не все качества, а лишь те, которые участвуют в формировании целого. Другие качества и свойства частей следует рассматривать как их невостребованный потенциал, который может при соответствующих условиях стать актуальным. В зависимости от соотношения тех свойств, которые принимают активную роль в формировании целого, и тех, которые в образовании данного объекта участия не принимают, в языковых изменениях различаются процессы интеграции и дифференциации.

Общие для всех элементов свойства — основа интеграционных процессов в языке, а их различительные свойства приводят к расщеплению целого, обусловливая процессы дифференциации. «Противоборство» процессов интеграции и дифференциации в структуре целого — главный стимул развития языковых инноваций. Интеграционные и дифференциальные процессы связаны с парадигматическими и синтагматическими объединениями элементов в целое.

На парадигматическом уровне процессы дифференциации опираются на разные (различительные) качественные признаки языковых элементов, а на синтагматическом — на общие (одинаковые). И наоборот, базой интеграционных процессов на парадигматической оси служат одинаковые характеристики элементов, а на синтагматической — разные. В центре парадигматической структуры языкового сознания оказывается тождество языковых единиц, в синтагматике же внимание фокусируется на их специфических свойствах и признаках.

В известной концепции М.В. Панова (см. его кн.: «Русская фонетика») парадигматика и синтагматика языковых единиц представлена схематически:

не-**X**	**X**	*не*-**X**
не-$\mathbf{X}_1$	$\mathbf{X}_1$	*не*-$\mathbf{X}_1$
не-$\mathbf{X}_2$	$\mathbf{X}_2$	*не*-$\mathbf{X}_2$

По вертикали действуют силы притяжения, образуя парадигмы, а по горизонтали — силы отталкивания, лежащие в основе синтагматических отношений. Если под **X** подразумевать разные единицы языка, то можно получить следующие соотношения.

X	Синтагма	Парадигма
Фонема	Морфема, состоящая из фонемосочетаний	Ряд фонем, чередующихся в одной и той же позиции
Морфема	Лексема, состоящая из морфем	Морфы в разных окружениях
Лексема	Словосочетание (предложение)	Грамматические формы

Синтагматические связи приводят к образованию (по определенным структурным моделям) более сложных языковых единиц. На парадигматическом уровне устанавливается тождество единиц на основе их а) регулярной повторяемости в разных окружениях и б) общности выполняемых функций. В результате образуются множества, классы, группы, разряды, системы (фонем, морфем, лексем и т.д.).

Категории части и целого в языке теснейшим образом связаны с понятием языкового уровня, способного «выявить во всей сложности форм своеобразие построения части и целого» (Э. Бенвенист). Действительно, понятие языкового уровня отражает представление о языке как иерархически организованной целостной системе, состоящей из нескольких подсистем (частей). В языковой уровень объединяются однородные единицы языка. Единица каждого структурного уровня, как может показаться на первый взгляд, состоит из элементов, одновременно являющихся единицами предшествующего (более простого) уровня. Однако такое понимание устройства языковой системы не отражает всей сложности взаимоотношений ее частей и целого. Единица каждого последующего уровня на самом деле оказывается не просто более длинной или более сложной, так как не сводится к примитивной сумме единиц предшествующего уровня ни в плане выражения, ни в плане содержания.

Тождества между частью и целым нет и в том случае, когда они совпадают формально (ср. слово ***снег*** и корневую морфему ***снег-***, где слово ***снег***, кроме корневой морфемы, имеет еще и нулевое окончание, специфические парадигматические связи, функции и т.п.). Слово нельзя разложить на такие элементарные единицы, каждая из которых выполняла бы номинативную функцию, присущую слову в целом. Вместе с тем его можно разложить

на более простые элементы, которые будут иметь свои функции, необходимые для их интеграции в слово — единицу более сложного уровня. В целом взаимоотношения частей и целого в системе языка имеет диалектическую природу. С одной стороны, существуют единые принципы организации языковой системы как сложного целостного образования, а с другой, каждый структурный уровень языка организован по собственным законам.

Слово как центральная единица языковой системы и как сложно организованное целое к морфеме относится совсем не так, как к фонеме; слово тоже структурируется морфемами не так, как предложение конструируется словами. Каждый структурный уровень языка располагает своими механизмами и правилами комбинаторики единиц нижележащего уровня. И все же связь между частями и целым, между единицами высших и низших уровней существует, хотя она и не выражается простым суммированием. Если бы не было такой связи, нельзя было бы говорить и об уже известных в науке связях между фонетикой и морфемикой, морфемикой и морфологией, морфологией и синтаксисом и в конечном счете само понятие структуры языка перешло бы в разряд виртуальных.

Выявление и описание глубинных связей между частями и целым — основа современной системной лингвистики, в ряду первоочередных задач которой стоят: а) проблема языковой единицы, б) осмысление взаимоотношений языковых единиц на синтагматической и парадигматической оси, в) раскрытие их системных связей, вариативности деривационного потенциала и мн. др.

3.4. Форма и содержание в языке

Категории «форма» и «содержание» в языкознании неоднозначны. **Форма в языке** это:

- 1) внешняя, воспринимаемая органами чувств (органами слуха и зрения), наблюдаемая сторона языка (звуковая или графическая оболочка языкового знака, или его план выражения, противопоставляемый его плану содержания — невидимой, идеальной стороне знака;
- 2) способ языкового членения экстралингвистической действительности на уровне выражения предмета мысли и на уров-

не содержания мысли; поскольку «материал» (звуки, произносимые речевым аппаратом человека) репрезентации мысли относительно (в целом) един для всех языков, то присущая конкретному языку форма упорядочивает средства выражения мысли, превращая материал выражения в субстанцию выражения; упорядочивая результаты осмысления действительности, языковая форма превращает их в субстанцию содержания. Форма выражения и форма содержания в таком понимании представляют специфические для того или иного языка структуры;

- 3) видоизменение, разновидность языкового знака: на лексическом уровне — форма слова, или грамматическая форма слова (по отношению к конкретному слову наряду с термином **форма слова** употребляется термин **словоформа**, по отношению к ряду однородных словоформ — термин **грамматическая форма** (ГФ). Например, падежная ГФ имени [ГФ родительного падежа единственного числа имен существительных *(мира, стены, неба)* или имен прилагательных (*нового, большого, родной, синей*)], видовая ГФ глагола (*нести — принести*) и т.п. Таким образом, форма в языке — это и наблюдаемая, и представляемая, и модифицируемая ипостась языковых явлений, обладающих содержанием.

Содержание в языке, как и одноименная философская категория, — понятие высшего порядка. Его примат над формой обусловливается тем, что форма подчинена содержанию, которое требует своей реализации, своего воплощения в той или иной форме. В практике лингвистического анализа содержание языковой единицы нередко отождествляется с ее значением. Для теоретической же лингвистики вопрос соотношения понятий «содержание» и «значение» остается проблемным.

Из множества существующих толкований этих понятий наиболее убедительным представляется точка зрения, согласно которой **содержание** рассматривается как родовое понятие, а **значение** — как видовое. Значение языкового знака — лишь одна из сторон его содержания. Другой стороной содержания являются звуковые или графические экспоненты знака. Иными словами, **содержание** — это единство всех основных элементов целого, его свойств и связей, существующее и выражаемое в форме и неотделимое от нее. Содержание охватывает, таким образом, и означае-

мое, и означающее знака, а значение соотносится только с его означаемым. ***Значение знака*** — это вербализованное отражение предмета знакообозначения в понятиях и представлениях. Разные типы языковых значений (лексическое, грамматическое, словообразовательное) могут быть присущи одному и тому же знаку. Например, слово *писатель* обладает и лексическим ('человек, занимающийся литературным трудом'), и грамматическим (значения муж. рода, ед. числа, им. падежа), и словообразовательным ('тот, кто производит действие, названное производящей основой'; ср.: *водитель, учитель, получатель, отправитель*). Все эти значения входят в содержание слова *писатель*.

Содержание единиц разных структурных уровней языка имеет как общие, так и специфические признаки. Общее обусловливается наличием в нем одного и того же набора значений: денотативного (предметного), сигнификативного (смыслового), коннотативного (экспрессивно-оценочного), лексического, грамматического и т.д. Этот набор значений присущ и содержанию слова, и содержанию фразеологизма, и содержанию словосочетания, и содержанию предложения. Специфика же содержания каждой из рассматриваемых единиц зависит 1) от значимости того или иного значения в составе содержания знака, 2) от его «активности» (эксплицитности/имплицитности, актуальности/неактуальности, нахождения в ядре или на периферии содержания), 3) от характера комбинаторики этих значений в составе единицы соответствующего структурного уровня языка. Так, для содержания общеупотребительного слова доминирующим является денотативное значение, для термина — сигнификативное, для фразеологизма — коннотативное, для словосочетания и предложения — релятивное грамматическое значение. Во взаимодействии с другими значениями содержанию единиц каждого уровня языка присущи те свойства, которые необходимы им для обеспечения успешной речемыслительной деятельности [подробнее см.: Алефиренко Н.Ф., 1999].

Из высказанных выше суждений следует извлечь, по крайней мере, три положения:

1. Рассматривая форму и содержание в языке вообще, необходимо помнить, что на каждом отдельном уровне соотношение этих понятий может существенно видоизменяться.
2. Распространенное в традиционном языкознании понимание формы как исключительно звуковой или графической обо-

лочки языкового знака, а содержания только как значения (без учета составного характера содержания) оказывается уже явно недостаточным.

3. Определения типа «содержанием языка является все то, что, отразившись в сознании и чувствах человека, облекается в слова», а «формой языка — его грамматический строй, совокупность фамматических категорий» [Галкина-Федорук Е.М., 1957: 75] требуют в современном языкознании некоторого переосмысления и уточнения.

И начать нужно с главного постулата: в языке форма и содержание представляют собой два гармонично взаимосвязанных аспекта единого целого (языка вообще или отдельных языковых явлений). Поэтому глубина проникновения в природу и сущность языка во многом зависит от того, насколько последовательно учитывается их единство. Характер, своеобразие содержания того или иного языкового явления обусловливает соответствующую форму его проявления. Отсюда вытекает важнейший *стратегический принцип лингвистического познания: обнаружив и описав формальную структуру языкового явления, выявить, каким способом и при помощи каких средств она выражает его содержание.* Однако гармония формы и содержания в языке не означает их симметричного соотношения. Полная гармония и симметрия превратила бы язык в консервативную, закрытую систему, лишив ее гибкости и пластичности, благодаря которым язык выполняет свое главное предназначение: служит важнейшим средством общения людей, средством формирования и выражения их мыслей и чувств. Наличие асимметрии между формой и содержанием — главное условие развития и совершенствования языковой системы. Их асимметризм предопределен изначально: форма стремится к стабильности и относительной статике, а содержание — к непрерывному изменению, развитию, совершенствованию. Следует (при всей справедливости этого положения) все же заметить, что свойство формы языкового явления быть стабильной необходимо рассматривать лишь как тенденцию, поскольку и она под воздействием изменяемости содержания также подвергается некоторым модификациям. Изменения языковой формы, разумеется, менее заметны. Для видимых изменений необходимы такие количественные изменения содержания, которые бы привели к новому качественному статусу языкового явления. Форма и содержание в языке, таким

образом, связаны диалектическим законом перехода количественных изменений в качественные.

Понятия формы и содержания в языке настолько привычны и употребительны, что к ним нередко относятся как само собой разумеющимся, не утруждая себя проникновением в их сущность. Между тем эти понятия имеют достаточно сложную архитектонику, на что обратили в свое время внимание А. Шлейхер, В. Гумбольдт, А.А. Потебня и другие корифеи языкознания. Форма в языке — это не только и не столько его внешнее проявление, сколько (прежде всего!) скрытые для непосредственного восприятия органами чувств свойства языковых явлений, которые обнаруживаются все же в соответствующих условиях и ситуациях речевого общения. Следовательно, чем в большем количестве виртуальных речевых ситуаций будет испытано исследуемое явление языка, тем больше обнаружится его формально выражаемых свойств, тем глубже откроется невидимая часть айсберга — его идеальная структура, или содержание. При этом следует помнить, что внешние очертания того или иного языкового явления — это далеко не вся его форма, а лишь ее незначительная часть (воспринимаемые контуры написанного или слышимое звучание произнесенного). В полном объеме языковая форма имплицитно содержится в языковом явлении и эксплицируется только в специфическом (диагностируемом) речевом употреблении.

Пожалуй, еще более скрытым от внешнего восприятия является содержание языковой формы, поскольку оно неисчерпаемо по своей природе, как неисчерпаемо само познание человеком своего внутреннего и окружающего мира. Меняется представление о мире, а вместе с ним и содержание языка, ищущего все новые формы своего воплощения. И в этом смысле поставить когда-либо точку в исследовании языка невозможно. Меняющееся соотношение формы и содержания языка в целом и отдельных его элементов в частности превращает язык в неисчерпаемый предмет научного познания.

Недостаточно серьезное внимание к диалектической сущности взаимодействия формы и содержания языковых явлений приводит к нежелательным перекосам в лингвистических учениях: абсолютизация языковой формы без должной опоры на языковое содержание обусловила становление традиционных разделов языкознания: фонетики, орфографии, графики, орфоэпии, акцен-

тологии, в меньшей мере — морфологии, синтаксиса. Крайним проявлением формализма в истории лингвистических учений справедливо считается лингвистический структурализм, сосредоточившийся исключительно на изучении структуры языка.

Исследование языкового содержания без регулярной опоры на средства его выражения сформировало семасиологию, идеографию, отчасти лексикологию и фразеологию. Само по себе появление этих и других лингвистических дисциплин позволило вести специализированное и углубленное исследование отдельных языковых подсистем и в этом отношении обеспечило языкознанию стремительное развитие. Однако в современном языковедении набирает силу комплексный подход к изучению языка в единстве его формы и содержания: познание языковой формы через ею выражаемое содержание, проникновение в содержательные глубины языка через соответствующие языковые формы. Свидетельством тому являются относительно новые лингвистические дисциплины — семантический синтаксис, функциональная и структурная лексикология, стилистическая семантика и т.п.

Итак, диалектическая взаимосвязь формы и содержания в языке образует достаточно противоречивое единство:

а) стабильность формы — изменчивость содержания;

б) тенденция формы выразить как можно больше содержания (стремление к многозначности), а содержания — выразиться в как можно большем количестве языковых форм (стремление к синонимии); тем самым приводится в действие закон об асимметричном дуализме языкового знака;

в) социальный характер языковой формы (ее обязательность для всех членов данного этноязыкового сообщества) и индивидуальность выражения говорящим отдельных аспектов языкового содержания (интенциональность, прагматичность передачи информации);

г) устремление языкового содержания развивается в направлении от наглядно-чувственного отражения предмета мысли к абстрактному, тогда как языковая форма стремится к конкретности;

д) форма характеризуется количественными показателями, а содержание непосредственно таковыми не обладает (параметризация языкового содержания возможна только через соответствующие языковые формы).

Кроме того, что названные противоречия важны для понимания сущности языка в синхронии, они являются основой осмысления эволюционных процессов, поскольку служат внутренним стимулом развития языка в целом и отдельных его элементов в частности: способы взаимодействия формы и содержания обусловливают специфику языковых уровней (языковых подсистем — морфемики, морфологии, лексики, синтаксиса, фраземики каждого конкретного языка).

Вторым следствием, вытекающим из динамического соотношения формы и содержания языковых явлений, может быть положение методологического плана: скрытые глубинные свойства языкового содержания и формы «всплывают на поверхность» (а это значит, что они могут быть зафиксированы и описаны) при условии, если соответствующее языковое явление используется в «сильной» речевой ситуации, т.е. в такой ситуации, когда эти скрытые элементы актуализируются, оказываются востребованными. Это следует учитывать как в научно-теоретическом изучении языка (в частности, при разработке методов лингвистических исследований), так и в лингводидактике.

Категория содержания предполагает рассмотрение языкового явления в целостности, в совокупности всех его элементов, свойств, признаков, внутренних процессов, связей и противоречий. Поскольку содержание связано с познанием действительности, главным его признаком является тенденция к изменчивости.

Форма в языке — это способ существования языкового содержания, способ его выражения, развития и внутренней организации. Способность формы упорядочивать внутренние связи и отношения между элементами языкового содержания делает форму языкового явления соотносимой с его структурой. Основным признаком языковой формы выступает ее устойчивость (стабильность).

Между языковой формой и содержанием языкового явления обнаруживаются следующие взаимосвязи:

1. Единство содержания языкового явления и формы его выражения состоит в том, что в языке содержание всегда облечено в обусловленную этим содержанием форму. Языковая форма не существует без содержания, как и содержание языкового явления непременно обретает свою форму. В этой связи не стоит забывать крылатую фразу: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания».

2. Взаимопереходный характер содержания и формы обусловливается системными связями языкового явления: то, что в одной системе является содержанием, в другой может выступать в качестве элемента формы. Напомним в этой связи высказывание Г. Гегеля: «Содержание есть не что иное, как переход формы в содержание, и форма есть не что иное, как переход содержания в форму. Этот переход представляет собою одно из важнейших определений» [Гегель Г., 1974. т. 1: *298*].
3. Относительная самостоятельность формы и содержания связана с открытым, развивающимся характером языковой системы. В процессе своего развития содержание и форма языковых явлений вступают в некоторое противоречие. Содержание развивается более быстрыми темпами, чем форма. Более того, изменение формы языковых явлений не синхронизируется с изменением их содержания: в своем развитии форма отстает от содержания. Форма реагирует не на все изменения, происходящие в содержании языковых явлений, а лишь на те, которые вышли за предельный уровень количественного накопления, что, собственно, и стимулирует качественное преобразование языкового явления.
4. Постулат о единстве формы и содержания в языке сопровождается понятием «развитая форма» как обязательным условием существования отдельного языкового явления или языка в целом. Данное положение связано с тем, что в языке различаются конкретные формы единичных языковых явлений (например, грамматическая форма существительного *весна,* глагола *учить,* местоимения *он* и т.д.) и формы целого ряда близких, аналогичных, повторяющихся языковых явлений, которые приобретают статус лингвистического закона (форма им., род., дат. и других падежей, форма совершенного и несовершенного вида глагола и т.д.).
5. Иногда различают внутреннюю и внешнюю форму языкового явления. Такое разграничение не является бесспорным. Для его сторонников главным аргументом служит наличие в языковом явлении внутренних и внешних связей. Закономерные связи, устанавливающиеся между элементами языкового явления или языковой единицы, образуют их внутреннюю форму, а связи данного явления (единицы) с другими явлениями (единицами) в рамках соответствующей подсистемы структуриру-

ют его (ее) внешнюю форму. Для других же ученых такое разграничение лишено смысла, поскольку языковая форма, по их убеждению, всегда отражает закономерные связи и отношения элементов внутри целого (морфемы, лексемы, фраземы, граммемы). То, что именуется внешней формой, для них является не чем иным, как внутренней формой того целого, в состав которого входит данный элемент. Иными словами, формой морфемы служат связи и отношения составляющих ее фонем; ее же собственные связи образуют форму лексемы, элементом которой является данная морфема.

Итак, системность языка в целом и отдельных его составляющих (частей) характеризуется следующими признаками и свойствами:

- определенным множеством функционально значимых элементов, являющимся **субстанцией** языковой системы;
- закономерными и упорядоченными связями и отношениями между элементами, их функциональным взаимодействием и координацией, образующими в своей целостности **структуру** языковой системы;
- взаимообусловленностью свойств целого и свойств его отдельных частей, целостным назначением элементов в системе языка, их **функциональным единством.**

Системность, следовательно, обусловливается объективными свойствами языковых элементов (единиц), отражающими их закономерные связи и отношения.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Горнунг Б.В.* О характере языковой структуры // Вопр. языкознания. 1959. № 1. С. 43—49.
2. *Плотников Б.А.* О форме и содержании в языке. Минск: Вышэйшая школа, 1989.
3. *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977.

Дополнительная

1. *Будагов Р.А.* Система и антисистема в науке о языке // Вопр. языкознания. 1978. №4. С. 3—17.
2. *Галкина-Федорук Е.М.* О форме и содержании в языке // Мышление и язык. М., 1957.

3. *Гегель В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.:Мысль, 1974.
4. *Дегтярев В.И.* Вопросы общей грамматики. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ин-та иностр. языков. 2002. С. 3—34.
5. *Макаев Э.А.* Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопр. языкознания. 1962. № 5.
6. *Мельничук А.С.* Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Вопр. языкознания. 1970. № 1.
7. *Общее языкознание:* Внутренняя структура языка. М., 1972. Главы 1 и 2.

Вопросы и задания

- На чем основывается концепция системной организации языка? Как соотносятся в языке понятия «система» и «структура»?
- Все ли в языке системно? Приведите примеры проявлений асистемности языка (используйте рекомендуемую работу Р.А. Будагова).
- Какую роль в системно-структурной организации языка играют понятия «элемент», «единица» и «множество»?
- Как взаимосвязаны в языке категории *части* и *целого?*
- Какова специфика взаимоотношения в языке *формы* и *содержания?*
- Какими признаками и свойствами языковых элементов (единиц) обусловливается системность языка?

Глава 4

ЛИНГВОСЕМИОТИКА

4.1. Природа и сущность языкового знака

Поскольку языковой знак не похож на то, что им обозначается, он может обозначать не только какой-либо конкретный предмет, но и целый класс предметов, обобщенные образы. Например, словесный знак *картина* может обозначать определенную картину, картину вообще, полотно художника, еще шире — произведение искусства (живопись, рисунок, графику, чеканку и т.д.) и то, что можно видеть, обозревать или представить себе в конкретных образах. Ср. у М.Ю. Лермонтова:

Везде передо мной подвижные **картины:**
Здесь вижу двух озер лазурные равнины

Способность создавать и использовать знаки есть то, что, как заметил Л.С. Выготский, отличает человека от животного.

Как же устроен языковой знак? Какова его природа?

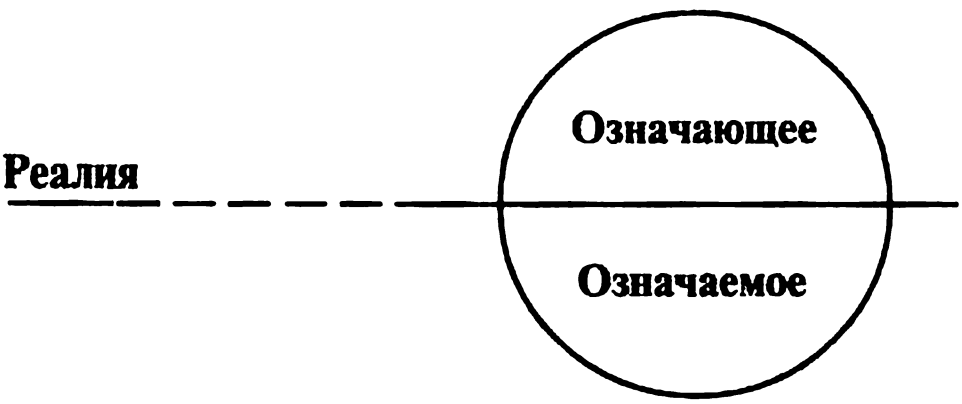
Существует поверхностная точка зрения широкой публики, которая видит в языке лишь номенклатуру, наподобие торговых бирок для товаров. Такой подход уничтожает саму возможность исследования истинной природы языка. Известна также точка зрения психолога, который механизм языка изучает на материале речи отдельного индивида. Это самый легкий способ изучения, но он не ведет далее индивидуального употребления и не затрагивает социальной природы знака.

По Ф. де Соссюру, языковой знак есть двусторонняя психическая сущность, которую он представляет следующим образом:

Оба элемента — понятие и акустический образ — теснейшим образом связаны друг с другом и притягивают друг друга. Понимание знака как комбинации этих двух элементов отлично от ходячего употребления термина «знак», который связывается обычно только со звуковой оболочкой слова. При этом упускают из вида понятие. Между тем чувственная сторона подразумевает целое, имеющее две стороны.

Чтобы исключить двусмысленность в понимании знака, Соссюр предлагает все три понятия назвать своими именами, связанными друг с другом и противопоставленными одновременно. Термин «знак» сохраняется для целого, а термины «понятие» и «акустический образ» заменяются соответственно терминами «означаемое» и «означающее». Преимущество этих терминов в том, что они отмечают противопоставление, существующее между ними, а также между целым и ими как частями этого целого. Ис-

пользуя термины Соссюра, можно представить эти отношения следующим образом:



Используют также для обозначения соответствующих сущностей четыре взаимосвязанных термина: *денотат* (реалия), *денотатор* (словознак), *десигнат* (означаемое) и *десигнатор* (означающее).

Согласно точке зрения Соссюра, обозначаемое и обозначающее являются психическими сущностями: «языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ».

Таким образом, природа языкового знака изначально определялась по-разному. Одни лингвисты вслед за Соссюром считали языковой знак психическим, другие (Ф.Ф. Фортунатов и др.) — материальным, третьи (А.А. Потебня) указывали на двойственную природу знака.

4.2. Знаковые теории языка

В отечественной науке советского периода, опирающейся на диалектико-материалистическую философию, подчеркивалось, что материальность знака — это один из его существенных признаков. При этом возникает одна из сложнейших проблем в лингвистике — проблема соотношения знака и значения. В процессе ее осмысления возникли две теории языкового знака — унилатеральная (односторонняя) и билатеральная (двусторонняя).

Согласно ***унилатеральной теории*** знаком признается только акустический образ. Значение понимается как мысленный образ, включающий понятие. Оно является означаемым знака, хотя в его состав и не входит. В защиту этой теории очень убедительно выступал украинский языковед Александр Саввич Мельничук. Он настаивал на том, что звуковые единицы в принципе не могут

включать в себя психическое отражение действительности в качестве одной из свой сторон. Звуковые единицы лишь ассоциируются в сознании говорящих. Такое последовательно материалистическое понимание знакового характера языка лишает почвы теорию Б. Уорфа и Л. Вейсгербера о том, что мировоззрение различных народов обусловлено конкретным языком.

Акустический и смысловой коды мозга заложены в разных его структурах, и только их ассоциативные связи образуют единицы языка, слова как единство звучания и значения. Значение является неотъемлемой составляющей слова как целого, но в слове различаются знаковая сторона *лексема* и незнаковая *семема*. Поэтому отождествлять слово и знак невозможно. Вот типичные рассуждения тех лингвистов, которые придерживаются унилатеральной теории знака.

Язык, полагают сторонники данной доктрины, даже в той части, которая хранится в мозгу человека, не может быть определена только как система знаков. Язык не сводится к системе знаков, к акустическому коду, ибо в нем заключается и система мысленных образов (означаемых), смысловой код.

Система знаков становится системой лишь потому, что она организуется системой смыслов, содержанием. Язык — сложная система акустических и смысловых образов, хранящихся в памяти человека, а набор акустических знаков является лишь одной из составляющих языка. Семиотика может помочь в изучении системы акустических образов — лексем, т.е. понять один из аспектов языка — знаковый, но не способна раскрыть всю сложность языковой деятельности. Лингвистика обращается к семиотике, но не исчерпывается ею, потому что у нее, кроме системы знаков, есть и особый объект — область языковых значений.

Итак, сторонники унилатерального понимания знака утверждают, что значение не входит в знак, так как языковые знаки (материальные сущности) существуют вне головы человека, а значение — это отражение предметов и явлений в мозгу человека, это факт сознания, продукт мозга и вне мозга оно не существует (А.И. Смирницкий, А.Г. Спиркин, В.З. Панфилов, В.М. Солнцев). В голове говорящего, пишет В.М. Солнцев, имеются идеальные обобщенные образы знаков. Эти образы или представления о них, по сути дела, есть не что иное, как знание соответствующих знаков, что предполагает также знание значений этих знаков, т.е.

наличие в голове понятия или идеи, связанной с этим знаком. Люди, владеющие данным языком, хранят в памяти именно эти обобщенные идеальные образы знаков, их абстрактную форму, инварианты, а не сам материальный знак. И всякий раз в процессе говорения при помощи органов речи создаются те знаки, которые необходимы для данной речевой ситуации, для данного акта общения людей.

Знаки могут указывать не только на реальные предметы, но и на такие фантастические «умственные вещи», как лешие, русалки, кентавры и т.д., существующие лишь в сознании. В этих случаях знаки указывают на некоторые мыслительные образования.

Унилатералисты не отрицают, однако, единства знака и значения (материальной и идеальной сторон в языке). Это единство, по их убеждениям, сложилось исторически. И все же, поскольку материальная сторона языка (звуки речи) не находится в голове человека, а его идеальная сторона является отражением внешнего мира, фактом сознания, функцией мозга, при всей неразрывности связи между материальной и идеальной сторонами языка они не тождественны и имеют свои формы существования и свои законы изменения. Поэтому, по мнению унилатералистов, необходимо последовательно разграничивать *знак* и его *значение,* считая знаком только звукоряд, звуковой комплекс. Поскольку знак (звукоряд) и значение существуют раздельно, между ними не бывает конфликтов, как это бывает в отношениях формы и содержания.

Унилатеральная теория (теория односторонности знака) для многих ученых логична и убедительна. И все же с ней не соглашаются лингвисты, разделяющие билатеральную концепцию языкового знака: А.А. Уфимцева, Б.А. Серебренников, Ф.М. Березин, Б.Н. Головин, Л.А. Абрамян и др.

Наиболее последовательно ***теорию билатеральности*** языкового знака защищает и развивает А.А. Уфимцева. Свое понимание материально-идеальной сущности языкового знака она строит на основе критического анализа учения о знаке Ф. де Соссюра. Она пишет: «Из утверждения Соссюра о том, что языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ, не следует делать далеко идущего вывода о «дематериализации» им языка. Ограниченность соссюрианского определения языкового знака заключается в абсолютизации существования «идеальной» формы знака».

Как известно, с материалистической точки зрения форма знака, будь то звуковая или графическая, как все материальное, существует и идеально как предмет мысли, сознания человека. Тем не менее это свойство относительно и вторично по отношению к звуковой членораздельной речи.

Из соссюровского определения языкового знака следует далее, что обозначающее как односторонняя материальная сущность не может быть квалифицировано как языковой знак, ибо последний складывается только в результате осознания носителями языка психической (опосредованной сознанием) связи между определенным понятием (представлением) и акустическим образом.

Об этом как раз и забывают, когда рассматривают язык в одной плоскости с другими знаковыми системами. Именно так и обстоит дело в общей семиотике, где стремление к обобщениям, к абстрагированию от специфики разных видов знаков приводит к непомерно широкому определению знака. Знаком считается любой предмет, любое явление, репрезентирующее другие предметы путем их замещения. При таком чрезмерно расширенном понимании знака человеческий язык во всем объеме (инвентарь слов, звуковых единиц, моделей их сочетаемости) может быть отнесен к семиотической категории. Но этот подход мало что дает для выявления специфики языковых знаков, которые, будучи непосредственно связаны с психической деятельностью человека, с его мышлением (Л.С. Выготский), создают неповторимое своеобразие такой сложной, многофункциональной системы, какой является человеческий язык.

Понятия «знаковая система», «знак» применительно к естественному языку имеют смысл лишь тогда, когда определяются чисто лингвистически, т.е. с учетом специфических свойств именно языковых единиц, когда за презумпцией (предположением) о знаковом характере языка в целом стоит целостная материалистическая теория языка, построенная на результатах изучения собственно языковых свойств.

Там, где термины «знак», «знаковый» и др. используются вне системы строго лингвистических определений, они остаются пустыми ярлыками.

Неповторимой чертой естественного языка по сравнению с другими видами семиотических систем является его способность

опосредованно обозначать не только предметный мир, но и мир социально-психологической, познавательной деятельности человека. Это находит отражение, в частности, в наличии в языке огромного корпуса вторичных и косвенно-производных наименований.

В порядке обсуждения проблемы об односторонней (унилатеральной) или двусторонней (билатеральной) сущности языкового знака необходимо подчеркнуть следующее:

1. Если согласиться, что языковой знак — односторонняя физическая сущность, т.е. приравнять его к знакам других (механических) искусственных систем, а языковые единицы все двусторонние (морфемы, слова и т.д.), тогда зачем понятие знака привлекать для описания языка: оно применительно к естественному языку «не работает». Из этого следует, что нет смысла употреблять его при описании человеческого языка;

2. Если языковой знак понимается как односторонняя материальная данность, т.е. сведен к форме знака естественного языка, то как он способствует процессу познания и в чем тогда заключается процесс знакообразования — процесс «превращения» внешних фактов в категории и значения языка, а через него и включение их в сферу человеческого познания, в реальные знаки? С лингвистической точки зрения, процесс идеализации предметного мира заключается в следующем: чтобы обрести статус языковой единицы, т.е. стать языковым, точнее словесным, знаком, тот или иной элемент (звукоряд) должен быть говорящим коллективом означен, наделен значением, определенной семантической ценностью, проще — содержанием.

Кардинальное отличие словесного (языкового) знака от знаков искусственных построений и семантических систем в том и заключается, что связь значения и формы знака опосредована человеческим сознанием, закреплена человеческой памятью, образуя тем самым опосредованные сигналы, или вторичные знаки.

Возвращаясь к интерпретации языкового знака как односторонней материальной сущности, следует задуматься, почему происходит подобная идеализация. Ср., например, высказывание В.З. Панфилова: «Возможность абстрактного, обобщенного мышления и познания обеспечивается наличием материальной стороны языковых единиц» [Философские проблемы языкознания, 1977: *45*]. На первый взгляд возразить здесь нечему. Однако при более

глубоком осмыслении оказывается, что в этом высказывании не все корректно, ибо невозможно отрицать, что закрепление определенных значений за материальной оболочкой слов способствует процессу мышления и превращает естественный язык в средство познания. Можно говорить об организующей роли языковых форм при восприятии действительности, но не о том, что форма создает возможность абстрактного мышления. Это скорее происходит благодаря содержанию языковых единиц.

Термины «знак», «знаковый» применительно к человеческому языку означают одно: в двусторонних языковых единицах содержание, т.е. значение слов, и его форма (звуковая или графическая) находятся в отношении двух сторон знака, составляя определенное единство. Две стороны словесного знака опосредованы не внешней, чисто механической, случайной связью, а сознанием, памятью и скреплены ассоциативной связью, которая доведена до степени автоматизма. В силу этого одно (значение) легко вызывает другое (форму знака) и наоборот.

По убеждениям И.А. Мельчука, если мы хотим, чтобы термин «языковой знак» применялся для обозначения некоторой вполне определенной сущности, т.е. все сведения указанного типа включались в состав знака, и одновременно чтобы знак понимался как двусторонняя сущность, следует различать: 1) внешнюю сторону языкового знака — означающее: 2) внутреннюю сторону языкового знака, состоящую из трех компонентов: *семантического* (который и есть означаемое), *синтаксического* (сведения о правилах комбинирования данного знака с другими знаками) и *прагматического* (сведения о правилах употребления знака с учетом тех или иных особенностей данной речевой ситуации, свойств говорящего и/или слушающего и т.п.; сюда же могут входить сведения о внутренней форме знака, о психологических ассоциациях, связывающих данный знак с другими знаками, и мн. др.

Между означающим и означаемым возможны четыре типа отношений (разных знаков): а) вложение: *слива* ‘плод — дерево, на котором растут сливы’; б) совпадение слов по форме при пересечении их смыслов: *одалживать* ‘брать взаймы — давать взаймы’, в) совпадение слов по форме и по смыслу: [*to*] *read* ‘читать’, [*a*] *read* ‘чтение’.

Непоследовательность и понимание специфики языкового знака как материально-идеальной двусторонней сущности про-

истекает еще и из того, что одни исследователи, боясь быть уличенными в идеализме, сводят языковой знак вообще, словесный в том числе, к материальной, физической его стороне, т.е. к форме знака, впадая, на наш взгляд, в еще большую ошибку, отрицая за словом функцию средства идеализации, закрепления и передачи от поколения к поколению обобщенного отражения человеком внешнего мира и общественно-исторического опыта людей.

Если свести словесный знак к форме слова, т.е. рассматривать знак лишь как наименование, то язык будет поставлен с предметным миром лишь в отношения обозначения, а не отображения, т.е. язык в таком случае можно будет сравнить с этикетками к вещам, — точка зрения столь характерная для неопозитивистов.

Итак, словесный знак есть единство акустического образа и означаемого, а поскольку акустический образ реализуется в речи в виде материального звукового знака, с которым означаемое связано столь же органической связью, думается, что и эту связь между знаком и означаемым можно признать единством. Это единство обусловливается уже самим процессом знакообозначения и знакообразования: словесный знак создается не для обозначения готового понятия, а в процессе его формирования. Благодаря этому язык способен выполнять две важнейшие функции — коммуникативную и мыслеформирующую.

4.3. Типология языковых знаков

Вопрос о типологии языковых знаков является дискуссионным, его решение зависит от общей теории знака, которой придерживается тот или иной языковед. Эта же проблема может быть сформулирована по-другому: какие языковые единицы целесообразно считать знаками? Все ли языковые единицы являются языковыми знаками?

Многие видные семасиологи, среди которых зарубежные ученые Э. Бенвенист, Д. Ричардс, С. Огден, С. Ульман, отечественные языковеды В.А. Звегинцев, А.И. Смирницкий и др., обсуждают проблему знака только по отношению к слову, которое имеет все четыре вида отношений, необходимых для возникновения знаковой ситуации.

Некоторые лингвисты считают знаками все двусторонние единицы языка – морфемы, словосочетания, предложения (Ф. де Сос-

сюр, Ч. Моррис, Л. Блумфилд, Л. Ельмслев, А. Мартине, чешские лингвисты, отечественные языковеды, в том числе В.Г. Гак и др.).

Третья группа ученых (Ю.С. Маслов, Л.М. Васильев и некоторые др.) именуют знаками и фонемы, и другие единицы плана выражения, хотя за отдельно взятой фонемой нет никакого означаемого. Эти авторы исходят из того, что фонемы и другие единицы плана выражения обладают различительной, дистинктивной функцией. В категорию знаков зачисляются, таким образом, и признаки, т.е. материальные составляющие, из которых строятся единицы языка.

З.Д. Попова, анализируя эти точки зрения, приходит к выводу, что знаками мыслительных образов в языке являются только слова (лексемы). Схемы предложений служат знаками отношений между мыслительными образами. Морфемы являются частями языковых знаков. Фонемы знаками языка не являются.

Идеалистическое утверждение гласит, что у всего сущего есть правильное имя, врожденное от природы. Материалистическая точка зрения состоит в том, что имя дается людьми по установлению и произвольно. Значительное развитие получила семиотика у стоиков и схоластов. Стоики впервые, по сути дела, сформулировали идею так называемого семантического треугольника, различив *обозначающее* (знак), *обозначаемое* (значение) и *объект* (предмет).

Эти же две точки зрения были развиты в средние века в теориях реализма и номинализма. Богослов Фома Аквинский, философ-идеалист, утверждал, что слова имеют собственное бытие, существуют как реальные вещи, независимые от человека, предписываются свыше. Иоанн Росцеллин и другие представители номинализма утверждали, что слова — это только имена вещей, они не имеют самостоятельного предметного существования, они существуют только как колебания голоса. К. Маркс назвал, как известно, номинализм первым выражением материализма в средние века.

Постепенно мысль об условности связи между словом и предметом завоевывала все более прочные позиции. В философии XVII—XVIII веков появились высказывания о том, что слово является знаком предмета. Эту мысль развивали Т. Гоббс, Дж. Локк, Г.В. Лейбниц, И. Кант, И. Гердер, Ж.А.Н. Кондорсе и др.

Проблема знаков рассматривалась в рамках философии вплоть до Гегеля, под влиянием которого формировались взгляды В. Гум-

больдта. Последний пришел к выводу о том, что *слово* — это *знак понятия*. Лингвисты, приняв тезис Гумбольдта, не сразу обратились к его разработке. На протяжении XIX века общая теория знака развивалась в рамках логики (Ч. Пирс, Э. Гуссерль), психологии (В. Вундт, Г. Гельмгольц) и особенно — в рамках физиологии мозга (И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев).

Оригинальный подход к этой проблеме находим в учении А.А. Потебни о значении слова, согласно которому слово непосредственно связано с понятием, а в основе данной связи лежит «знак» — некоторый признак предмета, избираемый для указания на предмет и закрепляемый в слове. *Светлица* — лучшая комната в доме — названа так по признаку «свет». Этот признак («знак», по Потебне) закреплен словом, образованным от соответствующего корня.

После появления книги Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» (1916 г.), в которой была предпринята попытка создать системную лингвистическую теорию знаков, проблемы знака начали развиваться особенно интенсивно. Основы учения о знаках вообще — семиотики (науки о знаковых системах) — были разработаны и изложены американским ученым Чарлзом Моррисом в книге «Основы теории знаков» (1938 г.). Он исходил из субъективно-идеалистической философии позитивизма и полагал, что знаки — единственная реальность, доступная сознанию человека, а изучение знаков — единственный достойный предмет изучения. Подобные идеи в свое время высказывались представителями эмпириокритицизма.

В рамках семиотики сложилось несколько направлений; *биосемиотика,* изучающая сигналы животных; *этносемиотика,* изучающая язык; *семиотика литературы,* раскрывающая символику литературных произведений; *абстрактная семиотика* — область математической логики и искусственных знаковых систем.

Однако наряду с бесспорными успехами и достижениями в информационном и семиотическом подходе к языку и другим знаковым системам обнаруживались известные издержки, главным образом философского характера. Так, бихевиористские и натуралистические концепции ясно прослеживаются во всех трех основных произведениях Ч. Морриса — в его «Основах теории знаков», «Знаки, язык, поведение» и «Сигнификаты и сигнификация». С точки зрения Ч. Морриса, знаковая деятельность прису-

ща и животным, и людям, между которыми он не видит разницы.

Преувеличение роли знаков, их фетишизация во многих семиотических трудах отразилась и на работах о знаковости языка. Многие зарубежные лингвисты, вслед за Соссюром, стали видеть в языке только систему знаков, сведя к этому аспекту все остальные. Отечественное языкознание решало вопрос о знаковости языка с позиций диалектического материализма, которые были выработаны в процессе длительных и нелегких научных поисков и дискуссий.

Следует отметить, что наши лингвисты обратились к проблеме знаковости языка значительно позже, чем зарубежные, — в конце 50-х годов XX века. До этого времени было распространено мнение о том, что слово — это нерасторжимое единство звучания и значения, что значение как образ внешнего мира аналогично *представлениям*. О представлениях же, как известно, утверждалось, что они являются копиями, снимками, слепками объективной действительности, а не ее иероглифами. Из этого делался вывод, что слово не является знаком и проблема знаковости якобы не актуальна для материалистического языкознания.

В конце 50-х годов в связи с дискуссией в газете «Правда» и изменениями в ряде теоретических оснований нашего языкознания начались и более глубокие исследования проблемы знаковости языка. При этом обычно обращались к трудам В.И. Ленина, в которых содержатся высказывания, относящиеся к этой стороне языковой действительности.

«Назвать имя? — но имя — случайность и самую суть вещи не выражает (как выразить отдельное?) [ПСС, т. 29: *250*]. Еще более подробную характеристику наименований В.И. Ленин выписывает из сочинений Л. Фейербаха: *«Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности»* (с. 74). В этих заметках подчеркивается мысль о случайности наименования по отношению к наименованному предмету. По философскому определению, ***знак*** *— это материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации, знаний)* [Филос. энцикл. словарь, 1983: *191*].

Естественный человеческий язык сложен и многогранен. Понять его природу и сущность чрезвычайно трудно. Еще труднее дать исчерпывающую характеристику хотя бы самых основных его особенностей, признаков, связей. Это относится также и к характеристике языка как системы знаков.

Определяя язык как знаковую систему, необходимо прежде всего выяснить, *что такое знак* и *каковы его категориальные признаки*. Прежде всего, следует заметить, что знаки — достаточно вариативные образования. И все же можно выделить несколько наиболее упоминаемых типов языковых знаков.

Иконические знаки обнаруживают сходство с предметами и явлениями, на которые они указывают (мотивированные знаки). Например, отпечатки пальцев, копии документов, изображения на вывесках и т.п.; знаки-символы — частично обусловленные тем, что они называют (полумотивированные). Например, красный крест — символ медицинской помощи (красный цвет креста, как и красный цвет флага и пионерского галстука, напоминает о пролитой крови); то же можно сказать о гербах. Напр., герб, на котором изображены серп и молот, символизировал в советское время союз рабочих и крестьян; знаки-сигналы — могут быть условными и не условными, но они мотивированы в том отношении, что всегда связаны с определенной *ситуацией*. Напр., звонок в учебном учреждении, красный огонек светофора, красный огонек маяка.

Если же мы условимся, что огонь костра или красный огонек ракеты укажут наше местопребывание в лесу, то это будет *условный знак*. К числу таких знаков относится и языковой знак. Он не похож на то, что им обозначается и не зависит от какой-либо определенной ситуации.

Разграничивать знаки по типам можно на разных основаниях: по их физической природе (звуки, движения, цвет), по форме (буквы, кружочки, звездочки), по типу восприятия (ухом, глазом, кожей), по устройству их системы и т.д. Наиболее масштабной является типология знаков, разработанная польским ученым Адамом Шаффом. В ней четко определено место языковых знаков среди других знаковых систем. Типология А. Шаффа не является единственно возможной и общепринятой. Много возражений со стороны других ученых вызывает, в частности, трактовка естественных признаков как знаков, трактовка собственно замещаю-

щих (или иконических) знаков, а также символов в одном ряду с языковыми знаками.

Вещи, которые существуют сами по себе, но могут использоваться как знаки (ориентиры, симптомы, показатели, приметы), Леонард Иванович Ибраев называет признаками. Признаки вызывают у человека образы других вещей рефлекторно и ассоциативно. Знаки — это тоже признаки, но они создавались специально, чтобы быть знаками. Никакой другой ценности они не имеют и вне знаковой функции не существуют.

От признака к знаку ведут, по Ибраеву, семь ступеней.

1. Биологические признаки.
2. Выражения (симптомы) чувств.
3. Сигналы — искусственные действия для побуждения к действиям других (звонки, вспышки света), у животных — запахи, телодвижения, голосовые сигналы. Сигнал имеет знаковую функцию только в конкретной ситуации.
4. Притворные выражения.
5. Обманные сигналы.
6. Знаки — сигналы, которые не зависят от ситуации и рассчитаны на будущие действия в будущей ситуации. Обмен знаками рассчитан на то, чтобы вызвать нужные образы в сознании других людей. Эти образы создаются общей практикой и сознанием людей, а не самими знаками.
7. На седьмой ступени находится язык, в котором связь знаков позволяет обозначить все, что необходимо. В сочетаниях знаков возникают сообозначения, позволяющие называть и то, для чего еще не создано специальных знаков. Язык развился из признаков и знаков и содержит их в себе в диалектическом виде; он образован благодаря связям между знаками.

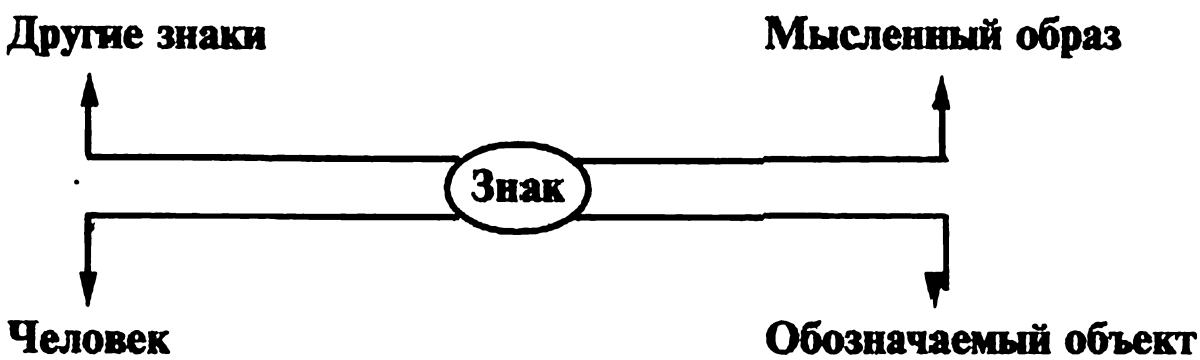
Множество разнообразных искусственных систем знаков, которыми люди пользуются в специальных условиях (азбука Морзе, дорожные знаки, символика научных описаний и т.п.) — это вторичные знаковые системы. Они создаются, вводятся в обращение, расшифровываются и воспринимаются только с помощью естественного языка.

Таким образом, одна их популярных идей зарубежного учения о знаках, утверждающая, что знаки языка — лишь одна из разновидностей знаков, оказывается ошибочной. Все типы неязыковых знаков — от признаков до сигналов — существуют как самостоя-

тельные вещи, действия, знаковое использование которых возможно, но не заложено в их природе, не составляет их сути и назначения. Все типы собственно языковых знаков (коды, символика и др.) — результат преобразования естественного языка, результат договора на естественном языке и невозможны без него.

Язык, таким образом, — не одна из многих знаковых систем человечества, а единственная специально для общения созданная система. Ее знаки предназначены и для общения (сообщения), и для формирования и выражения мысли. Все это отчетливо проявляется при осмыслении знаковой ситуации.

Для того чтобы некоторая вещь могла служить знаком, необходима, как считают ученые, знаковая ситуация, которая возникает при наличии воспринимающего человека, в сознании которого есть связь между этим знаком и мысленным образом обозначаемого предмета. Знаковая ситуация может быть представлена следующей схемой.



Очевидно, что, находясь в знаковой ситуации, знак вступает в отношения четырех типов. Отношение знака к обозначаемому объекту (денотату) называется денотативным (лат. *denotare* — обозначать). Отношение к мысленному образу денотата обычно называют семантическим; отношение к другим знакам — это синтагматическое или коннотативное отношение (лат. *connotare* — сообозначать). Отношение к воспринимающему человеку, который испытывает воздействие знака, получило название прагматического. Лишь при наличии этих четырех видов отношений возникает ситуация, в которой осуществляется функция знака.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Березин Ф.М., Головин Б.Н.* М., 1979. С. 111—121.

2. *Солнцев В.М.* Языковой знак и его свойства // Вопр. языкознания. 1977. № 2 или *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М.: Наука,1977. Глава II. Знак.
3. *Кравченко А.В.* Язык, знак, значение. Иркутск, 2001.
4. *Общее языкознание* / Под. ред. А.Е. Супруна. Минск, 1983. С. 122—140.
5. *Общее языкознание:* формы существования, функции, история языка. М.:Наука, 1970. С. 96—136.

Дополнительная

1. *Кубрякова Е.С.* Возвращаясь к определению знака // Вопр. языкознания. 1993. № 4.
2. *Ибраев Л.И.* Надзнаковость языка (к проблеме отношения семиотики и лингвистики) // Вопр. языкознания. 1981. № 1.
3. *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика и семиотика // Международный форум по информатике. М., 1969. Т. 1. С. 119—142.
4. *Кодухов В.И.* Общее языкознание. М.: Высш. школа, 1974. Глава 7.
5. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983.
6. *Панфилов В.З.* О гносеологических аспектах языкового знака // Вопр. языкознания. 1977. № 2.
7. *Пирс Ч.С.* Логические основания теории знаков. СПб., 2000.
8. *Савченко А.Н.* Язык как система знаков // Вопр. языкознания. 1972. № 6.
9. *Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб., 1998.

Вопросы и задания

- Чем является знак по отношению к предметному миру?
- В чем своеобразие идеалистических толкований сущности языкового знака?
- Раскройте смысл диалектико-материалистического понимания языкового знака.
- Определите место языковых знаков в типологии знаков.
- Дайте графическое изображение знаковой ситуации.
- В чем состоит принципиальное различие унилатеральной и билатеральной теорий языкового знака?
- Опишите основные свойства языковых знаков.
- Какие языковые единицы являются знаковыми?

Глава 5

МЕНТАЛИНГВИСТИКА: ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Вопрос о взаимоотношении языка и мышления относится к так называемым «вечным» проблемам не только лингвистики, но и психологии, логики, философии, что само по себе уже свидетельствует о многоаспектности и сложности этого взаимоотношения. Вместе с тем он имеет первостепенное значение для определения сущности языка, для теории познания и психологии, вследствие чего нуждается в особом, весьма обстоятельном рассмотрении.

5.1. Лингвофилософские аспекты связи языка, мышления и сознания

Вопрос о характере связи языка и мышления является одной из сторон основного философского вопроса о взаимоотношении материи и сознания. Как он решается в идеалистической и материалистической философии?

В идеалистической философии мышления «дух» провозглашается первичным по отношению к материи. Материя вторична, она порождена «духом». Применительно к проблеме связи мышления и языка эта концепция имеет несколько разновидностей.

Согласно учению младограмматиков, мышление первично и независимо от языка. Язык — внешняя оболочка для мыслей, параллельно существующее явление, которое самой мысли не передает, а служит лишь физическим средством для привлечения внимания собеседника.

Крайней формой субъективного идеализма в языкознании является *логический позитивизм* в учении Луи Ельмслева, который признает единственной реальностью даже не мышление в целом, а лишь структуру отношений, выявляющуюся в языковой системе.

Целый ряд учений исходит из концепций *вульгарного материализма*. Их создатели стоят на почве наблюдаемых фактов языка и не ищут за ними выражаемых мыслительных категорий. Таким является, например, учение Леонарда Блумфильда, основанное на бихевиоризме. Язык в этом учении понимается как набор сиг-

налов и реакций на голод, жажду и другие физиологические стимулы организма. Мышление как особый феномен в существовании и деятельности человека отрицается, сводится к условным рефлексам животного. В концепции этого типа проблемы связи языка и мышления не существует.

С позиций диалектического материализма мышление вторично, оно является свойством высокоорганизованной материи. Это положение лежит в основе диалектико-материалистического определения мышления. Итак, мышление — это работа человеческого мозга, направленная на отражение действительности в форме понятий, суждений и умозаключений. Идеальность мышления и состоит в том, что оно производно, вторично по отношению к материи. Однако оно существует и имеет материальную основу, что делается вполне очевидным благодаря языку.

Как уже упоминалось, язык — это вторичная открытая знаковая система особого рода, служащая а) важнейшим средством общения людей, б) средством формирования и выражения их мыслей и чувств. Основываясь на этих функциях языка, можно сформулировать следующее определение: язык — *это вторичная открытая знаковая система особого рода, служащая важнейшим средством общения людей, средством выражения их мыслей и чувств.*

В систему языка входит знание правил перехода от материальных звуковых сигналов к мыслительным образам и обратно. Сама по себе материальная сторона речевых знаков без такого знания не заключает в себе никакого мыслительного образа. Напечатанный на неизвестном языке газетный лист остается просто бумагой, испещренной черными линиями и завитками. О чем свидетельствует этот факт? О каком отношении языка и мышления он говорит?

Он служит подтверждением той точки зрения, согласно которой язык и мышление едины, взаимосвязаны настолько, что существовать друг без друга не могут. Однако может ли это служить достаточным аргументом в пользу того, что язык и мышление тождественны? Что они не имеют хотя бы относительной автономности? Что они не имеют своей специфики?

Ответы на эти вопросы даются весьма неоднозначные. Для их осмысления необходимо обратиться к фактам различных наук. Какую же роль играет язык в системе мышления? Действительно ли мышление невозможно без него, и если да, то почему?

5.2. Дискуссионные подходы к проблеме соотношения языка, мышления и сознания

Многие ученые считают, что мышление совершается исключительно на базе языка. Их называют вербалистами. Яркими представителями этого направления являются В.З. Панфилов, Ф.П. Филин, А.Н. Савченко и др. Они убеждены, что мышление и язык образуют некоторое монолитное единство, а значит, и немыслимы друг без друга.

При обсуждении проблемы взаимосвязи языка и мышления обычно оказывается в центре внимания вопрос о типах и способах мышления. При этом выделяют мышление образное (при помощи образов) и мышление понятийное (при помощи понятий). Поскольку первый тип мышления присущ не только человеку, но и животным, он не нуждается в языке. Понятийное мышление — отвлеченное, основанное на обобщениях; оно присуще только человеку. По учению И.П. Павлова, оно осуществляется только посредством языка. Аргументируется эта мысль следующим образом. Когда человек мыслит о конкретном предмете, в его сознании возникает образ этого предмета. Когда же человек использует абстрактные понятия, мысль его тоже нуждается в наглядных образах, потому что отражение действительности в сознании людей осуществляется только через ощущения и возникшие из них образы, представления, и последние служат опорой для мышления. Абстрактные понятия не могут быть представлены наглядно, они остаются неуловимыми для процесса мышления, для мысли, пока не связываются со словесными знаками. Для того чтобы вызвать в сознании понятие, нужно вызвать образ обозначающего его словесного знака. Только по ассоциации с ним и возникает в сознании все содержание понятия. Опорой для мысли оказывается в этом случае образ знака.

Итак, можно ли согласиться с такими доказательствами вербального мышления? Для многих ученых они оказываются недостаточно убедительными (Б.А. Серебренников, В.Я. Мыркин, Г.П. Мельников). Эти исследователи не видят принципиального различия между понятием и обобщенным образом и на этом основании отрицают функцию языка как средства мышления. Отождествляя понятие с обобщенным образом, они отрицают необходимую безусловную связь его с языковым знаком и связь языка с

мышлением. Однако не усматривается ли здесь идеалистическое понимание вопроса? Именно так и считают вербалисты. Но их оппоненты находят вполне аргументированные возражения.

— Где же здесь идеализм?! — может воскликнуть, недоумевая, некий приверженец авербалистской концепции. Ведь при этом не отрицается главная материалистическая позиция: понятие является отражением вещей. И привлекаются в таких случаях, как правило, данные психологии. Нередко при этом ссылаются на С.Л. Рубинштейна, который, в частности, писал: «Образ вещи — это идеальное, т.е. отраженная в субъекте, в его мозгу, форма отраженного существования вещи». Вербалисты материальную опору понятий ищут в звуковых оболочках слов, а их оппоненты подвергают этот аргумент критике, доказывая, что слова являются лишь техническим средством коммуникации. Материальный субстрат (материальная основа) понятий совсем иная. Кто же прав?

Вербалисты безапелляционно заявляют: мышление без слов невозможно, потому что мысли, лишенные материальной опоры в слове, становятся самостоятельно существующими идеальными сущностями. А это чистейший идеализм. Но что делать, если даже в этом случае они являются отражением объективно существующих вещей и их отношений. Все равно, скажут вербалисты, утверждение о существовании мышления без слов является идеалистическим. При этом они ссылаются на то, что их взгляды полностью соответствуют положениям диалектического материализма, согласно которым якобы также не допускалась возможность осуществления мышления без языка. В подтверждение этому приводят обычно цитату из «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса: «На «духе» с самого начала лежит проклятие, — быть отягощенным материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков, — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание, язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»

Отсюда некоторые наши лингвисты сделали вывод, что мышление возникает только на базе языка. Но ведь Маркс говорит о сознании *(das Bewußtsein)* и нигде не употребляет слова *мышление (das Denken)*. «Зачем же Марксу навязывать совершенно другие

понятия?» — негодующе спрашивает Б.А. Серебренников. Ведь сознание и мышление — это не одно и то же. Сам К. Маркс пишет: «Сознание *(das Bewußtsein)* никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием *(das bewußte Sein)*, бытие людей есть реальный процесс их жизни». Сознание — это отражение бытия. Сознание есть обобщение и личная практика людей в опосредованной, обобщенной форме, т.е. в форме понятий.

Все это правильно, но пока ничего не говорит о том, что мышление может совершаться только на базе языка, поскольку сам источник понятия находится за пределами языка.

При осмыслении цитаты К. Маркса необходимо помнить, что его работа («Немецкая идеология») представляет собой полемическое произведение, направленное против младогегельянцев, которые пытались доказать, что «все их (людей) действия и всё их поведение, их оковы и границы являются продуктами их сознания» (с. 18). В противоположность гегельянцам Маркс утверждает, что изначально «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» (с. 25).

Маркс говорит о том, что сознание людей является отражением реальной жизни, но общественным сознанием оно становится при помощи чувственно воспринимаемых слов и форм языка. Значит, вопреки младогегельянцам, оно и в этом случае не выступает как чистое сознание, оторванное от всего материального. Но здесь нет даже малейшего намека на то, что мышление невозможно без языка. Маркс лишь говорит об общественном характере сознания и самым тесным образом связывает с ним язык.

Выражение Маркса «Язык так же древен, как и сознание» необходимо понимать в том смысле, что язык и сознание представляют два необходимых условия существования общества. Общественное сознание не могло бы возникнуть без языка, поскольку опыт познания мира отдельными индивидами может превратиться в коллективный опыт только при посредстве языка.

Отстаивая свои взгляды, вербалисты опираются еще на одно высказывание К. Маркса, содержащееся в его работе «Немецкая идеология»: «Язык есть непосредственная действительность мысли». Отсюда они делают вывод: «Мышление существует только на базе слова». Но о какой действительности здесь идет речь?

Это высказывание Маркса необходимо объяснять исходя из общего контекста работы в целом.

Цитируемая фраза у Маркса дана в следующем контексте: «Для философов одна из наиболее трудных задач — спуститься из мира мысли в действительный мир. Язык есть непосредственная действительность мысли. Так же, как философы обособили мышление в самостоятельную силу, так должны были они обособить и язык в некое самостоятельное, особое царство. В этом тайна философского языка, в котором мысли, в форме слов, обладают своим собственным содержанием. Задача спуститься из мира мыслей в действительный мир превращается в задачу спуститься с высот языка к жизни. Философам достаточно было свести свой язык к обыкновенному языку, от которого он абстрагирован, чтобы узнать в нем извращенный язык действительного мира и понять, что ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они — только проявления действительной жизни» (с. 448, 449).

Для того чтобы правильно понять смысл этого высказывания, необходимо прежде всего уяснить, *какой* язык здесь имеется в виду.

Маркс обращает внимание прежде всего на *язык философов*. Философы, по его выражению, обособили мышление в самостоятельную силу, определяющую сознание. Совершенно естественно, что и их философский язык, отражающий эти взгляды, также превратился в нечто оторванное от реальной действительности. Поэтому Маркс настойчиво предлагает философам спуститься с высот философского языка к жизни.

Язык, по Марксу, — непосредственная действительность мысли, отражающей действительный мир, а не выражение мысли, определяющей человеческое сознание. Мысль, выраженная в языке, становится действительной и в другом смысле, т.е. доступной для других членов общества. Именно в этом заключается истинный смысл приведенного высказывания о языке как о реальной действительности мысли, а не в том, что мышление возможно только на базе языка.

Сторонники вербального мышления, в сущности, постулируют три тезиса: 1) мысль непосредственно материальна, 2) мысль появляется вместе со словом и может существовать только на базе языка, 3) материальной оболочкой мысли является звуковой комплекс, поскольку он представляет «языковую материю».

Действительно ли мысль всегда облекается в материальную оболочку звуков речи? О.В. Легостаева считает, что такое пони-

мание основано на упрощенном понимании функционирования звукового аспекта языка. Язык действительно материален и реален. Но он, как и всякая реальность, может сам быть объектом классифицирующей, типизирующей и абстрагирующей деятельности сознания.

Если мысль материализуется в языке, то каким образом происходит отражение действительности? Согласно вербальной теории, без слова мозг сам по себе не может отразить предмет, это означало бы возникновение «оголенной мысли», мысли «в чистом виде». Формой отражения действительности является значение слова, тесно связанное с понятием, а не понятие само по себе.

Эта точка зрения вызывает серьезные возражения. По мнению Б.А. Серебренникова, понятие возникает раньше и уже существует в голове, когда человек подбирает для него звуковой комплекс. Мышление предшествовало языку.

О.В. Легостаева различает две особенности мышления: а) мышление, осуществляемое в чисто понятийной форме, по логическим категориям, обладающее универсальными, общечеловеческими свойствами, не зависимыми от конкретного языка, и б) мышление, осуществляемое средствами конкретного национального языка.

Главное заблуждение «вербальной» теории состоит в том, что в ней языковой знак рассматривается как материальная основа и единственное условие существования идеального образа — понятия. Отечественная наука, по мнению О.В. Легостаевой, должна снять проблему материальности мысли и взять на вооружение диалектическое понимание материального и идеального: содержание сознания идеально, сама же мысль есть продукт материи — мозга.

Сторонники противоположной точки зрения, т.е. возможности существования мышления без языка, возражают вербалистам, доказывая, что и внеязыковые формы мышления также отражают действительность. Подтверждением того, что мышление на базе слов не является единственной формой мышления, может служить одно из высказываний Маркса: «Даже основной элемент мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли, — язык — чувственной природы». Таким образом, считая язык основным элементом мышления, допускается существование и других эле-

ментов. Допускают возможность мышления без языка и некоторые известные психологи. Вот что по этому поводу пишут психологи И.М. Соловьев и Ж.И. Шиф: «Мышление осуществляется не только в сфере абстрактно логического познания, но и в сфере познания чувственного, а в пределах последнего осуществляется материалом образов восприятия, понятия и воображения.

Придавая большое значение абстрактно-логическому мышлению, мы не должны забывать, что мышление имеет и другие виды, осуществляемые посредством иных форм отражения» (инструментальное, техническое, художественное и др.).

Явное несогласие с теорией о существовании мышления на базе языка выражает Б.П. Ардентов: «Против тождества языка и мышления уже говорит тот факт, что в ходе филогенеза человека (его исторического развития как особого вида животных) мышление предшествует языку; язык появляется позже, одновременно с сознанием, высшим этапом развития мышления».

Б.П. Ардентов подвергает сомнению распространенное среди многих наших лингвистов и философов мнение, будто труд, мышление, человек и язык появились одновременно. Труд никак не мог появиться одновременно с мышлением. Об этом совершенно определенно говорит Ф. Энгельс: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который при всем сходстве с обезьяньим далеко превосходит его по величине и совершенству» («Диалектика природы»). Но ведь труд необходимо предполагает мышление, а «всякий труд начинается с изготовления орудий» (там же).

Современная психология убедительно доказывает, что изготовление самого примитивного орудия труда невозможно без наличия мышления, причем мышления сознательного, а не инстинктивного. «Умозаключение, — справедливо замечает П.В. Копнин, — возникает из потребности трудовой деятельности человека, специфическая особенность которой заключается в том, что в сознании человека еще до начала труда имеется предварительно готовый результат его. Прежде чем произвести вещь, он идеально воспроизводит производственный процесс от начала до конца. Этот процесс невозможен без умозаключения». Отсюда следует, что, умея мыслить, люди не могли не трудиться.

Интересны высказывания Б.П. Ардентова о соотношении языка и мышления. «Если в мысли непременно все должно быть одето словом, то получается, что мыслить — это говорить про себя, а говорить — это мыслить вслух. Значит, в мысли может возникнуть то, что уже есть в языке; чего нет в языке, то не может появиться в мысли (ведь без слова оно не может осуществлять в сознании). Таким образом, язык ограничивает мышление, является для него оковами. И тогда вообще непонятно, как в языке могут появляться новые слова, новые формы и т.д., т.е. непонятно, как может прогрессировать язык». [Ардентов Б.П., 1973: *29—30*].

Б.П. Ардентов в своих рассуждениях приходит к выводу: «Мышление в своем движении опережает язык, — иначе вообще был бы невозможен прогресс человечества. В мышлении создался о б р а з, а в языке нет соответствующего слова для его обозначения (еще доказательство возможности существования в мысли чего-то, что не одето словом)».

Действительно, наименование предмета совершенно немыслимо без предварительного, хотя бы самого элементарного знания данного предмета. Эту мысль, кстати, высказал еще в 1912 г. Д.Н. Кудрявский во «Введении в языкознание»: «Созданию слова предшествует: 1) долгий опыт и 2) классифицирующая работа ума» (с. 36).

Подводя итоги спора о взаимоотношении языка и мышления, целесообразно привести взвешенные суждения Бертрана Рассела: «Язык служит не только для выражения мыслей, но и делает возможными мысли, которые без него не могли бы существовать. Иногда думают, что не может быть мысли без языка, но я не могу с этим согласиться: я считаю, что может быть мысль и даже истинное и ложное верование и без языка. Но, хотя это и может быть, все-таки нельзя отрицать, что все хорошо отработанные мысли требуют слов» [Рассел Б., 2001: *710*]. Все, видимо, зависит от типа и характера мышления. И в этом плане нам представляется весьма перспективным следующее суждение Б.А. Серебренникова: «С гораздо большей степенью вероятности можно предполагать, что человек пользуется не одним словесным мышлением, а разными типами мышления. Можно выделить следующие типы мышления: *наглядное, образное, практическое, лингвокреативное, авербально-понятийное, поисковое и редуцированное*» [Серебренников Б.А., 1983: *103—104*].

Итак, как же связан язык с разными типами мышления?

5.3. Взаимоотношения языка с разными типами мышления

Признание дословесных форм мышления — образного и практического, общего у человека и высших животных, — можно считать аргументированным. Илья Наумович Горелов доказывает, что развитие языка слов не устранило из арсенала мышления его более ранних форм. И современный человек может без слов сознавать мотивы, побуждающие его говорить, ситуативные условия общения и лишь потом обратиться к языку для материализации формулируемого сообщения. С помощью жестов, мимики и других несловесных средств часто передаются побуждения, вопрос, утверждение, отрицание и некоторые другие смыслы. Вербальная, словесная часть высказывания накладывается на предваряющую ее невербальную часть.

Исследования современных психологов дают основание полагать, что на основе словесного мышления развиваются более экономные и скоростные формы мышления, использующие символы, принятые в естественных науках.

Гениальный физик прошлого века Альберт Эйнштейн писал: «Слова или язык, как они пишутся или произносятся, не играют никакой роли в моем механизме мышления. Психологические реальности, служащие элементами мышления, — это некоторые знаки или более ясные образы, которые могут быть «по желанию» воспроизведены и комбинированы. Обычные и общепринятые слова с трудом подбираются лишь на следующей стадии, когда упомянутая ассоциативная игра достаточно устоялась и может быть воспроизведена по желанию» [Эйнштейновский сб. 1967: *28*].

Самоанализ А. Эйнштейна служит подтверждением точки зрения Г.П. Мельникова и некоторых зарубежных психологов, утверждающих, что всякое мышление, в том числе и самое абстрактное, осуществляется в виде образов.

Возможно, в сознании Эйнштейна — человека, одаренного исключительно сильным интеллектом, — образный характер доречевого абстрактного мышления выступает более заметно, чем у других людей. Но если это так, то нужно признать, что и у других абстрактная мысль начинается с каких-то образов, хотя и смутных, не улавливающихся при самонаблюдении. Однако ни Эйнштейн, ни кто-либо другой не смогли объяснить, какой характер

имеют образы абстракций. А ведь в образе отражается внешний вид воспринимаемого человеком предмета или факта, события. Какой же внешний вид имеют элементы абстрактной мысли? Анализ высказывания Эйнштейна показывает, что человек вызывает в своем сознании образы не как отражение соответствующих реальностей, а как аналоги компонентов своей абстрактной мысли и направляет движение их таким образом, чтобы они выполняли именно эту функцию и перешли в ряд логически связанных понятий.

Но какую бы структуру ни имела мысль до речевого выражения, эта структура может быть только предварительной, начальной, мимолетной. Мысль достигает завершения, станет полноценной, действительным практическим сознанием, лишь приобщившись к обобщенному опыту народа, войдя в его систему, что возможно только через понятия. Чисто субъективная, колеблющаяся, интуитивная мыслительная структура должна перейти в социально отработанную, четкую, логическую структуру, т.е. логическую связь понятий, что возможно только посредством з н а к о в. Даже Эйнштейн, яснее других осознавший незнаковый характер начального этапа своей мысли, отметил, что неопределенная игра образов в его сознании направляется в конечном счете к ряду логически связанных понятий. Иными словами, для завершения образования мысли необходима замена неопределенной, субъективной, интуитивной структуры ее определенной коммуникативной структурой, основным компонентом которой выступает с л о в о.

О роли слова в мыслительной деятельности ярко и выразительно написал выдающийся русский педагог К.Д. Ушинский: «Слово поднимает рассудочную работу на высшую ступень. Каждое слово для нас есть то же, что номер книги в библиотеке; под этим номером скрывается целое творение, стоившее нам продолжительного труда в свое время... Слова, значение которых мы понимаем, делают нас обладателями громадной библиотеки нашей памяти: это произвольные значки, которые мы положили на бесчисленные творения, нами же выработанные».

Языковое наименование, пишет Г.В. Колшанский, превращает одноразовое отражение единичного предмета в обозначение идеальной обобщенной сущности. Язык преобразует индивидуальное мышление в общественное сознание. Это, во-первых,

Во-вторых, как уже было отмечено, язык преобразует субъективно-интуитивную структуру мышления в структуру коммуникативную. Даже если человек не стремится сразу передать свою мысль другому, он фиксирует ее для себя, чтобы она стала ясной, отчетливой, логичной и воспроизводимой, не исчезла безвозвратно в дальнейшем течении индивидуального сознания и могла быть восстановлена в любой момент, на ином этапе мыслительного процесса.

Итак, языковое оформление мысли необходимо человеку не только тогда, когда он хочет передать ее кому-либо, но и тогда, когда он мыслит про себя. Это подтверждено исследованиями психологов. Мышление про себя, не выраженное вслух, получило название внутренней речи, являющейся основным механизмом мышления. Однако при этом следует помнить, что внутренняя речь, по Л.С. Выготскому, представляет собой особое явление и отличается от внешней не только отсутствием произнесения вслух, но и своей структурой. Без внутренней речи не происходит осмысливания и запоминания информации. Внутренняя речь обеспечивает более быстрое протекание мыслительного процесса, чем речь звуковая.

Внутренняя речь, как показывают экспериментальные наблюдения, подкрепляется незаметными на глаз артикуляционными движениями; в ходе внутренней речи мозг посылает в речевой аппарат нервные импульсы. Это подтверждается невозможностью вести во внутренней речи одновременно два или более мыслительных действия, например, слушать лекцию и повторять про себя стихотворение. Вместе с тем психолингвисты установили, что движение органов речи, обязательное при подборе слов, не обязательно при выборе грамматической схемы высказывания, которая возникает мгновенно как единое целое.

Внутренняя речь — результат и преобразованное достижение обычной естественной звуковой речи. Мышление с помощью языковых средств не может появиться раньше, чем ребенок овладеет звуковой речью. Принципиально не прав американский лингвист Ноам Хомский, который полагал, что существуют некие «врожденные структуры» и эти структуры обеспечивают человеку владение языком.

При осмыслении природы и сущности внутренней речи важно помнить, что наряду с сокращенным воспроизведением речи внешней во внутренней речи имеется еще особый предметно-изобразительный код. Предметы и взаимоотношения между ними.

по данным Н.И. Жинкина, мысленно просматриваются быстрее, чем об этом можно сказать. Они вспоминаются иначе, чем об этом говорится. Взаимодействие внутреннего субъективного кода и естественного языка образует процесс мышления.

Внутренняя речь, таким образом, быстрее внешней не только потому, что не нужно затрачивать время на проговаривание слов (можно думать намеками на слова), но и потому, что в ней участвуют образы предметно-выразительного кода.

Отмеченные особенности внутренней речи связаны с такими ее свойствами, как а) сокращенная, фрагментарная структура (мысля про себя, человек облекает в слово не все элементы мысли, а только основные, определяющие); б) концентрированно предикатный характер (поскольку основным элементом мысли является предикат, то именно он оформляется словом во внутренней речи); в) приобретение чисто субъективного смысла внутренней формой при отражении личного опыта человека.

Из сказанного следует, что мышление существует в нескольких формах одновременно, в одном мыслительном акте участвуют и наглядное, и пространственное, и словесное мышление. В их взаимодействии строится, порождается высказывание. Вначале возникает предварительная схема или программа высказывания, заключающая последовательность развертывания этапов изложения. Реализация этой программы протекает творчески. Говорящий проверяет, так ли он выбрал языковую единицу, соответствует ли она выражаемой мысли, не следует ли ее заменить. А.А. Леонтьев представляет структуру речемыслительного акта следующим образом.

Мотив

↓

Мысль (речевая интенция)

↓

Внутреннее программирование

↓

Лексическое развертывание | Грамматическое конструирование

↓

Моторная реализация

↓

Внешняя речь

Конкретные связи языка и мышления на всех этапах речевого мышления координируются правым и левым полушариями головного мозга. Нейролингвистические механизмы мышления и языка изучаются специальной наукой — нейролингвистикой, сформировавшейся в нашей стране во второй половине XX века. Ее создателем является Александр Романович Лурия.

Материал для нейролингвистики начал накапливаться с 1861 г., когда французский врач П. Брока, наблюдая больного с афазиями (различными нарушениями речи, речевыми расстройствами), установил, что эти нарушения вызваны поражением задней трети лобной извилины левого полушария мозга. Несколько позже немецкий врач-психиатр К. Вернике показал, что поражение задней трети верхней височной извилины левого полушария приводит к нарушению способности воспринимать речь. Поэтому для более глубокого понимания речемыслительной деятельности необходимо ознакомиться со структурой мозга и работой отдельных его участков.

Головной мозг состоит из множества (около 10 миллиардов) нервных клеток (нейронов) и их соединений (аксонов). Нервные клетки образуют серое вещество коры головного мозга, нервные волокна — белое вещество мозга. Посредством волокон обеспечивается связь между клетками и соединение их в структуры. Эти структуры представляют собой гибкие системы; они способны изменяться в зависимости от характера мыслительной деятельности, а также в процессе накопления жизненного опыта.

Сочетание нейронов создает физиологическую основу образов, возникших во всех участках коры в результате деятельности мозга. Поскольку все нервные клетки мозга взаимосвязаны посредством аксонов, то возбуждение одного сочетания нейронов вызывает и другие сочетания нейронов, что приводит к образованию понятий. Мысль образуется сочетанием различных по величине, форме, плотности расположения нейронов.

В зависимости от специфики умственной деятельности человека его мышление может протекать в различных зонах коры головного мозга. Так, наличие в мозге различных речевых зон обеспечивает существование в сознании человека мыслей, способных воплощаться в вербальной форме, тогда как мысли, основанные на сочетании нейронов других зон мозга, могут выражаться в невербальной форме (в форме комбинаций красок у художников,

музыкальных звуков у композиторов, математических знаков у математиков и т.д.).

Кора головного мозга представляет собой покрытую извилинами и бороздами поверхность, состоящую из двух полушарий — правого и левого, функциональная деятельность которых дифференцирована. С правым полушарием связано чувственно-образное, конкретное мышление, а с левым, где расположены речевые зоны, — абстрактное мышление.

Зона Брока, находящаяся в заднем отделе нижней (третьей) лобной извилины, управляет устной речью человека. Зона Вернике расположена в первой височной извилине и связана с пониманием устной речи. Теменно-затылочная часть левого полушария управляет логико-грамматическими связями языка. Руководство всеми участками мозга, как речевыми, так и неречевыми, осуществляется лобными долями, на которые приходится около трех четвертей всего объема коры головного мозга. Помимо этого лобные доли выполняют функцию обучения, в них совершается также интеллектуальная работа, носящая творческий, нестереотипный характер (Вулдридж).

Локализация речевых зон в левой половине больших полушарий головного мозга, с одной стороны, может свидетельствовать о наличии специфически речевого мышления, а с другой стороны, несомненно указывает на постоянно существующую связь между речевой деятельностью человека и всеми остальными видами его мыслительной деятельности.

Л.С. Выготский предлагал схематически обозначить связь языка с мышлением в виде двух пересекающихся кругов. Площадь пересечения обоих кругов показывает в этом случае наличие неразрывной связи данных двух явлений. Не входящие в зону пересечения площади обоих кругов подчеркивают специфичность языка и мышления. Эти специфические сферы исследуются преимущественно, с одной стороны, в психологии, логике, философии, а с другой — в языкознании. В свою очередь, связь между языкознанием и этими дисциплинами обусловлена неразрывным единством объектов изучения — языка и мышления.

Если развить схему Л.С. Выготского, вполне вероятно, что площадь пересечения языка и мышления неодинакова у различных людей и зависит от специфики их интеллектуальной деятельности: у писателей, журналистов, филологов площадь пересече-

ния языка и мышления больше, чем у композиторов, шахматистов, математиков, конструкторов, оперирующих в своей творческой деятельности неязыковыми знаками.

Таким образом, строение мозга свидетельствует о неразрывной связи трудовой, умственной и речевой деятельности человека.

Вопрос о языке как средстве абстрактного мышления осложняется тем, что при единстве логической системы мышления у всех народов системы значений в разных языках существенно различаются между собой. На основании этого последователи В. фон Гумбольдта (неогумбольдтианцы) пытаются доказать, что в семантических системах языков отражаются различные системы понятий. В более широком плане эта проблема сводится к вопросу об активной роли языка в процессе познания окружающего мира. Идея активности языка в познании восходит еще к философии И. Гердера, оказавшей огромное воздействие и на лингвистическую деятельность Гумбольдта.

Согласно Гердеру, язык формирует, а следовательно, в определенном смысле ограничивает мыслительный процесс. Мы мыслим при помощи языка, мышление — это не что иное, как говорение. Поэтому каждый народ говорит так, как мыслит, и мыслит так, как он говорит. Подобным образом рассуждают и неогумбольдтианцы (Л. Вейсгербер, Йост Трир, Г. Ипсен). Однако наиболее полно и четко эту мысль впервые выразил американский лингвист Эдвард Сепир, а его ученик Бенджамен Уорф попытался общие идеи Э. Сепира наполнить конкретным содержанием, полученным на основе исследований языка индейского племени хопи. Теоретическое обобщение результатов этих исследований носит название гипотезы Сепира—Уорфа, или теории лингвистической относительности.

Гипотеза Сепира—Уорфа содержит множество дискуссионных точек зрения на взаимоотношения языка и мышления, на проблему активности языка в познании. Но именно эти нетривиальные суждения и вызывают интерес не только философов, психологов, лингвистов, но и учителей, студентов, всех тех, кого волнует неразгаданная тайна связи языка и мышления. В этом отношении примечательны слова американского философа Макса Блэка: «Своими отрицательными выводами мне не хотелось бы создать впечатление о том, что работы Уорфа не представляют большей ценности. Как это часто бывает в истории, самые спор-

ные взгляды оказываются самыми плодотворными. Сами ошибки Уорфа гораздо интереснее избитых банальностей более осторожных ученых».

Какие суждения вызывают у вас приводимые здесь положения гипотезы лингвистической относительности?

1. Язык, будучи общественным продуктом, представляет собой такую лингвистическую систему, в которой мы воспитываемся и мыслим с детства. В силу этого мы не можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, причем язык является не только побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления, но наш «мир» строится нами бессознательно на основе языковых норм. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления в зависимости от языковых навыков и норм своего общества.
2. В зависимости от условий жизни, от общественной и культурной среды различные группы людей могут иметь разные языковые системы. Не существует настолько похожих языков, о которых можно было бы утверждать, что они выражают такую же общественную действительность.

Другими словами, как вы относитесь к утверждениям Сепира—Уорфа о том, что в каждом языке содержится своеобразный взгляд на мир, и различие между картинами мира тем больше, чем больше различаются между собой языки?

Главное внимание в своих работах Б. Уорф уделяет влиянию языка на нормы мышления и поведения людей. Подчеркивая неразрывное единство мышления и языка, он критиковал точку зрения «естественной логики», согласно которой речь — это лишь внешний процесс, связанный только с сообщением мыслей, но не их формированием. Уорф пытается доказать, что языки различаются не только тем, как они строят предложения, но и тем, как они членят окружающий мир на элементы. Для современных европейских языков, которые сложились на основе общей культуры (Б. Уорф объединяет их в понятие «общеевропейский стандарт»), характерно деление слов на две большие группы — существительные и глаголы, подлежащее и сказуемое. Это обусловливает членение мира на предметы и их действия, но сама природа так мир не членит. Мы говорим: *молния блеснула,* хотя молния и ее блеск — это одно и то же.

По свидетельству Уорфа, в языке хопи то же событие изображается одним глаголом *rehpi* — «сверкнуло». Здесь нет деления на субъект и предикат, нет даже суффикса, подобного латинскому *-t* в слове *tona-t* — «громыхает».

Почему в английском языке одни слова, обозначающие временные и кратковременные явления, являются глаголами (*strike* — «ударять», *turn* — «поворачивать», *run* — «бежать»), а другие (например, *fist* — «припадок», *wave* — «волна», *eddy* — «вихрь», *pulsation* — «пульсация», *nois* — «шум») — существительными?

В отличие от английского в языке хопи существует классификация явлений, исходящая из их длительности. Поэтому слова *молния, волна, пламя, пульсация* являются глаголами, так как все это события краткой длительности, а слова *облако, буря* — существительные, ибо они обладают продолжительностью, достаточной, хотя и наименьшей, для существительных. В то же время в языке племени нутка (о-в Ванкувер) нет деления на существительные и глаголы, а есть только один класс слов для всех видов явлений.

Б. Уорф в качестве цитаты, основополагающей мысли использует слова Э. Сепира: «Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления, главным образом, благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения». Это — эпиграф к его работе «Отношение норм поведения и мышления к языку» [Сепир Э., 1956]. Свою теорию Б. Уорф иллюстрирует целым рядом примеров, собранных им во время исполнения служебных обязанностей по пожарному инспектированию. По мнению Б. Уорфа, причиной многих пожаров было влияние слов на поведение людей. Еще большее влияние, чем слова и словосочетания, на формирование мышления и на восприятие окружающего мира оказывают грамматические категории.

В результате сравнения экзотических языков индейцев с индоевропейскими языками («среднеевропейским стандартом») он приходит к выводу, что люди, говорящие на разных языках, живут как бы в разных мирах. Каждый язык обрисовывает действительность по-разному и таким образом влияет на нормы мышления и поведения человека.

В работе Б. Уорфа приведен очень интересный материал, заслуживающий специального изучения, но с его выводами о вза-

имодействии языка, сознания, поведения человека и культуры народа согласиться нельзя. Уорф преувеличивал роль языка в познании действительности и практической деятельности человека. Язык действительно оказывает влияние на развитие культуры народа и на человека, но не в такой степени, как это казалось Уорфу и его единомышленникам. Б. Уорф ошибался, отрицая общечеловеческий характер мышления, и неправильно связывал развитие того или иного типа культуры с воздействием структурных типов языков.

Системы понятий сопоставимы, несмотря на то что языки по-разному членят окружающую действительность, расхождения лексико-семантического и грамматического характера сглаживаются при речевом общении. Как показывает сопоставительный анализ лексических значений в разных языках, за различиями в семантических системах стоят в большинстве случаев не различия в понятиях, а различия в способах выражения понятий и в правилах употребления слова в речи. Сопоставьте, например, соотношение лексических значений и понятий, выражаемых словом *голова* в русском и украинском языках. Обратите внимание на то, что понятия, обозначаемые в одном языке различными языковыми знаками, в другом могут обозначаться одним и тем же знаком. Это явление известно в лингвистике как многозначность слова и как омонимия.

Так, в русском языке слово *голова* обозначает верхнюю часть тела, в которой находится центр нервной системы и все органы чувств (у человека — за исключением осязания), но в украинском соответствующее звукосочетание, кроме данного понятия, обозначает также человека, руководящего той или иной группой людей *(голова ради ветеранів, голова профкому, голова зборів)*. Понятия, обозначаемые одним и тем же знаком, обычно имеют в своем содержании общие элементы, общие признаки. В данном примере таким общим признаком является функция управления, руководства.

Однако это не значит, что данные понятия составляют единую абстракцию, которая, вследствие своей связи с языковым способом выражения, должна считаться коммуникативной. Чтобы убедиться в этом, следует обратить внимание на то, что данные разные понятия, вследствие наличия общего признака в них, и в некоторых других языках обозначались одним и тем же зна-

ком, но в них эта многозначность была устранена тем или иным способом и теперь обозначается различно. В русском языке для обозначения руководящего лица стал применяться старославянский вариант упомянутого слова — *глава (глава рода, глава семьи, глава правительства)*. В немецком последнее значение закрепилось за старинным германским словом *Haupt*, обозначавшим голову, родственным латинскому *caput*, а понятие головы в новонемецком стало обозначаться словом *Kopf*, раньше обозначавшим сосуд для питья. В английском слово *head*, имеющее общее происхождение с *Haupt*, сохранило значение «голова», а понятие главы, начальника, руководителя стало обозначаться заимствованным из французского словом *chief*. Во французском слово *chef*, происходящее от латинского *caput* и первоначально обозначавшее голову, закрепилось в значении «глава, руководитель», а понятие головы стало обозначаться словом *tęte*, происходящим от латинского слова *testa* — «горшок».

Если бы рассматриваемые понятия составляли единую абстракцию, необходимую людям для коммуникативной деятельности, то в данных языках не возникла бы тенденция к разделению их и обозначению разными знаками. И если в украинском языке слово *голова* сохраняет оба значения, то, очевидно, это произошло не потому, что украинцам нужна такая абстракция в их коммуникативной деятельности, а потому, что в украинском языке не оказалось другого подходящего слова для обозначения лица, возглавляющего что-либо, руководящего. В отличие от русского языка, в котором есть старославянское *глава*, в украинском не сохранились старославянские варианты слов. Заимствованное из польского языка слово *керівник* является чисто литературным вариантом обозначения и получило специализированное значение. Эти примеры не свидетельствуют также о различии познавательных понятий у народов, которым принадлежат названные языки. Различие в значениях, обусловленное различиями в способах выражения, в данном случае, как и во многих других, дополняется различиями правил употребления слов в речи. В русском языке слово *глава*, употреблявшееся в конструкции *во главе*, получает значение руководящего положения, действия. В украинском языке не происходит такого изменения со словом *голова*. Русскому *во главе* здесь соответствует по значению *на чолі* (возможно, под влиянием польского *na czůle*).

Различие в способе выражения может заключаться также в том, что понятие в разных языках обозначается словами, имеющими разные внутренние формы. Это может вызвать некоторые различия в семантике, но не создает такого различия в понятиях или особых коммуникативных абстракций. Например, английское слово *table* происходит от латинского *tabula* — «доска» и имеет соответствующую форму, а у русского *стол* в настоящее время нет внутренней формы. Поэтому английское слово *table* обозначает не только стол, но и доску и таблицу, а русское слово лишено последних значений. В праславянском же языке слово *стол* имело внутреннюю форму (представление о чем-то постланном), и в результате данное слово обозначало не только «стол», но и место для сиденья, что свидетельствуется древнерусским **столъ** — «официальное место сидения князя», украинским *стілець,* болгар-ским *стол* — «стул», сербохорватским *столица* — «стул».

Некоторые семантические различия возникают в соответственных словах разных языков и в результате их различного грамматического оформления. Так, усы во всех славянских языках обозначаются существительным в форме множественного числа, а в немецком — существительным единственного числа *Schnurrbart.* Поэтому у славян сложилось представление об усах как о сочетании двух предметов (или как о предмете, состоящем из двух половин), а у немцев — как о едином предмете. Но это не означает, что славянам для коммуникативной деятельности понадобилось понятие о двух усах, а немцам — об одном *Schnurrbart.* Они могут мыслиться с одинаковым основанием как две части и как единый предмет. В силу каких-то случайностей в славянских языках зафиксировалось первое представление об усах, в немецком — второе, но для понятия это безразлично.

Проанализированные факты указывают, во-первых, на то, что различия грамматических структур не отражают мировоззрений; во-вторых; на то, что языковые значения действительно определяются далеко не всегда требованиями логики, но нередко и практическими требованиями (потребностями коммуникации). Однако абстракции не разделяются на познавательные и коммуникативные, все они образуются и функционируют только при помощи языковых знаков.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Гак В.Г.* О соотношении языка и действительности // Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 210—223.
2. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970.
3. *Попова З.Д.* Общее языкознание. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1987.
4. *Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Ин-т языкознания РАН. М., 2000. С. 24—32.
5. *Ушакова Т.Н.* Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Ин-т языкознания РАН. М., 2000. С. 13—23.

Дополнительная

1. *Ардентов Б.П.* Мысль и язык. Кишинев, 1973.
2. *Кравченко А.В.* Язык, знак, значение. Иркутск, 2001.
3. *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. С. 103—104.
4. *Потебня А.А.* Собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
5. *Рассел Б.* Человеческое познание: его сфера и границы. Киев: «Ника-центр», М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2001.

Вопросы и задания

- Раскройте методологические основы проблемы взаимоотношения языка и мышления в аспекте разных философских парадигм.
- Дайте «рабочие» определения языка и мышления.
- Какие стратегические подходы к проблеме взаимоотношения языка и мышления определяют векторы развития современной менталингвистики?
- Как аргументируют свои взгляды на взаимоотношение языка и мышления вербалисты?
- Какие контраргументы при этом используют авербалисты?
- Как соотносится язык с разными типами мышления?
- Раскройте содержание понятия «внутренняя речь». Назовите основные свойства внутренней речи.
- Начертите схему речемыслительного процесса, используя кон-

цепции А.А. Леонтьева, Н.И. Жинкина, И.А. Зимней и др. исследователей.

- Какова специфика предмета исследования нейролингвистики?
- Назовите речевые зоны коры головного мозга и расскажите об их функциональной специализации.
- Сформулируйте основные положения гипотезы Сепира—Уорфа. В чем ее достоинства и «уязвимые места»?
- Как связана менталингвистика с психолингвистикой и когнитивной лингвистикой?

Глава 6

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА

6.1. Сознание, знание и значение

Рассмотрение проблемы взаимоотношения языка и мышления показало, что истинно человеческое (абстрактное) мышление осуществляется только при помощи языка. Чтобы точнее определить роль языка в процессе мышления, следует, по мнению С.Д. Кацнельсона, уточнить понятие м ы ш л е н и е в его отношении к с о з н а н и ю. В известном смысле, можно, считает он, сказать, что деятельность мышления относится к сознанию так же, как деятельность речи — к языку. В мозгу индивида сознание и язык образуют две относительно самостоятельные области, каждая из которых обладает своей памятью и своими средствами активизации. Эти две области сопряжены между собой таким образом, что деятельность сознания всякий раз по необходимости сопровождается деятельностью языка, вызывая к жизни единый и сложный по своему составу речемыслительный (лингвокреативный) процесс.

Итак, что же такое сознание?

В представлении С.Д. Кацнельсона, с о з н а н и е — это в некотором роде **со-знание,** т.е. совокупность знаний об окружающем мире, которым, так или иначе, овладел индивид.

Можно предполагать, что в основной своей массе знания закодированы в мозгу особым кодом и что характер этого кода в

известной мере зависит от природы усвоенных нами знаний. Конкретные, непосредственно полученные в житейском опыте знания сохраняются, по-видимому, в виде образных фрагментов пережитого прошлого.

Сложнее обстоит дело с хранением теоретических знаний. Для их усвоения и хранения существенными оказываются процессы упорядочения вновь полученных знаний и увязки их с ранее известными. Здесь важное место занимает выделение ключевых фактов и объединяющих их внутренних связей, а также опущение всего того, что легко может быть восстановлено при помощи выводного логического аппарата.

Активное оперирование элементами сознания при решении тех или иных жизненных задач и есть процесс м ы ш л е н и я. Мыслительная деятельность развертывается всякий раз, когда практическая деятельность выдвигает перед нами те или иные задачи, когда расширяющийся опыт приводит к накоплению новых знаний, когда вновь приобретенные знания оказываются в противоречии со старыми и возникает необходимость в их взаимном согласовании и упорядочении, когда перед нами встает необходимость обмена опытом с другими людьми. Эта деятельность не может протекать без содействия языка.

Основные знания, хранящиеся в «памяти» языковой сферы, — это знания слов и их значений. Поэтому языковые значения являются важнейшими элементами речемыслительного процесса.

Проблема значения, пожалуй, одна из самых сложных не только в лингвистике, но и в логических, психологических и философских исследованиях. В современной науке существуют самые разнообразные толкования природы языкового значения. Предварительно осмыслив теоретические основы взаимоотношения языка — мышления — сознания, попытаемся теперь сформулировать свое отношение к существующим в лингвистике теориям языкового значения.

1. Наиболее широкий подход к рассмотрению сущности языкового значения представлен работами Н.И. Жинкина: *значение* — это «совокупность сведений о внешней действительности». Некоторые специалисты предпочитают в данном случае говорить не о знании, а об опыте. Так, американский языковед Г. Глисон подчеркивает, что в языке субстанцию содержания составляет вся совокупность человеческого опыта.

2. Другие ученые связывают значение не со всем объемом знаний человека, а лишь с теми компонентами, которые представляют знания в наиболее сжатом, концентрированном виде. Иначе говоря, определенные категории значения связываются с определенными категориями мышления (сознания), или, минуя их, с предметами и явлениями внешней действительности. Вот как пишет об этом крупнейший лексиколог современности А.И. Смирницкий: «Значение слова можно определить как понятие, оформленное в соответствии с системой данного языка, или проще как понятие в языковом оформлении». Гуго Шухардт — представитель известной европейской школы «Слова и вещи» — утверждает: «В каждый отдельный статический момент обозначение совпадает со словом, тогда как его значение — с вещью».
3. Третья группа исследователей языкового значения пытается подходить к нему сугубо с лингвистической точки зрения, с точки зрения употребления (А.А. Потебня, Р.О. Якобсон). Так, А.А. Потебня писал: «Значение слова возможно только в речи. Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет» (из «Записок по русской грамматике»).

Подытоживая разные мнения, высказанные по поводу трех изложенных выше подходов к пониманию языкового значения, необходимо обратить внимание на следующие нюансы.

Достоинством первой точки зрения является то, что в центре внимания при таком подходе оказывается одна из важнейших функций языка — средство познания окружающей действительности. Однако она не лишена и серьезных недостатков. Главный из них состоит в том, что прямая связь значений со знаниями о внешней действительности приводит к глобальности и крупномасштабности понятия «значение». Ведь знания о внешней действительности непостоянны, т.е. имеют незаконченный характер. Возникающая при этом аморфность, некоторая непостижимость этой категории вызывает у части языковедов известный скептицизм относительно возможности познать значение вообще. Так, крупнейший американский языковед Леонард Блумфилд отмечает: «Наше знание о мире, в котором мы живем, настолько несовершенно, что мы лишь в редких случаях можем точно сформули-

ровать значение какой-либо языковой формы». И далее: «Значения не могут быть определены в терминах нашей науки».

В связи с этим А.А. Потебня предложил ограничить языковое значение, отмежевав его от других видов значения. В компетенцию лингвистики он включает только так называемое «ближайшее значение», то, что известно о предмете номинации всем носителям данного языка. А то, что соприкасается в значении с «лично-субъективной» и «научной» мыслью, служит «дальнейшим значением» и должно изучаться в других науках. Так, например, понятие о дереве содержится в сознании всех носителей языка («ближайшее значение»), а специфические свойства дерева известны только специалистам — дальнейшее значение — предмет изучения ботаники.

Очевидны недостатки и второй точки зрения на значение языковых единиц. Рассмотрение значения и как понятия, и как вещи (точка зрения А.И. Смирницкого и Г. Шухардта) в лингвистике не считается общепризнанным прежде всего потому, что значение в этом случае выводится за пределы языка в область мышления (= понятие) или внешнего мира (= вещь). Однако связь значения с этими сущностями несомненна. Действительно, значение, так же как и понятие, представляет собой отражательную категорию, в которой языковыми средствами фиксируется тот или иной факт внешней действительности и духовного мира человека. При этом необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в значении отражается не просто определенная реалия, но особенность ее осмысления и освоения человеком, способ ее представления в языке. Это обстоятельство приводит к тому, что факт отражения служит лишь основой любого значения, на которую, однако, накладываются дополнительные свойства, обусловленные многообразными сторонами восприятия действительности человеком. Связь языка с различными сторонами жизни и деятельности людей служит причиной наличия в значении, кроме отражательного, и других моментов: идеологического, эмоционального, социально-культурного, информационного, эстетического и т.д.

Третья точка зрения в принципе не вызывает особых возражений, однако, определяя значение слова путем анализа всех возможных его употреблений, мы не можем не учитывать характер его отнесенности к предметам внеязыкового мира (денотатам).

В противном случае наше представление о значении слова будет неполным. Иными словами, отражательная сущность языкового значения остается основополагающей и при анализе его употребления.

6.2. Дискуссионные вопросы теории языкового значения

В пределах рассматриваемых подходов к пониманию языкового значения в науке о языке сформулированы самые разнообразные определения значения, которые можно свести к двум основным типам:

1) определению значения как психической, отражательной сущности, соотносимой с такими психическими явлениями, как представления, эмоции, понятия, суждения и т.п. (Г. Пауль, А.И. Смирницкий, Д.Н. Шмелев, Ю.Н. Караулов, А.А. Уфимцева, З.Д. Попова);
2) определению значения как реляционной сущности: а) как отношения знака к денотату (предмету) — денотативное значение; б) как отношения знака к сигнификату (понятию) — сигнификативное значение; в) как отношения к условиям речевого акта и его участникам — прагматическое значение; г) как отношения знака к сфере или ситуации его употребления — стилистическое значение; д) как отношения знака к другим знакам — структурное значение, или значимость.

Какая же из двух представленных теорий (гипотез) наиболее полно раскрывает природу и сущность значения?

Отвечая на этот вопрос, можно воспользоваться рассуждениями Б.Н. Головина, который полагал, «что ни та ни другая из двух гипотез значения не обладают нужной объяснительной силой и несут в себе серьезные внутренние логические противоречия».

Главное противоречие гипотезы значения как *отображения* связано с тем, что она допускает (или предполагает), будто наше сознание дважды отображает один и тот же предмет — один раз в форме понятия о нем, другой раз — в форме словесного значения. Устранить это противоречие можно лишь путем отождествления понятия и значения, что, впрочем, многие лингвисты и делают. Но в таком случае возникает новое противоречие: если значение

и есть понятие, а понятие — единица мышления, следовательно, и значение — это единица мысли, а не языка. Получается, что слова — это просто комплексы звуков, лишенные собственного смыслового «наполнения», лишенные значимой, смысловой стороны.

Гипотеза значения как *отношения* также не может справиться со своим «объектом», не допустив логических противоречий. Главное из них заключается в следующем. Слово — единство физического знака и идеального значения. Но значение — это отношение физического знака (звукового комплекса, звуковой оболочки) к предмету, понятию, другому знаку. Почему говорящий относит определенный звуковой комплекс к определенному денотату (предмету)? Очевидно, потому, что он знает значение этого знака (звукового комплекса). Отношение знака к денотату (предмету) есть функция его значения. Поэтому *объявить отношение значением — это все равно, что назвать следствие причиной.*

Эти и другие соображения побуждают к поискам еще одной, «логической модели» языкового значения, связанной со знаковой теорией Ф. де Соссюра. Известный швейцарский лингвист утверждал, что «языковой знак связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ. Этот последний не есть материальный звук, вещь чисто физическая, но психический отпечаток звука, представление, получаемое нами о нем посредством наших органов чувств... Языковой знак есть, таким образом, двусторонняя психическая сущность».

Мысль Соссюра о психической сущности языкового знака едва ли может быть нами принята: ведь знаки языка — это, прежде всего, передатчики и переносчики информации, объективные и физические реалии. Но для нас в данном случае важна другая мысль ученого — мысль об обязательной связи понятия (т.е. отображения предмета в сознании) и акустического образа слова (т.е. отображения в сознании физической, материальной стороны словесного знака).

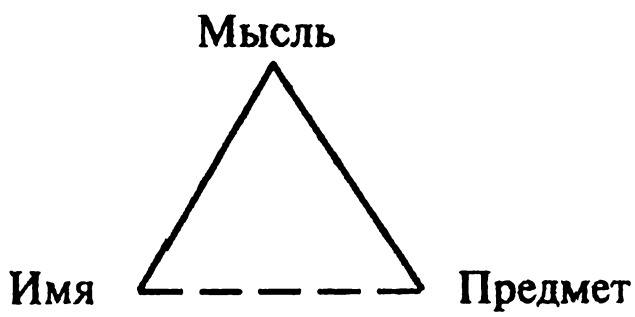
В самом деле, в нашем сознании вырабатываются не только отображения предметов, но в равной мере и отображения словесных знаков. Между отображениями предметов и отображениями соответствующих словесных знаков (точнее — их материальных, физических сторон) устанавливаются прочные физиологические и психические связи, возбуждаемые и работающие всякий раз,

когда и как только возникает в нашем сознании либо отображение предмета, либо отображение словесного знака.

Таким образом, можно дать несколько схем работы указанной связи, которую и можно назвать значением словесного знака: а) *слово* слышимое или видимое (отображение этого слова) ↔ *отображение* предмета (денотат); б) *предмет,* воспринимаемый теми или иными органами чувств (отображение предмета в сознании) ↔ *отображение* физического облика соответствующего слова ↔ *произнесение* или *написание слова*; в) *отображение слова* (возникшее в процессе мышления) ↔ *отображение предмета;* г) *отображение предмета* (возникшее в процессе мышления) ↔ *отображение слова* ↔ *отображение другого* слова (вследствие связи между отображениями слов) и т.д.

В этой «логической модели» значения оно всегда не что иное, как идеальная, психическая связь между отображением предмета и отображением материальной стороны слова, единство двух отображений.

Обычно триединство отношений между звуковой оболочкой знака, предметом и понятием изображается в виде семантического треугольника Огдена—Ричардса, по имени американских исследователей значения.



Совокупность этих трех сущностей, соотносимых между собой, представляет единое целое и составляет основу лексического значения слова. Представленный треугольник изображает связи языкового знака с внеязыковой действительностью. Однако, как мы уже выяснили, для понимания сущности языковых значений необходимо учитывать также различные отношения языкового знака к другим знакам в пределах той или иной знаковой системы. Это значение, как уже упоминалось, называется структурным, или значимостью. Понятие значимости, как известно, ввел в науку Ф. де Соссюр на том основании, что использование

языкового знака в речи базируется не только на денотативной (предметной) и сигнификативной (понятийной) соотнесенности, но и на внутриязыковых отношениях этого знака. Следовательно, знак в составе языковой системы облечен не только значением, но еще — главным образом — значимостью.

Рассмотрим некоторые примеры. Французское *moution* может совпадать по значению с русским *баран* и английским *mutton*. Говоря о приготовленном и поданном на стол куске мяса, русский скажет *баранина*, а англичанин и француз соответственно *mutton* и *mouton*. В этом состоит различие значимостей русского слова *баран*, французского *mouton* и английского *mutton* (в русском наряду с лексемой *баран* есть еще и слово *баранина*, в отличие от этого во французском и английском им соответствует одно слово — франц. *mouton*, англ. *mutton)*. Как показывает анализ, под значимостью следует понимать знания носителей языка, в том числе интуитивные, о системных связях языковых знаков и о нормах их употребления в речи. Например, знания об их отношениях в составе определенных парадигм (синонимических, антонимических, парадигмы ЛСВ многозначного слова) и синтагм (правила сочетаемости знаков в речевой цепи), о сферах их употребления, об их частотности в речи и т.п. Поскольку значимостями обладают единицы всех языковых уровней, они могут быть содержательными (семантическими) и формальными. В качестве семантических значимостей можно рассматривать компоненты значений, по которым они противопоставлены в составе парадигм или синтагм. В этом свете глубокой и понятной представляется мысль Соссюра о том, что «значимость, взятая в своем концептуальном аспекте, есть, конечно, элемент значения».

Сложная, многоуровневая природа семантической значимости раскрывается, в частности, в трудах Дмитрия Николаевича Шмелева. Употребление слова в речи, пишет ученый, обусловлено двумя факторами: возможностью выбора слова, т.е. семантическими отношениями с другими словами, между которыми распределена известная «сфера смысла», и возможностью сочетания с другими словами. Этими двумя измерениями и определяется собственная семантическая значимость каждого отдельного слова.

Семантическая значимость знака во многом определяется и соответствующими деривационными (словообразовательными) связями. Так, для семантической противопоставленности слов

потолстеть и *похудеть*, несомненно, важно и то, что первый глагол входит в словообразовательный ряд *толстяк, толстуха, толстущий, толстогубый* и т.д. Слово же *пополнеть* находится в иных деривационных связях *(полнеть, пополнение, располнеть)*.

С пересечением различного рода языковых отношений связан характер языковых значимостей и их классификация. Типы значимостей весьма разнообразны.

Свойства языковых единиц, обусловленные их связями с определенными парадигмами (фонетическими, грамматическими или семантическими), называются *парадигматическими* значимостями; б) дистрибутивные свойства языковых единиц, обусловленные их отношением к определенным синтагмам, в том числе к предложениям, — *синтагматическими* значимостями; в) свойства языковых единиц, связанные с их деривационной историей, — *деривационными* значимостями (синхроническими и диахроническими, или этимологическими); г) свойства, противопоставляющие архаизмы и историзмы неологизмам (или нейтральным в этом отношении словам), — *темпоральными* значимостями; д) свойства языковых единиц, обусловленные сферой их употребления, — *стилевыми* или *узуальными* значимостями; е) свойства языковых единиц, обусловленные их частотностью в речи, — *статистическими* значимостями.

Для знания языка первостепенное значение имеет понимание роли тех или иных единиц в речи, их функций (репрезентативных, синтаксических, конструктивных и др.).

Итак, значения, значимости и функции — это три разных типа знания языка, благодаря которым любая его единица является осмысленной. Это положение представляется весьма ценным для профессиональной деятельности учителя-словесника, для правильного построения модели методики преподавания языка в средней школе. В этом плане немаловажным является еще одно замечание: в речи мы имеем дело с особым типом передаваемой с помощью языка информации — со смыслом.

Смысл — это реализованное в речи (актуализованное) языковое значение плюс всевозможные виды неязыкового содержания: невербальные образы сознания, энциклопедические и ситуативные знания о *предметах, речевые коннотации* и т.п. Кроме того, А.П. Журавлев доказывает возможность извлекать из звуковой

речи информацию[1], представляющую собой так называемые «фонетические значения», или звуковой символизм.

Таким образом, *значение языковой единицы — это целый комплекс психических явлений: обобщенное отражение элементов действительности, различные типы отношений данного языкового знака к другим элементам знаковой системы, осложненные коннотативными признаками (оценочного, эмоционального, экспрессивного и ассоциативного характера).* В самом общем виде, языковое значение — это свойство знака, способность выражать и возбуждать информацию о чем-то, что отличается от него самого. А.П. Журавлев разъясняет это следующим образом: значения являются важнейшими «образующими» человеческого сознания, они преломляют мир в сознании человека. Хотя носителем значений является язык, но язык — не демиург значений. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений. Языковые значения, выражаемые разными языковыми единицами, представляют собой различные способы обобщения свойств, связей и отношений предметного мира. Именно в этой связи различают значения лексические, грамматические, словообразовательные и др.

6.3. Типы языковых значений

Лексическое значение — это исторически и социально закрепленная связь между акустическим образом слова и мыслительной копией отраженного в сознании предмета номинации. Например: *дружба* — «отношения между кем-либо, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п.», *изобрести* — «творчески работая, создать что-л. новое, оригинальное», *прилежный* — «усердный, старательный». Значения лексических единиц (лексические значения), как принято говорить, предметно ориентированы, имеют отчетливые внеязыковые корреляты (устойчивые связи).

---

[1] *Информация* — это отпечаток, след, оставленный в объекте **Б** воздействием объекта **А**.

Грамматические значения (ГЗ), как и лексические, представляют собой некоторые факты сознания, хотя и не столь явно предметно ориентированные. Это объясняется тем, что грамматические значения гораздо в большей степени, чем лексические, испытывают в своем формировании внутрисистемные влияния, поскольку они, прежде всего, формируют внутреннюю упорядоченность, т.е. структуру языка. Некоторые виды грамматических значений, по мнению В.М. Солнцева, являются абстракциями абстракций. В них отражаются внутриязыковые отношения и связи.

В качестве рабочего можно принять следующее определение, сформулированное Татьяной Николаевной Шадури: «Грамматические значения — это формально выраженные, абстрактные, высоко обобщенные значения, отражающие через посредство лексических значений сущности и явления внеязыковой действительности или синтаксические отношения и свойства слов».

Различают ГЗ а) морфологические и б) синтаксические. **Морфологические значения** — это значения частей речи и их внутренних категорий, таких, как наклонение, время, вид, залог, падеж, число и т.п. Морфологическое значение — это внутренняя сторона словоформы, состоящая из отдельных элементов грамматического значения. Например, внутренняя сторона словоформы *столик* выражает следующие грамматические значения: 1) предмет вообще (предметность), 2) неодушевленный предмет, 3) маленький предмет, 4) один предмет, 5) предмет мужского рода и некоторые другие. Морфологические значения словоформ, как правило, не объективны (Б.Н. Головин). Что касается значений частей речи, то эти значения близки к лексическим, а сами части речи — классы лексико-грамматические.

Синтаксическое значение — это типовое (общее) значение синтаксических единиц одинакового строения. Специфика языкового значения в сфере синтаксиса главным образом определяется содержанием категории «связь (отношение)», на которой основан синтаксис.

Как способ структурной организации смыслового содержания высказывания, категория синтаксической связи образуется двумя типами мыслительных признаков: 1) признаками семантико-реляционного порядка (типа субъект, объект, место, время и т.п.), отражающими в своем содержании связи объектов реальной действительности; 2) признаками функционально-коммуникативного характера, указывающими на то, как представляются в синтак-

сических структурах связи реальной действительности: *для чего, с какой целью, в каком направлении.* Обязательность вхождения в содержание категории синтаксической связи мыслительных признаков первого типа, по мнению Е.И. Шутовой, определяется знаковым характером синтаксических единиц как единиц, представляющих собой «языковой коррелят внеязыковой действительности», без которой они не имеют «ни смысла, ни права на существование» (Б. Трнка). Вхождение в содержание категории синтаксической связи второго типа детерминировано характером предложения как языковой единицы, выступающей носителем мысли, обладающей коммуникативными свойствами.

Основными типами синтаксических значений являются «предикативность», «модальность», «синтаксическое время», «синтаксическое наклонение» и др.

Особый статус в пределах грамматического значения имеют значения морфем. По словам Ю.С. Маслова, **значение морфемы** — это всего лишь молекула смысла, полуфабрикат. Вне слова значение морфемы остается диффузным, плохо определяемым. Академик В.В. Виноградов писал, что нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. В самом деле, анализируя значения, выраженные в слове с помощью разных морфем, мы не найдем никаких других значений, кроме лексических и синтаксических.

Корневые морфемы несут *конкретные* лексические значения, а словообразовательные морфемы — *групповые* лексические значения; *признак, действие, деятель, устройство, детеныш* и т.п. Словоизменительные морфемы также выражают лексические значения высокого уровня абстрагированности. Таковы, например, значения рода или класса существительных, одушевленности/неодушевленности, вещественности и собирательности и т.п. Самыми абстрактными среди морфемных лексических значений являются значения частей речи.

Но словоизменительные морфемы во многих случаях выражают и синтаксические значения. Это падежные флексии типа *дороги* (им. п. мн.ч.), *дороги* (род. п. ед.ч.), *дороги* (вин. п. мн.ч.), *дорогу* (вин. п. ед.ч.). Таким образом, особой «морфологической» семантики не существует. Морфемы — проявление языковой техники.

Развитие науки о словообразовании вызвало необходимость выделить в ней категорию словообразовательного (деривационного) значения.

Словообразовательное значение — это не лексическое, а обобщенно-грамматическое значение, которое вырастает из лексических значений серии новых слов. Например: *сеятель, ваятель, учитель, освободитель, водитель, строитель, мыслитель, руководитель* и т.п. В аспекте нашей темы («Язык и мышление») важно отметить, что словообразовательное значение связано с грамматической категоризацией действительности. «Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка, — писал академик В.В. Виноградов, — строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий» [Русский язык. М., 1947: *15*]. Таким образом, словообразовательное значение представляет собой «рубрики основных понятий», называемых производными словами. В качестве компонента это значение входит в лингвистическую модель отображения, через которую пропускается любой материал, получаемый в результате познания действительности (В.Н. Мигирин).

В обозначении понятий одного класса (одной «рубрики») функционально сближаются различные словообразовательные показатели (форманты), что дает основание обобщать их, выделяя «словообразовательные поля» (О.Г. Ревзина). Например, «рубрика» со значением деятеля (с характерной для нее грамматической категорией одушевленности) заполняется именами существительными, образованными от основ глагола, существительного, прилагательного с помощью соответствующих суффиксов: *строитель, заправщик, ходатай, борец, защитник, силач* и т.п.

Итак, словообразовательным называется значение производного слова (или ряда слов), заключающееся в указании на класс объектов наименования. Оно несет в себе специфическую форму языковой абстракции. *Словообразовательное значение занимает среднее положение между лексическим и грамматическим значениями. С одной стороны, оно, как лексическое значение, обладает определенной понятийной отнесенностью, а с другой — регламентируется внутриязыковыми закономерностями, находится «под давлением» грамматической системы, неразрывно связано с категориальными и внутрикатегориальными грамматическими значениями* (М.В. Черепанов).

Формально-структурным средством выражения словообразовательного значения является типичная схема соотношения суффиксальной и производящей семантики (Н.Д. Арутюнова, Е.А. Зем-

ская, Н.А. Янко-Триницкая, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, Милославский, Р.З. Мурясов и др.).

По определению И.С. Улуханова, словообразовательное значение — это значение, выраженное с помощью словообразовательного форманта. Ученый пишет: «Словообразовательное значение выявляется путем сопоставления мотивированных и мотивирующих слов». Сопоставление мотивированных и мотивирующих слов основывается на осмыслении речемыслительных процессов. Впервые такой подход к пониманию словообразовательного значения был предложен известным чешским лингвистом М. Докулилом, утверждающим, что «при словообразовании всегда налицо творческий акт называния». Ученый доказывает, что формирование производного слова и, прежде всего, словообразовательного значения происходит при помощи так называемых ономасиологических категорий, т.е. основных понятийных категорий, образующих в данном языке основу называния. Предложенный М. Докулилом подход успешно и творчески развивается в отечественном языкознании Еленой Самойловной Кубряковой. В процессе формирования словообразовательного значения осуществляются главным образом две речемыслительные операции — «мысленное подведение обозначаемого под известный класс явлений, т.е. категоризация и отождествление обозначаемого, во-первых, и его мысленное сравнение с другим предметом или явлением действительности, во-вторых, первая операция соответствует выбору ономасиологического базиса обозначаемого, вторая — его признака. Первая есть акт классификации, вторая — установление ассоциативных связей». С точки зрения проблемы соотношения языка и мышления, за словообразовательными значениями стоит тысячелетний опыт человека и его умение обобщать факты, абстрагировать наблюдаемое и познаваемое, в частности, и его умение классифицировать типы отношений и связей.

Выделение в относительно самостоятельный уровень языковой структуры фразеологических единиц ставит перед исследователями вопрос о специфике **фразеологического значения.** Проблема фразеологического значения разрабатывается в трудах А.И. Молоткова, В.П. Жукова, А.В. Кунина, Р.Н. Попова, А.М. Мелерович и др. Своеобразие фразеологического значения обусловливается, на наш взгляд, косвенно-производной сущностью самого фразеологизма.

Фразеологизм — это единица вторичного (косвенно-производного) знакообозначения. Поэтому и фразеологическое значение формируется в результате взаимодействия семантических единиц разных структурных уровней языка — лексических, морфологических и синтаксических. В процессе такого межуровневого взаимодействия в семантической структуре фраземы фиксируются отдельные семантические элементы фраземообразующих компонентов, а также порождаются новые ассоциативно-образные смыслы. Фразеологическое значение закрепляет в нашем сознании результаты интеллектуально-эмоционального отражения не столько мира предметов, сколько мира образного, эмоционального, психического, данного через призму «переживания» соответствующих ситуаций. Фразеологическое значение, таким образом, является особым элементом языкового сознания, который порождается особым лингвокреативным типом мышления. По определению Б.А. Серебренникова, лингвокреативное мышление включает в себя те элементы языкового сознания, которые направлены на «порождение» новых языковых сущностей путем трансформации (прежде всего смысловой!) уже имеющихся в языке единиц. Такое мышление, как отражательно-гносеологическое в своей основе, оперирует ассоциациями, возникающими на базе понятий, уже закрепленных в данном языке в форме значений. И, наконец, именно лингвокреативное мышление творит образ мира, в каждом языке по-особому представленный. Ср.: *разбиться (расшибиться) в лепешку // з шкури вилізти* — «сделать почти невозможное для достижения чего-либо»; *развесистая клюква // сон рябої кобили* — «явно неправдоподобные сведения». Итак, фразеологическое значение — это особый элемент языкового сознания, результат лингвокреативного мышления, отображающий внутренний мир человека путем межуровневого взаимодействия уже закрепленных в данном языке семантических единиц.

Мы рассмотрели языковые значения, закрепленные за единицами высших языковых уровней, за билатеральными (двусторонними) единицами. Имеют ли значения единицы фонетического уровня?

По традиционному представлению, единицы низшего, фонетического уровня никаким значением не обладают. Этому представлению противостоит точка зрения А.П. Журавлева, изложенная им в монографии «Фонетическое значение» (Л., 1974). Если

понимать содержательность языковой формы как символическое значение, то возникает, по мнению ученого, возможность считать символику звуков речи значимостью фонетической формы, или фонетическим значением. Так же как и другие типы языкового значения (грамматическое, словообразовательное, фразеологическое), фонетическое значение имеет свою специфику, хотя оно и отличается принципиально от наиболее привычного нам лексического.

Прежде всего, фонетическое значение нельзя охарактеризовать путем указания денотата, так как он в данном случае отсутствует. Единственно возможный путь описания звуковой символики — перечисление оценочных признаков. Недаром так поступали буквально все исследователи звукосимволизма, начиная с Платона. Другое серьезное различие фонетического и лексического значений заключается в том, что фонетическое значение не осознается носителем языка.

По мнению А.П. Журавлева, носителем фонетического значения является звукобуквенный психический образ, который формируется под воздействием звуков речи, но осознается и четко закрепляется лишь под влиянием буквы. На его формирование, несомненно, оказывают влияние также дифференциальные признаки фонем данного языка и некоторые другие обстоятельства, например, артикуляционные ощущения.

Предпосылкой возникновения фонетического значения является также способность мозга устанавливать условно-рефлекторные связи между предметом или его действием и сопровождающими их звуками. В результате звук может замещать собою предмет/действие, т.е. становиться их символом. А поскольку все явления реального мира оцениваются воспринимающими, данные такой оценки переносятся и на звуки, сопровождающие эти явления. Так возникает символическое значение звуков.

Этот процесс не следует путать с прямым звукоподражанием. В данном случае подразумевается не подражание звукам природы, а использование «подходящей» символики звуков для оформления понятийного значения.

В свою очередь, возникшее понятийное (сигнификативное) значение оказывало обратное влияние на фонетическое (вторичный звукосимволизм), вырабатывая, таким образом, некоторые устойчивые типы связей звуковой формы с содержанием. В наше

время новые слова, обладающие фонетической мотивировкой, встречаются в основном в художественных произведениях, чаще всего в поэзии. Так, на фонетическую мотивировку опираются иногда детские писатели, придумывая имена сказочных персонажей: *Бармалей, Бибигон, Карабас-Барабас* и др.

С развитием языка появляется возможность заменить первоначальную скрытую (звуковую) мотивированность языковых знаков семантической мотивировкой, вторичной, но более четкой и осознаваемой говорящими. В связи с этим процесс формирования слов на базе фонетического значения становится постепенно все менее интенсивным. Сейчас мы можем обнаружить его следы в основном лишь в языках, богатых идеофонами.

Итак, языковые значения — это категории языкового сознания. Все их многообразие, вслед за Б.Н. Головиным, можно объединить в следующие типы:

1. По источнику выражаемой знаком информации: а) *объектные* значения (источник информации находится в объективном мире); б) *субъектные* значения (источник информации в самом сознании); в) *структурные* значения (источник информации в самой языковой структуре). Эти типы значений соотносимы с денотативным, сигнификативным и структурным.
2. По материальному репрезентатору информации: *фонетическое* значение, значение *морфем, лексическое* значение, *словообразовательное* значение, *морфологическое* (частеречное) значение, *синтаксическое* значение, *фразеологическое* значение.
3. По функциям: *номинативные, сигнификативные, дейктические, экспрессивные и коммуникативные* значения.
4. По соотношению значений в системе языка: значения *производящие — производные, немотивированные — мотивированные, прямые — переносные, синонимичные — антонимичные, моносемные — полисемные, языковые — речевые.*
5. По отношению к профессиональной и социальной структуре общества: значения *литературные — диалектные — жаргонные, общеупотребительные — профессиональные, терминологические — образные* и т.д.

Вот те основные речемыслительные категории, при помощи которых осуществляется постоянная диалектическая взаимосвязь языка, мышления и сознания. Их осмысление позволяет глубже вникнуть в суть определения А.А. Потебни: «Язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее» [Мысль и язык,

1913: *122*]. Примером постоянной, непрекращающейся борьбы мысли и слова могут служить творческие процессы, известные под названием «мук слова» у поэтов, писателей, ученых, у всех мыслящих людей.

Поэзия —
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.
(В. Маяковский)

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Кацнельсон С.Д.* Речемыслительные процессы // Вопр. языкознания. 1984. №4.
2. *Апресян Ю.Д.* Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия РАН. Серия лит. и яз. 1999. № 4. С. 39—53.
3. *Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990.
4. *Кобозева И.М.* Современная лингвистическая семантика. М., 2001.
5. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.

Дополнительная

1. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Наука, 1999.
2. *Головин Б.Н.* О природе и лингвистической типологии языковых значений // Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966.
3. *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Эдиториал УРСС,2001. С. 59—111.
2. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
3. *Мауро Т. Де.* Введение в семантику / Перевод с итальянского Б.П. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
4. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1982.
5. *Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Московский университет. М., 1997.
6. *Юрченко В.С.* Философские и лингвистические проблемы семантики // Очерки по философии языка и философия языкознания. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 2000. С. 47—84.

Вопросы и задания

- Как соотносятся понятия «мышление» — «сознание» — «язык»? Используйте концепции А.А. Потебни, Н.И. Жинкина, А.И. Смирницкого, Р.О. Якобсона и др.
- Какие положения современной теории языкового значения составляют предмет лингвофилософского спора?
- Прокомментируйте понятие «семантический треугольник» в концепции Огдена—Ричардса.
- В чем суть разграничения *значения, значимости* и *функции* языкового знака?
- Раскройте содержание понятия «языковое сознание». Как соотносятся понятия «значение» и «смысл»?
- Дайте определения каждому типу языкового значения (лексическому, грамматическому, словообразовательному, фразеологическому).
- Подготовьте сообщение на тему «Языковое значение как категория языкового сознания».

Часть II

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Глава 7

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

7.1. Становление и развитие психолингвистических идей

Психолингвистика возникла в середине XX века. Впервые о ней как о самостоятельной науке заговорили в 1953 г. на Международном семинаре по междисциплинарным связям (Блумингтон, США), проходившем под патронажем известных американских ученых — психолога Ч. Осгуда и антрополога, этнографа Т. Сибеока. Примечательно, что о необходимости выделения и обоснования новой дисциплины заявили ученые США, где долгое время триумфально развивалась структурная лингвистика, сосредоточившая все внимание на исследовании закономерностей организации и внутреннего устройства языка как особой системы знаков, рассматриваемой вне человека. Такой подход, обеспечив известное продвижение в области познания структуры и системы языка, не смог объяснить работу живых механизмов функционирования языка в процессе естественной человеческой коммуникации. Вскоре все более и более настойчиво стали обосновывать необходимость изучения так называемого человеческого фактора в языке, осмысления процессов говорения и понимания (восприятия) речи — основных компонентов категории «речевая деятельность», лежащей в основе современной отечественной психолингвистики.

Сразу же заметим, что речь идет здесь только об оформлении соответствующих научных знаний в новую дисциплину, поскольку интерес к изучению психологических механизмов речевой деятельности возник гораздо раньше. Достаточно вспомнить о плодотворности психологического направления в европейской лингви-

стике XIX века (В. фон Гумбольдт, Г. Штейнталь, В. Вундт, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ), впитавшего в себя прогрессивные идеи психологии и сравнительно-исторического языкознания. Это направление подготовило почву, без которой, собственно, возникновение психолингвистики в ее нынешнем виде было бы невозможным. У истоков психолингвистики стояли как отечественные, так и зарубежные лингвисты и психологи начала XX века. Яркими предшественниками отечественной психолингвистики были со стороны лингвистики М.М. Бахтин (Волошинов), Л.П. Якубинский, Е.Д. Поливанов, со стороны психологии — Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев. Важная роль в создании концепции отечественной психолингвистики принадлежит петербургской школе, и, прежде всего, Л.В. Щербе. По существу, идейная борьба петербургской фонологической школы со структуралистскими (антипсихологическими) воззрениями московских фонологов прокладывала путь психологическому осмыслению механизмов речевой деятельности. Основные постулаты отечественной психолингвистики были изложены в работе Л.В. Щербы «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». Это положения 1) о приоритетном изучении процессов говорения и понимания (восприятия), 2) о важности исследования «отрицательного» языкового материала (детской речи и патологии речи), 3) о необходимости использования в языкознании экспериментальных методов.

Психологический базис отечественной психолингвистики формировался главным образом на культурно-исторической психологии Л.С. Выготского (1920—1930-е годы). Ее определяющие идеи воплотились в сфокусированном виде в двух основных положениях: а) речевая деятельность представляет собой совокупность мотива, цели и иерархической структуры речевого общения; б) в центре речевой деятельности находится человек как социальное существо, поскольку именно социум формирует и регулирует его речедеятельностные процессы. Из-за того, что в центре внимания формирующейся науки оказалось речевое общение как деятельность, отечественная психолингвистика получила второе наименование — «теория речевой деятельности».

Зарубежная психолингвистика опиралась прежде всего на традиции психологической школы Жана Пиаже во Франции и школы речемыслительной деятельности Джорджа Миллера и Ноама

Хомского в США. Согласно теории Ж. Пиаже, мышление ребенка в своем развитии преодолевает три стадии: сенсомоторную, дооперациональную и формально-операциональную. Речь ребенка развивается, по мнению Ж. Пиаже, под воздействием двух факторов: а) общения с другими членами этноязыкового коллектива и б) преобразования внешнего диалога во внутренний (эгоцентрическое общение с самим собой). Эгоцентрическую речь можно наблюдать, когда человек разговаривает с условным собеседником, с домашними животными, с растениями, неодушевленными предметами. Таким образом, ребенок (и даже взрослый), ни с кем вроде не общаясь, создает себе социальный резонанс.

Концепция Миллера—Хомского опиралась на теорию порождающей грамматики, согласно которой в основе языка лежит ограниченная система правил, задающая бесконечное число «правильных» предложений-высказываний. С помощью этой системы правил говорящий выстраивает «правильное» высказывание, а слушающий его декодирует (пытается его понять). Для осмысления процессов — говорения и понимания Н. Хомский вводит понятия «лингвистическая компетенция» — потенциальное знание языка и «языковая активность» — процесс реализации этой способности. Лингвистическая компетенция — первична, языковая активность — вторична.

В процессах говорения и понимания ученый различает поверхностные и глубинные грамматические структуры. Глубинные структуры воспроизводятся или (чаще) трансформируются в поверхностные. Механизмы преобразования одних структур в другие получают у Дж. Миллера психологическую интерпретацию и рассматриваются как своеобразное проявление мышления. Психолингвистические исследования в других странах (ФРГ, Англии, Италии и др.), как правило, развивают идеи Миллера—Хомского. Поэтому зарубежная психолингвистика является преимущественно трансформационистской.

В истории психолингвистики различают, по крайней мере, три направления: ассоциативную, трансформационистскую и речедеятельностную психолингвистку.

Основателем ассоциативной[1] психолингвистики является Ч. Осгуд. В качестве исходной концепции здесь используется нео-

[1] *Ассоциация* (в психологии) — это связь между отдельными представлениями, при которой одно из представлений вызывает другое.

бихевиоризм — учение, согласно которому поведение человека рассматривается как система реакций на стимулы, поступающие из внешней среды. В отечественной психолингвистике этому принципу речевого поведения противопоставляется принцип активности, когда человек действует не по схеме «стимул — реакция» а согласно выстроенной им же программе действий, по наиболее рациональному пути, ведущему к достижению цели. Трансформационная психолингвистика, как уже отмечалось, создавалась школой Миллера—Хомского.

7.2. Проблемы отечественной психолингвистики

Речедеятельностная психолингвистика — детище отечественной науки. Ее становление связано прежде всего с именем Л.С. Выготского, учение которого выводило психолингвистику из-под влияния бихевиоризма и представлений о независимых «законах духа» в культурно-историческую плоскость.

Концепция Л.С. Выготского, таким образом, лишена тех крайностей, которые были присущи зарубежной психолингвистике: с одной стороны, учитывая биологическую природу человека, она уходит от вульгарного социологизма, с другой, основываясь на социальной сущности носителя языка, она уходит от какого-либо господства идей бихевиоризма. Деятельность человека, согласно этой теории, опосредована общественно обусловленной системой 1) орудий труда и 2) «орудий» интеллектуального поведения (знаки). Причем вторые являются аналогом первых. Знаки как орудия интеллектуальной деятельности открывают перед человеком новые, более совершенные возможности общества, которые не в состоянии обеспечить ни безусловные, ни условные рефлексы. Знак, повторяя материальное орудие труда, ориентирован не вовне, а внутрь. Поэтому они выполняют функцию интериоризации (лат. *interio* «внутрь»).

Мышление (в широком понимании) — это активная познавательная деятельность, в том числе внутренний процесс планирования и регулирования внешней деятельности. Иными словами, мышление можно интерпретировать а) как процесс отражения внешнего (предметного) мира в виде внутренних образов, процесс превращения материального в идеальное; б) как деятельность с отсутствующими предметами. Однако для осуществления

такой (активной познавательной) деятельности с отсутствующим предметом человеку необходим специфический посредник между реальным предметом и его идеальным аналогом (образом). Таким посредником выступает знак — некий «предмет», способный в мысли замещать соответствующий предмет. Специфика мыслительной деятельности как раз в том и состоит, что человек оперирует уже не реальными предметами, а их знаковыми заместителями. Знаки, при помощи которых осуществляется мышление, подразделяются на неязыковые и языковые. Но в любом случае мышление — знаковая форма деятельности. В связи с этим мышление может быть неязыковым и языковым. Языковое мышление — это деятельность с отсутствующими предметами, опирающаяся на языковые знаки, означающие (тела) которых случайны (условны), безразличны к мыслимым предметам, поскольку не имеют с ними генетической и содержательной связи. Поэтому один и тот же предмет обозначается в разных языках знаками совершенно разными означающими. Ср.: рус. *стол,* англ. *table,* нем. *der Tisch.*

Интериоризация в психологии — процесс превращения внешних практических действий во внутренние, мыслительные. Противоположный процесс — экстериоризация — превращение мыслительных (внутренних) действий во внешние (практические). Интериоризацию в речедеятельностной психолингвистике следует понимать как переход от внешней, интерпсихической, социальной деятельности к внутреннему, интрапсихическому, знаковому, индивидуальному по форме, но социальному по сути. Это, прежде всего, методологическая схема интерпретации процессов формирования языковых (и неязыковых) знаков, взаимодействия языковых значений и речевых смыслов. При этом необходимо помнить о предостережении Е.Ф. Тарасова: интериоризацию нельзя трактовать односторонне как прямое, механическое перенесение внешнего, материального во внутреннее, идеальное. Убедительным доказательством справедливости этих суждений может служить, в частности, факт образования внутренней речи ребенка из внешней или трансформации внешних речевых действий (в форме речи собеседника) при их смысловом восприятии [Выготский Л.С., 1934; Жинкин Н.И., 1958; Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., 1985].

Проблема интериоризации, таким образом, — сфера пересечения психолингвистики и когнитивной лингвистики. Говорить о

таком взаимодействии можно уже потому, что идеи интериоризации опираются на понятия знака, значения и предикации в их отношении к сознанию. Системность сознания (идея Л.С. Выготского) обусловливается системой знаков. Сами знаки имеют не врожденный, а приобретенный характер. Значение — это не только продукт общения, коммуникации и мышления. Значение — это точка пересечения социального и психического (внешнего и внутреннего), т.е. это не только результат деятельности, но и сама деятельность. Отсюда берут начало объяснения динамики языка: жизнь слова в контексте и вне контекста, его варьирование, изменение спектра лексико-семантических вариантов (ЛСВ), появление новых значений и т.п. Динамика языковых единиц наиболее очевидна в высказывании — элементарной единице речевой деятельности. В высказывании, как в капле воды, отражаются особенности речевой деятельности в целом. Поэтому в центре внимания теории речевой деятельности находится высказывание, точнее, его порождение.

Общая модель порождения высказывания была разработана в 60-е годы А.А. Леонтьевым и Т.В. Рябовой (Ахутиной)[1]. Состоит она из трех блоков: 1) программирования грамматико-семантической стороны высказывания (его внутренней программы, имеющей линейную организацию типа: субъект > предикат > объект, связанную с личными смыслами (а не с социально обусловленными значениями слов) и с предикацией (операцией соединения чего-то с чем-то); 2) грамматической реализацией высказывания и выбором слов; 3) моторным программированием высказывания (его произнесением). В современном языкознании механизм порождения речи плодотворно обсуждается в трудах А.А. Залевской, И.А. Зимней, Е.С. Кубряковой, Ю.В. Красикова и др.

В последней четверти XX века в связи со стремительным развитием лингвистики текста намечается переход от психолингвистики *высказывания* к психолингвистике *текста*.

Основной метод психолингвистики — лингвистический эксперимент, в рамках которого разработаны разные методики: а) ассоциативного эксперимента, б) экспериментального шка-

[1] См.: *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.

лирования, в) вероятностного прогнозирования и г) индексирования текста. Как видим, у А.А. Леонтьева были все основания утверждать, что психолингвистика — это, прежде всего, лингвистика экспериментальная.

Задачи метода лингвистического эксперимента и методика его применения зависят от цели исследования и уровневого статуса языковых единиц. Так, слова — основные номинативные единицы — в психолингвистике изучаются с точки зрения того, как они располагаются в нашем языковом сознании, по какому принципу структурируются (относительно друг друга), как в процессе порождения высказывания ведется их поиск и т.п. Чаще всего для ответов на поставленные вопросы используется лингвистический эксперимент, опирающийся на методику свободных ассоциаций (разработана данная методика уже на первом этапе развития психолингвистики Ч. Осгудом; ее модель: *стимул — реакция).* Каждому испытуемому предлагается отреагировать первым пришедшим на ум словом или словосочетанием[1].

Это дает возможность психолингвистического исследования слова и его значения с различных точек зрения. К ним относят ассоциативный, параметрический, признаковый, прототипный и ситуационный подходы. Анализ *ассоциативных связей* слова позволяет обнаружить те глубинные схемы внутренних связей и отношений, которые складываются у человека через речь и мышление.

Параметрический подход основан на том, что для каждого носителя языка значение слова не является монолитным: его можно разложить на компоненты, степень выраженности которых поддается количественному измерению. Такой подход позволяет решить ряд проблем современной психосемантики (проблемы соотношения языкового сознания и языковой личности, психологической структуры значения и др.).

Признаковый подход направлен на познание того, как пользуются значением слова говорящий и слушающий, какими денотативными признаками (определяющими, характеризующими и т.п.) они манипулируют в процессе речемыслительной деятельности.

---

[1] Связь между *словом-стимулом* и *словом-реакцией* называется ассоциацией.

Прототипный подход позволяет определить типичное сочетание признаков и степень их значимости для отнесения предмета речи к соответствующей категории (Э. Рош, Р.М. Фрумкина и др.).

Ситуационный подход предполагает раскрытие внутренних механизмов реализации значения того или иного знака. При этом исходят из того, что актуализация значения происходит в процессе речевой деятельности человека через включение значения в более объемную когнитивную структуру: пропозицию, фрейм, схему, сцену, сценарий, событие, ментальную модель и т.п.

Применительно к словообразованию лингвистический эксперимент обычно призван ответить на два вопроса: 1) как «рождаются» новые слова и 2) как «живет» производное слово в нашем языковом сознании? Для этого испытуемым (детям дошкольного возраста) предлагается ответить на ряд вопросов, предполагающих употребление производного слова. При этом участникам эксперимента в качестве производящих даются известные и не известные им слова. Например: *Как называются женщины, которые убирают помещение / учат детей / выпекают хлеб / стирают белье?* Получаем: *уборщица, учительница, «выпекательница», «стирательница»*. Производное слово воспроизводится по одной и той же модели — наиболее продуктивной (частотной). В двух последних случаях образованы речевые неологизмы по известной уже модели. В основу окказионального словообразования обычно кладут важный, бросающийся в глаза признак именуемого объекта (в наших примерах — это соответствующий процессуальный признак). Новое слово образуют в том случае, когда говорящий понимает сущность явления, но не знает, как оно называется одним словом *(пекарь, прачка)*.

В области грамматики психолингвистика разъясняет правила смысловой организации речевого высказывания (отношения между словоформами, виды грамматической связи между ними). Классический эксперимент в этой сфере языка был поставлен в свое время Л.В. Щербой. Ученый предложил своим студентам передать смысл, вытекающий из «предложения», состоящего из квазислов (словоформ, лишенных лексических значений): *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка.* Эксперимент показал, что предложенные грамматические формы 1) способны выражать грамматические значения (например, *куздра* — субъект действия, существительное женского рода, ед. числа, именитель-

ного падежа, одушевленное и т.д.); 2) вступать между собой в грамматические связи и отношения; а 3) языковое сознание человека при этом располагает синтаксическими моделями, схемами и образцами, где значимые позиции представлены грамматическими формами (N-V: *Композитор сочиняет симфонию. Девочка собирает цветы.* N-Adj: *Булочки у нас вкусные. Дождь сегодня ливневый).* По существующим в нашем сознании моделям можно построить фразу бессмысленную, но правильную в синтаксическом отношении. Примером служит ставшая уже хрестоматийной фраза Н. Хомского, предложенная испытуемым для определения ее правильности: *Бесцветные зеленые идеи бешено спят.* Участники эксперимента признали ее грамматически правильной. Психолингвистический эксперимент помогает обнаружить коммуникативно-прагматические свойства высказывания (ситуации общения, коммуникативные намерения, связь коммуникативного значения с контекстом, его актуальное членение на тему и рему).

Материалом психолингвистических исследований является речь (высказывания, тексты) вообще, «ненормативные» виды речевого общения, детская речь, патология речи (афазии, угнетения одного из полушарий коры головного мозга, хезитации — колебания в речи говорящего и т.п.). Наиболее специфическим предметом изучения в этом ряду следует считать патологию речи, которая исследуется новой дисциплиной — нейролингвистикой (А.Р. Лурия и его школа). Те же аспекты психолингвистики, которые связаны с лингвистическими механизмами познавательной деятельности, в последнее десятилетие становятся предметом исследования когнитивной лингвистики.

В целом современная психолингвистика позволяет устранить некоторые традиционно «белые пятна» языкознания: представить лексикон как динамическую функциональную систему, моделировать процессы опознавания слов (производных, многозначных, неологизмов, метафор и фразеологических единиц), процессы речепроизводства и понимания речи (текста), решать проблемы билингвизма, описывать стратегии овладения и пользования языком.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М., 1997.
2. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999.

3. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001.
4. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
5. *Сахарный Л.В.* Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.
6. *Фрумкина Р.М.* Психолингвистика. М.: Издательский центр «Академия», 2001.

Дополнительная

1. *Клименко А.П.* Психолингвистика. Минск: Изд-во Белорус, ун-та, 1982.
2. *Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
3. Психолингвистика за рубежом. М., 1972.
4. Психолингвистика: Пер. с англ., итальян., нем., франц. М., 1984.
5. Русский ассоциативный словарь. М., 1994.
6. *Сорокин Ю.А.* Введение в этнопсихолингвистику. Ульяновск, 1998.
7. *Тарасов Е.Ф.* Тенденции развития психолингвистики. М., 1987.
8. Этнопсихолингвистика. М., 1988.

Вопросы и задания

- Раскройте содержательную специфику основных направлений психолингвистики: ассоциативистского, трансформационистского и речедеятельностного.
- Раскажите о наиболее известных предшественниках отечественной психолингвистики.
- Кто стоял у истоков зарубежной психолингвистики? В чем состоит методологическое расхождение отечественных и зарубежных психолингвистических школ?
- В чем состоит психолингвистическая сущность процессов интериоризации и экстериоризации (сферы пересечения психолингвистики и когнитивной лингвистики)?
- В чем смысл метода лингвистического эксперимента? Продемонстрируйте возможности его применения в области лексики, грамматики и словообразования.
- Изучив рекомендуемые работы А.А. Леонтьева и Т.В. Рябовой (Ахутиной), начертите схему порождения высказывания.

Глава 8

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

8.1. Основные понятия когнитивной лингвистики

Когнитивная лингвистика — одна из новых когнитивных наук, объектом исследования которых является природа и сущность знания и познания, результаты восприятия действительности и познавательной деятельности человека, накопленных в виде осмысленной и приведенной в определенную систему информации. Определим исходные понятия новой дисциплины.

Познание — процесс отражения и воспроизведения в мышлении действительности, в результате которого происходит накопление знаний; это взаимодействие систем восприятия, понимания, представления (репрезентации) и порождения информации.

Информация — сообщения о фактах, событиях, процессах; данные, сведения, знания, приходящие к человеку по разным каналам и кодируемые, обрабатываемые и перерабатываемые в текущем сознании; знания, представляемые и передаваемые языковыми структурами в процессе коммуникации.

Знание — базисная форма когнитивной организации результатов отражения объективных свойств и признаков действительности в сознании людей, поскольку оно представляет собой важный фактор упорядочения их повседневной жизни и деятельности. Знание — часть памяти, содержащиеся в сознании сведения, результаты отражения объектов окружающего мира, объединенные в определенную упорядоченную систему. Это данные, *полученные* в ходе таких мыслительных процессов, как индукция и дедукция, умозаключение, рассуждение, ассоциация, а также операций сравнения, идентификации, распознавания, категоризации и классификации объектов; данные, *репрезентированные* (представленные) различными когнитивными структурами: фреймами, скриптами, сценариями, пропозициями, образами и т.д. Именно благодаря актуальности и важности в жизнедеятельности человека знание становится элементом культуры. Одновременно с этим знание является продуктом культуры, поскольку процесс освоения человеком правил, норм и стереотипов мышления, выработанных предшествующими эпохами, происходит путем вклю-

чения знаний в реальную историческую практику людей, принадлежащих соответствующему этнокультурному сообществу.

В таких правилах, нормах и стереотипах мышления запечатлен опыт освоения и осмысления окружающего мира, закодирована определенная культура, организованная как некий язык (а не форма жизнедеятельности человека!).

Формы языка культуры и формы знания образуют синергетическое единство, которое обладает исторической изменчивостью, т.е. на каждом ином этапе исторического развития сущность этого единства предстает в новой конфигурации, в ином обличии. Например, практическое сознание характеризуется такими формами своей внутренней организации, которые существенно отличаются от структурирования мифопоэтического сознания и т.д. В соответствии с этим знание а) различным образом включается в архаичную или современную систему культурного сознания и б) выполняет в общественном жизнеустроении разные функции.

В лингвокогнитивном исследовании знание является особым объектом, выявляемым в языке культуры, поскольку в ценностно-коммуникативных системах, организующих сознательную деятельность человека знание играет ведущую роль. Этим данный тип знания отличается от знания практического, методологического или философско-теоретического. Объектом лингвокультурологического анализа является вербализованное знание прагматического типа. Ср.: *душа уходит в пятки* у кого ‘кто-л. боится, испытывает сильный страх’, *нашла коса на камень* ‘непримиримо столкнулись различные взгляды, интересы, характеры и т.п., когда никто не хочет уступать другому’, *<и> калачом не заманишь* кого ‘никакими средствами не дозваться, не заставить, не уговорить’.

В соответствии с выделенными типами знания выработаны специальные подходы к их изучению: структурный, формально-логический и прагматический. Каждый из них, изучая знания с определенной точки зрения, обладает своими преимуществами. Все типы знания соотносятся с объективной реальностью и с другими типами знания. Поэтому можно предположить, что они взаимодополняют друг друга и в этой взаимодополняемости в контексте жизнедеятельности человека обладают особой значимостью. Интегрирование разных моделей знания возможно лишь при наличии общего основания их понимания.

Таким основанием может служить понимание знания как феномена культуры. С этой позиции знание рассматривается в системе исторически сложившегося этнокультурного сознания, упорядоченного с помощью той или иной ценностно-смысловой структуры. Приобретение знаний при таком подходе ставится в зависимость от историко-культурного статуса самого человека как субъекта познавательной деятельности. В этой связи когнитивные структуры также приобретают конкретно-исторический характер, т.е. интерпретируются как процесс, а не как раз и навсегда данное и законсервированное образование. А коль так, то возникает вполне уместный вопрос: что именно является знанием? Иными словами, можно ли считать знанием любые продукты отражения действительности, любую совокупность сведений о том или ином предмете объективного мира? И второй вопрос: может ли знание, структурированное в определенную систему этнокультурного сознания, быть релевантным для иной ценностно-смысловой парадигмы?

Ответы на эти вопросы может дать исследование генезиса и функционирования знаний на разных этапах культурно-исторического развития человечества. Сейчас же достоверно известно лишь то, что *знания вообще* не существует. Оно, по данным М. Коула, формируется, бытует и теряет свою актуальность только в формах, отлитых в матрицах конкретной культурно-исторической парадигмы.

Когнитивные структуры как феномены культуры характеризуются синергетическими закономерностями развития, обусловленными, с одной стороны, общими процессами познания мира, а с другой — теми моделями самоорганизации и осмысления действительности, которые ранее выработаны системой этнокультурного сознания. Такими моделями осмысления окружающего мира выступают, прежде всего, структуры категориально-семантического упорядочивания знания, отражающие особенности восприятия и понимания пространства, времени, движения, причинно-следственных связей и т.п. В каждой культурно-исторической парадигме вырабатываются свои представления о том, что в этом мире является необходимым, реальным и настоящим, а что случайным, вымышленным и иллюзорным.

Лингвокультурологическая ценность категории «знание» определяется тем, что оно конституируется в формах человеческой

субъективности, организованной обычаями, традицией и культурой (В. фон Гумбольдт). Внутри той или иной культурно-исторической парадигмы создаются свои критерии оценки знания, вырабатываются свои семиотические механизмы и правила представления знания в нашем сознании и в коммуникативно-прагматических построениях. Только познав закономерности структурирования знаний в рамках соответствующей культурно-исторической парадигмы и/или ценностно-смысловую структуру этнокультурного сознания, можно с определенной долей достоверности реконструировать изначальную смысловую модель, породившую языковую форму для косвенно-производного обозначения внешнего и внутреннего мира человека. Ср. три значения идиомы *сбоку припеку,* точнее — *сбоку припека,* поскольку можно было бы передать смысл и словосочетанием *боковая припека. Припека (припек)* — это пригоревшие кусочки теста, прилипшие снаружи к разным хлебным изделиям, поэтому они воспринимались как нечто излишнее, ненужное. Именно сема 'ненужное, излишнее' продуцируется этим компонентом идиомы в первом ее значении 'лишний, ненужный, не имеющий прямого отношения к кому-л. или чему-л.'. В других коммуникативно-прагматических ситуациях смысловая структура идиомы приобрела обстоятельственный характер 'будучи лишним или не имея прямого отношения к чему-л. (делать что-л.)' и 'без достаточного основания, без видимых причин, необдуманно (сказать, сделать что-л.)'. Ср.: 1) — *А зачем ты лез в это дело, сбоку припека, кто тебя совал?* (В.И. Даль); 2) *Кто это видел, чтобы сбоку припеку можно что-нибудь путное сделать* (Н.А. Островский).

Итак, культурное знание формируется тремя взаимосвязанными видами деятельности: внешней практической деятельностью, процессами познания и коммуникацией. Знание — противоречивый феномен; оно нетождественно истине уже потому, что на разных исторических этапах человеческой жизни наполняется разным содержанием. На древнейшем этапе человеческой цивилизации это способность целенаправленного взаимодействия организма с окружающей средой. На более поздних стадиях освоения мира человеком знания приобретали ценностно-смысловой статус: событиям и фактам стали давать осмысленные оценки с позиции социальной организации человека, его опыта и представлений о мироустройстве. Такого рода знания теперь объективиру-

ются семиотическими системами, обусловленными ценностно-смысловыми ориентирами той или иной этнокультуры.

В отличие от критерия обыденного знания — практики, критерием знания как феномена культуры служит не столько его соответствие действительности, сколько тот факт, в какой мере данная форма знания согласуется с общими ценностно-смысловыми стандартами культуры. В связи с этим крайне важно различать две разновидности информации: а) *аддитивную* (всю совокупность информации, которую можно получить от ее источника, в нашем примере это различного рода технические приспособления, технология отливки, свойства металла, мастерство рабочих и т.д.) и б) *селективную* (ту информацию, которая отбирается для передачи и получения), т.е. наиболее значимую для человека данного этнокультурного сообщества. Понятно, что для языкового кодирования отбирается информация второго типа. Она может оказаться весьма отдаленной от технологической системы мышления, но важной для коммуникативно-прагматической деятельности. В нашем случае таковой информацией является суеверный обычай, который стал устойчивым смысловым элементом-этимоном этнокультурного сознания. Свидетельством тому служит механизм возникновения пословицы *«Колокола отливают, так вести распускают»*.

Так, в нашем примере знания, связанные с отливкой колокола, значимы для нас не в результате его верификации (опытной проверки его истинности), а в силу его соответствия ценностям (обычаям, суеверию и т.п.) русской культуры XVI века. Однако его несоответствие конкретно-практическому опыту не снижает культурной значимости. Дело в том, что знание в контексте своего культурно-исторического пространства обладает определенной системностью, благодаря которой оно оказывается противопоставленным действительности в целом, не фрагментарно. Такое знание нередко может быть осмыслено в контексте дискурсивных форм организации этнокультурного сознания. Это объясняется тем, что дискурсивное образование («текст, погруженный в жизнь»), вторично интерпретируя и моделируя тот или иной фрагмент картины мира, порождает знаки вторичной и косвенно-производной номинации, поскольку соотносится с ним не отдельными своими частями, а как единое целое. Поэтому вычлененные из текста устойчивые (прецедентные) структуры способны даже

минимизированной формой выражать те ценностно-ориентированные смыслы, которые были сформированы в текстах — продукте дискурсивной деятельности. Примером тому служат метафоры и идиомы библейского происхождения.

Таким образом, знание как самодостаточная семантическая реальность в контексте культуры упорядочивается ценностно-смысловыми моделями традиционного миропонимания. Знание — это системно упорядоченный набор сведений, отложившийся в сознании как часть памяти. Различают знания *языковые* (знание языка — грамматики, лексики и т.п.; знание об употреблении языка; знание основ речевого общения) и знания *внеязыковые* — знание ситуации, адресата (его целей, планов, представлений о говорящем и об окружающей обстановке), знания о мире: о событиях, действиях, процессах и т.д. В центре внимания когнитивной лингвистики находятся, конечно же, языковые знания.

8.2. Лингвистические проблемы концептуализации и категоризации знания

Язык — важнейший способ существования знаний. Кодируются знания главным образом в языковой семантике. Поэтому, «изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления», — писал Р. Джакендофф в книге «Семантика и познания» (1983 г.). Название новой дисциплины и ее основного понятия — «когниция» — восходят к английскому *cognition* «познание» (ср.: *cognitive* «относящийся к познанию», глагол *to cognize* «постигать», «познавать», «узнавать», «понимать»).

Место лингвистики в ряду когнитивных наук показывает схема Е.С. Кубряковой.

В отличие от других когнитивных наук предметом изучения когнитивной лингвистики является все-таки не само знание (познание), а язык как общий механизм приобретения, использования, хранения, передачи и выработки знаний. На первый взгляд, данный предмет не вызывает ощущения новизны, поскольку с середины XIX века лингвистика развивалась под знаменем взаимоотношений языка и мышления. Достаточно вспомнить концепции В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни (XIX век) и семантические теории, созданные в XX веке отечественными языковедами (В.З. Панфилов, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, Ю.Н. Кара-

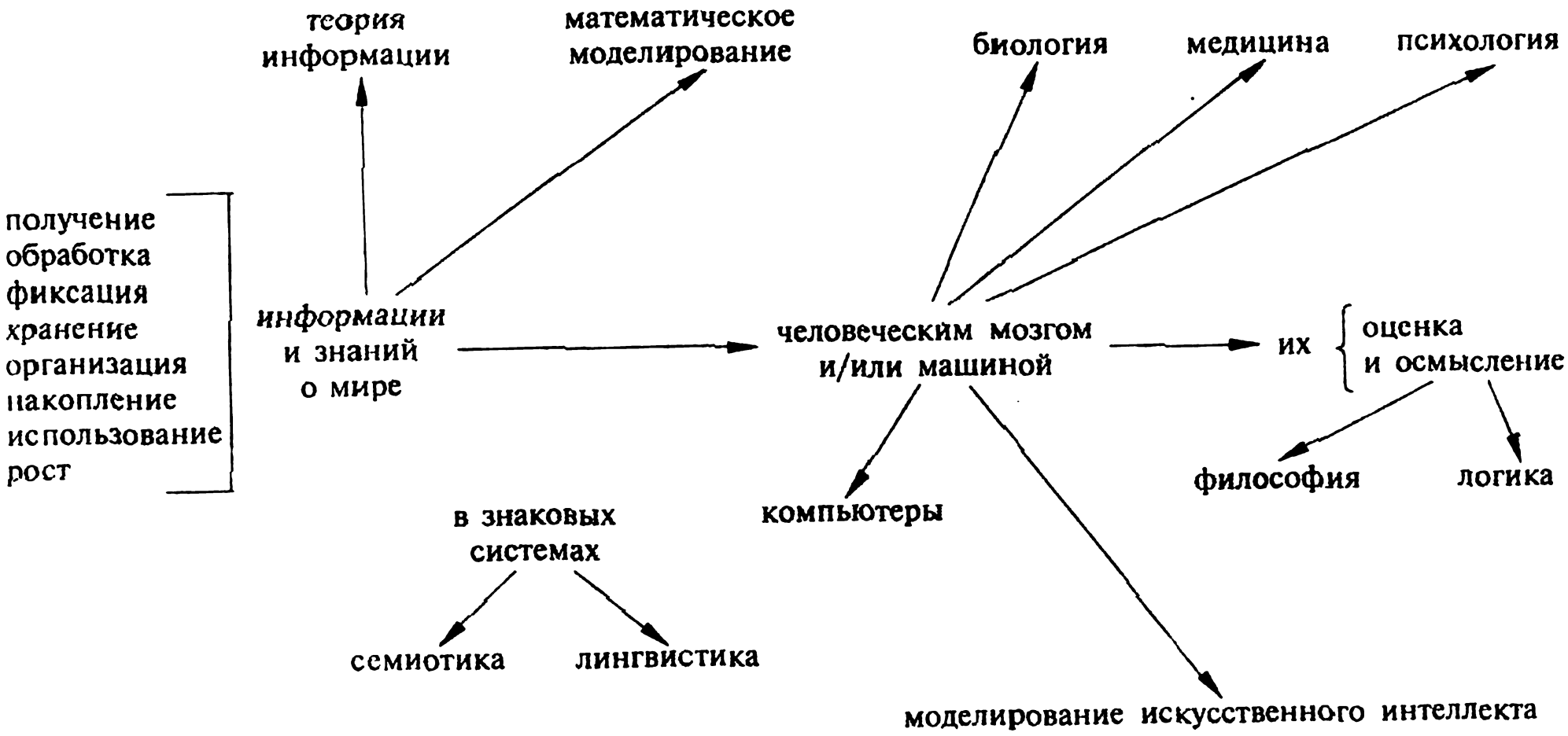


Схема Е.С. Кубряковой

улов, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева, и др.). И это не стоит сбрасывать со счетов, когда речь заходит об истоках когнитивной лингвистики. Она имеет, как видим, достаточно яркую предысторию и вполне реальные предпосылки. Вместе с тем перед нами новая лингвистическая дисциплина, так как ее отличает от предшествующего этапа изучения взаимоотношения языка и мышления *процедурное использование информационно-поисковых метафор и образов,* связанных с *приобретением, использованием, хранением, передачей и выработкой знаний.* Когнитивная лингвистика — комплексная научная дисциплина, интегрирующая подходы и идеи нескольких наук: теории искусственного интеллекта (теории имитации человеческого интеллекта с помощью электронно-вычислительных машин), языкознания, психологии, психолингвистики и неврологии.

Наиболее убедительно возможности информационно-поискового подхода к познанию человеческой ментальности раскрыла в середине XX века психология, сформировавшая новую дисциплину — когнитивную психологию, очертившую свой предмет, методы и метаязык (язык-посредник) для обозначения когнитивных метафор и образов.

Когнитивную лингвистику, в отличие от других дисциплин когнитивного цикла, интересуют только те когниции, которые присущи человеку: ментальные механизмы понимания и порождения речи, связанные с представлением языкового знания как *особого механизма обработки (переработки) информации. В связи* с этим главной задачей когнитивной лингвистики является «системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов»[1].

Для решения этой задачи необходимо уяснить содержание и очертить границы понятия когниции. Традиционно это понятие включало такие виды познания, как абстрактное, наглядное, обыденное, а также теоретическое, интроспективное (обращенное на самое себя), отчетливое, смутное и т.п. На современном этапе развития когнитивизма это понятие значительно расширило свои рамки: под него подводятся *знание, сознание, разум, мышление, представление, творчество, разработка стратегий речемышления,*

---

[1] *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 17.

символизация, логический вывод, фантазирование и т.д. В его пределах находятся и привычные психические процессы — восприятие, мысленные образы, воспоминание, внимание и узнавание. Когниция, таким образом, будучи основным понятием когнитивной лингвистики, обеспечивает ей более широкие горизонты, чем те, которыми располагала традиционная теория взаимоотношения языка и мышления. Когниция отличается и от знания, и от эмоции. Когниция имеет дело не только с истинными знаниями, но и мнениями, которые, как известно, могут быть и ошибочными. И знания, и мнения в когнитивной лингвистике рассматриваются с точки зрения представления их языковыми структурами. В отличие от эмоции, когниция в высшей степени структурирована.

Примечательным свойством когниции следует считать ее взаимонаправленность. С одной стороны, она формируемая, а с другой — миропреобразующая сила (В.З. Демьянков). Структурированные в нашем сознании образы не только отражают мир, в котором мы живем, но и порождают различные модели мира, поскольку «всякая мысль метафорична» (Ф. Ницше). Отсюда специфика языковой когниции: посредством языковых знаков фигуры мышления (языковые образы) не просто хранят или передают информацию; они ее анализируют и интерпретируют. Интерпретация речевого сообщения — это вид когниции, непосредственным объектом которой является продукт речемыслительной деятельности. Когниция, таким образом, вдвойне «интерактивна», поскольку связана и с воспринимаемым внешним миром, и с внутренним миром носителей языка. Следовательно, человек — активный субъект познания: рассматривающий, познающий и преобразующий.

Связь когнитивной психологии с лингвистикой вполне закономерна: психические процессы внешне недоступны, извлечь их из глубин человеческого сознания можно лишь через структуры их представляющие. Таковыми являются языковые образования. Поэтому язык оказывается в центре внимания когнитологов: язык — главное средство формирования и выражения мысли. Следовательно, если язык рассматривать источником поверхностных структур, репрезентирующих когнитивные (глубинные) структуры, то познавать последние целесообразнее всего через доступные нам языковые структуры.

В связи с этим необходимо попытаться понять, как устроены, по крайней мере, две формы кодирования информации — когнитивная и языковая. В работах современных ученых все более убедительно проводится мысль о том, что это не одна и та же, а разные пропозициональные формы представления знаний, которые, однако, органически взаимосвязаны: слова взаимоассоциируются лишь при условии, что соответствующие им понятия входят в закодированные в памяти пропозиции — целостные мыслительные субъектно-предикатные структуры, отражающие некоторые ситуации и конфигурации их элементов. Взаимосоотносимость стереотипных ситуаций (фреймов) и пропозиций, убеждает Ю.Н. Караулов, «в универсальности пропозициональной структуры как элемента всех ментальных процессов»[1]. А память человека представляет собой огромную *сеть взаимопересекающихся пропозициональных деревьев. Каждый узел пропозициональной сети содержит концепт.* С таким узлом связаны и вербализующие концепт языковые знаки, занимающие в лексиконе человека вполне определенные позиции. Поэтому *через систему знаков естественного языка открывается доступ к внутреннему ментальному лексикону человека* — важнейшему механизму когнитивной переработки информации (А.А. Залевская). «Внутренний лексикон, — разъясняет Е.С. Кубрякова, — это не только «склад» единиц, организованный таким образом, чтобы объяснить поиск и нахождение нужной единицы, но скорее действующая система, в которой каждая единица «записана» с инструкцией ее использования». Оперативная когнитивная структура получила название *концепт,* а языковую структуру, вербализующую концепт, представляет языковой знак в самом широком его понимании (слово, фразеологизм, предложение)[2]. Семантика языкового знака — главный источник знаний о содержании репрезентируемого концепта. Поэтому исследовательский путь от семантики языкового знака к содержанию соответствующего концепта следует считать истинным.

---

[1] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 194.

[2] Обычно в качестве репрезентантов концепта рассматривают слово и фразеологизм. После появления книги *Т.Я. Волохиной* и *З.Д. Поповой* «Синтаксические концепты русского простого предложения» (Воронеж, 1999) этот ряд можно дополнить предложением.

Зарождается концепт как единица универсального кода, т.е. как индивидуальный чувственно-предметный образ, в основе которого лежит чувственный опыт. Он вполне конкретен. Так, у одного человека концепт *книга* представлен образом букваря, у другого — Библии, у третьего — любимым томиком А.С. Пушкина. Со временем конкретный образ абстрагируется от реального предмета и превращается в собственно мыслительный (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова и И.А. Стернин), но он всегда индивидуален, так так восходит к личному опыту.

Однако не следует думать, что образ, лежащий в основе концепта, никак не связан с общественным сознанием. Как раз наоборот, личностные образы связаны с этнокультурными представлениями и в конечном счете становятся или общеэтническими, или групповыми, или личными.

Предметно-образный код составляет ядро концепта, которое в процессе углубленного познания объекта обогащается новыми смысловыми признаками; в результате увеличивается объем концепта, «уплотняется» его содержание. Смысловые признаки находятся в нежестко детерминированных отношениях; они способны видоизменяться, угасать или актуализироваться в зависимости от социокультурного опыта личности. Поэтому концепт лишен четкой структуры и внутренней организации частей и компонентов. Вместе с тем концепт не хаотичен, его компоненты (признаки) определенным образом упорядочены: предметно-образное ядро в высшей степени конкретно, периферийные компоненты могут быть предельно абстрактными; разные слои концепта находятся в отношениях производности. Этими свойствами концепт принципиально отличается от понятия.

Зарождение концепта происходит благодаря соотнесению (связыванию) предметных образов (не понятий!). Действительно, если образуются простейшие суждения типа *мурашки бегают (по телу)*, то было бы ошибочным думать, что элементы этого суждения (субъект и предикат), выраженные словами *мурашки* и *бегать*, представляют собой некие понятия. За этими словами просматриваются лишь сенсорно-перцептивные образы. Понятийные обобщения оказываются элементами суждения лишь на высшем уровне мысли. На низших уровнях речемышления оперативными единицами суждения выступают первичные и вторичные образы. Поэтому следует признать убедительной точку зрения тех ученых,

которые (в отличие от логиков) рассматривают производный характер понятий и генетическую первичность суждений (К. Бюлер). В таком случае *понятие* — структурная единица мысли, *суждение* — структурная форма мысли. Данная концепция весьма органично вписывается в теорию онтогенеза речемышления, разработанную Л.С. Выготским (1956). Ученый утверждает: «Подобно тому, как слово существует только внутри целой фразы, и подобно тому, как фраза в психологическом отношении появляется в развитии ребенка раньше, чем отдельные изолированные слова, подобно этому и суждение возникает в мышлении ребенка прежде, нежели отдельные, выделенные из него понятия» [Выготский Л.С., 1982: *209*]. Из всех этих размышлений вытекает несколько важных для когнитивной семантики положений:

- суждение генетически предшествует понятию;
- понятие всегда существует только в структуре суждения;
- не всякое суждение состоит из понятий;
- понятие — более сложная когнитивная структура, структурная единица мысли.

В обыденном суждении, где структурной единицей мысли понятие быть не может по определению, таким структурным элементом выступает первичный или вторичный образ. Обратим внимание: образ — структурный компонент речемысли, но не ее структурная единица. Если понятие как структурную единицу мысли будет позволено (вслед за Л.М. Веккером) сравнить с «молекулой», то образ — ее «атом».

Сложные конфигурации понятий, образов, языковых значений и внеязыковых смыслов — когнитивная база для формирования концептов, или общих (обыденных) понятий, ментальных сущностей нежестко структурированного характера.

1. Итак, в отличие от *понятия*, термин *концепт* используется для обозначения двух когнитивных сущностей: с одной стороны, это первоначальное представление, сформулировавшее инвариантный обобщенный образ (О.М. Фрейденберг) и стимулирующее порождение слова — концепт-1, или предметно-образный концепт; а с другой — ключевое слово этнокультуры, или имя-концепта, концепт-2, т.е. концепт, возникающий в ходе лингвокреативного мышления и представляющий в этноязыковом сознании один из его базовых элементов.

2. Концепт-1 и концепт-2 представляют две фазы когнитивной деятельности: а) начальную, когда происходит формирование словесного знака в различных модификациях его означающего и означаемого, и б) конечную, на которой слово, включенное в определенное этнокультурное пространство, превращается в средство понимания и интерпретации самой культуры. Более того, и концепт-1, и концепт-2 следует рассматривать как лингвокультурные явления: 1) в процессе порождения слова происходит свертка события и кодирование предметно-образного опыта, приобретенного в рамках соответствующей культурно-исторической формации, а 2) в составе определенной лингвокультурной парадигмы (как имя культуры) уже возникшее слово, прирастая в своем значении дискурсивными смыслами, превращается в ***культурему, означающим которой выступает языковой знак во всей своей билатеральной целостности, а означаемым — «предмет» этнолингвальной культуры.***

3. Поскольку знак вторичного лингвосемиозиса одновременно представляет и концепт-2 (актуально), и концепт-1 (ретроспективно), то когнитивное его осмысление предполагает комплексный анализ первичного и вторичного ментального образования. Для достижения этой цели недостаточно предъявить культурно-исторический паспорт слова (концепт-1). Произведя сопоставительный анализ его этимологического значения, семантики и прагматики, необходимо показать внутреннюю семасиологическую динамику формирования и развития означаемого знака вторичного и тем более косвенно-производного именования путем преобразования ономасиологической структуры знака первичной номинации. Такой анализ позволит выявить имплицитные механизмы порождения концепта-2 как имени культуры, в частности, поймать столь неуловимую для научного истолкования жар-птицу, прозаично называемую «национально-культурный компонент» значения слова.

4. Лингвистическая и экстралингвистическая нити такого исследования вплетают в единое лингвокультурное полотно этимологический и диахронический элементы языкового значения, его внутреннюю форму и современное смысловое содержание, семантику контекста (лексического, ситуативного, коммуникативно-прагматического), дискурсивное содержание знака, анализ его импликационала в синтагматическом и парадигматическом измерении.

5. На заключительном этапе в результате сопоставления современного и ретроспективного содержания знака вторичной номинации как языкового явления и как культуремы устанавливается лингвокультурная значимость концепта-1, кодирующего продукты предметно-чувственного освоения мира, и концепта-2, декодирующего содержание концепта-1, принявшего участие в формировании обобщенно-целостного значения образного слова. Важное место в таком анализе занимает осмысление взаимосвязи концепта и дискурса: 1) установление роли концепта-1 в порождении дискурса и 2) роли концептообразующего дискурса в лингвокреативном порождении знаков, среди которых наиболее сложным синергетическим потенциалом обладают знаки непрямого именования — вторичные и косвенно-производные.

8.3. Типы концептов и их вербализация

В зависимости от характера содержания выстраивается следующий видовой ряд концептов: представление, схема, понятие, фрейм, сценарий и гештальт.

Фрейм — статический, а **сценарий** — динамический мыслительный образ. Для лингвокультурологического описания знаков вторичной номинации из множества существующих в современной когнитивной лингвистике определений фрейма наиболее плодотворным является то, которое вытекает из теории М. Минского: фрейм — это мыслительный образ стереотипной ситуации. Особую значимость здесь приобретает характер денотации: мыслительная связь данного когнитивного образования с денотативной ситуацией особого рода — стереотипной. Вторым, не менее важным категориальным признаком фрейма, является его структурированность, объединяющая в единый когнитивный образ языковые и неязыковые знания. Третьим принципиально существенным для лингвокультурологии свойством фрейма следует назвать возможность его объективации средствами вторичной и косвенно-производной номинации естественного языка, хотя создатель фреймовой теории ориентировал ее на искусственный язык. В результате номинативная структура, вербализующая фрейм, оказывается изоморфной фреймовой. В этой связи вновь актуальным для нас становится суждение Ю.Н. Караулова о том, что «фрейм любого уровня обобщенности, от самого общего («подго-

товить профсобрание») до элементарного («поговорить с будущим докладчиком»), может быть адекватно выражен переводом его в пропозициональную структуру, т.е. передан пропозицией, а фреймовая сеть — системой пропозиций» [Караулов Ю.Н., 1987: *194*].

Содержание фрейма образуется структурированной совокупностью обязательных и факультативных признаков, так называемых «узлов» и «терминалов» (по М. Минскому). Обязательные признаки фрейма объективируются его когнитивно-пропозициональной структурой. Они входят в качестве смысловых элементов в семантическую структуру единиц вторичной номинации. Факультативные признаки выполняют в структуре фрейма конкретизирующую функцию. Они, по мнению М. Минского, представляют собой «слоты» (позиции, ячейки), которые в процессе познания объекта должны быть «заполнены характерными примерами или данными» [Минский М., 1979: 7].

Так, в старину стереотипная ситуация «извещать народ» соотносилась с фреймом «кто-то посредством чего-то извещает когонибудь о чем-либо». Фрейм «слухи» своей структурой «распускающий слухи субъект — предикат — объект сплетни» как бы набрасывает некую упорядочивающую сеть на продуцируемые когниции, структурируя их по выработанной в нем модели (Е.Г. Беляевская). Его обязательные признаки зафиксированы в семантике языковой единицы *звонить (трезвонить) во все колокола* 'во всеуслышание, повсюду, всем говорить, рассказывать, болтать и т.п. о чем-либо' (часто о вздорном, сплетнях, слухах и т.п.). Этими обязательными признаками являются: «открыто» и *(всем)* «разглашать что-либо». Их конкретизируют факультативные признаки: «повсюду», «болтать», «нести вздор», «сплетничать», «распространять слухи».

Такой фрейм, во-первых, характеризуется гибкой структурой (может видоизменять соотношение признаков). Благодаря подвижности фреймовой структуры данный фразеологизм может обозначать различные ситуации: а) просто извещать о чем-либо, б) обнародовать что-либо личное, в) болтать о чем-либо, г) сплетничать и др.

Во-вторых, фрейм содержит мотивирующие смысловые признаки, посредством которых разграничиваются в мыслительном образе ранее сформированные стереотипы, и непосредственно познаваемые реалии, ситуации, подлежащие вербализации в ре-

чевом общении. Важную роль во вторичном знакообразовании нередко играют факультативные смыслы. В нашем примере именно они определяют ассоциативно-образное содержание идиомы.

В-третьих, смысловую специфику идиомы обусловливает парадигматика фрейма, межфреймовые связи и взаимопроникновения фреймов. Ср.: *звонить (трезвонить) во все колокола, кричать на всех перекрестках, перемывать косточки* кому, *разводить турусы на колесах* и др.

Межфреймовое взаимодействие осуществляется за счет общности факультативных признаков: для первых двух таковыми служат признаки «повсюду», «нести вздор», для последних двух — «сплетничать» и «распускать слухи». Следовательно, кроме стереотипной ситуации, репрезентируемой обязательными смысловыми элементами фрейма, данные фразеологизмы представляют еще и так называемые микрофреймы, или терминальные узлы (подфреймы, вложенные фреймы — по терминологии М. Минского). Последние, обособляясь, также могут быть когнитивной базой для вторичного лингвосемиозиса: *звонить* о ком, о чем 'разглашать что-либо, поднимать шум' (разг.) (ср.: *Нечего об этом повсюду звонить); трезвонить* о ком, о чем 'распускать слухи, сплетни' (разг.). При этом обязательные признаки фрейма лишь подразумеваются, образуя известную пресуппозицию: *трезвонить* — значит 'звонить в три колокола (а также вообще в несколько колоколов'; ср.: *трезвонить к обедне.* Отсюда *трезвон* — «церковный звон во все колокола», например: *праздничный трезвон,* а также вторичный номинант *трезвон* 'пересуды, толки' (разг.); ср.: *Пошел трезвон об этом странном происшествии).* Вторичный лингвосемиозис такого рода оказывается возможным благодаря фреймовой структуре знаний, организованной вокруг некоторого наивного понятия и содержащей типические признаки стереотипной ситуации, которые могут быть ассоциированы с новым концептом, вербализуемым уже средствами вторичного номинирования.

Фреймы, таким образом, служат теми когнитивными структурами, которые формируют стереотипы языкового сознания, продуцирующие знаки вторичной номинации благодаря «предсказуемости валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций» (В.В. Красных). Нет сомнения в том, что стереотипы языкового сознания в ассоциативно-вербальной сети хранятся в виде фреймов, структура которых обусловлена предсказуемыми

векторами ассоциаций. В.В. Красных делает также предположение, что тем же способом обнаруживают себя и соответствующие когнитивные структуры, в частности фреймовые структуры, в которые «упакованы» эти стереотипы сознания.

В дискурсивно-когнитивной деятельности человека фреймовые структуры в отличие от нефреймовых обладают предсказуемыми ассоциативно-смысловыми связями компонентов. Ассоциации такого типа обнаруживают стереотипические конфигурации языкового сознания, вербализуемые знаками непрямого номинирования..Например, «сильное желание исчезнуть, скрыться куданибудь от стыда или смущения» как стереотипическая ситуация, зафиксированная в сознании, на основе предсказуемых валентных связей объективируется путем устойчивой ассоциации с воображаемой ситуацией — *готов (рад) сквозь землю провалиться;* стереотип сознания «безразличие», опираясь на предсказуемые ассоциативные связи, объективируется через реальную ситуацию — *повора́чиваться спиной* к кому, к чему (разг.) 'проявлять безразличие, презрительное равнодушие; переставать обращать внимание на кого-, что-либо'.

Нефреймовые структуры характеризуются непредсказуемыми ассоциациями, за которыми не закреплены сознанием стереотипические ситуации. Поэтому средствами их вербализации выступают не языковые знаки непрямой номинации, а их речевые конфигурации, представляя не этноязыковое, а индивидуально-авторское восприятие мира типа *море улыбок, река жизни, звезды говорят, зигзаги жизни* и др.

В целом фрейм выступает мыслительным субстратом вторичного лингвосемиозиса по двум основным своим свойствам: а) как целостное и объемное представление, на базе которого порождается ассоциативными связями необходимое для вторичного семиозиса воображение (ср.: незрелость — *молоко на губах не обсохло* у кого — 1) 'кто-либо совсем еще молод, неопытен', 2) 'кто-либо слишком молод и нахален' — оба значения содержат коннотации пренебрежительности, насмешливости или снисходительности); б) как многокомпонентная структура, соотносящаяся с определенной стереотипной ситуацией (ср. компоненты фрейма: «молодость», «неопытность», «нахальство», «самоуверенность» и стереотипную ситуацию, в которой эти качества проявляются).

Разновидностями фреймовой структуры, вербализуемой знаками непрямого номинирования. являются сценарии, или скрипты, — стереотипные эпизоды, происходящие во времени и пространстве. По определению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, сценарий — это тот же фрейм, но отражающий денотативную ситуацию в движении, развитии, в последовательном разворачивании ее элементов во времени и пространстве [Попова З.Д., Стернин И.А., 2000: *19*]. Собственно фрейм — мыслительный образ в статике. Ср.: хлопоты: *хлопот (забот) полон рот — заваривать кашу, расхлебывать кашу;* умный (мудрый): *ума палата* у кого — *набираться ума* [*разума* (разуму), *ума-разума*] (разг.), *браться за ум* (разг.); болтливость: *длинный язык — переливать из пустого в порожнее* (в 1-м значении), *язык развязывается (развязался)* у кого и т.п. Динамика развития какого-либо процесса (процессуального признака), непередаваемая фразеологизмом, как видим, может опираться как на реальные события *(заваривать кашу),* так и на воображаемые *(браться за ум, язык развязывается* у кого). Метафорическая вербализация в таких случаях чаще всего использует конкретные реалии: *У вас своя свадьба, а у нас своя свадьба. Сейчас начнет лекцию читать. С завершением марафона!* (поздравление с завершением долговременной и трудоемкой работы).. Ср.: *свадьба* 'брачный обряд' → 'хлопотное дело'; *лекция* 'вид вузовского обучения: устное изложение какой-либо темы' → 'назойливое нравоучение'; *марафон* 'спортивное соревнование на самой большой дистанции или в течение длительного времени' → 'длительный и напряженный ход развития чего-нибудь'.

Оба типа знакообозначения (фразеологический и метафорический) используют в качестве когнитивного субстрата тот мыслительный образ, который стоит за базовым словом-концептом (*хлопоты, умный, болтливость, свадьба, лекция, марафон*); фреймовые структуры проецируют лишь общую схему события (в первом примере — *хлопот* (*забот*) *полон рот*), а сценарии «оживляют» соответствующие схемы факультативными смысловыми элементами, деталями и подробностями, порождаемыми дискурсивной семантикой (*заваривать кашу, расхлебывать кашу*). Порождаемая при этом в семантике знаков непрямого обозначения сема движения служит средством репрезентации идеи развития. Когнитивной основой перевода семантической структуры знака из статики в динамику служит преобразование фрейма в сценарий (скрипт).

Ср.: *длинный язык* 'болтливость, неумение сдерживаться в разговоре' и *язык развязался* 'кто-либо начинает много говорить, становится болтливым'.

Возможность взаимного трансформирования одной когнитивной структуры в другую творчески используется человеком в его дискурсивной деятельности: на базе **одного и того же фрейма,** например, дискурсивное мышление моделирует *разные* сценарии и в результате, актуализируя отдельные фрагменты и элементы фрейма, порождает *разные* единицы непрямого знакообозначения. Ср.: *без головы* 'неумный, туповатый, несообразительный' → *голова пухнет* (*распухла*) у кого 'кто-либо утрачивает способность что-либо соображать от чрезмерной работы'; *голова идет* (*ходит*) *кругом* чья, у кого, *голова кружится* (*закружилась*) у кого, чья 'кто-либо теряет способность ясно соображать от множества дел, забот, переживаний'.

В процессе дискурсивного мышления, когда приходится гибко и оперативно пользоваться концептами, возникает множество мыслительных структур промежуточного характера, с невыраженными типологически свойствами: в таких случаях грань между структурированными и неструктурированными, статическими и динамическими образованиями стирается. Видимо, это и послужило основанием А.П. Бабушкину утверждать, что «не существует четкой грани между различными по типу концептами» [Бабушкин А.П., 1996: *63*].

Причем актуализация того или иного элемента фрейма не зависит от его когнитивной значимости: нередко факультативные или даже фоновые знания приобретают особую дискурсивную значимость, становятся ассоциативно-смысловой базой формирования значения знаков вторичной номинации: Ср.: *лихорадка* — 1) 'болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом' и 2) 'возбужденное состояние, суетливость, излишняя поспешность' (*биржевая* ***лихорадка***, *золотая* ***лихорадка***); *лепта* — 1) 'денежная единица в Греции' и 2) 'посильный, малый вклад' (*внести свою* ***лепту*** во что); *изюминка* — 1) 'изюмина (одна ягода изюма)' и 2) 'своеобразная прелесть, острота' (с ***изюминкой*** — о человеке); *завоевать* — 1) 'захватить войной, овладеть' и 2) 'приложив усилия, добиться, достичь чего-нибудь' (***завоевать*** *общие симпатии); жидкий* — 1) 'имеющий свойство течь' и 2) 'недостаточный, неполноценный по величине, силе, жизненности, выразительности' (***жидкий*** *голос,* ***жидкие*** *усилия*).

Гештальт —образно-целостная структура, фокусирующая в себе все многообразие чувственных и рациональных элементов отражаемой денотативной ситуации: *дышать на ладан* — 1) 'быть близким к смерти'; 2) 'существовать последние дни, приближаться к концу'; *лечь костьми* — 1) 'погибнуть в сражении; умереть (обычно в борьбе за великое, справедливое дело)'; 2) 'отдать все силы (употребляется обычно, чтобы показать невероятно большие усилия, которые требуются для достижения чего-л.)'. Предметной целостностью, детерминированной объектом, структура была противопоставлена ассоциации из элементов, поскольку был обнаружен примат структуры над свойствами последних. В ряде отношений элементы подчинены целостному гештальту.

Гештальт-психология обнаружила влияние целого на восприятие частей и факторы объединения частей в целое. Отсюда вытекают важнейшие для дискурсивного знакообразования закономерности:

1. Один и тот же элемент, будучи включенным в разные целостные структуры, воспринимается по-разному.
2. Если заменить отдельные элементы, но сохранить соотношения между ними, то общая структура образа остается неизменной.
3. Наконец, третья форма преобладания целого над частями: сохранение интегральной структуры при выпадении ее частей.

Общий смысл доминирования целого над частями: свойства отдельного элемента целостного объекта восприятия ограничены в собственных степенях свободы и детерминируются (и даже предопределяются) тем местом, которое этот элемент занимает в общей структуре гештальта. Смыслообразующая роль гештальта, формирующего фразеологическое значение, зависит от степени идиоматичности его когнитивной структуры. Идиоматичность определяет сущность гештальта: он одновременно является целостным и анализируемым (членимым); он состоит из частей, но не сводим к совокупности этих частей (Дж. Лакофф). Образование фразеологической полисемии обусловливается свойствами гештальта и типами отношений между его частями, которые, по утверждению Дж. Лакоффа, могут быть различными в зависимости от принятой точки зрения, а по нашим данным, от дискурсивного контекста.

Фрейм-структура — мыслимый в цельности многокомпонентный концепт, отражающий клишированные ситуации в совокупности соответствующих стандартных знаний, объемных представлений и всех устойчивых ассоциаций (главным образом, адгерентного характера): *сидеть у разбитого корыта* 'быть ни с чем, потерять все приобретенное'.

Целесообразность использования моделей описания семантики дискурсивных идиом обусловливается, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, дискурсивные идиомы образуют семантические макро- и микрополя, соотносимые с общим словом-концептом. Фрейм же, по Ч. Филлмору, — это та универсальная структура знания, которая мотивирует, структурирует и определяет объединение номинативных единиц в такие поля, классы и разряды. Во-вторых, способы введения идиом в коммуникативный акт, их сочетаемость в тексте детерминированы дискурсивно-концептуальной природой этих единиц. Когнитивные механизмы такого включения идиом в высказывание также определяются фреймовыми структурами, поскольку они обладают двумя важнейшими для образной семантики идиом свойствами: являются а) средством хранения и структурирования стереотипных ситуаций (М. Минский) и б) средством объединения и взаимосуществования в сознании человека языковых и неязыковых знаний.

Фраземогенный потенциал концептов этого типа обусловливается тем, что фреймы, по утверждению Т.А. ван Дейка, не произвольно выделяемые «атомы» знаний, они являются единицами, организованными «вокруг» некоторого концепта, содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом, имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять и описывать то, что в данном обществе является «характерным и типичным». Именно в силу своей конвенциональности и социальной значимости фрейм как гибкая форма организации знания обладает высокой степенью вариабельности (З.Й. Шмидт), необходимой для формирования импликациональной структуры фразеологического значения.

Концептосхема — контурно-обобщенное представление в семантике идиомы объекта фразеологической номинации, как правило, идиомы метонимического характера: *голова еловая* 'глупый,

бестолковый человек'; *правая рука* кого, чья, у кого 'первый помощник, главное доверенное лицо'. Когнитивным основанием фразеологического значения таких идиом служит контурное, схематичное представление, образный гипероним, с одной стороны, лишенный изобразительной четкости (в первом случае — некий глупыш, во втором — кто-либо из ближайшего окружения), а с другой — не достигший понятийной определенности. Фраземогенный потенциал концептосхемы достаточно высок, что объясняется ее промежуточным статусом между представлением (мыслительной картинкой) и понятием (З.Д. Попова, И.А. Стернин).

Скрипт — стереотипный эпизод с признаком движения, или фрейм в пространственно-временной динамике: *света <белого> не видеть* — 1) 'будучи обремененным непосильной работой, заботами и т.п., не знать покоя, отдыха, нормальной жизни', 2) 'мучительно страдать от нестерпимой боли, какой-л. болезни и т.п.'; *выделывать (выписывать) <ногами> кренделя (вензеля)* 'идти нетвердым шагом, шатаясь, заплетающейся походкой'. Лежащая в основе фразеологического значения эпизодность дискурсивной ситуации нередко разрастается в своего рода сценарий или фрейм как пространственно-временную совокупность отдельных этапов или элементов. Ср.: *играть в кошки-мышки* с кем 'взаимно хитрить, лукавить, стараясь обмануть, провести друг друга'; *забивать голову* кому или чью, чем 'перегружать, обременять память множеством сведений, знаний и т.п. (обычно ненужных)'.

Таким образом, фразеологические значения по своему дискурсивно-концептуальному генезису адгерентно субъективны, антропоцентричны и этнокультурны. Этноэйдемический концепт во всех своих разновидностях — когнитивная основа формирования национально-культурного компонента в семантической структуре идиомы. Если концепты-универсалии существуют в когнитивном сознании как «сгусток» знаний, представлений, ассоциаций, переживаний (Т.А. Фесенко), то концепты-уникалии (этноэйдемы и ономатопоэтические представления) не столько воспроизводят ЛКМ, сколько творчески воссоздают этнокультурные образы как наиболее «живые» фрагменты этноязыкового мировидения.

Данный видовой ряд следует рассматривать не как абсолютно разные мыслительные структуры, а как разные стороны концепта, всех его проявлений, как комплексную мыслительную едини-

цу, которая в речемыслительной деятельности проявляется в одной из своих ипостасей: понятие, фрейм, схема или представление. Нередко в процессе общения эти концептуальные сущности вступают в самые разнообразные комбинации.

Рассматриваемые мыслительные структуры, на первый взгляд, относятся исключительно к когнитивной психологии и к лингвистике не приложимы. С этим можно согласиться, если говорить о невербализованных концептах. Однако вербализованные концепты — предмет когнитивной семантики — подвержены лингвистическому анализу. Ведь значения языковых знаков и семантика текстов (продуктов речемыслительной деятельности) — главный источник осмысления содержания концептов в той или иной их ипостаси, хотя следует признать, что лингвистический анализ не исчерпывает всей глубины и всего смыслового многообразия концепта (личностного, группового и общенационального). В связи с этим лингвистический анализ концептов целесообразно подкреплять и дополнять психолингвистическим.

Основной предпосылкой лингвокогнитивного исследования служат положения о том, что 1) структуры сознания и структуры языка (внутренний лексикон человека в том числе) в речемыслительной деятельности пребывают в активном взаимодействии; 2) структура значения языкового знака есть структура представления знаний; 3) каждым языковым знаком можно эксплицировать целые пласты знаний (о концептах отдельных предметов или явлений, о концептах событий, о концептах типичных ситуаций, о концептах-сценариях и т.д.).

Языковой знак, таким образом, — важнейшее средство проникновения в тайну речемыслительных процессов, средство представления тех концептуальных признаков, которые актуализируются в том или ином контексте общения. Языковой знак выполняет роль «золотого ключика», открывающего тайники концептуального знания. Получив такой доступ к механизмам речемышления, общающиеся косвенно приобщаются и к тем смысловым элементам, которые не входят в семантическую структуру языкового знака. Это так называемые периферийные семы — скрытые, ассоциативные, вероятностные, потенциальные. Одним словом, языковой знак, по образному выражению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, можно уподобить включателю: «он включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и запуская его в процесс мышления» [Попова З.Д., Стернин И.А., 2001: 39].

Вместе с тем не следует абсолютизировать возможности когнитивной лингвистики: моделирование концептов ей непосильно. Это задача когнитивной психологии, которая, однако, без когнитивной лингвистики успешно развиваться уже не может. Когнитивная лингвистика определяет смысловой эпицентр концепта, обнаруживает концептуальные признаки, выделяет различные содержательные слои концепта, выявляет его смысловое поле, которое в известном смысле соотносимо с языковыми полями (семантическими, синтаксическими). В итоге лингво-когнитивные исследования направлены на моделирование концептосферы того или иного языка, определение особенностей менталитета народа.

Менталитет — это своеобразный способ восприятия и понимания мира, который обусловливается совокупностью когнитивных стереотипов сознания (общенационального, группового [менталитет социальных, возрастных, профессиональных, гендерных и т.п. групп], этнического [поморский, казачий, сибирский менталитет] и т.д.).

Концептосфера — сфера знаний; концептосфера языка — сфера вербализованных знаний, обусловливающая во многом менталитет личности, группы, народа, т.е. характер, поведение, строй мыслей, которые определяют и «загадочность русской души», и «таинственность азиатов» (*«Восток — дело тонкое»*), и деловитость американцев, и пунктуальность немцев. Менталитет народа (способ восприятия и понимания мира) находит свое отражение в языковой картине мира — вербализованном представлении мира, его языковом членении, упорядочении и структурировании (моделировании).

Итак, когнитивная лингвистика сосредоточивается на решении двух основных проблем: а) как язык — основное средство общения — использует общие когнитивные механизмы в процессе коммуникации и б) как через язык познаются сами когнитивные механизмы (Дж. Лакофф). Наиболее известные попытки решить эти проблемы представлены следующими теориями:

1) падежная грамматика[1] (от модификации генеративной грамматики до учения о «ролевой» семантике предложения — си-

[1] Падежом здесь называется не привычная для нас грамматическая категория, а семантическая валентность.

стемы семантических валентностей для определения внутренней семантики предложения, включающей пропозицию, модальные и перформативные элементы) [Ч. Филлмор, У. Чейф, Дж. Андерсон, Р. Джеккендорфф и др.];

2) лексикопадежная грамматика С. Старосты — противоположный порождающей семантике подход, нетрансформационное генеративное описание лексической деривации, где центром восприятия предложения выступает пациенс — пассивный участник денотативной ситуации (*Чашка разбита. Петя разбил чашку. Чашка разбита Петей*);
3) когнитивная грамматика Дж. Лакоффа и Х. Томпсона — набор стратегий порождения и понимания предложений. Ее основные предположения: а) теория когнитивных моделей, имеющихся в опыте человека, может достоверно объяснить семантические и прагматические явления; б) отказавшись от применения трансформационных правил, эта теория использует символические модели (непосредственное соотнесение формы и содержания) в качестве основных элементов грамматики;
4) «теория гештальтов» сводит сложные когниции к простым (бинарным) элементам, обладающим значениями; используется при разработке моделей искусственного интеллекта;
5) «когнитивная грамматика» Р. Лангаккера, или «грамматика пространства», представляет собой учение о структурировании и организации языкового знания, взгляд на организацию языка с точки зрения когнитивной деятельности (подробнее об этих и других концепциях лингвистического когнитивизма см.: [Демьянков В.З., 1992: *57—71*].

Когнитивная лингвистика — весьма перспективная дисциплина. Ведь язык, по словам У. Чейфа, до сих пор лучшее окно в знание, универсальное эвристическое средство объяснения всего сущего; он наблюдаем, поддается анализу, открывает доступ к осмыслению самого знания и познания — способа приобретения, использования, хранения, передачи и переработки информации.

В конечном счете способ, каким язык представляет мир, — это экспликация (реализация, откровение) способа, посредством которого сознание представляет мир.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж, 1996.
2. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
3. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
4. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
5. *Герасимов В.И., Петров В.В.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1988.

Дополнительная

1. *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002.
2. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 17—33.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
4. *Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 34—47.
5. *Ченки А.* Современные когнитивные подходы к семантике: сходство и различия в теориях и целях // Вопр. языкознания. 1996. № 2. С. 68—78.
6. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Вопросы и задания

- Раскройте содержание базовых понятий когнитивной лингвистики (когниция, концепт, информация, познание, знание).
- Изучив рекомендуемую работу Е.С. Кубряковой, покажите место когнитивной лингвистики в ряду других наук. Каковы взаимоотношения когнитивной лингвистики и когнитивной психологии?
- Расскажите о предпосылках и предыстории когнитивной лингвистики в отечественном языкознании.
- Что представляет собой «предметно-изобразительный код» (Н.И. Жинкин), или «универсально-предметный код», по И.Н. Горелову, «семантический язык», по Ю.Д. Апресяну?
- Охарактеризуйте типы концептов и способы их вербализации (фрейм, гештальт, концептосхема, скрипт).
- Как вы понимаете смысл понятия «менталитет»?

- Аргументируйте тезис: *«Языковой знак — важнейшее средство проникновения в тайну когниции»*.
- Каковы перспективы когнитивной лингвистики?

Глава 9

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

9.1. Коммуникативные единицы языка и речи

Понимание уровневой организации языка как системы систем *вызывает к жизни потребность функционального изучения синтаксиса*. Как и все другие языковые целостные образования, синтаксическая система структурируется синтагматическими, парадигматическими и иерархическими отношениями между единицами синтаксиса. Системное представление коммуникативного синтаксиса осложнено «двуликой» сущностью предложения — единицы речи и единицы языка.

Предложение как единица речи является конкретным высказыванием — носителем смыслового содержания, зависящего от совокупности лексических значений составляющих его слов и соответствующего интонационного рисунка, например: *В Гремячий Лог сходила ночь* (М. Шолохов). Денотатом данной коммуникативной единицы (предложения-высказывания) является *конкретная, единичная ситуация. Смысловое содержание такого* конкретного предложения еще называют коммуникативным значением.

Как единица языка предложение представляет собой типовую синтаксическую конструкцию и в этой своей ипостаси обладает особой семантикой, в принципе не зависящей от его лексического состава. Ее называют синтаксическим значением. Это значение присуще абстрагированному от интонационного контура и лексического наполнения синтаксическому построению: единству агенса (лат. *agens* — действующий), его состояния и места. Ср: *В Гремячий Лог* (место) *сходила* (состояние) *ночь* (агенс). Подобное семантическое единство именуется семантической структурой предложения, с которой соотносится множество конкретных си-

туаций. Поэтому семантическая структура предложения не может быть сведена целиком к совокупности лексических значений слов, его составляющих. Дело в том, что денотатами синтаксических построений, как справедливо утверждает И.П. Сусов, являются не сами по себе конкретные, единичные ситуации, а обобщенные, типовые.

Необходимыми компонентами семантической структуры предложения выступают номинация, предикация и локация. Каждый из них выполняет особую семиологическую функцию. Номинация отвечает задаче называния объектов мысли, предикация — задаче связывания названного (предицирования), локация — задаче ориентации или локализации названного и предицированного во времени и пространстве по отношению к говорящему человеку.

Необходимость выделенных выше компонентов семантики предложения обусловлена законами познания окружающего мира. Сначала непосредственно воспринимаются единичные предметы без соотнесения их с признаками, состоянием или процессуальным действием. Связь между предметами и их признаками, состояниями и действием устанавливается на ступени абстрактного мышления. В соответствии с этим денотативные отношения, отразившиеся в номинативном аспекте семантической структуры предложения, перерастают в субъектно-предикатные, составляющие суть предикации. Наконец, полное и объемное выражение в предложении отношений между объектами денотативной ситуации требует координации материальной субстанции и ее состояния. Существуют две формы такой координации: а) пространство — совокупность отношений, выражающих сосуществование объектов, их расположение относительно друг друга; б) время — совокупность отношений, выражающих сменяющие друг друга состояния (явления), их последовательность и длительность (В.Г. Гак). Ср.: *Там, где мы спускали лодку, на берегу, на примятой траве, стояла, поджав хвост, волчица с тремя волчатами и выла, подняв морду...* (К. Паустовский).

Завершается формирование семантической структуры предложения оформлением его модальной рамки (термин А. Вежбицкой), суть которой в оценке описываемой ситуации говорящим и предполагаемом отношении к ней со стороны получателя информации.

Итак, в результате номинации, предикации и локации формируются три компонента семантической структуры предложения — событийный, логический и оценочный. Они определенным образом связаны с внеязыковой действительностью и субъектами общения. Внеязыковыми коррелятами синтаксической семантики являются пресуппозиция и пропозиция.

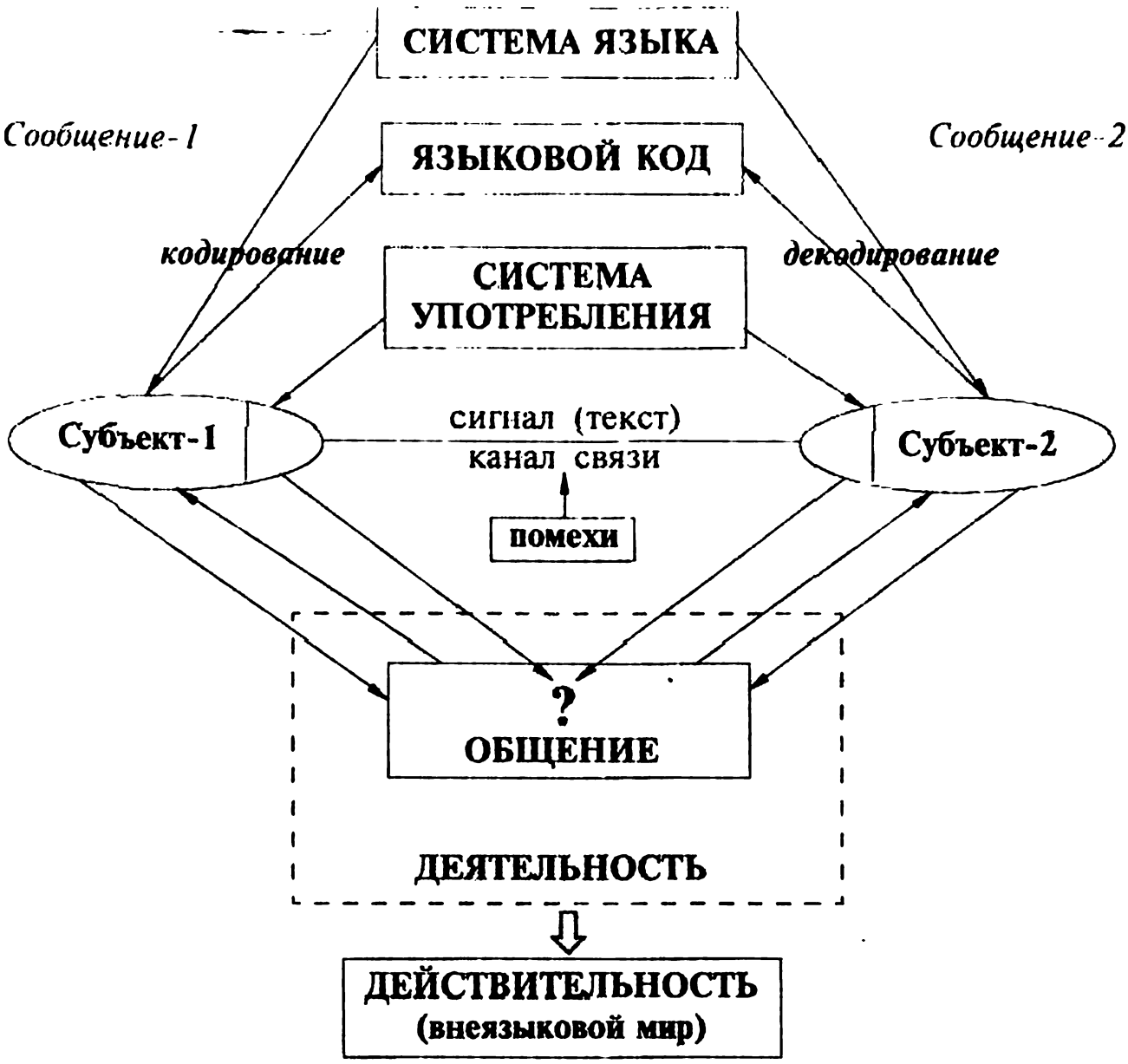
В качестве коммуникативных единиц речи выделяют высказывание, дискурс, речевой акт, речевой жанр, речевую (коммуникативную) стратегию и речевую (коммуникативную) тактику.

Высказывание — это *основная единица речевого общения* (равновеликая предложению), характеризующаяся относительной самостоятельностью, законченностью, возможностью актуального (тема-рематического) членения и включающая в себя коммуникативно-модальный аспект, интонацию (в устном варианте) и различные невербальные средства общения (В.Г. Гак, Л.Р. Львов). Согласно концепции В.Г. Гака, следует различать высказывание в статическом плане (результат использования языка, реализованный текст) и в динамическом (акт индивидуального пользования языком, производства текста). В связи с этим термин *высказывание* применяется и к процессу речи, и к тексту. Кроме того, оно имеет прямое отношение и к дискурсу. *Дискурс* — речь, погруженная в жизнь (Н.Д. Арутюнова), бурлящее варево из частотных информационных сообщений (М.Я. Дымарский), вербализованная речемыслительная деятельность, включающая в себя не только лингвистические, но и экстралингвистические компоненты (В.В. Красных).

Осмысление сущности языка с точки зрения его главного предназначения предполагает знакомство с основами человеческой коммуникации. Она может быть представлена в виде схемы (с. 200).

Вот основные «узлы» механизма коммуникации. Говорящий (кодирующий, **субъект-1**) обладает некоторым **сообщением-1.** С помощью речевого аппарата он кодирует свое сообщение, т.е. преобразует в сигнал. Этот сигнал (колебания воздуха) передается по каналу связи и воспринимается органами слуха получателя информации (слушающего, **субъекта-2**), который производит декодирование, т.е. преобразование сигнала в **сообщение-2.**

Даже из такого достаточно схематичного представления человеческой коммуникации можно судить об основных ее свойствах. Речевая деятельность, в понимании А.Е. Супруна, обладает ком-



муникативным, информационным и знаковым характером[1]. И в этом смысле в речевой деятельности совмещаются разные факторы — нейрофизиологические, психические и социальные. Благодаря им язык является универсальным знаковым средством координации (согласования, соподчинения) деятельности людей.

Суть коммуникативной[2] природы речевой деятельности определяют два принципиально различающихся процесса: передача и прием сообщения.

Передача сообщения состоит в производстве или воспроизводстве текста. Эту работу выполняет говорящий, т.е. отправитель

[1] См.: *Супрун А.Е.* Лекции по языкознанию. Минск, 1980. С. 8.

[2] *Коммуникация* (от лат. *communicatio* – сообщение, связь) – процесс общения.

информации. Его задача — закодировать содержание мысли в определенным образом выстроенную последовательность звуковых (или графических) сигналов, текст. Текст представляет собой объединенную смысловой связью последовательность вербальных (словесных) знаков. Поскольку заключенная в нем информация предназначена для слушающего, то немаловажную роль в текстообразовании играет понимание (декодирование) сообщения на этапе его приема. Текст — это результат взаимодействия кодирования и декодирования, озвучивания и понимания сообщения. Понимание состоит в адекватном воспроизведении слушающим той информации, того сообщения, которые были закодированы говорящим (пишущим) в тексте. Информативность текста зависит от степени совпадения информации, передаваемой отправителем, и той информации, которая извлекается из текста получателем. Следовательно, прием сообщения не должен быть пассивным. Эффективность речевой деятельности повышается активным участием в ней получателя информации, его стремлением переработать и творчески интерпретировать сообщаемое.

Речевой акт — основная единица коммуникации, функционально цельный ее фрагмент [Красных В.В. 2001: *202*], это высказывание в его процессуальном аспекте, первый (начальный) уровень абстрагирования речевой деятельности. Термин *речевой акт* употребляется в современном языкознании в нескольких значениях: а) как речевое действие (реализация речевой интенции говорящего), б) как тип речевого действия, в) как тип речевого акта (модель, образец однородной группы речевых актов с общими признаками, отражающими один из аспектов вербальной коммуникации (Л.М. Медведева). Речевой акт представляет собой трехуровневое образование: а) по отношению к используемым в речевом общении языковым средствам — это локутивный акт, б) по отношению к цели и условиям осуществления процесса общения — это иллокутивный акт, в) по отношению к результатам коммуникативного взаимодействия — это перлокутивный акт. Реализуя цель общения, в ходе иллокутивного акта, говорящий сообщает высказыванию иллокутивную силу.

Локуция (речение) — соответствие между изолированным предложением и его смыслом; акт «говорения» в обычном смысле этого слова. **Иллокуция** — целенаправленная реализация коммуникативного намерения говорящего разными средствами, конструк-

циями, заключающими вопрос, побуждение, уверение, предупреждение и т.п. **Перлокуция** — воздействие высказывания на мысли и чувства слушающих. В соответствии с целями речевой деятельности — установить соответствие между предложением и его смыслом, реализовать коммуникативное намерение говорящего или определенным образом воздействовать на слушающих — выделяют три уровня единого речевого акта: локутивный, иллокутивный и перлокутивный.

Речевое высказывание, построенное в соответствии с языковым кодом, т.е. по правилам грамматики и семантики, выступает как локутивный акт. Например: *Пассажир открыл окно троллейбуса.* Как показывает пример, **локутивный акт** является актом произнесения чего-либо.

Иллокутивный акт — это акт внесения в локуцию определенного смысла и коммуникативных намерений говорящего. Например: *Закройте окно! Нельзя ли закрыть окно? А окно снова открыто...* Такие речевые высказывания реализуют определенную целеустановку говорящего. В нашем примере — побудить адресата выполнить конкретное действие: закрыть окно. Целеустановка придает речению особую, «действенную» интонацию (М.М. Бахтин), в некоторых случаях она подчеркивается (или усиливается) мимикой, жестом (обещания, предупреждения, угрозы).

Перлокутивный акт — это акт превращения высказывания в орудие воздействия на мысли, чувства и поступки слушающих. Например: *Своими словами я убедил его* (поразил, заставил остановиться). Следовательно, если в иллокутивном акте выражается попытка достичь цели, то в перлокутивном акте — ее достижение. Перлокутивные акты способны вызывать что-то (мысли, чувства) или служить средством достижения чего-либо посредством говорения: убеждать, вынуждать, устрашать, удивлять, вводить в заблуждение.

Итак, выполнить речевой акт значит: произнести членораздельные звуки; построить высказывание из слов данного языка по правилам его грамматики; соотнести его с действительностью, осуществив речение (локуцию); придать речению целенаправленность (иллокуцию) в соответствии с коммуникативным намерением говорящего; вызвать у слушающих определенные последствия (перлокуцию).

Последовательность речевых актов образует дискурс, т.е. связный текст, отражающий некоторое событие «живой» действитель-

ности[1]. Это результат кодирования информации, предназначенной для передачи. Однако речевая деятельность, как справедливо указывает Гюстав Гийом, начинается не с произнесения слов, предназначенных для выражения мысли, а с более ранней, лежащей в его основании мыслительной операции[2]. Проследить всю цепочку образования речевого акта — от зарождения замысла до его словесного выражения — позволяет разрабатываемая отечественными психолингвистами теория порождения (кодирования) речи и ее понимания (декодирования).

Начальным звеном в этой цепи является мыслительное содержание, с которым отправитель хочет познакомить получателя информации. Поэтому мыслительное содержание оказывается и последним звеном в цепи воспринимаемого сообщения. Непосредственному наблюдению доступны мыслительное содержание и речевой сигнал (т.е. высказывание, текст). Нейропсихические механизмы коммуникации непосредственному наблюдению не поддаются, хотя именно они вызывают у нас наибольший интерес. Возникает вполне закономерное желание понять, как происходит преобразование мыслительного содержания (МС) в речевой сигнал (РС) у отправителя и преобразование РС в МС у получателя. В представленном ниже схематическом изображении это звено коммуникации дано в виде темного прямоугольника, вызывающего аналогии с «черным ящиком» в кибернетике.

Схема передачи информации

Схема приема информации

[1] Поэтому термин «дискурс» к древним текстам (историческим памятникам) не применяется. Дискурс — это отрезок текста, главным определяющим свойством которого выступают связи между темой (известным, данным) и ремой (новым, тем, что утверждается или спрашивается о теме).

[2] См.: *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. С. 81.

Разгадкой тайн «черного ящика» в речемыслительной деятельности человека занимается специальная наука — психолингвистика (точнее, возникшая на ее основе нейролингвистика). Особое значение для углубленного представления о сущности человеческого общения приобретают две психолингвистические теории — порождения и смыслового восприятия речи.

Речевой жанр — высказывание как продукт, следующий за речевым актом уровень абстрагирования речевой деятельности, устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип построения текста (М.Ю. Федосюк).

Специалисты в области коммуникативной лингвистики предпринимают попытки разграничить эти единицы речи. **По формату:** речевой *жанр* — единица более крупная, чем речевой акт; речевой жанр состоит из речевых актов. Речевой *акт* соотносится с речевым действием, реализуемым одним (элементарным) речевым высказыванием, а речевой жанр — с текстом или фрагментом текста, характеризующимся тематической и/или логико-прагматической завершенностью (К.А. Долинин). **По концептуальной сущности:** речевой *жанр* связан с ситуацией, темой, композицией, стилем речевого произведения, а речевой *акт* — *с* условиями реализации речевой деятельности и как таковой служит основной единицей речевого общения и единицей порождения текста. **По модели общения:** речевой *акт* выражается при помощи индикаторов иллокутивной силы; речевой *жанр* — путем использования таких текстовых категорий, как тональность, оценочность, пространство, время, тема и т.д. (Т.В. Матвеева). Речевой жанр определяет тип языковой личности (В.И. Карасик, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина).

Речевая тактика и *речевая стратегия* — не только более крупные единицы, чем речевой акт и речевой жанр, но и представляют более высокий уровень абстрагирования текстообразовательного процесса. Хотя и та и другая единица — совокупность речевых актов (речевых действий), между собой они оказываются в родовидовом соотношении. Если речевая стратегия определяет основную задачу и генеральную интенцию общения (текста), то речевая тактика — способ решения одной из последовательно решаемых задач в рамках избранной речевой стратегии (Т.В. Матвеева). Поскольку речевая стратегия связана с решением одной (генеральной) коммуникативной задачи, то она представляет собой совокупность речевых действий. Речевая тактика - это одно из

(или, реже, несколько) речевых действий, реализующих ту или иную коммуникативную стратегию. В отличие от речевого акта, речевая тактика — не обособленное речевое действие, а прием осуществления коммуникативной стратегии, выбор речевого акта на определенном этапе общения или развертывания избранного речевого жанра. В понимании И.В. Труфановой, «речевая тактика в реализации представляет собой речевой акт, является составным компонентом речевого жанра, «поворотным пунктом» в развитии темы, «сюжета» ситуации, приемом реализации речевой стратегии» [Труфанова И. В. 2001: *62*].

Итак, речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия и речевая тактика находятся в иерархической и аспектной зависимости, представляя разные уровни абстрагирования речевой (текстовой) деятельности.

9.2. Проблема соотношения пресуппозиции и пропозиции

Понятие пресуппозиции толкуется в лингвистике неоднозначно (Ч. Филлмор, Э. Кинэн, Н.Д. Арутюнова, В.А. Звегинцев и др.). Большинство ученых под пресуппозицией понимают обязательный фонд общих знаний, служащий предпосылкой и условием правильного понимания высказывания как истинного или ложного. Существует и противоположное мнение: не пресуппозиция служит необходимым условием для существования высказывания, а, наоборот, высказывание — основа для возникновения у говорящего и слушающего ассоциативных представлений о сообщаемом событии (о передаваемой ситуации). В этом случае пресуппозиция оказывается не семантической, а логической (понятийной) категорией, что, кстати, связано с изначальной принадлежностью понятия пресуппозиции к логике. Появление его в языкознании было вызвано попытками объективного описания имплицитных (скрытых) компонентов семантической структуры предложения. Скрытые, т.е. пресуппозитивные, отношения обнаруживаются по следующей формуле: **Р есть пресуппозиция предложения** S, **если Р является смысловым компонентом как предложения** S, **так и его отрицания.** Ср: *На улице перестал идти дождь* и *На улице не перестал идти дождь.* Пресуппозицией этих предложений служит высказывание *На улице шел дождь.*

Пресуппозиции содержательно и генетически связаны с пропозициями. *Пресуппозиции* — это предполагаемые пропозиции, которые являются предпосылками того, о чем сообщается в высказывании.

Пропозиция представляет собой понятие о классе ситуаций в виде обобщенной схемы отношений между предикатом и аргументами вне конкретной их отнесенности к какому-либо месту и времени. (Аргументом и предикатом именуют соответственно вещь и признак, взятые в отношении друг к другу.) Из этого определения следует, что пропозиция предшествует формированию предикативности, для которой пространственно-временная отнесенность является обязательной.

По утверждениям В.Б. Касевича и В.С. Храковского, пропозицию образует предикат с заполненными валентностями (названиями аргументов, с которыми может сочетаться предикат). Например, предикат *дарить* образует пропозицию «дарить». Если переменные члены назвать словами, то пропозиция примет такой вид: *«дарить» («Иван», «книга», «брат»)*. Имена лиц и предметов, участвующих в процессе и сочетающихся с глагольным предикатом, в вербоцентрической теории предложения называют актантами в отличие от сирконстантов, указывающих на обстоятельства процесса (место, время, образ действия и др.).

Таким образом, пропозиция содержит лишь информацию о том, что данному предикату *дарить* соответствует такой-то набор аргументов. Из рассматриваемой пропозиции невозможно определить, кто кому дарит книгу (и дарит ли или только намеревается подарить). Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо пропозицию преобразовать в семантическое содержание предложения.

Первый шаг такого преобразования связан с построением внутренней модальной рамки, выражающей реальность или ирреальность (т.е. намерение, возможность, желание).

Второй шаг — соединение реальности/ирреальности с временными характеристиками процесса для выражения объективной модальности (т.е. представить пропозицию как актуальную или виртуальную, используя в первом случае изъявительное наклонение, во втором — повелительное или сослагательное). Тем самым оформляется такой важный компонент семантики предложения, как объективная модальность.

Третий шаг — оценка пропозиции говорящим, которая представляет суть субъективной модальности, выражающей различные оценочные и эмотивно-оценочные значения: необходимости, обязательности, возможности, вероятности и др. Эти значения создают внешнюю модальную рамку.

Четвертый шаг — выражение отношения говорящего к слушающему. При этом коммуникативная структура должна соответствовать целевым и коммуникативным установкам: а) повествовательная структура — передаче информации; б) вопросительная — запросу информации; в) побудительная — использованию информации в целях регуляции субъекта и объекта общения. Значения нарративности, или ассертивности (повествовательности, утвердительности), интеррогативности (вопросительности) и императивности (побудительности) создают коммуникативную рамку, которой соответствует определенный тип предложений по цели высказывания.

«Предложение, — писал Шарль Балли, — это наиболее простая возможная форма сообщения мысли. Мыслить — значит реагировать на представление, констатируя его наличие, оценивая его или желая. Иными словами, мыслить — значит вынести суждение, есть ли вещь или нет ее, либо определить, желательна она или нежелательна, либо, наконец, выразить пожелание, чтобы она была или не была».

Таким образом, пропозиция служит логической основой семантической структуры предложения (предикат с набором актантов). Собственно же синтаксическое значение предложения состоит в выражении отношения предикативности путем построения внутренней модальной рамки через выражение объективной модальности. Синтаксическое значение свойственно предложению как единице языка.

Субъективная модальность (внешняя модальная рамка) и различные целевые установки (коммуникативная рамка) входят в смысловую структуру высказывания, характеризуя предложение как единицу речи.

Синтаксическое значение не называет предметов и явлений. Оно не возникает путем сложения единиц, образующих предложение, являясь, прежде всего, результатом речемыслительной абстракции. На эту особенность указывает большинство определений семантической структуры предложения, несмотря на их

различные концептуальные установки. В определении Н.Ю. Шведовой, это информативное содержание предложения, представленное в абстрагированном виде как данное в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла. Для О.И. Москальской — это тот или иной тип структурирования мысли, а для И.П. Сусова — скрытая, обобщенно-абстрактная сторона языка.

Существующие определения семантики предложения обращены, как правило, к простому предложению. Семантическая структура сложного предложения отличается от семантической структуры простого а) количеством и характером предикативных линий и модальных планов, б) особым синтаксическим значением первой степени — сочинением или подчинением, на базе которых реализуются синтаксические значения второй степени, выражающие отношения между предикативными частями сложного предложения. Так, в сложноподчиненном предложении на базе подчинения реализуются синтаксические значения (второй степени) времени, причины/следствия, реального/ирреального условия и др.

9.3. Синтаксическое и коммуникативное значения

Разделяя основной принцип определения семантической структуры предложения как абстрагированного от лексических компонентов типового структурирования мысли, вместе с тем нельзя не видеть взаимозависимости структурной схемы предложения и ее лексического наполнения, поскольку предложение обладает диалектической природой — обращено и в речь, и в язык.

По мнению Е.В. Гулыги, при определении синтаксических значений предложения необходимо принимать во внимание лексическое наполнение членов предложения: а) принадлежность к структурно-семантическому разряду существительных (абстрактные/конкретные, одушевленные/неодушевленные) и глаголов (переходные/непереходные, личные/безличные), а также б) вхождение в состав предложения разного рода лексико-грамматических индикаторов — модальных слов, союзов, вопросительных и относительных местоимений.

В этой связи Н.Н. Арват обращает внимание на то, что формальная и содержательная валентность слова-наполнителя является своеобразным потенциальным носителем макета будущего

предложения (комплекта предикатной, субъектной, объектной и обстоятельственных позиций). Она выделяет, по крайней мере, три таких типа синтаксических структур:

— с «прикрепленным» составом лексики;

— с относительно свободным составом лексики;

— со свободным лексическим наполнением одного (подчиненного) компонента при обязательной «прикрепленности» стержневого.

Представленные взгляды на сущность семантико-синтаксических категорий ориентированы на дальнейшее осмысление синтагматики и парадигматики предложения.

Традиционным объектом синтаксического описания выступает синтагматика, т.е. изучение линейных отношений между языковыми знаками, возникающих между последовательно расположенными единицами при их сочетании друг с другом. Синтагматические отношения — изначальный предмет синтаксиса — видимая часть синтаксического айсберга. Ей противопоставляется невидимая часть — парадигматические отношения. Толкование парадигматики сопряжено с понятием синтаксической парадигмы. В основе этого понятия лежит представление о том, что предложения, как и другие единицы грамматики, обладают своей системой форм. Формы предложения — это совокупность видоизменений его структурной схемы, используемых для выражения различных модальных и временных значений. *Система же форм, в которых актуализируется одна и та же структурная схема (модель) предложения, называется его синтаксической парадигмой.*

Такое понимание синтаксической парадигмы обосновывается в трудах Н.Ю. Шведовой, Е.А. Седельникова, П. Адамца, В. Грабе и др. Его называют «узким» или «строгим» за достаточно жесткие критерии при определении 1) модификаций строения предложения только в рамках его структурной модели и 2) модификаций грамматически значимых видоизменений, т.е. таких, которые создают оппозитивные (противопоставленные) отношения внутри синтаксических категорий наклонения и времени. Это так называемая внутримодельная концепция синтаксической парадигматики. Ей противопоставляется трансформационная концепция, согласно которой членами синтаксической парадигмы признаются структурные преобразования предложения, ведущие к появлению иных моделей. Данная концепция основана на понятии транс-

формационных отношений между различными синтаксическими конструкциями предложения. Например: 1) *Студент подготовил доклад.* → *Доклад был подготовлен студентом.* 2) *Я прочитал лекцию.* → *Мною прочитана лекция.* 3) *Сына интересует археология.* → *Сын интересуется археологией.*

При таком понимании трансформации ядерной, или исходной, структурой выступает активная конструкция. По определению известного чешского синтаксиста Пржемысла Адамца, «трансформации — это такие преобразования ядерного предложения, при которых меняется его синтаксическая структура, но сохраняется его лексическое наполнение и характер обобщенно-семантических отношений между его компонентами». Иными словами, при трансформации предложения сохраняется его смысл, но выражаемая им денотативная ситуация подвергается изменению. Например: *Птицы поют.* → *Пение птиц. У меня болит голова.* → *У меня головная боль.* При трансформациях сохраняется набор лексем исходной конструкции и не вводятся новые, однако преобразуется сама структурная схема предложения — предикат *(поют* → *пение, болит* → *боль)* и другие члены (субъект или объект).

Трансформация имеет следующие разновидности:

— **номинализация** — превращение предложения (его структурной схемы) в эквивалент имени; ср.: *Лес шумит.* → *Шум леса;*

— **вербализация** — превращение предложения в цепи «предложение — предикат». *Солнце встает.* → *Это — солнце встает; Le facteur passe* → *C'est le facteur gui passe;*

— **прономинализация** — замещение части предложения местоимением. *Он — народный артист России.* Местоимением *он* замещается известный из предыдущего сообщения субъект. Например: *Он — мой друг. Он — народный артист России.*

Д.С. Уорс пытался объединить обе концепции в расширительном толковании синтаксической парадигматики, когда в одной парадигме сосуществуют и внутримодельные, и межмодельные преобразования предложения.

Наиболее спорным является вопрос о межмодельных парадигматических отношениях. П. Адамец выдвигает для первоочередного решения три проблемы: 1) Какие структуры являются членами синтаксических парадигм? 2) Какие единицы входят в одну синтаксическую парадигму? 3) Каковы отношения между этими единицами?

Первый вопрос состоит в том, какое синтаксическое образование целесообразно считать членом синтаксических парадигм: словосочетание или предложение? Ответ на него однозначен: а) парадигмы словосочетаний оказываются скорее морфологическими, чем синтаксическими, поскольку сводятся к морфологической парадигме стержневого слова (*золотая осень, золотой осени, золотую осень* и т.п.); б) синтаксические парадигмы образуются только предложениями. Однако возникает вопрос: каков статус таких предложений (синтаксические модели предложений или высказывания с конкретным лексическим наполнением)? Отвечают на него по-разному: для Н.Ю. Шведовой таковыми являются синтаксические модели предложений, а для Д.С. Уорса — конкретные высказывания. Большинство отечественных лингвистов придерживается точки зрения Н.Ю. Шведовой.

Ответ на вопрос, какие единицы образуют одну синтаксическую парадигму, зависит от принятой концепции. Согласно внутримодельной теории, такими единицами считаются предложения, построенные по одной синтаксической схеме. Синтаксические модели (схемы) структурируются, как правило, при помощи латиницы — начальных букв в названии частей речи (**N** — сущ., **V** — глагол, **A** — прилаг. и т.д.); цифра обозначает падеж (**1** — им. п.; **2** — род. п.; **3** — дат. п.; **4** — вин. п. и т.д.). Например, по модели $\mathbf{N_1}$ + **V** + **за** $\mathbf{N_4}$ могут быть образованы следующие предложения, относящиеся к одной синтаксической парадигме: *Отец боится за сына; Мать беспокоится за дочь; Я тревожусь за тебя* и т.п. Кроме того, единицами одной синтаксической парадигмы признаются все модально-временные формы каждого из этих предложений. Согласно же трансформационной теории, как уже отмечалось, в одну синтаксическую парадигму объединяются предложения, образованные по разным моделям, связанным трансформационными или синонимическими отношениями.

Характер отношений между членами одной синтаксической парадигмы (третья проблема) также определяется узким или расширительным подходом к толкованию парадигмы предложения. При узком подходе членами синтаксической парадигмы называются: 1) предложения, образованные путем внутримодельных трансформаций, 2) одноструктурные синтаксические синонимы. При расширенном подходе в качестве членов синтаксической парадигмы рассматривают: 1) предложения, возникшие не только

в процессе внутри-, но и межмодельных трансформаций, 2) разноструктурные синонимы. Например:

1. рус. *Родители подписали дневник.* → *Дневник подписан родителями.*

— нем. *Ich friere.* → *Mich friert.*

— фр. *Deux jeunes débauchés ont commis le crime.* → *Le crime a été commis par debx jeunes débauchés.*

2. рус. *Мы дружим со студенческих лет.* → *Мы друзья студенческих лет.*

— чеш. *Bratr učiteloval.* → *Bratr byl učitilem.*

Как показывают примеры, трансформационная концепция синтаксической парадигматики предполагает обсуждение проблемы соотношения синонимических и вариантных синтаксических конструкций. Термин и понятие «синтаксические синонимы» введены в научный обиход А.М. Пешковским.

Критерии синонимичности синтаксических конструкций:

— близость семантических структур;

— тождество синтаксических функций;

— их взаимозаменяемость;

— принадлежность к разным синтаксическим моделям;

— различия в смысловых оттенках или в сфере употребления.

Выделенные признаки составляют содержание определения данного явления. Синтаксические синонимы — разноструктурные синтаксические конструкции с однородным лексическим составом, которые обладают близостью синтаксического значения и смыслового содержания, связаны между собою трансформационными отношениями, но отличаются друг от друга различными оттенками (семантическими, эмотивно-экспрессивными или стилистическими). Если же преобразование синтаксической конструкции не нарушает ее семантического структурного тождества, то ядерная, исходная конструкция и ее трансформ находятся в отношении вариантности.

Критерии вариантности синтаксических конструкций:

— трансформационные отношения между синтаксическими конструкциями, построенными по одной модели;

— грамматическое и семантическое тождество;

— повторяемость синтаксической позиции;

— обязательное наличие инварианта — общего абстрактного умопостроения, для которого отдельные формальные видоизменения оказываются несущественными.

Отсюда вытекает следующее определение: «Синтаксическими вариантами называются функционально тождественные синтаксические конструкции с одинаковым синтаксическим значением и смысловым содержанием, отличающиеся друг от друга лишь отдельными элементами формальной структуры или внутримодельными преобразованиями». Например: 1) *Он прятался между деревьями. — Он прятался между деревьев.* 2) *Отец служил во флоте. — Отец служил на флоте.*

Некоторые исследователи (например, О.И. Москальская) наряду с синонимией и вариативностью синтаксических конструкций выделяют явление синтаксической деривации. Под **синтаксической деривацией** понимается усложнение грамматической структуры предложения путем введения в семантическую структуру предложения дополнительного смыслового элемента. Ср.: *Мы перегрузили его работой. — Обстоятельства вынудили нас перегрузить его работой. — Мы были вынуждены перегрузить его работой.*

От синтаксической деривации и синтаксической трансформации следует отличать синтаксическое перифразирование. Под ***перифразой*** на уровне предложения понимаются такие отношения между двумя единицами, когда сохраняется тождество передаваемой денотативной ситуации, но меняется смысл исходной конструкции. Ср.: *Петр продал машину Ивану. → Иван купил машину у Петра.*

При перифразировании остается неизменным денотат исходного предложения (купля-продажа машины), но описывается он в соотносимых предложениях с разных точек зрения. Разновидности перифраз такие:

Импликация, или частичное перекрывание (обычно схемы, содержащие глагол, заимствуют его из другой схемы); ср.: *Ребенок послушен. + Ребенок у бабушки. → Ребенок послушен у бабушки.*

Семантическое исследование; ср.: *В комнате натоплено.→ В комнате жарко.*

Эмпатия — представление денотативной ситуации с точки зрения разных лиц (иногда предметов): ср.: *Иван женился на Марье. — Марья вышла замуж за Ивана*

П. Адамец к перифразам относит прежде всего разного рода конверсивы типа нем. *Marta ist die Tochter von Berta - Berta ist die Mutter von Marta.*

Итак, перифразами называют предложения, эквивалентные по денотату в отличие от трансформаций, которыми называют

предложения, эквивалентные по сигнификату. Однако и трансформации, и перифразы, и синтаксическая деривация связаны с преобразованием синтаксической схемы предложения. Разветвленная взаимосвязь межмодельных преобразований получила название синтаксической гиперпарадигмы. Таким образом, широкое понимание парадигмы, восходящее к Ф. де Соссюру, позволяет считать в качестве парадигмообразущих факторов отношения противопоставленности, трансформационности и синонимичности между членами синтаксической парадигмы. Причем если ведущим критерием морфологической парадигмы служит противопоставленность грамматических форм, то основой парадигмообразования в синтаксисе — взаимовосполняемость, по терминологии В.Г. Адмони, супплементность.

Различные типы взаимовосполняемости (синонимия, синтаксическая деривация, перифразы) наряду с противопоставленностью, по мнению В.Г. Адмони, в равной степени являются парадигмообразующими, а само понятие синтаксической гиперпарадигмы при таком подходе сливается с понятием синтаксической системы.

9.4. Проблемы современной прагмалингвистики

Последняя треть XX века — эпоха зарождения, становления и поиска методологических основ многочисленных гибридных лингвистических дисциплин (психолингвистики, нейролингвистики, лингвостатистики, психосемантики, компьютерной лингвистики и т.п.), что уже само по себе подтверждает известную истину: наиболее существенные открытия возможны главным образом на стыке наук, где в периферийных зонах их взаимодействия скрываются от созерцательного, эмпирического познания глубинные механизмы языка и неразгаданные еще тайны порождения всевозможных речевых актов. При этом, пожалуй, самыми многообещающими для конструктивного развития научной мысли оказываются лингвистические кентавры с головой homo lingua, т.е. антропоцентрические образования маргинального происхождения (< лат. *margo* — край). К таким антропоцентрическим маргиналиям относится, прежде всего, коммуникативно-прагматическая лингвистика.

Прагматика, несомненно, входит в компетенцию лингвистики коммуникативной: изучение механизма речевого воздействия

и анализ отношений между говорящими и используемыми в их речи языковыми знаками является облигаторным компонентом исследования «языка в действии» (Е.С. Кубрякова). И в этом плане определение *коммуникативно-прагматическая* призвано сузить и конкретизировать параметры изучения языковых явлений в рамках коммуникативной лингвистики. Вместе с тем сужение предмета исследования предполагает осмысление глубинных взаимосвязей коннотации и прагматики путем использования элементов когнитивной лингвистики. Отсюда гипотеза исследования: насколько возможно и целесообразно интегрирование в рамках коммуникативно-прагматической лингвистики основных подходов и базисных категорий коммуникативной и прагматической лингвистики, которые, как нам представляется, и порождают прагматику языковой единицы. Такая междисциплинарная интеграция (вопреки попыткам некоторых «лингвоэкологов» создать имманентно стерильные разделы языкознания) предвосхищается самой логикой речевого общения: *«коммуникативная интенция > смысл > высказывание > понимание и интерпретация»*, где симультанно предполагают друг друга коммуникативные и когнитивные компоненты речевой деятельности.

Наиболее продуктивно при этом «работают» такие категории, как «психосемантика», «общественное сознание» и «национально-языковое сознание», формирующие новую научную парадигму, все чаще получающую название «прагмасемантика».

Действительно, вся жизнь человека, осмысленная в категориях общественного сознания, фиксируется, интерпретируется и обобщается в категориях языкового сознания, которые вербализуются системой лексико-фразеологических средств, единицами прямой, непрямой и косвенно-производной номинации. Такие языковые единицы не только именуют, но и выражают к именуемому в структуре соответствующего коммуникативного акта целую гамму о т н о ш е н и й эмотивного, экспрессивного и оценочного характера. В связи с этим человек как создатель и «ваятель» таких языковых знаков оказывается центральной фигурой языка и, прежде всего, его экспрессивно-образной макросистемы. Особыми антропоцентрическими свойствами обладают лексические средства экспрессивно-образной макросистемы (метафора, метонимия, синекдоха) и фразеологизированные структуры (перифразы, устойчивые антитезы, гиперболы, литоты,

оксюморон и другое устойчиво-воспроизводимые словесные комплексы). Они служат не столько косвенно-производными средствами обозначения предметов, явлений и ситуаций, сколько средствами выражения отношения к ним человека. Ср.: глагольную лексему *превзойти* (кого-л. в чем.-л.) и ФЕ *заткнуть за пояс* (кого): 1) *Он во всех науках **превзошел** своих сверстников* и 2) *— О, да этот будет со временем добрый полковник! — говорил старый Тарас: — Ей, ей, будет добрый полковник, да еще такой, что и батька **за пояс заткнет!*** (Н.В. Гоголь).

Таким образом, языковая природа и специфика знаков вторичной номинации обусловливает их органическую связь с прагматикой речевого общения и возможность выделения коммуникативно-прагматической лингвистики в относительно самостоятельную область языкознания со своей методологической базой, объектом и предметом изучения.

В нашем представлении, методология коммуникативно-прагматической лингвистики должна обеспечивать стратегию исследования онтологических и функциональных свойств языковых единиц, составляющих их прагматическую ценность в разных актах коммуникации. Краеугольным камнем данной методологии является, на наш взгляд, философия образно-речевой деятельности как особого вида деятельности вообще. Ее основой может служить учение о взаимодействии чувственного и рационального познания в процессе речевой деятельности по обмену информацией.

Теоретическим субстратом формирующейся методологии служит известная логико-философская доктрина речевых актов Джона Остина, Джона Серля, Зено Вендлера и др. Менее активно здесь используется теория речевой деятельности Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, И.А. Зимней и др. Между тем прагматический потенциал языковых единиц раскрывается только в единстве двух названных выше теорий. Этому есть несколько объяснений. Однако главное — в объективной соотнесенности двух понятий: «речевой акт» и «речевая деятельность». *Речевой акт* — это целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения (Н.Д. Арутюнова), принятыми в данном этноязыковом коллективе; речевые акты характеризуются интенциональностью (коммуникативными намерениями), целеустремленностью и конвенциональностью го-

ворящего; последовательность речевых актов образует дискурс. *Речевая деятельность* — это вид деятельности homo lingua, включающей акты говорения, восприятия речи, ее понимания и интерпретации. Следовательно, речевые акты, речевая деятельность, направленная на создание, восприятие, понимание и интерпретацию речевых актов, являются объектом коммуникативно-прагматической лингвистики, а ее предметом — антропологическая сущность языковых структур, их амбивалентные отношения к другим элементам высказывания и к участникам коммуникативно-знаковой ситуации в рамках соответствующего ей речевого акта.

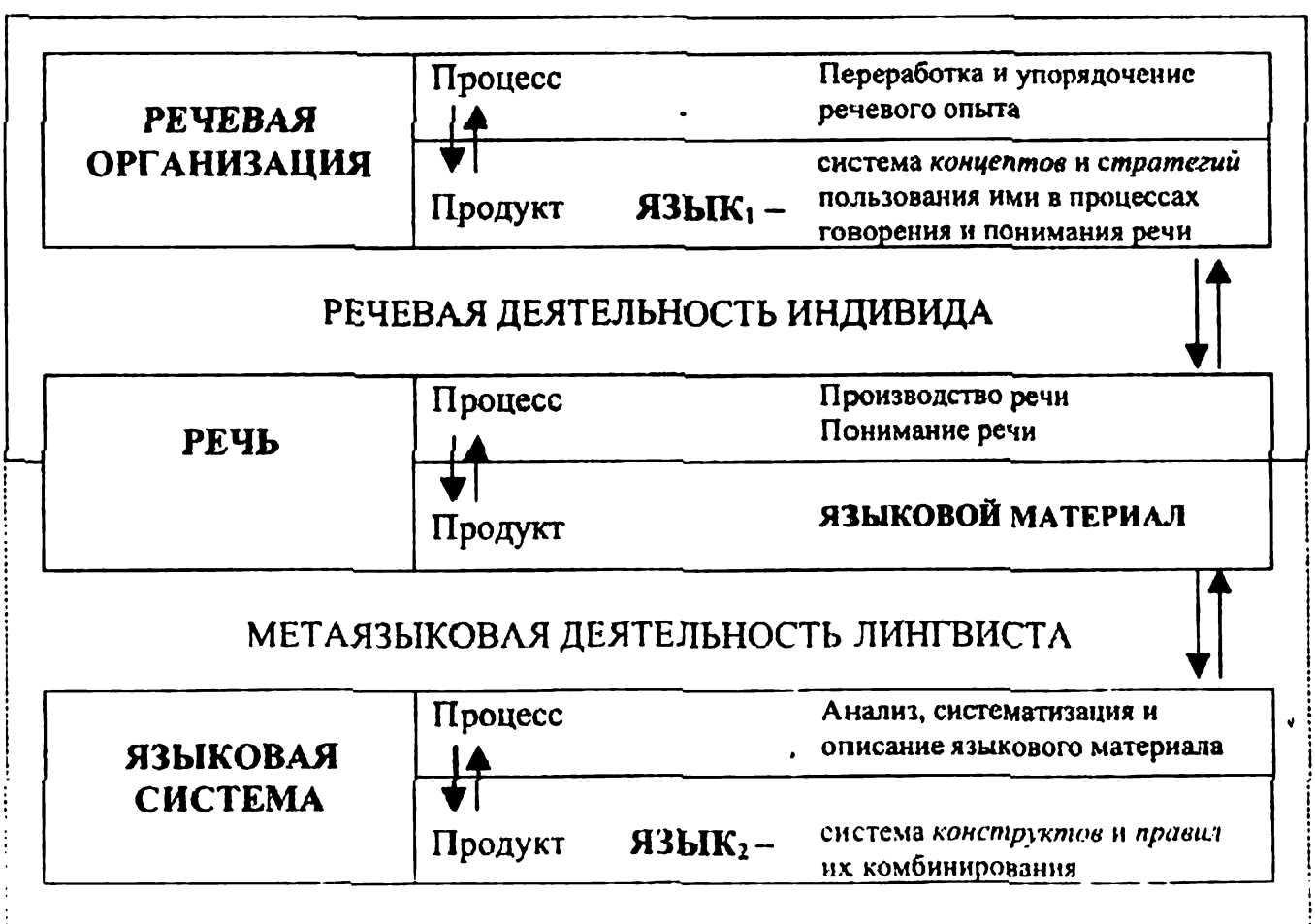
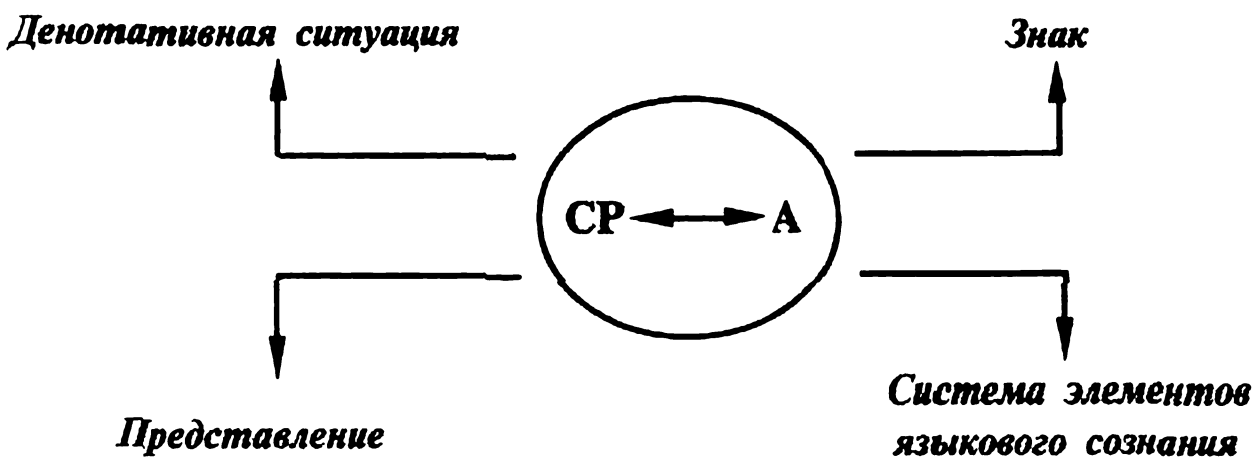


Схема. Речевая деятельность индивида (А.А. Залевская)

Языковые единицы в составе речевого акта, оказавшись в той или иной коммуникативной ситуации, следует рассматривать в органическом единстве с сопутствующими прагматическими обстоятельствами общения: замыслом отправителя сообщения, пресуппозитивным фоном, условиями общения, интерпретацией и пониманием сообщаемого. Ср.: — Ты с ним полтора года рабо-

тал... должен был изучить человека. — Работал, ну что ж. Никаких особенных грехов не замечал. Так себе, *ни рыба ни мясо* (В. Овечкин). В связи с этим предпочтительнее в такого рода исследованиях говорить не о речевой, а коммуникативно-прагматической ситуации, в которой реализуется языковой знак и в которой обеспечивается адекватное понимание коммуникантами языкового значения в структуре смыслового содержания высказывания. Инвариантная модель коммуникативно-прагматической ситуации представляет собой структуру, в центре которой располагаются коммуниканты — субъект речи (СР) и адресат (А), фокусирующие все остальные элементы ситуации: а) денотат, б) ассоциативно-образное представление о нем, в) знак в сочетании с другими речевыми знаками высказывания и г) систему знаков, или, точнее, систему элементов языкового сознания.



Анализ структуры коммуникативно-прагматической ситуации направлен на выявление прагмасемантики языковой единицы с точки зрения различных видов речемыслительной деятельности: а) номинативной (человек — денотат), б) отражательно-интерпретирующей (человек — представление) и в) условно-рефлекторной (человек — знак, языковое сознание).

Такое понимание объекта и предмета коммуникативно-прагматической лингвистики предполагает исследование прагматических свойств языковых единиц в нескольких аспектах, связанных с а) субъектом речи, б) адресатом, их стремлением к взаимному воздействию (особенно в диалогической речи) и в) ситуацией общения.

Каждый из выделенных аспектов коммуникативно-прагматической лингвистики имеет свой предмет исследования.

Первый аспект коммуникативно-прагматического исследования связан с субъектом речи. Предметом такого подхода являются языковые единицы:

1) выражающие явные и скрытые коммуникативные намерения, или, по Дж. Остину, иллокутивные силы высказываний в таких разновидностях, как имплицитная информация, мнение, просьба, приказ, совет, обещание, извинение и т.п.;
2) раскрывающие характер речевой тактики и тип речевого поведения;
3) проецирующие модель построения дискурса в соответствии с коммуникативными намерениями;
4) кодирующие косвенные смыслы высказывания, намеки, иносказания, обиняки и т.п.;
5) содержащие прагматические пресуппозиции: оценки общего для коммуникантов фонда знаний, их мнений, интересов и психических состояний;
6) выражающие модально-оценочное содержание высказывания (его истинность или ложность, неоднозначность, ироничность и т.п.);
7) служащие смысловыми акцентами в содержательной структуре высказывания.

Второй аспект — в связи с адресатом речи — исследует:

1) языковые единицы с точки зрения заложенного в них интерпретационного потенциала: при этом особую ценность приобретает декодирование языкового значения путем компонентного анализа скрытых сем (минимальных смыслов), выявления прагматических ситуаций и пресуппозиций;
2) языковые единицы как носители перлокутивных эффектов, т.е. такие единицы исследуются с точки зрения их воздействия на адресата с целью изменения его эмоционального состояния, взглядов и оценок;
3) рефлексивы, выражающие косвенные реакции на полученное сообщение, например, языковые единицы, употребляемые с целью уклонения от прямого ответа на вопрос.

Наконец, *третий аспект* — собственно прагматический. В его компетенции изучение прагматических свойств языковых единиц в связи с ситуацией общения: а) выявлять их дейктический смысл,

т.е. способность служить пространственными и временными ориентирами в структуре дискурса; б) показывать влияние речевой ситуации на выбор и употребление языковых единиц определенных тематических и семантических групп, на выбор знака из множества других языковых знаков в том или ином парадигматическом блоке — синонимическом, антонимическом или полисемическом. В рамках ситуации общения осуществляется прагматическое описание перформативных знаков (< ср. лат. *performo* — действую). Таковыми являются знаки вторичной номинации в структуре высказывания, смыслообразующей доминантой которого они выступают. Высказывания подобного рода выполняют функцию, адекватную действию или поступку; иногда такие высказывания выполняют магическую (ритуальную) функцию.

Согласно концепции коммуникативной ситуации Д. Вундерлиха [Wunderlich, 1970: *22*], речевые действия обладают признаком регулярности (воспроизводимости), т.е. неслучайности своего содержательного и формального оформления. Объяснение этому можно извлечь из понятия коммуникативной номинации (КН), введенного психолингвистами [Сахарный Л.В., 1989: *112*]. Предметом коммуникативной номинации является любое событие, связи и отношения между объектами коммуникативной ситуации.

Для передачи коммуникативно значимой информации о предмете номинации нет надобности детально обозначать все его признаки, связи и отношения, поскольку часть этих свойств пресуппозитивно несущественна для данной коммуникативной ситуации (А. Кюльоли). Та часть знаний, которая в данной коммуникативной ситуации значима, получила название **актуальной внутренней номинации.** Средством ее вербализации выступает высказывание или шире — текст. Единство актуальной внутренней номинации и высказывания составляет суть коммуникативной номинации — целостной КН (ЦКН) или коммуникативной подноминации (КПН). ЦКН соотносится с коммуникативной ситуацией (КС) в целом, а КПН — с компонентом КС (через отношения между КПН, выраженными языковыми единицами, в структуре КН). Следует различать конструируемые и воспроизводимые КН. Основным свойством конструируемой КН является ее коммуникативная предикативность, а воспроизводимой КН —

стандартность соотнесения предмета актуальной внутренней номинации в целом с высказыванием. Выделение в составе воспроизводимой КН отдельных КПН, как правило, становится избыточным, что свидетельствует о переходе такой КН в разряд идиоматичных коммуникатем [Сахарный Л.В. 1989].

Коммуникативная идиоматичность высказываний формируется в процессе устранения избыточности в пресуппозитивной структуре воспроизводимой КН. Основным способом устранения такой избыточности оказывается деактуализация рема-тематических отношений, что приводит к трем коммуникативно-прагматическим типам языковых единиц:

1) единицы, выражающие значения КН, которые наслаиваются на сумму значений КПН, обеспечивая этим единицам пресуппозитивную полифонию [О. Дюкро]: *голова кружится/закружилась* у кого, чья — а) 'кто-л. зазнается, теряет способность трезво и правильно оценивать свое поведение, поступки (возомнив о себе под влиянием похвал, лести, успеха и т.п.)'; б) 'кто-л. испытывает головокружение (от усталости, переутомления и т.п.)' Ср.: а) У *молодого актера после первой удачной роли* ***голова закружилась,*** *он не был одинок — у молодых артистов часто* ***голова кружится*** *от успеха* (Газ.); б) *От сигары и двух глотков вина у него* ***закружилась голова,*** *и началось сердцебиение* (А. Чехов). В первом случае рема-тематические отношения сохраняются, во втором — деактуализируются, и вся фразеологическая единица (ФЕ) выступает ремой;
2) ФЕ, выражающие значения КН, вступающие в противоречие с суммой значений соответствующих КПН: *бросать* (*кидать*) *камешки* (*камешек, камень, камни*) *в огород* <чей>— 'намекать на кого-л. или на что-л., отзываясь о ком-л. или о чем-л.: неодобрительно, насмешливо, иронически';
3) ФЕ, выражающие значения КН, несоотносимые с суммой значений КПН: *филькина грамота* — 'документ, не имеющий никакой силы'; *зарубить <себе> на носу* — 'запомнить крепко-накрепко, сделав на будущее соответствующие выводы'.

Анализ подобных ФЕ показывает, что коммуникативная идиоматичность может быть частичной (*бросать камешки в огород <чей>*) и полной (*зарубить <себе> на носу*).

Благодаря коммуникативной идиоматичности повышается эффективность общения: воспроизводимость КН обеспечивается

целостным восприятием типовой денотативной ситуации (не раздельно по КПН). В однотипных коммуникативно-прагматических ситуациях используются однотипные единицы, в наших примерах фразеологизированные структуры (фразеосхемы) или фраземоцентрические высказывания (их смыслообразующим центром выступают ФЕ). Иными словами, регулярность (повторяемость) и характер воспроизведения КН находится в прямой зависимости от стереотипности денотативной ситуации, «упакованной» языковым сознанием в разного рода ономатопоэтические концепты и соотносимые с типовыми коммуникативно-прагматическими ситуациями. Экспрессивно-образные значения, как показывает анализ, пронизаны коммуникативной прагматикой; они ингерентно субъективны, антропоцентричны и этнокультурологичны. Вместе с тем, тот или иной концептуальный статус образного значения регламентирует коммуникативно-прагматическую значимость знака, его конструктивную роль в порождении высказывания.

Прагматическая ценность знаков вторичной номинации, таким образом, заключается в их индивидуальности. «А индивидуальное — как это ни странно — является (по образному выражению В.М. Мокиенко) особо прочным цементирующим раствором при взаимодействии народов и их культур, ибо оно и является национальной «валютой» при культурном взаимообмене народов»[1]. Из семасиологического предназначения экспрессивно-образных знаков вытекает, что своеобразие их значения предопределяется наличием в его составе так называемого коннотативного смысла, который, в отличие от значения прямо номинативных единиц, является не дополнительным содержанием, со-значением слова, а его обязательным интенсиональным (ядерным) смысловым элементом. Коннотация содержит различную информацию об этимологических истоках оборота этнического, культурно-исторического и национально-языкового характера[2]. Коннотативный микрокомпонент значения характеризует говорящего и слушающего

---

[1] *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 5.

[2] См.: *Алефиренко Н.Ф.* Культурно-исторические основы русских фразеологизмов // Русский язык и литература в узбекской школе. Ташкент. 1989. № 6. С. 57–61.

с точки зрения их эмоционального состояния. Такое понимание коннотации позволяет считать ее основой прагматического фона (эффекта) языкового значения.

В структуре прагматического компонента значения языковой единицы выделяют экспрессивные, эвокативные (апеллятивные), фатические и эстетические компоненты[1].

Экспрессивный (аффективный) компонент прагматического значения языковых единиц выражает эмоции и квалитативно-оценочное отношение говорящего к предмету мысли. Так, фразеологические обороты *человек с большой буквы, из ряда вон (выходящий)* выражают восхищение и уважительное отношение к тому, кого эти обороты характеризуют. Экспрессивный компонент таких единиц может видоизменяться в зависимости от коммуникативно-прагматических намерений говорящего и, соответственно, от характера контекста. Второй фразеологический оборот, например, может употребляться для выражения возмущения и негодования. Поэтому крайне важно такие единицы представить во всех возможных коммуникативно-прагматических ситуациях, под которыми следует понимать комплекс внешних условий общения присутствующих в сознании говорящего в момент осуществления коммуникативного акта: **кто — что — где — когда — кому — зачем — как** (Э.С. Азнаурова). Другими его компонентами являются виртуальный (потенциальный, языковой) и актуальный (речевой) коммуникативно-прагматический эффект, поскольку прагматика языкового знака детерминируется в конечном счете его семантикой, синтактикой, и стилистикой в единстве с особенностями и условиями речевого общения. Сравним: 1. *Шекспир — **из ряда вон выходящее** явление в мировой литературе* и 2. *Сколько можно опаздывать на занятия?! Ваше поведение можно назвать, мягко говоря, **из ряда вон выходящим.***

После прагматической интерпретации знака целесообразно перейти к исследованиям ономасиологического характера, требующим более высокого уровня овладения методами коммуникативно-прагматического исследования. Суть таких исследований заключается в осмыслении характера денотативной отнесенности

---

[1] *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193—230; *Эмирова А.М.* Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент: Фан, 1988. С. 15.

языковых знаков, поскольку, по мнению Г.Г. Почепцова, «прагматическая семантика вообще имеет дело с перебором нескольких семантических структур, соответствующих одной денотативной ситуации», «прагматическая семантика — это семантика выбора, семантика альтернаций», с учетом ситуации самого общения[1]. Например, подбирая фразеологические единицы для выражения возмущения, неодобрения или негодования оборот *из рук вон (плохо)*, говорящий должен отличать его от фразеологизмов *этого еще не хватало (недоставало)* (!) *ни на что не похоже* (!), *ни в какие ворота не лезет* (!), *черт знает что (такое)* (!), *не укладывается в голове (в сознании)* (!) Такие фразеологические единицы, представляя рематическую часть высказывания, вводятся в речь, как правило, с помощью различных суперсегментных фонетических средств (интонацией, передающей презрение, а также эмфатическим ударением, выражающимся в усилении и удлинении отдельных звуков). Кроме того, существуют еще и паралингвистические средства передачи экспрессивного компонента фразеологического значения — выражением глаз, жестами, мимикой, телодвижениями. Экспрессивный компонент значения реализуется обычно в единстве с эвокативным.

Эвокативный компонент языковой семантики связан с воздействием знака на слушающего. И действительно, почти все дискурсивно-коммуникативные образования, содержащие в своем составе экспрессивно-образные единицы, имплицитно или эксплицитно направлены на собеседников с целью побуждения их к той или иной деятельности. При этом косвенное воздействие осуществляется зачастую посредством обращения не к реальным коммуникантам, а к различного рода сверхъестественным силам (типа *бояться как черт ладана* кого, чего), посредством использования структур магического характера (заклинаний, эвфемизмов, перифраз типа *замолвить словечко (слово)* за кого, о ком, *вставать с левой (не с той) ноги, Христа ради (!), рай земной, отдавать богу душу, перемывать косточки (кости)* кому, кого, чьи и т.п.). Эмоциональное, интеллектуальное и поведенческое воздействие на слушающего реализуется с помощью целого комплекса лингвистических и паралингвистических средств. Это чаще всего

[1] См.: *Почепцов Г.Г.* Коммуникативно-прагматические аспекты семантики // Филол. науки. М., 1984. № 4. С. 35.

эвокативные или императивные структуры типа *пальца (палец) в рот не клади,* кому — 'кто-л. таков, что не упустит возможности воспользоваться оплошностью, промахом другого'; *зарубить (себе) на носу* — 'запомнить крепко-накрепко, навсегда'. В разных диалогических ситуациях такие единицы вызывают у участников диалога адекватную значениям и условиям речевого акта эмоциональную и поведенческую реакцию. Лингвистическими средствами реализации такого воздействия в первом примере служат: а) *предикативно-рематическая функция знака,* б) императивная форма глагольного компонента с отрицанием, в) обязательность дополнения в дательном падеже (кому — обозначение лица, которое не упустит возможности воспользоваться оплошностью другого). Прагматическими функциями этого оборота является характеристика, оценка такого человека с целью предупредить, предостеречь кого-либо, чтобы собеседник сделал соответствующие выводы и руководствовался ими в своем поведении.

В другой коммуникативно-прагматической ситуации этот же языковой знак употребляется в значении 'кто-либо таков, что может постоять за себя'.

Второй фразеологизм — *зарубить (себе) на носу* — в одном и том же значении репрезентирует две коммуникативно-прагматические ситуации — ситуацию «предупреждение» и ситуацию «запоминание чего-л. крайне важного и необходимого». Ср.: 1) ***Зарубите себе на носу,*** *случится что с вашим сыном, нам даже не придется предъявлять особые доказательства вашей вины. Они слишком очевидны, так что — берегитесь!* (В. Тендряков. Расплата) и 2) *Я еще в детстве, как говорится,* ***зарубил себе на носу*** *правило не откладывать на завтра того, что можно сделать сегодня* (Р. Яранцев). Указанные коммуникативно-прагматические ситуации выражаются разными лингвистическими средствами. Первая — «предупреждение, предостережение, угроза» — выражается тогда, когда оборот употребляется в роли сказуемого, а глагольный компонент — в форме императива. Вторая — «необходимость запоминания чего-л. крайне важного» — выражается при употреблении фразеологизма в предикативно-рематической части высказывания; глагольный компонент в этом случае может иметь форму императива или форму прошедшего времени; при фразеологизме обязательным является прямое дополнение, выраженное, как правило, указательным местоимением *это.* В связи с коммуникативно-прагматической обусловленностью содержания и формы

подобных единиц-особое значение приобретает работа по их подбору для выражения соответствующей ситуации. Так, для выражения угрозы предлагается использование следующих фразеологических единиц: *придержать язык, (язычок), прикусить язык, показать где раки зимуют, костей не собрать, спустить шкуру* с кого, *спустить три шкуры (семь шкур)* с кого, *стереть в порошок* кого, что, *свернуть шею (голову, башку)* кому, *стереть с лица земли* кого, что, *мокрое место останется* от кого, *мокрого места не останется* (от кого) и др. Эвокативность прагматических значений таких единиц должна вызывать у собеседников адекватную реакцию, определенные чувства, побудить их к соответствующей тактике поведения[1].

Фатический компонент прагматического значения служит установлению контакта между участниками речевого акта. Это речевые формулы приветствия, представления, обращения в начале общения, а также структуры, направленные на поддержание контакта между коммуникантами: *милости просим (прошу), в добрый час, будьте добры, прошу любить и жаловать* и др. Фатический компонент языкового значения репрезентирует психическое состояние и реже указывает на социальный статус участников коммуникативного акта.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
2. *Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981.
3. *Труфанова И.В.* О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филол. науки. 2001. № 3. С. 56—65.
4. *Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы речевых жанров // Вопр. языкознания. 1997. № 5.
5. *Фрумкина Р.М.* Прагматика: новый взгляд // Семиотика и информатика. Вып. 34. М.: ВИНИТИ, 1994.
6. *Шахнарович А.М., Голод В.И.* Когнитивные и коммуникативные компоненты речевой деятельности // Вопр. языкознания. 1986. № 2.

---

[1] См.: *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Приметы времени и места в идиоматике речемыслительной деятельности // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 55.

Дополнительная

1. *Адамец П.* К вопросу о синтаксической парадигматике // Языкознание в Чехословакии. М.: Прогресс, 1978.
2. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. Волгоград: Перемена, 1999.
3. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
4. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
5. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985.
6. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.
7. *Почепцов Г.Г.* Коммуникативно-прагматические аспекты семантики // Филол. науки. М. 1984. № 4. С. 35.
8. *Протасова Е.Ю.* Функциональная прагматика: вариант психолингвистики или общая теория языка? // Вопр. языкознания. 1999. № 1.
9. *Селиверстова О.Н.* К вопросу о коммуникативной структуре предложения // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1984. № 5.

Вопросы и задания

- Сформулируйте основные проблемы прагмалингвистики. Раскройте содержание понятий «коммуникативная ситуация», «речевой акт», «коммуникативная номинация», «прагматическое значение» (его компоненты: экспрессивный, эвокативный, фатический).
- Охарактеризуйте предложение как единицу языка и единицу речи. Каковы функции номинации, предикации и локации в семантической структуре предложения?
- Как соотносятся понятия «пресуппозиция» и «пропозиция»?
- В чем состоит суть поэтапного преобразования пропозиции в семантическую структуру предложения (назовите четыре шага)?
- Что называется синтаксической парадигмой предложения (в широком и узком понимании)?
- Чем отличаются друг от друга синтаксическое и коммуникативное значения предложения? Назовите критерии разграничения синонимических и вариантных синтаксических конструкций?
- Как соотносятся процессы синтаксической деривации, синтаксической трансформации и синтаксического перифразирования?

Глава 10

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

10.1. Проблемы моделирования языка в действии. Компьютерная лингвистика

Теоретическое языкознание изучает язык в системе, в состоянии. С развитием научно-технического прогресса возникла потребность посмотреть на язык в действии. Для этого было необходимо собственно лингвистические проблемы решать в единстве с другими науками — логикой, математикой, психологией и кибернетикой. Цель такого семиозиса наук — создание автоматических систем искусственного интеллекта, моделирующих знание. Знание же хранится, обрабатывается и передается от поколения к поколению в языке и текстах. Поэтому моделирование научно-технических текстов — это моделирование системы знаний в соответствующей отрасли науки и техники.

Новейшие направления прикладной лингвистики появились в середине XX века, однако ими она не ограничивается.

Для прикладных наук важно то, что любая терминосистема по своему возникновению и функционально связана с соответствующей логико-понятийной системой знаний. Она всегда стремится найти свой оптимальный план выражения. Отсюда формулируется основополагающий постулат прикладной лингвистики: форма представления знаний — конечная цель моделирования картины мира в целом или отдельных ее фрагментов, поскольку формой любого понятия являются знаки прежде всего естественного языка. Следовательно, структурирование терминосистем — моделирование знаний — это структурирование соответствующей терминосистемы.

Обычно используется сетевое представление системы знаний: узлы такой сети представлены терминами соответствующей науки, а дуги между ними показывают отношения между понятиями. Однако передать логико-понятийные знания, обосновать и интерпретировать их при помощи одних терминосистем невозможно. Для достижения этой цели служит научный текст, где терминосистемы органически взаимодействуют с морфологической и синтаксической подсистемами естественного языка (значения-

ми морфем, частей речи, служебных слов и словосочетаний). Любая логико-понятийная система знаний может быть представлена в виде текста.

Пожалуй, главнейшей задачей прикладных лингвистических наук, связанных с анализом текста, является создание текстовой базы данных для ЭВМ. Такая база данных напоминает автоматизированные библиотечные фонды.

Текстовая база данных, хранящаяся в памяти ЭВМ, позволяет многократно использовать тот или иной текст, получая каждый раз нужную информацию: 1) полный список всех словоформ соответствующего текста; 2) элементы морфологической подсистемы текста; 3) частоту встречаемости каждой словоформы и всех словоформ (суммарно) данного текста или всех текстов, введенных в ЭВМ; 4) адреса словоформ (номера глав, параграфов, страниц); 5) статистику графических знаков (букв, буквосочетаний); 6) контексты каждой словоформы; 7) обратный словарь; 8) текст в полном виде.

Использование ЭВМ в прикладных отраслях языкознания основано на возможности кодирования любой информации при помощи чисел, которые можно обрабатывать посредством ЭВМ. Почву для использования ЭВМ в лингвистике подготовило опережающее развитие математической логики, или, шире, — теории алгоритмов: создание машины Поста, машины Тьюринга, алгоритмов Маркова и др. С появлением этих машин стала возможной обработка нечисловой информации. Машины были «обучены» мыслить по образцу человеческого интеллекта. В результате создается искусственный интеллект. Первый опыт в этой области описан в статье А. Тьюринга «Может ли машина мыслить» (1950). Им же был разработан наиболее эффективный и универсальный тест для определения уровня интеллектуальности (тест Тьюринга). Он опирается на систему вопросов и ответов, которая охватывает практически любую область интеллектуальной деятельности человека.

Система искусственного интеллекта способна решать самые разные задачи, но главными из них всегда считаются: а) решение задач, б) принятие решений и в) распознавание объектов. Решение задач охватывает широчайший спектр вопросов от сложнейших математических задач до простых рассуждений, нахождения ответов на бытовые (житейские) вопросы типа: какой обед можно приготовить из предложенного набора продуктов. Проблема

принятия решений опирается на материал игровых стратегий (таких, как шахматы, шашки и т.п.).

Механизм распознавания образов использует так называемые эталонные образы, с которыми человек имеет дело в обыденной деятельности (разные по форме, окраске, вкусу яблоки отождествляются с эталонным образом «яблоко» вообще). Понятие «образ» здесь отличается от одноименного психического понятия: это просто некоторое типовое родовое представление человека о группе видовых «предметов». Для этого машине необходимо узнавать объекты и подводить их под те или иные категории. Этим как раз и занимается прикладная лингвистика. Ее главная задача — моделирование речевой деятельности человека, анализ и синтез речи.

Без участия человека выполнение подобных задач невозможно. Необходимо «общение» человека с машиной. С одной стороны, машина, восприняв заданный текст, на него определенным образом реагирует: а) отвечает на вопрос, б) принимает информацию к сведению.

Для осмысления реагирования на тот или иной текст, необходимо сначала его понять. В связи с этим возникает, как минимум, два вопроса: а) что значит «понять текст» и б) как определить, что текст понят? Вопросы непростые уже потому, что сам термин *понимание* неоднозначно истолковывается и в теоретической лингвистике, где речь идет о человеческом осмыслении познаваемых объектов. Что уж говорить о способности машин понимать текст! Пока приходится лишь констатировать, что процесс понимания у машин напоминает процесс понимания, происходящий в голове человека. Однако сама голова человека обычно сравнивается с «черным ящиком», когда представления о работе интеллекта основываются исключительно на входящей и выходящей информации, т.е. на осмыслении объекта познания до и после его речемыслительной обработки. Ясно пока лишь, что для восприятия текста машиной необходимо перевести его в структуру внутреннего представления, т.е. структурировать смысл текста. Для этого машина должна хранить множество знаний о мире. Задача крайне сложная: ведь знания, как известно, бесконечны. Выход один: ориентировать машину только на одну, узкую, сферу знаний (биологию, математику, социологию и т.д.).

В последнее время ученые увлечены принципиально новой идеей: нужно не только увеличивать объем памяти «умной» ма-

шины, но и создавать самообучающиеся системы. Смысл нового подхода в том, чтобы машина могла выполнять несколько важнейших операций: а) извлекать из текста новую информацию, б) включать ее в уже имеющиеся системы знаний, в) при нехватке информации задавать для осмысления непонятого вопросы человеку (пользователю машин) и таким образом (после получения удовлетворительных ответов) устранять пробелы в своей системе знаний. По этому принципу, кстати, работают многие компьютерные программы. В основе решения подобных задач лежат, разумеется, особые процедуры моделирования языка для его использования кибернетическими системами. С другой стороны, для использования языка кибернетическими системами, моделирующими восприятие и порождение речи, необходимы разработки структурных моделей фонологии, морфемики, морфологии и синтаксиса.

Кроме компьютерной лингвистики, в сферу прикладного языкознания входят прикладное терминоведение, лексикография, автоматический перевод, реферирование, стилеметрия, дешифровка и др.

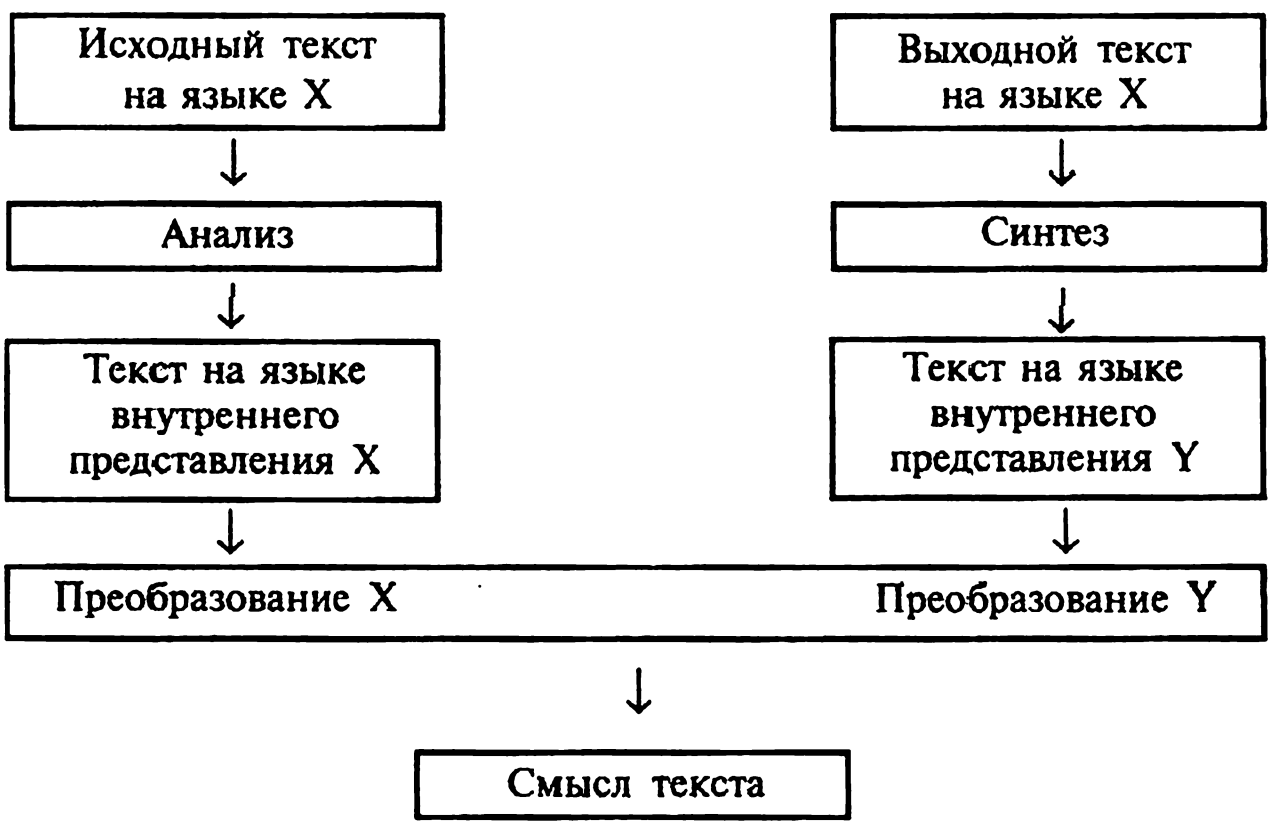
10.2. Информационно-поисковые аспекты прикладной лингвистики

Практическое терминоведение включает такие разделы, как лексикографическая терминология (теория и практика создания специальных словарей, одноязычных, переводных, частотных; информационно-поисковых тезаурусов, машинных словарей и т.п.), унификация терминосистем (их упорядочение и стандартизация); перевод терминов, создание терминологических банков данных, автоматизация их хранения и обработки.

Предметом прикладной лингвистики стала и сама лексикография как один из самых трудоемких видов практического языковедения. Словари создаются, как известно, десятилетиями. Поэтому вполне объяснимо стремление ученых автоматизировать некоторые виды лексикографической деятельности. Появились автоматические словари. Их предназначение — повысить производительность труда при работе с текстами, по сбору, хранению и обработке различных единиц языка (фонем, морфем, лексем), т.е. тех единиц, которые являются объектом лексикографирова-

ния. Словари такого типа используются в системах автоматической переработки текстов.

В основе автоматического, или машинного, перевода лежит предположение о возможности приведения в соответствие типологически разных языковых структур (словаря, порядка слов, словоизменения, синтаксических структур и т.п.). Такая возможность обеспечивается общими для всех языков свойствами: линейностью и знаковостью. Лингвистический принцип перевода заключается в сопоставлении эквивалентных по смыслу языковых единиц двух и более языков. В разработках систем автоматического перевода выделяют два периода.



Идеальная структура процесса автоматического перевода

В первом периоде решались такие фундаментальные проблемы машинного перевода, как создание автоматических словарей, разработка языка-посредника, формализация грамматики, преодоление омонимии (лексической и синтаксической), обработка и понимание идиоматических образований и др.

Во втором периоде продолжают достаточно плодотворно развиваться и воплощаться в практике теоретико-множественные модели грамматик, модели грамматик зависимостей, непосред-

ственно составляющих, моделей порождающей грамматики. В этот период все более активно в прикладную лингвистику вовлекается семантика, в частности по модели «смысл — текст». Возникшие в отечественных и зарубежных университетах центры прикладной лингвистики разрабатывают стратегии машинного перевода (лаборатория математической лингвистики в Санкт-Петербургском университете, в Институте прикладной математики РАН; Всесоюзный центр перевода; группа «Статистика речи» в Ленинградском пединституте — ныне Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена, руководитель Р.Г. Пиотровский; группа по исследованию синтаксического моделирования «смысл — текст», руководитель — И.А. Мельчук; и др.

Новый этап совершенствования машинного перевода связан с использованием языка-посредника — языка представления знаний. В его основе лежит анализ значения предложения, получаемого при осмыслении «входного предложения, дополненного и размеченного с помощью информации из базы знаний и в ее терминах»[1]. Процесс перевода представляет собой (в упрощенном, разумеется, виде) преобразование входного предложения (языка X) в выходную структуру (языка Y). Иными словами, результатом машинного перевода является скорее не собственно перевод, а пересказ исходного текста (X). Качество перевода зависит от эффективности языка представления знаний, который осуществляет семантический анализ входной фразы (X) относительно семантической сети и генерацию (синтезирование) ее в выходную фразу (Y). Высокое качество машинного перевода может быть обеспечено только созданием надежных лингвистических основ и программных средств для построения мощных семантических сетей на основе автоматизированных лексиконов.

Автоматическое реферирование вызвано к жизни непрерывно растущим объемом научно-технической информации, поиск которой (а значит, и ее использование по первичным текстам) становится все более трудоемким. Поэтому возникла идея вести поиск по так называемым вторичным текстам, представляющим собой свернутую информацию первичного документа (библиографическое описание, аннотация, реферат, научный перевод).

[1] *Беляева Л.Н., Откупщикова М.И.* Автоматический (машинный) перевод // Прикладное языкознание. СПб., 1996.

Свертывание первичного текста осуществляется путем его сжатия (компрессии). Разработаны специальные методы свертывания первичного текста: статистико-дистрибутивные (выделение наиболее информативных предложений, в которых сосредоточены наиболее значимые для данного текста языковые знаки); методы использования смысловых индикаторов (помет наиболее содержательных «точек» текста — предмет исследования, цель, методы, актуальность, область применения, выводы, результаты, рекомендации и т.д.); метод текстовых связей (учет межфразовых связей делает реферат целостным).

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: Уч. пос. М., 2001.
2. *Кибрик А.Е.* Прикладная лингвистика // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
3. Прикладное языкознание: Учебник / Л.В. Бондарко, Л.А. Вежбицкая, Г.Я. Мартыненко и др.; Отв. ред. А.С. Герд. СПб., 1996.
4. Кибернетическая лингвистика. М., 1982.

Дополнительная

1. *Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А.* Математическая лингвистика. М., 1977.
2. *Пиотровский Р.Г., Попескул А.Н., Совпель И.В.* Как строится и работает лингвистический автомат // Вопр. языкознания. 1993. № 2.
3. *Ленат Д.Б.* Искусственный интеллект // Современный компьютер. М., 1986; *Уинстон П.* Искусственный интеллект. М., 1980; *Хант Э.* Искусственный интеллект. М., 1987 (по выбору).
4. *Слама-Казаку Т.* Место прикладной лингвистики в системе наук: отношение прикладной лингвистики к «лингвистике» // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983.
5. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII: Прикладная лингвистика. М., 1983.
6. *Звегинцев В.А.* Язык как фактор компьютерной революции // Научно-техническая информация. Серия 2. М., 1985.
7. *Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.
8. *Пиотровский Р.Г.* Инженерная лингвистика и теория языка. Л., 1979.
9. *Котов Р.Г.* Лингвистика и современное состояние машинного перевода в стране // Вопр. языкознания. 1976. № 5.

Вопросы и задания

- Что такое прикладная лингвистика? Какова ее основная цель?
- Как вы понимаете процесс *сетевого представления системы знаний?*
- Что такое «текстовая база данных»?
- В каком соотношении находятся *язык* и *искусственный интеллект?*
- В чем суть нового подхода в компьютерной лингвистике, получившего название *самообучающейся системы?*
- Сформулируйте информационно-поисковые проблемы прикладной лингвистики.
- Охарактеризуйте новый этап совершенствования машинного перевода.

Часть III

ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Глава 11

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

11.1. Язык и общество

Несмотря на то что проблеме взаимоотношения языка и общества посвящены многочисленные исследования, ряд аспектов социальной обусловленности языка остается недостаточно выясненным. Так, во многом по-прежнему неясен вопрос о природе социального фактора в языке. Не раскрыт и сам механизм его воздействия на язык, характер отражения социальных факторов в процессах развития и устройства языка, соотношение спонтанного (подсознательного) и сознательного начал в социальной обусловленности развития и функционирования языка в целом и языковых единиц отдельных структурных уровней.

Вместе с тем стало аксиомой утверждение о том, что язык — продукт общества, что язык как продукт индивида — фикция. Как показано в отечественной социолингвистической литературе, из всех приобретений человека и человеческого общества самым первым, самым важным и самым необходимым были и остаются труд, сознание и язык, которые развиваются в неразрывной взаимосвязи. Таковыми они и останутся, если верить социолингвистам, пока существует человеческое общество.

Магистральный путь познания природы языка, его сущности и закономерностей функционирования и развития — это путь познания его социальной природы в единстве с познанием сущности внутренних законов языка.

Правильное понимание социальной сущности языка имеет определяющее значение а) для познания законов исторического развития, функционирования и взаимодействия разных языков; б) для познания влияния общества и отдельного человека на язык; в) для познания роли языка в жизни общества и индивида;

г) для познания роли языка в развитии человеческого общества в прошлом, настоящем и будущем[1].

Проблема взаимоотношения социального и внутриструктурного в языке относится к кардинальным проблемам современной науки о языке. Методологическая и общетеоретическая позиция языковеда-исследователя или учителя-словесника во многом определяется его подходом к этой проблеме. Невозможно устранить влияние на язык социального, «человеческого» фактора. Ведь структура формируется в процессе речевой деятельности людей. Структурная организация языка — это материализация социального. Язык — это материализованное единство социального и структурного. Лексическое, грамматическое, идеологическое, эстетическое, познавательное и функциональное выступают в языке как специфические проявления социального.

Взаимоотношение между социальным и структурным исторически обусловлено рождением социализованных отношений между людьми в человеческом обществе. Главным критерием выделения социализированных отношений в языке является *критерий социальности*. Тем самым отношения становятся лингвистически существенными лишь благодаря их социальной сущности.

Что же представляет собой социальный фактор в развитии и функционировании языка? Какова его истинная природа?

***Социальный фактор** — это системно организованное социальное действие разной структуры в определенной сфере человеческой деятельности. Социальный фактор в процессе речевой деятельности порождает и обусловливает конкретное проявление социальности языка.* Многообразие социальных факторов вызывает многообразие конкретного проявления социальности языка.

Во-первых, социальный фактор может представлять собой социальное действие, всегда целенаправленное, преследующее определенную цель познавательного, эстетического, идеологического и нравственного содержания и т.д.

---

[1] Вопросы развития и функционирования языка в родоплеменном и древнейшем классовом обществе, в различные периоды феодальных, капиталистических и социалистических отношений глубоко и содержательно раскрыты, например, в работах 1) *Э.Г. Туманян.* Язык как система социолингвистических систем. М.: Наука, 1985; 2) Онтология языка как общественного явления. М.: Наука, 1983. С. 105—142 и др.

Во-вторых, социальный фактор может представлять собой определенную идею, целую концепцию и влиять на язык в целом, определять его судьбу, его настоящее и будущее. Например, современная национально-языковая политика как идеологическая концепция демократического государства провозгласила принцип свободы языков всех народов России, их беспрепятственное функционирование и развитие.

Социальный фактор глобального значения влияет и на отдельные факты и элементы языка. К примеру, слово, как одна из основных единиц языка под действием социального фактора может приобрести определенное идеологическое значение. Слово *дума*, например, приобрело значение органа государственной власти под влиянием постсоветской идеологии и демократических изменений в России последнего десятилетия XX века.

Социальный фактор имеет свою структуру. Главными элементами ее являются: 1) *субъект действия* (активная действующая сила); 2) объект воздействия; 3) среда, к которой относится *субъект* действия; 4) среда, к которой относится *объект* действия; 5) *средства* действия субъекта; 6) *цели* и *задачи* действия субъекта. Социальные факторы могут различаться по социально-экономическим формациям, идеологическим, гносеологическим (познавательным), эстетическим, нравственно-эстетическим элементам и др.

11.2. Классификация социолингвистических факторов

В настоящее время не представляется возможным дать единой классификации огромного количества весьма разнообразных социальных факторов функционирования и развития языка. Назовем лишь основные:

1. Социальные факторы, обусловленные социально-экономическими формациями (рабовладельческий, феодальный, капиталистический способы производства).
2. Глобальные и частные факторы, обусловленные массовой коммуникацией, системой образования и т.д.
3. Позитивные и негативные социальные факторы, обусловленные различной интерпретацией явлений природы и общественной жизни представителями религиозной идеологии.
4. Социальные факторы, обусловленные взаимодействием языков (обогащение или засорение языков).

5. Социальные факторы научно-познавательного значения (относящиеся к естественным, общественным и техническим наукам и т.д.).
6. Социальные факторы идеологического содержания (идеология, языковая политика, идеологическое осмысление языковых единиц и т.д.).
7. Социальные факторы эстетического плана (литература, искусство).
8. Социальные факторы нравственно-этического осмысления явлений общественной жизни.
9. Социальные факторы, относящиеся к социально-профессиональной дифференциации языка.

Известно утверждение, что социальные факторы функционирования и развития языка органически связаны с внутренними законами языка. Однако в чем и как проявляется эта связь?

Общественная сущность языка проявляется в том, что он подвержен действию социальных факторов. При этом неправомерно рассматривать социальность как что-то внешнее по отношению к языку. Дело в том, что и внутренние законы языка не являются ни божьим даром, ни творением природы. Они складываются исторически в процессе длительного функционирования и развития языка в рамках речевой деятельности людей. Речевая же деятельность — это разновидность социальной деятельности. Вне этой деятельности людей не могут формироваться и внутренние законы языка.

Внутренние законы языка — главная сила, организующая язык, его структуру, в частности, сила, обеспечивающая функционирование языка в соответствии с потребностями его носителей.

В то же время природе внутренних законов не присуще творческое начало. Они могут действовать только в условиях речевой практики, в рамках речевой деятельности того или иного этноязыкового сообщества. Внутренние законы, складывающиеся исторически, эволюционным путем, служат орудием, средством «в руках» общества. Только сообщество людей приводит их в действие, «заставляет» функционировать. В этом проявляется активная творческая, созидательная сила общества, отдельных групп людей, социальных факторов.

В чем же проявляется влияние социальных факторов на разные уровни *языковой структуры?*

Формирование внутренней структуры языка — весьма сложный и длительный социальный процесс. Чтобы понять и принять это положение, необходимо помнить, что языковая структура — это продукт исторического формирования и развития языка в неразрывной связи с развитием общества и общественного сознания.

Таким образом, процессы формирования и развития фонологической, морфологической, синтаксической, лексико-семантической, стилистической подсистем с самого начала являются социализованными. Все уровни внутренней структуры языка формируются и развиваются в условиях взаимодействия социальных факторов и внутренних законов языка.

11.3. Социальные факторы в развитии системы языка

Известно, что наиболее сильному влиянию социальных факторов подвержен **словарный состав.** Однако углубленное осмысление данной проблемы показывает, что влияние социальных факторов поразному отражается в различных пластах лексики. И зависит оно от многих причин: а) в глобальном аспекте от исторической эпохи (социально-экономической формации), б) от сознательного и стихийного воздействия социальных факторов, в) от задач целенаправленного влияния общества на язык (обогащение языка для расширения сфер его применения, засорение и оскудение языка в условиях подавления господствующими классами национальных культур и языков) и т.д.

Процессы взаимодействия и взаимообогащения языков убедительно показывают, что появление, выпадение или переход в пассивный запас тех или иных слов чаще всего и главным образом оказываются обусловленными социальными факторами. Следовательно, примат разного рода социальных факторов над внутриструктурными закономерностями развития словарного состава (точнее, соответствующих его слоев) является очевидным, в отличие от фонетики, морфологии и синтаксиса, где ведущая роль принадлежит внугриструктурным закономерностям.

Однако если изменение в составе лексики в целом обусловлено непосредственно действием социальных факторов, изменениями разного рода характера в различных сферах деятельности че-

ловека, то структурные изменения лексических единиц, например, в некоторых слоях словарного состава могут быть вызваны действием внутриструктурных закономерностей на протяжении ряда эпох. Так, в образовании словоизменительных и словообразовательных форм русского глагола *печь (пеку — печешь — пекли* и т.д.) определяющая роль, несомненно, принадлежит постоянно действующим внутриструктурным закономерностям развития лексической и морфологической системы данного языка, а не социальным факторам, относящимся к той или иной эпохе.

Следовательно, социальные факторы и внутриструктурные закономерности развития лексики надо рассматривать в их взаимодействии, а не изолированно. В одних случаях решающую роль в образовании постепенных изменений играют внутриструктурные законы, а в других — социальные факторы.

Для методологически непротиворечивого понимания закономерностей развития лексики необходимо рассматривать ее как отражение основных этапов развития общества. Методы же ее исследования должны быть разработаны, по крайней мере, с учетом гармонического взаимодействия собственно лингвистического и социального аспектов познания закономерностей развития лексической системы языка, взаимодействия образующих ее элементов, учитывая, что «там, где мы имеем дело с языком, содержащим в своем составе разнородные элементы, лингвистические методы недостаточны» (Л.В. Щерба). В соответствии с этими методологическими основами и принципами используются следующие методические приемы социолингвистического изучения лексики:

- методические приемы изучения факторов, обусловливающих внутриструктурное развитие лексики каждого языка;
- методические приемы, используемые для а) характеристики социальных условий, в которых происходит функционирование, развитие и взаимодействие лексических систем; б) для изучения специфических особенностей влияния и воздействия различных социальных факторов (политических, экономических, культурных и т.д.) на функционирование, развитие и взаимодействие лексических систем;
- методические приемы а) выявления иноязычных лексических элементов в структуре соответствующих языков; б) анализа причин, обусловливающих видоизменение исконных лексических элементов под воздействием других языков.

Появление ~~нового~~ значения слова, переосмысление его значения, дифференциация ЛСВ, переход из активного запаса в пассивный, из пассивного запаса в активный обычно происходят под влиянием социальных факторов.

Менее заметно влияние социальных факторов в **фонетической системе** языка. М.В. Панов писал, что в современной фонетической системе русского литературного языка изменения протекают крайне медленно. В наши дни эта система не отличается никакими резкими отклонениями от того, что было в русском языке 40—50 лет назад. Однако несколько изменений, внешне малозаметных, произошло, и их изучение очень важно: из таких незначительных изменений и складывается эволюция произношения.

Взаимодействие внутренних законов языка и социальных факторов наблюдается в процессе заимствования фонем. Например, фонема [ф] заимствована из греческого: *Федор, Филипп, фонарь.*

Наблюдаются также случаи преимущественного воздействия социальных факторов на процесс заимствования фонем вопреки внутренним законам языка. Именно такое воздействие имело место в истории заимствования некоторых фонем из русского языка чувашским, удмуртским, чеченским и некоторыми другими литературными языками народов России. Например, в 20-е годы в чеченском языке вместо заимствованных слов *фабрика, Франция, философ, фамилия* и т.п. произносили и писали *пабрика, Пранция, пилосоп, памили* и т.д. В начале 30-х годов было принято решение о введении в чеченский алфавит буквы **Ф** для написания и произношения звука [ф] в составе многочисленных заимствуемых из русского языка слов и терминов, в том числе интернациональных.

Социальные факторы наряду с внутренними законами языка и давлением системы могут также препятствовать освоению фонемы. Так, например, правилами грузинского литературного языка в определенных позициях исключается написание и произношение звука [ф] в заимствованных словах, даже в условиях очевидного распространения грузинско-русского двуязычия.

Морфологическая система языка формируется исторически в процессе речевой деятельности определенного относительно устойчивого социума. Внутренние законы функционирования и развития языка складываются также исторически в процессе речевой деятельности социума. Возникновение этих закономерностей вне процесса речевой деятельности социума невозможно. Следо-

вателъно, социальность должна быть присуща и природе морфологической системы языка.

В процессе своего функционирования морфологическая система в той или иной степени испытывает воздействие главным образом трех типов факторов: а) социального развития в широком смысле; б) внутриструктурных изменений; в) иноязычного влияния.

В современных языках мира встречаются самые различные типы морфологических систем. Такое разнообразие морфологических систем языков (флективные, агглютинирующие, изолирующие, инкорпорирующие) объясняется целым рядом причин:

— постепенно, стихийным, эволюционным путем (в том смысле, что человек сознательно не создавал их) образуются различные морфологические категории под влиянием разнообразных, в том числе социальных, факторов;
— морфологические категории являются продуктом не одной исторической эпохи, а ряда исторических эпох;
— на историческое переплетение самых разнообразных морфологических категорий — падежа, числа, времени лица, наклонения, вида, класса и т.д. — влияли и разные социальные факторы.

Стихийно сложившаяся морфологическая система функционирует, изменяясь очень медленно. Законы образования и развития ее невозможно связывать непосредственно с каким-либо одним социальным фактором. На ее формирование и развитие действует комплекс факторов, восходящих к разным историческим эпохам, социальной жизни общества, развитию общественного сознания, внешней среды и т.п.

Отечественные социолингвисты на основе конкретного анализа большого фактического материала многих литературных и бесписьменных языков доказали возможность позитивного влияния социума, социальных факторов и на синтаксис. В результате такого влияния в том или ином языке могут появляться новые *типы словосочетаний*. Основным путем их появления может быть калькирование сложных терминов (различные наименования партийных, государственных, профсоюзных организаций). При этом исконные типы словосочетаний из младописьменных языков не вытесняются, а получают дальнейшее развитие, взаимодействуя с новыми типами словосочетаний, взаимообогащаются.

В этих процессах огромную роль, нередко определяющую, играют такие социальные факторы, как а) многонациональный состав коллективов на производстве; б) широкое применение национально-русского двуязычия в национальных регионах; в) высокая частотность употребления новых типов словосочетаний, простых и сложных предложений в национальных языках.

Стилистические системы в большей степени зависят от развития общественных функций языков, разных социальных и субъективных факторов, чем лексика, фонетика, морфология и синтаксис. Формирование функциональных стилей зависит: а) от объема и жанрового своеобразия систематически, в течение длительного времени издаваемой литературы; б) от частотности систематического массового употребления этой литературы в течение продолжительного времени; в) от темпов и границ развития общественных функций языка.

Естественно поэтому сделать вывод, что дальнейшее развертывание стилистических систем литературных языков зависит от общества, социальных факторов, которыми определяется современное состояние и перспективы развития общественных функций этих языков.

Жизнь любого многонационального государства неминуемо ставит его народы перед необходимостью решения вопросов межнационального характера в социальном, политическом, экономическом и языковом отношениях. Важное место в кругу этих проблем принадлежит национально-языковому строительству. Ведь язык — органическая составная часть духовной жизни каждой нации и народности, один из главных их признаков.

***Нация** — это социально-этническая общность людей, характеризующаяся устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни, а также некоторыми своеобразными чертами характера, психологии, культуры, быта и т.д.*

***Национальности** — это более или менее большие группы людей, отличающиеся между собой языком, некоторыми особенностями культуры и характера, самосознанием этнической принадлежности.*

Сопоставление этих двух понятий показывает их общие и отличительные признаки:

1. Понятие «национальность» выступает как этническая характеристика нации или народности, указывая на особенности их

языка, культуры, традиций, обычаев и т.д. Поскольку в понятие «нация» входят не только этнические, но и все ее социально-экономические связи, оно является понятием более широким, чем понятие «национальность».

2. Так как нации, народности возникают на основе территориально-экономических связей, то ясно, что группы людей, имеющих одну обитую национальность с той или иной нацией или народностью, но живущие с ними на одной территории, не являются частью данной нации или народности.
3. Различение понятий «нация» и «национальность» помогает уяснить, почему нация (или народность) в процессе своего исторического развития, в корне меняя свою социальную сущность, в основном сохраняет свою национальность. Различать эти понятия тем более необходимо, что понятие «национальность» служит этническим маркером не только нации, но и народности.
4. Если нация — явление социально-классовое и по происхождению (необходимость преодоления феодальной раздробленности), и по сущности (продукт буржуазных отношений), то этнические признаки нации — язык, территория, не отражают классовых отношений. Вот почему и буржуа, и пролетарии в рамках единого этноса причисляют себя к одной и той же национальности.

Необходимость различать эти понятия в социолингвистике вызвана еще и тем, что они связаны с определением сущности собственно лингвистических категорий, таких, как «национальный язык», «язык народности» и «литературный язык».

Национальный язык *— это язык определенной нации в совокупности всех его форм существования (территориальных и социальных диалектов, обобщенных типов устной речи — просторечия и койне, литературного языка).* Доминирующее положение в архисистеме национального языка занимает литературный язык. Различают литературный язык донациональной и национальной эпохи. *Литературный язык национальной эпохи — это высшая форма существования национального языка,* характеризующаяся следующим комплексом признаков: 1) обработанностью и упорядочностью; 2) нормативностью и кодифицированностью; 3) стабильностью и непрерывностью традиций; 4) обязательностью для всех членов коллектива; 5) развитой стилистической дифференциацией;

6) универсальностью (обслуживание всех сфер общения); 7) наличием устной и письменной разновидности.

Изъяны в области национально-языковой политики проявились, к сожалению, в различных регионах: в событиях последней трети XX века в Алма-Ате, Прибалтике, Нагорном Карабахе, событиях, связанных с вопросом о судьбе крымских татар.

Чем же объясняется сложность последнего этапа национально-языкового строительства в социалистическом обществе? Ведь как в те времена повсеместно утверждалось, национальный вопрос считался окончательно решенным. Поэтому, видимо, он автоматически перешел в разряд второстепенных, потеряв, как полагали власти, свою актуальность.

Действительно, с первых же дней существования советского государства началось практическое воплощение в жизнь специально созданной теории национально-языковой политики. Языковые проблемы в те времена рассматривались на широком социальном фоне национального вопроса. Демократизм утверждаемого подхода к национальному вопросу наиболее полно проявился в неоднократном отстаивании свободы самоопределения наций вплоть до отделения. «Мы требуем, — писал В.И. Ленин, — свободы самоопределения, т.е. независимости, т.е. свободы отделения угнетенных наций не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном дроблении или об идеале мелких государств, а, наоборот, потому, что мы хотим крупных государств и сближения, даже слияния, наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, немыслимой без свободы» [ПСС, т. 25: *145*].

«Принцип отделения» как принцип последовательного демократизма распространялся и на языковой аспект национальной политики. Говоря о равноправии наций, об их самоопределении, о необходимости строгого учета национальных особенностей, обычно тут же упоминались и национальные языки. Это свидетельствует о том, что в то время языковой политике придавалось немаловажное значение.

Провозглашалась полная свобода и равноправие всех национальных языков, необходимость создания условий для их беспрепятственного развития, безусловное право каждого гражданина государства пользоваться родным языком. «Демократическое государство, безусловно, должно признать полную свободу родных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из языков» — вот

один из основополагающих тезисов национально-языковой политики в 20—30-е годы нашей истории. Особое значение придавалось роли и развитию родных языков и литератур наиболее угнетенных и отсталых в прошлом народов. В резолюциях съездов и форумов по национальному вопросу неоднократно подчеркивается роль родных языков всех народов страны в развитии различных сторон их жизни. В этом проявляется глубокое понимание того, что язык как «важнейшее средство человеческого общения» может быть достаточно эффективным лишь в том случае, когда он близок и понятен массам во всех своих тонкостях. Особенно велика роль родного языка в обучении грамоте: безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке; без этого не может быть самой политики. Вот лейтмотив всех постановлений и резолюций того времени.

Отмечая большое значение принципа равноправия народов и их языков для установления справедливых взаимоотношений между всеми народами страны, В.И. Ленин в мае 1914 г. писал: «Признание равноправия наций и языков дорого для марксистов не только потому, что они самые последовательные демократы. Интересы пролетарской солидарности, товарищеского единства классовой борьбы рабочих требуют полного равноправия наций для устранения самомалейшего национального недоверия, отчуждения, подозрительности, вражды» [ПСС, т. 25: 145].

Эти и другие высказывания стали основополагающими принципами национально-языкового строительства в молодом многонациональном советском обществе. Вскоре после революции для проведения в жизнь национальной политики большевистской партии был учрежден специальный правительственный орган — Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац). Соответственно на местах начали работать национальные комиссии и отделы. Наркомнацу большое содействие оказывали известные ученые, активно участвовавшие в работе таких специально созданных центров, как Комиссия по изучению племенного состава населения России и Ученый совет по изучению народов РСФСР Наркомнаца.

Не ослаблялось внимание к национально-языковым проблемам и в послереволюционный период. Неоднократно обращалось внимание на перспективы развития национальных языков вообще, а также отдельных языков и групп языков в частности. Беспо-

щадной критике подвергались те, кто говорил о быстром стирании национально-языковых различий. «Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами — эти различия будут держаться еще очень долго, даже после осуществления диктатуры пролетариата...»

Утверждалось, что в противоположность капитализму социализм не только не угрожает национальной самобытности народов, но создает все условия для подлинного расцвета наций и народностей. При этом исходили из признания того, что существует самая тесная связь процессов языкового развития с национально-государственным строительством. Поэтому само территориальное размежевание национальных государственных образований в абсолютном большинстве случаев проводилось по языковому признаку населения. Примером этому может служить ситуация, которая сложилась в первые годы Советской власти в Средней Азии. При образовании АССР, АО и союзных республик основным критерием решения вопроса служил языковой признак. Например, районы Туркестана, где говорили в основном на казахском языке, отошли к Казахской АССР (с 1936 г. — ССР), в составе которой, в свою очередь, в феврале 1925 г. была образована *Кара-Калпакская автономная область.*

Особенно тесно с формой национальной государственности было связано функциональное развитие языков. Это значит, что языки основного населения союзных республик выполняли более широкие общественные функции (вплоть до преподавания на них в вузах), чем языки населения автономных республик и областей.

Как видим, в первые годы становления советского государства были заложены демократические основы языковой политики в многонациональном государстве. К сожалению, вскоре она становится тоталитарной, как и само государство, в котором она создавалась.

Языковая политика относится к категориям, связанным с сознательным воздействием общества на язык. Она основывается на тех или иных социальных и идеологических принципах. С этой точки зрения, *языковая политика — это концентрированное выражение идеологических и социальных (в широком смысле) принципов, определяющих политическое, теоретическое и практическое отношение той или иной государственной системы и государства к функционированию, развитию и взаимодействию языков, к их роли в жизни*

народа (народов). Языковая политика — составная часть национальной политики, осуществление ее в многонациональном и однонациональном государстве имеет свои особенности.

Известно, что от общих принципов национальной политики зависит языковая политика. Так, основные принципы национальной политики царизма преследовали цели подавления свободы, независимости, культуры народов дореволюционной России. Соответственно проводилась и политика притеснение национальных языков. Идеологи царизма противодействовали созданию письменности, организации обучения на родных языках, опасаясь развития соответствующих национальностей, их культур и языков. Вследствие такой политики на многих национальных окраинах дореволюционной России царила сплошная неграмотность.

Таким образом, языковая политика может быть разнонаправленной. В понятие «языковая политика» можно вкладывать диаметрально противоположное содержание: политика подавления языками — политика развития национальных языков. Так, в первые годы существования советского государства особое внимание уделялось роли родного языка в просвещении народных масс. Провозглашалось не только гарантированное право каждого народа воспитывать и обучать детей на родном языке, но и создавались необходимые условия для успешного развития национальных языков. Здесь следует отметить ту огромную роль, которую сыграло использование родных языков в ликвидации неграмотности, в развитии начального, среднего и высшего образования. Роль родных языков в этом деле особенно значительна на фоне того культурного наследства, которое получило молодое советское государство от царской России.

По данным первой русской всеобщей переписи населения 1897 г., грамотность населения в целом по России составила 21,1%, а в Туркестанском крае (в Средней Азии) — 1—2%. Характерно, что к 1906 г. увеличение грамотности населения за 10 лет в Европейской России составило в среднем 4,2%, на Кавказе — 1,1%, в Сибири — 1,3%, а в Средней Азии — всего 0,4%. По официальным подсчетам, при таком темпе роста грамотности достижение всеобщей грамотности в Европейской России предполагалось через 120 лет, на Кавказе и Сибири — через 430 лет, а в Туркестанском крае — через 4600 лет.

Однако уже к 1967 г. Средняя Азия и Казахстан достигли впечатляющих результатов в развитии народного образования, науки, культуры, искусства. Согласно официальной статистике, в 1970 г. в Средней Азии и Казахстане, где население составляло 32 млн 801 тыс. человек, в том числе 16 млн 225 тыс. узбеков, казахов, киргизов, таджиков и туркмен, функционировало 25 984 общеобразовательные школы, в которых обучалось 8621 тыс. детей, главным образом на своих родных языках.

Успехи оказались возможными именно благодаря осуществлению демократической национально-языковой политики, хотя это было далеко не простым делом. Сложность ее обусловливается главным образом качественной разнородностью языков народов СССР и их количественным составом. Подавляющее большинство населения — около 85% — говорило на индоевропейских языках (славянских, иранских, балтийских, романских, германских, индийских; особую группу составляет армянский язык). Остальные говорили на языках, принадлежащих другим языковым семьям: тюркской (гагаузский, крымско-татарский, караимский — 1; азербайджанский, кумыкский, карачаево-балкарский, ногайский — 2; татарский, башкирский, чувашский — 3; узбекский, казахский, туркменский, киргизский, каракалпакский, уйгурский — 4; якутский, тувинский, алтайский, хакасский и др. — 5); монгольской (бурятский и калмыцкий языки), тунгусо-маньчжурской (эвенкийский, эвенский, нанайский, негидальский, ульчский, орокский, орочский, удэгейский), уральской (финно-угорские языки; прибалтийско-финская группа — эстонский, карельский, вепский, ижорский, водский, ливский, финский; волжская группа — моюпанский (мокша-мордовский), эрзянский (эрзя-мордовский), горно-марийский и лугово-восточный (марийский); пермская группа (удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий языки); обско-угорская группа (языки малых народностей — ханты и манси — коренного населения Ханты-Мансийского национального округа). К уральской семье относятся также самодийские языки — ненецкий, энецкий, нганасанский и селькупский. Иберийско-кавказская (яфетическая) семья: картвельская группа — грузинский, занский, (мегрело-чанский) и сванский (иногда их называют иберийскими языками, или южнокавказскими), северо-западная (абхазо-адыгейская) группа — абхазский, абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский и убыхский; нах-

ская группа — чеченский, ингушский, бацбийский. Палеоазиатские языки объединяют в своей семье чукотский, корякский, ительменский, керекский, алюторский — 1, эскимосский и алеутский — 2, кетский и юкагирский — 3. Ни в одну группу не входят ново-ассирийский и дунганский языки.

Вполне понятно, что такое многообразие языков, их генетические и типологические различия делают языковую ситуацию в любой стране особенно сложной. Осложняется она и количественными характеристиками.

Лингвисты зафиксировали 127 языков, функционирующих на территории советского государства, а вместе с языками экстерриториальных групп зарубежных наций — 162 языка. В этих условиях была остро необходима целеустремленная деятельность в сфере языковой жизни наших народов. Основными направлениями языковой политики в нашей стране того времени были:

— создание письменности для ранее бесписьменных народов;
— усовершенствование старых алфавитов и письменности;
— прогнозирование и планирование языкового развития;
— дальнейшее совершенствование языков, их внутриструктурного и функционального развития;
— научное управление процессами добровольного, массового распространения языка межнационального общения и развивающимся на этой основе двуязычия среди народов СССР.

Рассмотрим каждое из этих направлений.

Поскольку многие народы дореволюционной России не имели своей письменности, была развернута деятельность по созданию новых письменных языков — младописьменных языков. Из 127 языков народов нашей страны лишь 20 имели более или менее разработанную письменность. Своей оригинальной графикой письма пользовались только русские, украинцы, грузины и армяне, создавшие развитые литературные языки,

До Октябрьской революции в той или иной степени русским алфавитом пользовались представители нескольких народов (мордва, осетины, чуваши, коми, удмурты, якуты), исповедовавшие христианскую религию. Эстонцы, латыши и литовцы пользовались латинской графикой. Буряты и калмыки, исповедовавшие ламаизм, строили свое письмо на основе разновидности древнеуйгурско-монгольской письменности. Караимы, крымские, гор-

ские, среднеазиатские и восточноевропейские евреи, исповедовавшие иудаизм разного толка, пользовались древнееврейской письменностью. Среди многочисленных мусульманских народностей Средней Азии и Кавказа использовалась письменность на основе арабского алфавита. Арабскую графику в разной степени приспосабливали к своим языкам 16 различных народностей. Однако следует отметить, что эта письменность, как и другие, была недоступна широким массам трудящихся. Ее применение ограничивалось в основном сферой религии, а письмом пользовалось главным образом духовенство.

Вся книжная продукция на некоторых языках состояла лишь из букваря да двух-трех церковных книжек. Поэтому неудивительно, что как у бесписьменных, так и у «письменных» народов процент грамотности был весьма низок. В Азербайджане, например, до революции 95,5% населения оставалось неграмотным; сплошная неграмотность царила среди народов Крайнего Севера. Именно поэтому усовершенствование существующей письменности и создание новых стало первоочередной задачей в деятельности ученых, деятелей просвещения и руководства страны. Большие трудности возникли в тот период в области демократизации письма. Задачи просвещения требовали отказа от несовершенных и сложных графических систем. В особенности это относилось к уйгурско-монгольской, древнееврейской и арабской письменности. Но если двумя первыми пользовались лишь несколько малых народностей, то арабской графикой — 16 народов, среди которых были такие многочисленные, как узбеки, татары, казахи, азербайджанцы, таджики. Арабская графика вполне устраивала мусульманское духовенство, требовавшее лишь слепого повиновения религиозным догмам Корана. Арабская графика не была приспособлена также к нуждам книгопечатания и просвещения. В 20-х годах у многих народов нашей страны произошел переход на латинизированный алфавит. Этот переход сопровождался острой идеологической борьбой. Реакционное духовенство объявило противников арабского алфавита каджарами (неверными), так как Коран и «имя самого аллаха» были якобы начертаны арабскими буквами божественной силой.

Следует подчеркнуть, что латинизация сыграла определенную роль в развитии письменностей народов СССР, в их культурном и социальном развитии. Замена письменности, по мнению офи-

циального руководства, означала превращение ее из орудия религиозной пропаганды в орудие социального прогресса. Позже, как известно, эти народы, заменив латинский алфавит, перешли на русскую графическую систему.

Встает вопрос: почему не был совершен переход сразу на русскую графическую основу? Для ответа на этот вопрос необходимо представить всю сложность проблемы и конкретные исторические условия. Потребовалось определенное время для того, чтобы осознать и почувствовать совершенно новое для многих народов страны содержание и значение русской графики. Кроме того, в первые годы Советской власти переход на русскую графику мог быть истолкован как рецидив старой, русификаторской политики царизма. И только позже (например, письменность народов Севера в 1937 г.) многие народы «отказались» от латинского алфавита и перешли на русскую графику. Языковая ситуация сложилась так, что часть малочисленных народностей не стала использовать созданную для них письменность. Они «добровольно» осуществили переход от родного языка к языкам более многочисленных наций и народностей, как, например, небольшие народности Дагестана (бежитинцы, арчинцы и др.).

11.4. Современная языковая ситуация

Мир, в котором мы живем, сложен, противоречив и многообразен. К тому же он, развиваясь, весьма динамично видоизменяется: меняются расстановка и соотношение противоборствующих сил, меняются социальные приоритеты, происходит переоценка этнокультурных ценностей. Вместе с политической картой мира меняется его лингвистическая палитра.

11.4.1. Языковая ситуация в развитых капиталистических государствах

Своеобразие языковой ситуации в странах Западной Европы и США в их одноязычии, что создает иллюзию беспроблемности, но в реальности эта ситуация достаточно сложна.

В каждом европейском государстве и США проживают национальные меньшинства: в Великобритании — уэльсцы, шотландцы и ирландцы; во Франции — бретонцы, баски, галисийцы; в Германии — серболужичане, датчане и голландцы. И все же ос-

новная часть населения этих стран говорит на одном языке — государственном; языки национальных меньшинств находятся в условиях разной степени дискриминации.

В других странах Запада языковая ситуация иная. Ее специфику определяют «официальные» билингвизм и полилингвизм. Так, Финляндия и Ирландия — двуязычны, Бельгия — трехъязычна, Швейцария — четырехъязычна. Не могут не усложнять языковую ситуацию в этих странах иммигранты.

Языковая политика в странах Запада не отличается единообразием. В Ирландии это ретроспективная языковая политика, направленная на сохранение ирландского языка, который наряду с английским является государственным, хотя на нем говорит лишь 2% населения. Государство предпринимает меры для воскрешения языка коренного населения — ирландцев. На поддержку языка меньшинства направлена также языковая политика Финляндии. Однако таким языком является язык не коренного населения (финнов), а шведский, на котором говорит 7% населения страны. Как и в Ирландии, здесь также два государственных языка — финский и шведский. В обоих государствах выбор языков официального общения обусловлен политическими интересами — укреплением государственного единства, историческими и национальными традициями. Такая языковая политика в основном отвечает демократическим принципам.

На иных принципах строится языковая политика в Англии, Испании, Франции и др. государствах, где в самом факте языковых (и этнокультурных, разумеется) различий усматривается мнимая угроза целостности государства. Поэтому здесь официальным языком государства служит язык доминирующей нации — английский, испанский, французский. Это результат многовековой имперской политики, направленной на ассимиляцию народов языков, этнокультур. Так, например, в Великобритании юридически никогда не выделяют этноязыковые общности Уэльса, Ирландии, Корнуолла, Шотландии, объединяя различные языковые группы термином «британцы» (British). Термины «англичанин» (Englishman), «шотландец» (Scotchman), «валлиец» (Welshman) используются, как правило, для обозначения места жительства или рождения. Вместе с тем в присоединенных Англией землях сохраняется двуязычие, хотя валлийский, ирландский и шотландско-гаэльский языки на социально-функциональной

шкале стоят ниже английского. В результате постоянного контактирования коренных языков с английским на территории Ирландии и Ольстера сложился ирландский вариант английского языка (Hiberno-English), а в Шотландии — шотландский вариант английского языка (Scots, или Lallan). Однако, хотя оба варианта английского языка и служат средством общения на соответствующих территориях, они все же остаются символом низкого социального происхождения и низкой культуры. В результате англизации из языковой палитры Великобритании исчезли корнский и мэнкский языки (первый — язык острова Мэн, заселенного кельтами еще в I в. до н.э.). Главными проводниками языковой политики англизации служили и служат церковь и школа, которые полностью перешли на английский язык, еще в те времена чуждый этноязыковым меньшинствам. Церковь и школа служили не столько духовному воспитанию, развитию и обучению детей, сколько искоренению их родного языка. Идеологический критерий, дополняя политический, окончательно формирует имперскую национально-языковую политику.

В несколько видоизмененной форме такого рода языковая политика осуществляется во Франции и Испании. Благодаря деятельности этнокультурной общественности этих стран некоторые языки национальных меньшинств повышают свой социально-функциональный статус: баскский — официальный язык Страны Басков (автономной провинции Испании); каталанский — официальный язык автономных областей Испании (Каталонии, Валенсии и Балеарских островов) и в государстве Андорра (наряду с испанским и французским языками), галисийский — официальный язык Галисии (автономной области Испании). Во Франции языки национальных меньшинств не имеют статуса официальных. Французский язык занимает в стране господствующее положение (95% одноязычных жителей говорят по-французски); это единственный язык официального общения, обучения, государственных учреждений и внешних сношений. Потому, как полагает В.Г. Гак, языковая ситуация во Франции сводится преимущественно к проблеме двуязычия, к проблеме распределения функций между французским языком и другими языковыми образованиями, к которым относятся окситанский — новопровансальский (~8 млн), корсиканский вариант итальянского языка (~200 тыс.), фламандский (~80 тыс.), эльзасский диалект = совокупность немецких говоров

Франции (~1,3 млн). По степени генетической и структурной близости региональных языков к французскому в языковой ситуации Франции различимы четыре типа двуязычия:

а) *экзоглоссия* — языковая ситуация, когда наряду с французским используются региональные языки — окситанский, каталанский, корсиканский диалект итальянского (романская группа); эльзасские и фламандские говоры (германская группа); бретонский (кельтская группа) и баскский (изолированный неиндоевропейский язык);

б) *эндоглоссия* — языковая ситуация, когда литературная форма французского языка делит функции с другими его формами — диалектами, просторечием, арго и т.п.;

в) *гиперглоссия* — двуязычие, при котором правящая, научная, политическая элита страны наряду с родным французским языком пользуется иностранным (в настоящее время — английским). Защита французского языка от иноязычного влияния — одна из значимых задач современной языковой политики Франции;

г) *гипоглоссия* — двуязычие иммигрантов (несколько миллионов иностранных рабочих).

При всем многообразии распределения функций внутри каждого типа двуязычия налицо общее: французский язык — единственное средство публичного общения и преподавания на всей территории страны (кроме Эльзаса, где документация ведется одновременно на французском и немецком языках, но не на эльзасском диалекте). Местные языки никаких общественных функций не выполняют; их используют только во внутрисемейном и бытовом общении.

Разнообразие языковой ситуации во Франции отличает ее от других западноевропейских стран: для Германии и Италии характерна эндоглоссия[1], для Испании — экзоглоссия, для Англии — экзоглоссия и гипоглоссия.

---

[1] После объединения Германии эндоглоссия сочетается с экзоглоссией: с одной стороны, соотношение региональных различий немецкого языка на западе и востоке страны, литературного языка и диалектов, а с другой — использование наряду с немецким датского (~30 тыс. в земле Шлезвиг), фризского (~16 тыс.) и двух серболужицких языков (~100 тыс.). В последнее время языковая ситуация усложняется наплывом иммигрантов из Турции и стран Восточной Европы.

Особым типом языковой ситуации характеризуются Бельгия, Швейцария и Люксембург, где в качестве государственных служат несколько языков, на которых говорят основные этносы, населяющие каждое государство. Языковая политика, проводимая в этих странах, строится на демократических основах и отражает объективное соотношение политических и экономических факторов. Так, в XIX веке Бельгия (обрела независимость в 1830 г.) была в основном двуязычной в ситуации гиперглоссии: большинство населения страны составляли фламандцы, однако элита страны пользовалась не фламандским (обособившийся диалект датского языка), а французским языком (в то время весьма престижным в мире, в том числе в России). После получения независимости фламандцы ведут решительную борьбу за равноправие своего языка, и в результате к 1919 г. французский и фламандский оказались в одинаковом социально-функциональном положении. Однако вскоре языковая ситуация вновь обострилась диспропорцией в экономическом развитии Фландрии и Валлонии. К тому же франкоязычный Брюссель — столица государства — расположен во Фландрии. Разрешить проблему удалось с помощью языковой политики: государственными языками стали фламандский, французский и немецкий. Территориально они распределились по четырем районам страны: фламандский, французский, немецкий и двуязычный (французский и фламандский).

Подобное равноправие достигнуто и в Швейцарии, официально считающейся четырехъязычной: каждый кантон пользуется в официальном общении одним из четырех языков — немецким, французским, итальянским или ретороманским. Языковую ситуацию Люксембурга определяет функциональное распределение между тремя языками: два языка — французский и немецкий — являются государственными, хотя родным, консолидирующим нацию, считается люксембургский (летцебургский) язык. В настоящее время благодаря государственной языковой политике его престиж растет: он используется в парламенте, в театре, на радио, в проповедях, в речах, приветствиях. Однако люксембургский язык используется главным образом в устном общении; в письменной речи используются французский и немецкий.

Итак, языковая ситуация в западноевропейских странах отражает коммуникативные возможности языков, социально-эконо-

мическую структуру государства, а также историко-культурные традиции народа.

В отличие от Западной Европы языковая ситуация в странах Северной Америки сложилась под влиянием социально-функционального «распределения», между колониальными языками (английским, французским, испанским, голландским, немецким, шведским), с одной стороны, и между языком колонистов и языками аборигенов, с другой. Современное многоязычие на этом континенте складывалось столетиями.

Языковая ситуация в США сложна и многообразна. Название «американцы» скрывает конгломерат из почти 80 различных этноязыковых сообществ. Однако с 1776 г., когда североамериканские колонии завоевали независимость, здесь преобладают носители английского языка. За ними следуют испаноязычные, итальянцы, немцы, французы, поляки, евреи и греки (по данным Ф. Гросджина, 1976 г.). Между англоязычными и другими этноязыковыми коллективами установилось двуязычие. Причем у 69% двуязычных американцев доминирует английский язык, а у остальных — этнический.

Особый колорит языковой ситуации в США придает судьба аборигенных языков. Проводившаяся политика искоренения местного населения привела к его сокращению, а отдельные этнические коллективы поставила на грань исчезновения. Свыше 40% коренных американцев по своему жизненному уровню оказались ниже порога бедности, у них самая малая продолжительность жизни, самый высокий процент отсева детей из школы (школу заканчивают только 17,6%), неграмотность достигает 40%.

Национальные меньшинства оказались в крайне сложной ситуации: повышение их социального статуса невозможно без знания английского языка (получения образования, профессии), но жесткий англоязычный режим в школе создает невыносимые условия для детей национальных меньшинств, вынужденных рано бросать школу (отсев испаноязычных школьников, например, в Лос-Анджелесе составил 50%, а в Нью-Йорке — 80%). Спасти ситуацию могло лишь двуязычие. В 1968 г. был принят соответствующий закон, разрешающий двуязычное обучение по особым запросам школьных округов. Однако реализация этого закона столкнулась с трудностями финансового, педагогического и социального характера (ограниченные бюджетные субсидии, недостаток

квалифицированных учителей и учебников, враждебность прессы и общественности). Двуязычие в США, как ни странно, — признак невысокого социального статуса, о чем свидетельствуют и американские социолингвисты. В США, по словам Ф. Гросджин, двуязычными остаются те, кто, как правило, живет беднее среднего уровня. Ввиду того, что они все еще пользуются своим родным языком, на них смотрят как на людей, еще не полностью вошедших в американское общество. И все же двуязычие в США сохраняет пока достаточно прочные позиции. Больше всего двуязычных американцев среди испаноговорящих (6,2 млн), итальянцев (1 млн), немцев (800 тыс.), французов (777 тыс.), поляков (493 тыс.). К индейским языкам с наибольшим числом носителей относятся языки навахо, чероки, сиу, чиппева, пуэбло, маскогеан, ирокезский и алгонкинские. До настоящего времени сохранилось около 300 индейских языков.

Социальный статус языков национальных меньшинств США ограничивается сферой семейного, бытового и внутригруппового общения для неаборигенных американцев и сферой племенного общения для аборигенов. Находясь в жестко англизированном окружении, значительная часть носителей этнического языка предпочитает не указывать свой родной язык. Часть коренного населения либо поверхностно владеет этническим языком, либо совсем забыла его, перейдя полностью на английский. Все это результат политики «плавильного котла» (melting pot policy), или политики американизации, т.е. искоренения всех этнических, культурных и языковых различий в многонациональном американском обществе.

Основным средством межгруппового, межэтнического и общенационального общения выступает английский язык. Причем его безраздельное господство сложилось не само по себе (в условиях равноправия всех этноязыковых групп), как пытаются представить некоторые ревнители американской языковой политики (Дж. Фишман, Ш. Хит). Английский язык жестко и последовательно насаждался правящей элитой США на протяжении всей истории страны, хотя статьи о закреплении за английским языком статуса государственного или официального в федеральной конституции США нет. Политика «плавильного котла» использовала другие средства — этнокультурную ассимиляцию, национальную и расовую дискриминацию, социально-экономическое

давление и даже прямые запреты на обучение не на английском языке (законы 1919 и 1921 гг.)[1]. Сформировалась политика «плавильного котла» на почве британского имперско-колониального шовинизма и расизма. Главными каналами ее реализации стали школа, средства массовой информации, масс-культура, административный аппарат, производственное общение. Отличительными чертами языковой политики США являются американоцентризм, антидемократичность, авторитаризм и шовинизм.

11.4.2. Языковая ситуация в «развивающихся» странах

Современная языковая ситуация на азиатском и африканском континентах обусловливается прежде всего крушением системы колониализма. Важнейшей составной частью государственного и культурного строительства в бывших колониях стало новое функционально-социальное соотношение между языками бывших метрополий (западноевропейскими) и автохтонными в пользу последних. Основным фактором, осложняющим национально-языковое строительство на демократических принципах, стала этническая неоднородность освободившихся стран. Языковая ситуация в этих регионах мира обострилась языковой политикой правящих кругов, направленной на установление иерархии автохтонных языков. Верхнюю ступень этой иерархии отводили наиболее распространенному языку, совпадающему обычно численно с языком доминирующего народа. Его объявляли государственным. Остальные языки располагались на низших ступенях иерархии. Им отводилась роль региональных языков, обслуживающих тот или иной этнос в регионе его расселения. Таким образом, в первый постколониальный период отвергался принцип языкового плюрализма, а иерархия языков стала отражением неравноправия этнических и языковых общностей.

Понятия *этнической* и *языковой общности* не совпадают, поскольку разные этносы могут говорить на одном и том же языке и, наоборот, единый этнос может использовать в общении разные языки (или диалекты).

---

[1] Закон 1968 г. о двуязычном обучении не противоречит политике «плавильного котла». Он рассчитан на переходный период к полностью англоязычному обучению и к американизации этнических групп, наиболее трудно поддающихся ассимиляции (А.Д. Швейцер).

Различают языковые общности межгосударственного типа и языковые общности, существующие внутри отдельных государств. К языковым общностям первого типа относятся только те страны, в которых определенный язык используется для внутригосударственного общения. Им может быть один из западноевропейских языков. В таком случае можно выделить англоязычную общность (Индия, Малайзия, Филиппины и др.), франкоязычную (Алжир, Тунис, Марокко, Мали, Сенегал и др.), испаноязычную (Мексика, Колумбия, Чили, Аргентина и др.), португалоязычную (Бразилия, Ангола, Мозамбик, Республика Гвинеи-Бисау и др.). Основой языковой общности такого типа выступает также арабский литературный язык (все арабские страны, Сомали, Джибути).

В языковых общностях второго типа средством официального общения служит один из автохтонных языков или европейский язык бывшей метрополии.

Языковые общности с автохтонным языком общения объединяют *этнически однородные* государства с незначительной долей иноэтнического населения (Япония, Корея, Бангладеш, Саудовская Аравия, Северный и Южный Йемен, Иордания, Египет и др.). Причем в одних странах используются разновидности (письменная и разговорная) одного национального литературного языка (Корея, Япония), а в других — два разных языковых образования (литературный и обиходно-разговорный языки) как самостоятельные формы существования определенного языка. Последний подтип присущ арабскому языковому сообществу: арабский литературный язык используется в письменном общении и характеризуется чертами аналитизма, а обиходно-разговорный — междиалектное средство разговорного общения и характеризуется синтетическим строем.

Языковые общности с автохтонным языком сложились и в тех странах, где официальным средством общения служит язык *доминирующего этноса* (= 75% от всего населения страны). Это Бирма, Вьетнам, Ирак, Кампучия, Китай, Кувейт, Ливан, Монголия, Непал, Сирия, Таиланд, Турция, Ливия, Мавритания и др.

Языковые общности с официальным европейским языком общения сложились в странах с неоднородным этническим составом населения (Индия, Малайзия, Сингапур, Алжир, Марокко). Европейский язык в таких странах является фактическим сред-

ством межэтнического общения, так как государственным языком в них провозглашен один из автохтонных языков. Таким европейским языкам (ими пользуется абсолютное меньшинство населения) присущи черты книжности и архаичности. Большинство населения общается на автохтонных языках, которые все активнее внедряются в новые сферы общения, в систему народного образования и средства массовой информации. Иначе говоря, применение западноевропейского языка (чаще всего в сфере политики) в переходный период становления национального единства не является угрозой культурной самобытности автохтонных народов. Рост социального статуса автохтонных языков и ограничение западноевропейского языка сферой внешней политики не дают повода для опасений, что в этих странах будут складываться нации по латиноамериканскому образцу, на основе западноевропейского языка и иноэтнической культуры.

Языковая политика на африканском континенте главным образом связана с проблемой общенационального языка как одной из составных частей политики объединения страны и формирования нации. Сложность этой проблемы обусловливается этническими факторами государственного строительства. Если в Европе независимые государства после распада империй возникали по национальному признаку, то африканские страны создавались в границах прежних колоний, т.е. без учета этноязыкового фактора. В результате большинство нынешних африканских государств являются многонациональными. Этим и определяются особенности языковой ситуации в странах Африки: а) многоязычие; б) незначительное количество автохтонных языков, используемых для межэтнического и межнационального общения; в) предпочтение западноевропейских языков в качестве государственных; г) возникновение локальных лингва франка *(lingua franca* — устное вспомогательное средство межэтнического общения, в том числе пиджины).

Для африканского многоязычия в пределах новых независимых государств характерно то, что образуют его чаще всего бесписьменные языки. Специфика многоязычия объясняется условиями доколониального исторического развития и колонизации африканских земель. Распространение и достаточно широкий функциональный спектр таких языков, как суахили, хауса, лингала, бамбара, фула, килуба, канури, киконго, обусловлены их высо-

ким социальным статусом в жизни государств доколониального периода: канури — в средневековом государстве Канем, бамбара — в Мали, фула — в Адамауа, зулу — в зулусском государстве. Вторым важным фактором, формирующим социально-функциональное «лицо» языков доколониальной Африки, была межплеменная торговля. В качестве торговых языков широко использовались языки диула, хауса, лингала, суахили.

Колонизация Африки существенно изменила языковую ситуацию на континенте. При этом следует помнить, что народы Африки активному внешнему воздействию подвергались дважды: сначала арабскому, а затем западноевропейскому. При этом ранее исламизированные народы западноевропейскому языковому влиянию подвергались значительно слабее. На языковой ситуации современной Африки отразилась, прежде всего, колониальная политика двух западноевропейских государств — Англии и Франции. На Востоке и Юге ведущей колониальной державой была Англия, а на Западе — Франция, разделявшая свое культурно-языковое влияние с Англией, Испанией и Португалией. Колониальная политика Англии основывалась на принципе «косвенного управления» (привлечение местных кадров, относительное сохранение культурно-политических традиций, терпимость к местным традициям, ненавязчивое распространение английского языка, поощрение в использовании некоторых автохтонных языков). Франция же придерживалась принципа «прямого управления» (ассимиляция коренного населения, галлицизация культуры и общественной жизни, использование во всех сферах государственных отношений лишь французского языка). Последствия этих двух колониальных политик отражают сами колониальные языки: африканский вариант французского отличается от нормативного языка метрополии гораздо меньше, чем африканские варианты английского. Второе следствие — большее количество пиджинов на базе английского языка, чем на базе французского.

Весьма показательной является судьба хауса. Вследствие колониального раздела Африки территория древнего хаусанского государства Гобир оказалась во французской зоне и в настоящее время входит в состав Республики Нигер (севернее Нигерии). Однако в качестве второго языка, или как lingua franca хауса, распространен по многим странам Африки (Судан, Дагомея, Того, Гана, Камерун и др.). Политика «косвенного управления» способство-

вала в Нигерии укреплению социального статуса хауса в административной и образовательной сферах. Он пользуется равными правами с официальным языком страны — английским (на севере страны наряду с английским важную роль играет арабский, особенно значительную — в области культуры). В других регионах Британской Африки самый высокий социальный статус имеет суахили — наиболее распространенный язык Африки южнее Сахары. На нем говорит около 40 млн (Кения, Танзания, от Сомали до Мадагаскара и от Луанды и Браззавиля до Занзибара). Престиж суахили — первого письменного языка Африки южнее Сахары — очень высок. Это язык администрации, образования и «современности». Суахили, наряду с английским, является официальным языком таких крупных государств, как Танзания, Кения, Уганда, частично в Заире и Мозамбике. Социальный статус суахили в этих странах повышается, подрывая тем самым позиции языка бывшей метрополии. Провозглашение суахили, хауса и других крупных языков независимых стран государственными во многих постколониальных государствах Африки преследует одни и те же политические цели — служит средством консолидации той или иной африканской нации.

Основную тенденцию изменений языковой ситуации на постколониальном пространстве можно определить термином «национализация» (Л.Б. Никольский). Этим термином обозначаются: а) планомерное вытеснение бывшего колониального языка и замена его автохтонным; б) нормализация и модернизация автохтонных языков (обогащение лексического состава, развитие терминологии, упорядочение грамматической системы, стилистическая дифференциация; в) пуристическое движение, направленное на очищение языка от заимствований и пополнение соответствующей лексики и терминологии ресурсами автохтонного языка; г) демократизация языка путем уменьшения различий между его письменной и разговорной формами, а также путем реформирования письменности.

Национализация языковой жизни может быть полной и частичной. К полной национализации относятся арабизация языковой ситуации в арабском мире, замена японского языка корейским в Корее, «языковая революция» в Турции (очищение турецкого языка от арабско-персидских элементов), санскритизация хинди в Индии. Частичная национализация — явление более редкое. Это, прež-

де всего, пуризм и демократизация языка (например, очищение персидского языка от тюркских и арабских слов в Иране).

Таким образом, вопрос о перспективах развития и расширения общественных функций автохтонных языков относится к первостепенным аспектам языковой политики большинства «развивающихся» стран.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Бондалетов В.Д.* Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987.
2. *Дешериев Ю.Д.* Социальная лингвистика. М.: Наука, 1977.
3. *Леонтьев А.А.* Язык как социальное явление // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. Вып. 5. С. 299—307.
4. Онтология языка как общественного явления. М.: Наука, 1983.

Дополнительная

1. *Вахтин Н.Б,* Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.
2. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.
3. *Крысин Л. П.* Язык в современном обществе. М.: Наука, 1977.
4. *Лукашанец А.А., Михневич А.Е., Щербин В.К.* Общество — язык — политика. Минск: Вышэйшая школа, 1988.
5. Онтология языка как общественного явления. М.: Наука, 1983. С. 105—142.
6. *Сергеев Ф.П.* Языковые ситуации и языковая политика в странах мира. Волгоград: Перемена, 2001.

Глава 12

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

12.1. Язык и культура: методология и теория

Проблема соотношения языкового и этнокультурного сознания издавна привлекала внимание лингвистов, психологов и обществоведов. Ей посвящены труды многих отечественных (А.А. Потебня, Ф.И. Буслаев, В.А. Аврорин, В.З. Панфилов, Ю.А. Сорокин, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Воробьев, М.К. Петров и др.) и зарубежных (Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф,

К. Леви-Стросс, К. Пайк, С. Лэм и др.) исследователей. Однако многочисленные монографии и статьи наряду с несомненными достижениями, позволившими значительно приблизиться к пониманию сущности лингвокультурологических явлений, оставляют все же без ответа ряд вопросов, число которых не только не убывает, но и стремительно растет. К тому же немало публикаций носит описательно-иллюстративный характер, что само по себе отнюдь не лишено научного смысла, поскольку готовит почву для создания теоретических основ современной лингвокультурологии, в частности, формирования и совершенствования понятийно-категориального аппарата и раскрытия глубинных связей между явлениями языка, сознания и культуры.

Сложность решения поставленной проблемы объясняется серьезными разногласиями ученых в трактовке самих понятий «язык» и «культура». Уже, пожалуй, хрестоматийным стало упоминание о более чем двухстах определениях понятия «культура» и не меньшем количестве дефиниций понятия «язык». Их анализ в рамках аспектного исследования — задача, разумеется, невыполнимая. И вместе с тем без осмысления каждого из этих феноменов проблему взаимодействия явлений языка и культуры не решить. Выход — в осмыслении основных направлений и методологических подходов в определении языка и культуры. Природа и сущность языка обычно рассматриваются с позиций функционального, системно-структурного, сравнительно-исторического языкознания, лингвосемиотики, психолингвистики, социолингвистики и прагмалингвистики. Но ни одна из этих важных для культурологии наук, взятая в отдельности, не способна раскрыть сущность имплицитных связей языка и культуры. Для этого необходима такая лингвокультурологическая теория, которая позволила бы разъяснить природу языковых явлений, связанных с механизмами, обеспечивающими действие человеческого фактора в языке. При этом имеются в виду не только и не столько внешние условия бытования языка в обществе, но и внутренне обусловленные природой человека языковые способы и средства выражения всего того, что связано с деятельностью определенного этноязыкового коллектива. И в этом отношении заслуживают особого внимания не столько эмпирические, системные, антропологические или гносеологические теории культуры, сколько концепции культуры, построенные на информационно-деятельностном основании.

Целесообразность такого подхода объясняется, кстати, изначальным содержанием слова «культура», возникшего на основе латинского глагола *colere* в значении «возделывать, обрабатывать», где этимологически просматривается смысловая дистрибуция термина в виде таких компонентов, как «деятельность», «целенаправленность», «творчество», «смысл».

Основы информационно-деятельностного подхода к пониманию культуры заложены в фундаментальных трудах отечественных ученых [Э.С. Маркарян, Ю.М. Лотман, Э.В. Соколов, Е.И. Кукушкина и др.]. Предлагаемые ими толкования сущности культуры в большей или меньшей степени ориентированы на ее генетические и функциональные связи с языковой (речевой) деятельностью. Так, по определению Э.С. Маркаряна, «культура — это совокупность специфических средств и механизмов, благодаря которым стимулируется, программируется, регулируется, реализуется, физически обеспечивается и воспроизводится *деятельность* людей». Более широко определяет культуру Ю.М. Лотман: как совокупность внегенетически (ненаследственно) приобретенной информации, способов ее организации и хранения. Ю.М. Лотман выводит нас на осмысление роли языка в генезисе и дальнейшем развитии культуры. Ведь информационно-деятельностная специфика человеческого общества — не в самоценном обладании коллективной ненаследственной памятью, а в наличии особых систем накопления, хранения и передачи коллективной информации, важнейшей из которых является язык.

Особая роль языка в ряду других семиотических средств, обслуживающих культуру, обусловливается еще и тем, что он служит предпосылкой ее возникновения, основным способом существования, осознания и развития. Именно язык является главным условием и средством выполнения культурой ее основных функций: а) освоения и преобразования окружающего мира, б) коммуникативной (обмена социально значимой информацией), в) языкового (знакового) моделирования картины мира, г) кумулятивной (накопления и хранения информации), д) регулятивной (регламентирующей поведение людей в обществе), е) директивной, или воздействующей, ж) адаптивной (обеспечивающей гармонию «коллективного Я» (этноязыкового сообщества) с окружающим миром) — функции упорядочения и гармонизации человеческого бытия (Э.В. Соколов).

Не согласиться с подобной функционально-смысловой взаимосвязью языка и культуры весьма трудно, хотя на данном уровне представления корреляции этих понятий она воспринимается несколько декларативно. Система аргументированной интерпретации этой взаимосвязи может быть построена, на наш взгляд, только при условии воссоздания недостающего (центрального) элемента в цепи «язык» и «культура» — сознания. Дело в том, что основные компоненты содержания культуры — накопление и переработка (преобразование) информации, получаемой в процессе человеческой деятельности, являются функциями общественного сознания, по утверждению Е.И. Кукушкиной, в результате трудовой деятельности создает образы обыденного сознания, а вторичное преобразование мыслительного содержания служит источником творческого, воображаемого мировосприятия, развивающего формы первичного освоения мира. Образы обыденного сознания формируются как вербальными, так и невербальными средствами. Творческое же преобразование опытных данных осуществляется главным образом посредством лингвокреативного мышления. В связи с этим для углубления наших представлений о соотношении языка и культуры целесообразно различать понятия «когнитивное сознание» и «языковое сознание» (Ю.Н. Караулов). Если первое включает в свой состав, как правило, результаты когниции, второе, кроме мыслительных, интегрирует в себе и другие формы отражения окружающего мира — эмоциональные, эстетические, экспрессивно-оценочные и т.п.

Обсуждая проблему взаимоотношения языка, сознания и мышления в определенном этнокультурном пространстве, важно ответить на вопрос: все ли элементы сознания являются продуктом культурной жизнедеятельности?

Первое, что приходится испытывать исследователю, озадаченному этим вопросом, это желание ответить на него положительно: да, сознание и культура образуют монолитное единство. И вот тому главный аргумент. Сознание культуроносно в силу своего функционального предназначения: а) осуществлять интериоризацию человеком окружающего мира в форме системно организованных знаний и б) отвечать за семиотизацию, хранение и оценку результатов практической и духовной деятельности людей. Эти функции сознания становятся возможными только благодаря его сложнейшим генетическим связям с мышлением и языком.

Наличие такой связи между языком, мышлением и сознанием аксиома. Однако в понимании ее сущности все еще имеются весьма серьезные расхождения.

12.2. Спорные вопросы о взаимоотношении языка и культуры

Согласно долгое время господствовавшей в отечественной лингвистике концепции, когнитивные структуры и языковые категории находятся в отношении прямого тождества. Отсюда ошибочное утверждение об однопорядковости категорий языка и культуры. Все, что вербализуется знаками естественного языка, поскольку фильтруется речемышлением и отбирается сознанием, оказывается культурно значимым. Это позволяет некоторым ученым рассматривать все четыре феномена — язык, мышление, сознание и культуру — как разные ипостаси единой лингвоментальной сущности. Данная формула служит методологическим принципом «вербалистской» концепции менталингвистики в целом и лингвокультурологии в частности. Так, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров убеждены, что «мышление <...> всегда протекает в вербальных формах, даже если оно достигает высокого уровня абстракции».

Диаметрально противоположную позицию авербальности мышления занимают те авторы, которые доказывают, что мысль присутствует в сознании говорящего до того, как начнется процесс вербализации, и воплощается она в особом знаковом материале, отличном от словесного языка (К.Ф. Седов). Дискуссия между «вербалистами» и «авербалистами» продолжается уже в рамках лингвокультурологии. Пикантность ситуации обусловливается еще и тем, что спорящие стороны в качестве теоретической поддержки со стороны психологии обращаются к одной и той же работе Л.С. Выготского «Мышление и речь». Вербалисты в качестве непробиваемого щита берут ставшее крылатым изречение ученого: «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове» (Л.С. Выготский). Авербалисты же обращаются к постулату противоположного содержания: «Единицы мысли и единицы речи не совпадают» (Л.С. Выготский).

Авербалисты исходят из того, что мышление всегда опосредовано знаковыми структурами, которые, однако, по их мнению, не всегда являются языковыми. По данным Н.И. Жинкина, суще-

ствует особый универсальный «язык» мысли. Он имеет невербальную природу и потому универсален, так как един для всех людей вне зависимости от их принадлежности к тому или иному этноязыковому сообществу. Такие знаковые опосредователи мысли Н.И. Жинкин называет универсальным предметным кодом (УПК), а Дж. Фодор — врожденными когнитивными примитивами, едиными для всех людей безотносительно к их этническим языкам. Лингвокультурологическая ценность дискуссии заключается в том, что они по-разному трактуют механизмы категоризации и концептуализации мира. И, прежде всего, это проявляется в понимании соотношения языка и картины мира.

Согласно вербалистской концепции, существует единая картина мира, и говорить о наличии еще и языковой картины мира бессмысленно. Напротив, с точки зрения авербалистов, понятие «языковая картина мира» является для лингвокультурологии базовым. Если для сторонников вербалистской доктрины отражение нашим сознанием действительности не зависит от этноязыковой системы, поскольку когнитивные процессы для всех людей являются универсальными, то для их оппонентов языковая картина мира, по особому его членит и структурирует, корректируя, таким образом, концептуализацию и категоризацию действительности.

Со стороны вербалистов теория языковой картины мира подвергается острой критике за ее идейное сближение с гипотезой Сепира—Уорфа, согласно которой мир в целом воспринимается человеком сквозь призму родного языка. Более того, этнический язык, убеждают ее создатели, формирует мировоззрение народа и его этнокультурную систему. С такой критикой следовало бы, разумеется, согласиться, если бы теория языковой картины мира действительно исходила из постулатов пресловутой гипотезы. На самом же деле в ее основу положены постулаты об *инвариантности* когнитивных и *вариативности* языковых категорий, участвующих в формировании языковой картины мира. Иными словами, остовом любой знаковой картины мира является, конечно же, когнитивная модель действительности, структурированная при помощи таких невербальных средств, как универсальный предметный код (УПК, по Н.И. Жинкину) или «язык» когнитивных примитивов, как это представляется Дж. Фодору. Этнические языки лишь переводят инвариантный код в соответствующие этнокуль-

турные варианты. И в этом смысле можно согласиться с Г.В. Колшанским в том, что языковые формы не образуют своего «особого царства», поэтому нет оснований говорить об особом, языковом членении мира. По мнению ученого, все содержание и богатство мышления воплощается в языке, а картина мира может быть только понятийной, единой для всех людей, адекватно передаваемой любыми этноязыковыми системами. При таком подходе язык, однако, лишается одной из своих важнейших функций — интерпретирующей — и остается лишь средством фиксации, хранения и передачи информации.

Язык, согласно подобным научным доктринам, не принимает активного участия в познавательных процессах и поэтому связан с культурой только как средство ее репрезентации. Согласиться с таким пониманием взаимоотношения языка и культуры — значит оставить без внимания интереснейшие наработки отечественных и зарубежных ученых, раскрывающие глубинные механизмы взаимодействия языковой и культурной семиотики. Достаточно вспомнить гипотезу «культурных знаков» Л.С. Выготского, согласно которой между человеком как субъектом познания и окружающим его миром (объектом познания) существует влиятельнейший посредник и интерпретатор, имя которого — культура, совместно с ее знаковыми репрезентаторами, важнейшим из которых является язык. Поскольку же язык вообще существует в конкретных этносемиотических системах, то язык каждого народа преломляет отражаемый в сознании мир в соответствии с его семиотическим устройством, грамматической структурой и накопленной в семантике языковых единиц социокультурной информацией.

Подобная лингвокультурологическая доктрина при всей ее привлекательности и непротиворечивости способна, однако, вызвать иллюзорное представление о господстве языка над культурой, возвратив нас тем самым в прокрустово ложе гипотезы лингвистической относительности Сепира—Уорфа. Язык в рамках этой доктрины выступает неким таинственным демиургом культурной реальности, ее творцом, созидающим началом, креативной силой.

И все же (в который раз!) и сегодня приходится задумываться над тем, все ли уж так иллюзорно в этой гипотезе. Известны на этот счет два диаметрально противоположных суждения (оба представлены в работах последнего десятилетия XX века). Одно из них

принадлежит С. Пинкеру, без оговорок отрицающему какой-либо разумный смысл нашумевшей гипотезы: «Она неверна, совершенно неверна» [Pinker S., 1994: *57*], «чем более мы рассматриваем аргументы Уорфа, тем менее осмысленными они кажутся» [Там же: *60*]. На столь безапелляционые оценки имеются вполне аргументированные возражения А. Вежбицкой, которая, обращая внимание на явные преувеличения роли родного языка в восприятии и понимании мира, все же принимает основной тезис Уорфа о том, что «мы расчленяем природу в направлении (выделено нами. — *Н.А.*), подсказанном нашим родным языком», и что «мы расчленяем мир, [как это] закреплено в системе моделей нашего языка» [Вежбицкая А., 2001: *22—24*].

На наш взгляд, споры о том, насколько язык определяет стиль и образ мышления, подпитываются досадным исключением из обсуждаемой проблемы такой ее важнейшей когнитивной составляющей, как *этнокультурное сознание* и способы его семиотизации. Иными словами, различного рода иллюзии об абсолютном господстве одного из базовых элементов речемыслительной деятельности — *языка* или *мышления* — порождаются неразличением когнитивной значимости языковой и культурологической семиотики в познании и отражении мира. Так, экспериментальные исследования П. Тульвисте показали, что различия в мышлении обусловлены «различиями не между языками, а между распространенными в той или иной культуре видами деятельности», поэтому, если вновь апеллировать к гипотезе Сепира—Уорфа, следует говорить не о лингвистической, а о «деятельностной относительности», поскольку не может быть и речи о том, будто разным языкам соответствуют разные типы познавательных процессов. Как видим, различия в мировосприятии разными этноязыковыми сообществами не отрицаются, однако причина этих различий усматривается не в хитросплетениях национально-языкового устройства, а в специфике жизнедеятельности того или иного народа. А это уже вторжение в мир когниций, который, в представлении большинства ученых, един, универсален для всех людей, говорящих на разных языках и наречиях.

В современной когнитологии, несмотря на многолетние опыты, все еще не удалось найти однозначного решения проблемы универсальности когнитивных процессов. Поставив данный вопрос ребром: «Are cognitive processes universal!?», английский пси-

холог П. Дассен отвечает на него весьма осторожно и даже нерешительно, полагая, что одни из них универсальны, а другие — нет. Хотя они и находят отражение в языке, сказать достоверно, что они языком обусловлены, ученый не считает возможным. Несомненно лишь то, что различия между ними детерминированы различиями в культуре. Сходные суждения высказывает и Э. Рош: «реальный мир не есть нечто полностью деструктурированное, некие общие категории, общность в категоризации мира есть у всех». Заключение столь высокого авторитета в области исследования проблем категоризации мира подтверждает правильность выводов тех когнитологов, которые отстаивают идею детерминированности процессов познания не столько на основании языковых, сколько культурных факторов. И все же господство первого или второго фактора следует рассматривать как тенденцию. Так, в лингвокультурологии последнего десятилетия XX века было убедительно показано влияние языковых категорий на этнокультурное восприятие внешнего и внутреннего мира человека (компарационные цепочки Ю.А. Сорокина), на осмысление пространственно-временных координат разными этнокультурными сообществами.

Итак, различия в мировосприятии разных этнических сообществ в той или иной мере связаны с различиями их культур и языков. И это следует воспринимать как доказанный факт. Можно лишь обсуждать вопрос о значимости одного и другого в процессе познания мира, об их роли и механизмах в категоризации и концептуализации действительности.

12.3. Когнитивные аспекты лингвокультурологии

Поскольку же и культура, и язык связаны с ментальностью народа, т.е. с мироощущением и мировосприятием, то возникает необходимость осмыслить проблему соотношения культуры и языка с ментальными категориями. Прежде всего предстоит выяснить характер этого взаимодействия: репрезентативный или сущностный?

Вопросы далеко не праздные, хотя и не новые. На них пытались ответить издавна. Их понимание настолько многолико, насколько различны определения самих базовых категорий — сознания, культуры и языка. Полагаем, что их объединяет главное понятие когнитологии — ментальность.

По определению В.В. Колесова, «ментальность есть миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов В.В., 1999: *81*].

Сознание — важнейшая составляющая ментальности. Второй ее составляющей являются бессознательные процессы и ощущения. *Культура* — часть ментальности. В связи с этим можно принять достаточно емкую формулу: в культуре нет ничего, что не содержалось бы в человеческой ментальности. И, как следует из первых двух дефиниций, ментальность гораздо шире понятия «культура». *«Язык»* — то средство, благодаря которому ментальность порождает в своих недрах культурные феномены. Слово *«язык»* закавычено в связи с употреблением его в широком значении — знаковая система вообще.

Все содержание ментальности (сознательное и бессознательное, эксплицитное и имплицитное), разъясняет Д.Б. Гудков, обретает свое существование, т.е. материальное выражение, доступное не только для меня, но и для других людей, только в процессе семиозиса и кодификации в границах знаковых систем конкретной этнокультурной общности. Базовым же кодом и ядром семиотической системы любой национальной культуры является этнический язык. Он — «не средство описания культуры, а, прежде всего, знаковая квинтэссенция самой культуры» (А.А. Пелепенко, И. Г. Яковенко). Поскольку культура формируется и существует в рамках ситуативного мышления, «привязанного» к определенному месту, времени, событию и опыту в целом, язык — «приводящий ремень» культуры, ее «пятый элемент», стихия, естественная среда ее обитания. По мнению Б.А. Парахонского, он представляет собой систему знаков, значений и их корреляций, структур осмысления и отношений взаимодействия, функция которых состоит в обеспечении основы для взаимопонимания носителей данного языка, в формировании ценностно-коммуникативных ориентации сознания его носителей, в определении ведущих стратегий их жизненной и исследовательской активности. В этом смысле язык выступает способом символической организации культуры. Причем «ценностно-коммуникативную ориентацию» культура как часть национального менталитета получает от всех уровней языковой системы, но наиболее функциональ-

ными оказываются знаковые единицы, составляющие семантическое пространство языка. Мир значений с его структурой ценностно-смысловых отношений оказывается культурной формой существования знания и способом его функционирования в сфере духовно-практической деятельности (Б.А. Парахонский). Сознание как вербализованная форма социального опыта выступает, таким образом, когнитивной базой культуры, ее смыслообразующим средством. В связи с этим особым содержанием наполняется суждение, высказанное в работе А.А. Пелепенко и И.Г. Яковенко: смысловое пространство культуры и человеческого сознания задается границами выразительных возможностей ее знаковых систем, прежде всего лингвосемиотических.

Особой культурологической значимостью в лингвосемиотике обладает основная содержательная единица обобщения, хранения и передачи социального опыта — значение (в широком, философском понимании). Последний термин предпочтительнее потому, что он представляет не только языковые, но и неязыковые значения: когнитивные единицы могут храниться в нашем опыте и вне ее вербализации. Невербализованные, имплицитные единицы находятся вне «светлой зоны» сознания и поэтому относятся к той части менталитета, которая именуется как «бессознательное»; в своей совокупности они представляют так называемое когнитивное сознание. Они, разумеется, могут стать эксплицируемыми, если обретут языковое оформление.

Вербализованные когнитивные единицы образуют языковое сознание, которое не тождественно когнитивному сознанию. Различие между ними выявлено экспериментальной психосемантикой: «никогда не устанавливается полного тождества между когнитивными единицами <...> и «знаемыми» языковыми значениями (А.Г. Шмелев). Однако в формировании и репрезентации смыслового пространства этнокультуры участвуют оба типа содержательных единиц: и когнитивная, и языковая семантика.

Общественное сознание на высшем этапе своего становления также формируется и фиксируется при участии языка. (Более того, без этого язык не смог бы выполнять свою важнейшую — когнитивно-дискурсивную — функцию.) И все же следует помнить, что в его образований участвуют самые разные типы мышления — практическое, авербально-понятийное, редуцированное и т.п. (Б.А. Серебренников), и в их числе лингвокреативное. В результате

формируется так называемая концептуальная картина мира. Творческая же интерпретация отдельных фрагментов и элементов концептуальной картины мира, осмысление их структурных взаимосвязей осуществляется на уровне языкового сознания, формирующего языковую картину мира.

Как справедливо считает И.Б. Михайлова, в ткань восприятия, не говоря уже о представлении, всегда вплетаются слова, знания, опыт и культура поколений. Именно вербализованный опыт, знания, культура, накопленные определенным этноязыковым сообществом, создают своеобразную форму овладения миром. И в этом смысле вызывает возражение точка зрения Г.В. Колшанского, согласно которой «нельзя говорить отдельно о языковом сознании, ...отдельно о языковой картине мира».

Вместе с тем нам понятны опасения ученого, что использование понятия «языковое сознание» может (без должного обоснования) служить дополнительным аргументом в пользу неогумбольдтианского воззрения на язык как доминирующий фактор познания, определяющий характер мышления народа, его мировоззрение и своеобразие лингвокультуры. Поэтому прав исследователь: язык не познает мир, но также справедливо: 1) что «в языке находит свое отражение все разнообразие творческой (познавательной) деятельности человека, результаты которой закрепляются в языке», 2) что «в языке находит свое выражение бесконечное разнообразие условий, в которых добывались человеком знания о мире — природные особенности народа, его общественный уклад, исторические судьбы, жизненная практика» (E. Coseriu) — все то, что в трансмутационном виде, приобретая символическую интерпретацию, является предметом национальной лингвокультуры. Так, русские идиомы *гадать на бобах* «строить беспочвенные предположения» и *бобы разводить* «заниматься пустыми разговорами, медлить с делом, задерживаясь на пустяках» возникли на почве дохристианской культуры — гадания с помощью бобов, расположение которых на расстеленном платке имело определенный смысл, силу предсказания судьбы. Гадание обычно занимало много времени, сопровождалось неторопливым рассказом. Украинская идиома *дати гарбуза* (кому) воссоздает древний обычай: при сватовстве преподносить отвергнутому жениху тыкву.

Анализ подобных примеров свидетельствует о том, что наряду с когнитивным формируется собственно языковое сознание. Если

первая форма общественного сознания интегрирует энциклопедические знания, то его вторая форма — языковое сознание — использует вербализованные знания, которые служат средством активизации соответствующих элементов когнитивного сознания, прежде всего социального, культурного и мировоззренческого происхождения. В итоге происходит трансформация элементов когнитивного сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергшись речемыслительным и модально-оценочным преобразованиям, перерастают в культурно-прагматические компоненты языковой семантики. В результате таких трансмутационных процессов (от энциклопедических знаний через языковые пресуппозиции к языковому сознанию, объективированному системой языковых значений) формируются специфические для каждой национальной культуры *артефакты* — языковые образы, символы, знаки, заключающие в себе результаты эвристической деятельности всего этнокультурного сообщества. Они выступают средствами интериоризации продуктов мироустроительной жизнедеятельности определенного этноязыкового коллектива, его мироощущения, мировосприятия, мировидения и миропонимания. В силу этого язык становится не только средством упорядочения, категоризации и гармонизации концептуальной картины мира, но и способом относительной детерминации поведения людей в том или ином этнокультурном сообществе (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина).

Социально значимая активность лингвокультурологических единиц (словесных образов, языковых знаков и символов) обусловливается прежде всего их репрезентативно-прагматической сущностью, ориентированной на выполнение различного рода директивных, воздействующих и экспрессивно-оценочных функций в зависимости от речевых интенций коммуникантов. Система порождаемых смыслов является содержательной основой языкового сознания. Реальная практическая деятельность человека, отражаясь в сознании и закрепляясь в языке, преобразуется во внутреннюю отраженную модель мира. Системообразующим фактором такого моделирования мира является формирование смысла бытия, смысла жизни, смысла самого себя для себя (Д.В. Ольшанский).

Образ как продукт восприятия и понимания мира — категория сознания. Будучи включенным в речемыслительный процесс,

он превращается в *языковой образ* — категорию языкового сознания, в контексте которого он вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для языкового моделирования того или иного феномена национальной культуры, для формирования языковой картины мира в виде образных представлений. В этом плане весьма ценными дтя линтвокультурологического осмысления знаков вторичной номинации могут оказаться понятия «образное поле» и «образ», в интерпретации Н.А. Илюхиной.

Образное поле структурируют отношения языковых образных средств, которые в дискурсе представляют собой: «(1) синтагматические связи стилистических единиц различных уровней текста, (2) парадигматические ассоциативные отношения образных средств микро- и макротекста, (3) межуровневые отношения образных средств текста и их стилистическую актуализацию» (Д.Б. Ольховиков).

Образное поле представляет собой совокупность образных средств, которые обозначают один и тот же денотат. Ср. метафоры (и образы, стоящие за ними), которыми в недавнем прошлом именовали в средствах массовой информации первого президента России Б.Н. Ельцина: царь, добрый царь, царь Борис; партийный волк (вышел из партии), главный герой, дирижер, игрок, удельный князь и др. (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов). Языковой образ — совокупность образных средств языка, обозначающих один сигнификат. Причем если образное поле манифестируют, как правило, знаки вторичной номинации (вспомним: они сохраняют мотивированность единицами прямой номинации), то языковой образ создают знаки косвенно-производной сигнификации. Так, концепт «успех» представляют фразеологизмы *идти в ногу (вверх), пожинать лавры, вкушать (пожинать) плоды* чего, *далеко пойти, почивать на лаврах* («благодушествовать после успеха») и др. Такое понимание языкового образа не является, на наш взгляд, бесспорным, поскольку в нем не разграничиваются два смежных понятия: образ и средства его манифестации. Однако если его понимание свести к ассоциативно-образному ряду, отражающему вариативность этнокультурной манифестации концепта, то оно оказывается достаточно эффективным приемом лингвокультурного описания образного слова (идиомы). При этом для языковой объективации явлений культуры важным оказывается способность

когниций подвергаться в языковом сознании «переплавке», переосмыслению и обобщению. Ассоциативные связи языкового образа с другими элементами сознания позволяют ему высвечивать не один «кадр», а их синкретическую совокупность, т.е. некоторую обобщенно-целостную картину мира. Языковыми средствами ее репрезентации служат идиоматика, тропы и устойчивые стилистические фигуры. Ср.: *Киев — мать городов русских; дерево жизни; правая рука;* (варить, готовить, напечь) *как (будто, словно, точно, ровно) на маланьину свадьбу; ни богу свечка ни черту кочерга; пуп земли* (библеизм); (быть, чувствовать себя) *на седьмом небе* и т.п. Подобные языковые образования как этнокультурные феномены являются результатом интеллектуально-эмоционального отражения действительности, под которым следует понимать не только совокупность естественных и общественных отношений, но и социокультурную сеть смысловых связей, высвечивающих любое конкретное явление или предмет как узел всеобщих отношений человеческого бытия.

Сами же смысловые связи в таком случае представляют собой результат устойчивых, социально значимых и многослойных аггерентно-ассоциативных отношений между элементами отраженной в языковом образе ситуации. Это дает возможность образным единицам языка стереоскопически представлять всю смысловую эволюцию, «траекторию культурного развития» в парадоксальном сочетании всеобщего и особенного, субъективного и объективного видения мира. Особенно рельефно это обнаруживается в процессе вербализации мифических образов (А.А. Потебня, Ф. Шеллинг, Э. Кассирер, В. Вундт, М. Мюллер, Дж. Фрейзер, Э. Тэйлор, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс и др.). Ведь миф, по определению М.И. Стеблина-Каменского, — это одновременно и созданное фантазией и познанная реальность, и вымысел и правда. Это не просто образы, возникшие в сознании отдельного человека, а образы, закрепленные в слове и ставшие достоянием всего этнокультурного коллектива.

Разрушение мифологического сознания порождает в языке иные семиотические средства репрезентации культуры — знаки непрямой номинации, так называемые продукты вторичного семиозиса.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002.
2. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1983.
3. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.
4. *Кукушкина Е.И.* Познание, язык, культура. М., 1984.
5. *Пелепенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
6. *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991.

Дополнительная

1. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2001.
2. *Караулов Ю.Д.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
3. *Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999.
4. *Лотман Ю.Н.* Семиосфера. СПб.: Искусство — СПБ, 2000.
5. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Глава 13

СОВРЕМЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

13.1. Проблемы компаративистики на рубеже XIX—XX веков

Проблемы современной компаративистики невозможно рассматривать без обращения к ее истокам и основным этапам развития.

Состояние науки о языке на рубеже XIX и XX веков определяется триумфом сравнительно-исторического метода, не прекращающимся и в настоящее время. Его исходной точкой следует считать начало XIX века. Это время было ознаменовано рядом блестящих открытий и замечательных достижений, позволивших отдельные интуитивные представления (пусть даже гениальные!) превратить в систему научных эвристических приемов исследования языков индоевропейского мира. Усилиями нескольких поколений

компаративистов была создана строгая методика сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Строгость выбора исходных постулатов, аргументированность научного построения, логичность конечных результатов — вот отличительные принципы сравнительно-исторического метода, которые зарождались в трудах таких корифеев компаративистики, как Франц Бопп, Расмус Раск, Якоб Гримм, Александр Христофорович Востоков. Эти славные имена достойно представляют *первый этап* сравнительно-исторического языкознания.

Второй этап символизируют идеи Августа Шлейхера о возможности реконструкции исходного языкового состояния — индоевропейского праязыка. Тем самым ученый предвосхитил создание главного «механизма» сравнительно-исторического метода — методики внутренней реконструкции[1]. Строгое обоснование эта методика получила значительно позже.

Третий этап сравнительно-исторического языкознания — младограмматическая концепция языка, в основе которой лежат открытые младограмматиками фонетические законы и законы аналогии. Отказавшись от характерного для сравнительно-исторического романтизма понимания спонтанности звуковых изменений, младограмматики устремляются к познанию закономерностей звуковых изменений, их причинно-следственной обусловленности.

Сам термин «звуковой закон» (Lautgesetz) был введен в языкознание Ф. Боппом. Им оперируют А. Шлейхер, А. Потт, Г. Карциус, Я. Гримм, Г. Пауль и Б. Дельбрюк. Его историческую определенность обосновывают Г. Пауль и Б. Дельбрюк. Использование звуковых законов дает возможность осмыслить а) причинность, б) природу и в) характер протекания фонетических изменений в родственных языках. Все это способствовало превращению сравнительного языкознания в точную науку. К этому младограмматики стремились сознательно. Герман Остгоф и Карл Бругман не без гордости отмечали, что только тот, кто строго учитывает действие звуковых законов, на понятии которых зиждется вся наша наука, находится на твердой почве в своих исследованиях.

---

[1] Проекция на индоевропейскую плоскость была произведена на основе одного праиндоевропейского языка -- санскрита.

Насколько верна такая самооценка? Не содержит ли она лишь эмоциональное восприятие собственных достижений? Развеять подобные сомнения помогает холодный разум современных компаративистов, таких, как А.С. Мельчук, В.К. Журавлев, Т.В. Гамкрелидзе, Б.А. Серебренников и др. Наиболее ярко отношение современных компаративистов к открытиям младограмматиков формулирует, на наш взгляд, А.С. Мельничук. После исключительных успехов, достигнутых младограмматиками к концу 70-х гг. прошлого века, сравнительно-историческое языкознание, отмечает ученый, стали иногда приравнивать даже к точным наукам, базирующимся на математической методике. Источником методической строгости сравнительно-исторического языкознания явилось выработанное в нем понятие звукового закона и применение его к сравнению фактов родственных языков. Такое высокое беспристрастие звучит и в его заключительном суждении: Сравнительно-историческое языкознание справедливо считается наиболее обстоятельно и строго разработанным разделом науки о языке.

Однако выделенные три периода развития сравнительно-исторического языкознания — это не столько вехи его триумфа, сколько фазы «роста» сравнительно-исторического метода, или, как бы сказал Томас Кун, моменты замен одних теорий сравнительно-исторической парадигмы языкознания другими. Используя терминологию Т. Куна, первую ступень сравнительно-исторического языкознания Энвер Ахмедович Макаев называет незавершенной парадигмой, а вторую и третью — завершенными парадигмами.

Напомним, что парадигма науки — это 1) доминирующая форма научного мышления и его категориальный строй; 2) совокупность наиболее общих идей и методологических установок, определяющих как выбор проблем, так и принципиальные способы их решения. В случае утраты способности решать проблемы в науке наступает ситуация кризиса.

Незавершенность парадигмы первого этапа сравнительно-исторического языкознания обусловлена атомарной сущностью лингвистической теории Ф. Боппа (его занимал вопрос о происхождении именной и глагольной флексий), отсутствием системы (совокупности, если говорить скромно) сравнительно-исторических приемов и методов. Ф. Бопп даже не пытался вникать в исходное состояние индоевропейских языков и поэтому не искал способов

его реконструирования. Незавершенная парадигма Ф. Боппа обречена была на неизбежную замену.

Новый этап ознаменован созданием завершенной парадигмы сравнительно-исторического языкознания. Ее создатель — Август Шлейхер. Введенное им понятие праязыка и разработанная методика внутренней реконструкции[1] позволили выстроить[2] цепочку непрерывной эволюции исходного состояния языков (праязыка) вплоть до отдельных индоевропейских языков.

И все же через десять лет были обнаружены слабые стороны шлейхеровской парадигмы, ориентированной на санскрит. Ускорили закат учения А. Шлейхера открытия компаративистов 70-х годов XIX века в области индоевропейского вокализма и консонантизма, а также акцентологии. Эти открытия 1) детронизировали санскрит как модель сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, 2) привели к пересмотру понятия праязыка. А известный перевод басни на праязык стал рассматриваться как аберрация (заблуждение, отклонение от истины) компаративиста.

Так в 70-е годы XIX века формируется новая завершенная парадигма сравнительно-исторического языкознания — младограмматическая — на индуктивной основе. Наиболее оптимально младограмматические идеи и методологические установки выражены в трудах Ф.Ф. Фортунатова и в «Грундриссе» К. Бругмана и Б. Дельбрюка (полное название работы — «Грундрисс сравнительной грамматики индоевропейских языков»). Как уже отмечалось, главным достоинством младограмматической теории является введение фонетических законов и закона аналогии. Однако направлены они были не на воссоздание праязыковых состояний. Слабым местом учения младограмматиков было отсутствие общей концепции развития индоевропейских языков. Младограмматики занимались главным образом накоплением и систематизацией языковых явлений в области сравнительной фонетики, морфологии и синтаксиса (К. Бругман, Б. Дельбрюк). И даже в этой сфере преобладает однолинейное проецирование в праязык синхронно несовместимых явлений, неразличение их инвариантных и вариантных реализаций.

---

[1] Ориентированной на санскрит.

[2] На дедуктивной основе.

Вот почему придется согласиться с горькими, но справедливыми замечаниями Джорджа Лейна, что реконструкции К. Бругмана были, по сути дела, окрошкой из древнегреческого и древнеиндийского языков, в которую были добавлены немногие латинские, готские и литовские формы, но что не изменяло общего содержания этой окрошки.

С таким вот противоречивым младограмматическим наследием (с одной стороны, языковые законы, а с другой — эклектическая реконструкция праязыковых явлений) и начал свое развитие современный этап сравнительно-исторического языкознания (сравнительно-историческое языкознание XX века как незавершенная парадигма). Нельзя не видеть его парадоксальности: реконструкция праязыкового состояния на базе ряда индоевропейских языков эклектична, а на основе одного языка — ущербна.

Парадоксальность этой ситуации еще раз свидетельствует о незавершенности парадигмы современного сравнительно-исторического языкознания. По образному выражению Э.А. Макаева, «современное состояние индоевропейского сравнительного языкознания — это период утраченных иллюзий и больших ожиданий».

Попытки преодолеть противоречия сравнительно-исторического языкознания предпринимаются в нашей науке уже в самом начале XX века. Антуан Мейе в 1903 г. пытается развить и внедрить в обиход сравнительно-исторического языкознания идеи своего учителя Ф. де Соссюра о плодотворности системного анализа. В работах В.А. Богородицкого предлагается для сравнительной грамматики принцип относительной хронологии. И все же основы традиционной сравнительно-исторической грамматики остаются непоколебимыми вплоть до открытия тохарских и анатолийских языков. Это открытие сравнимо лишь с открытием санскрита. Открытие санскрита привело к созданию сравнительной грамматики, открытие же анатолийских языков — к полному преобразованию сравнительно-исторического языкознания.

Качественно новое содержание сравнительно-исторического языкознания на современном этапе определяется несколькими факторами. Важнейшими среди них являются:

1) Внедрение в сравнительно-историческое языкознание принципов системной реконструкции.

2) Разработка и применение методики внутренней реконструкции.
3) Реализация принципов ареальной лингвистики (диалектологии) в методологию сравнительно-исторического языкознания.

В чем качественная новизна этих принципов? Как проецируют они тенденции современного лингвистического мышления на решение задач сравнительно-исторического языкознания?

Первым главным достоинством принципов *системной реконструкции* следует, на наш взгляд, считать переориентацию научного поиска с субстанции (прежде всего, звуковой материи языка) на структуру, т.е. на систему отношений. Решающим фактором в такой переориентации методологии сравнительно-исторического языкознания стало формирование фонологии вообще и диахронической фонологии в частности. Ее основополагающий принцип: изменяется не отдельная фонема, а фонологическая система в целом. Иными словами, изменяется система фонологических оппозиций, т.е. система отношений между фонемами. При этом вступает в силу фундаментальное требование классического сравнительно-исторического языкознания: причину фонетических изменений следует искать в фонетическом окружении (дистрибуции фонем). Решается эта задача обычно при помощи дистрибутивного анализа. Классическим примером является дистрибутивный анализ гуттуральных согласных (заднеязычных, гортанных) в работах Ежи Куриловича. Ученый доказывает первичность палатализации — [k] пред [i] > [k'] и вторичность лабиализации велярных — [k+u] > [k^{u}].

Однако одного дистрибутивного анализа, или синтагматической ориентации, при реконструкции фонологической системы недостаточно. Тут, видимо, не обойтись без парадигматического аспекта реконструируемых фонем, предполагающего:

а) сопоставление двух реконструируемых фонем с их «фонетическим окружением», а затем
б) выяснение отношения этой фонологической оппозиции к оппозициям и корреляциям всей фонологической системы.

Так, при решении проблемы гуттуральных необходимо рассматривать оппозиции гуттуральных в системе всего блока шумных.

Методы системной реконструкции из фонологии распространяются и на другие уровни — морфологию (американские исследователи) и лексику (О.Н. Трубачев).

Второй существенной чертой современного сравнительно-исторического языкознания является смещение интереса с внешней реконструкции на внутреннюю, хотя это две стороны одного и того же сравнительно-исторического метода — сравнения родственных явлений. В одном случае между разными (родственными) языками (при внешней реконструкции), а во втором случае — внутри одного языка между вариантами того же языка.

13.2. Внутренняя реконструкция

Основоположником теории внутренней реконструкции справедливо считается Ежи Курилович. Термин «внутренняя реконструкция» впервые был предложен Джулиано Бонфанте.

По Куриловичу, внутренняя реконструкция противопоставлена традиционной компаративистике. Она ограничивается сферой внутренней взаимосвязи языковых явлений. Базой такого подхода к явлениям истории языка Е. Курилович считал «постмладограмматические» достижения лингвистики. Решающим в процедуре этой реконструкции оказывается первый шаг: выбор опорного языка или диалекта из всей семьи родственных языков. Эмпирической базой метода являются архаические явления, наблюдаемые в системе одного языка. Цель внутренней реконструкции — установление относительной хронологии доисторических состояний и изменения, предшествующие самой древней эпохе (Е. Курилович).

Внутренняя реконструкция опирается на принцип системности и тем самым на принцип причинности, принцип развития, историзма.

Следует различать реконструкцию отдельного архетипа[1] и реконструкцию фонетического процесса.

Внутренняя реконструкция фонетического процесса опирается на гипотезу регулярности, на положение непреложности фонетических законов (ФЗ).

Понятие фонетического закона сложилось в сравнительно-историческом языкознании как результат упорного труда и международного содружества языковедов разных стран (Р. Раск,

[1] *Архетип* (гр. *archétypon* — прообраз) — праформа, прототип. Принятым обозначением А. является символ *, т.е. «форма под звездочкой».

А.Х. Востоков, Я. Гримм, К. Вернер, Ф.Ф. Фортунатов и А. Лескин и др.).

По мере накопления фактического материала постепенно складывалось представление о регулярности звуковых соответствий, характерных для целого ряда слов. Формируются первые «фонетические законы» (Я. Гримм, К. Вернер и др.).

Сущность фонетического закона можно выразить формально и содержательно:

$$L\left\{\frac{a}{P} > b\right\}T.$$

Формула читается так: **звук [a] регулярно переходит в другой звук [b] в строго определенных позициях (P) в данном языке (L) на данном этапе его развития (T).**

Непреложность ФЗ заключается в том, что соответствующим изменениям подвергаются все слова данного языка у всего коллектива говорящих на данном языке или диалекте. Ф.Ф. Фортунатов учил: «Фонетический закон не может иметь действительных исключений, а кажущиеся исключения представляют собой или действие другого фонетического закона, или заимствование из другого языка или из другого наречия того же языка».

Иными словами, должно существовать правило для неправильности, нужно его только открыть: «исключения» свидетельствуют об изменении параметров (L, P, T).

Например: *Кирилл, кентавр, кино, кефир* не принадлежат к языку L_1 (праславянскому) в эпоху действия (T_1) этого закона. Они заимствованы из другого языка (L_2, L_3) уже после завершения процесса первой славянской палатализации.

Если отступление от предсказуемой закономерности наблюдается в исконных словах и морфемах, то, следовательно, изменился параметр P, а не L.

Так, наличие случаев типа рус. *цена, цедить* и *кидать, кий* может свидетельствовать, что в эпоху действия первой палатализации (T_p) на месте современных гласных переднего ряда стояло нечто другое. В данном случае — это вторичный либо третичный гласный переднего ряда ($'V_2$, $'V_3$). В первом случае — (e_2 < ai) полученный на общеславянской почве из дифтонга (*ai) в закрытом слоге. Иными словами, в эпоху действия первой палатализации здесь еще не было гласного переднего ряда, а перед замените-

лями дифтонга, вторичными гласными переднего ряда (**ai** > e_2, i_2), задненёбный давал не шипящий, а свистящий рефлекс:

$$L\left\{\frac{k > c}{e_2,\ i_2}\right\}T_{пр}.$$

Во втором случае (рус. *кий)* имеет место третичный i_3 гласный, появившийся на месте прежнего [у] в позиции после задненёбных:

$$L\left\{\frac{y > i_3}{K}\right\}T_i.$$

В истории русского языка этот процесс прослеживается по памятникам письменности как переход сочетаний **гы — ги, кы — ки, хы — хи** (XII век — на юге России, с XIII века — на западе, с XIV — на северо-востоке).

Перед третичным [i_3] задненёбный не палатализуется, а лишь смягчается: **кънѧгыни > княгини, из Ригы > из Риги, сэкира > секира, кыдати > кидать, лиχын > лихии.**

Такое осмысление отдельных процессов и явлений позволяет устанавливать их относительную хронологию:

1) первичные гласные переднего ряда старше вторичных, вторичные — старше третичных;
2) первая палатализация их славянами старше второй, а смягчение задненёбных [г'], [к'], [х'] в русском языке моложе палатализационных процессов.

Установление относительной хронологии фонетических изменений обладает необходимыми для их понимания объяснительными возможностями. А именно: первая палатализация (**г, к, х > ж, ч, ш: дрүгъ > дрүже, рекү > речеши, грехъ > грешити**) не могла осуществляться после перехода [ē] > [ā]: ***krīkētі > kričēti > kričati.*** Результаты первой палатализации сохраняют все славянские языки:

рус. *жить, живой, жена, желтый, чистый, четыре, сушить, душно;*

укр. *жити* (< *giti), *живий* ср. лит. gyvas ('выздоравливать'); *жона* (< *genā); *жовтий* (< *gĕlt-), ср. лит. geltas; *чистий* (< *kist-) ср. лит. skýstas 'редкий'; *чотири*, ср. лит. keturi; *сушити* сухий; *душно*, дух.;

блр. *жыць, жывы, жонка, жоуты, чысты, чатыры, сушыць, душна;*

болг. *живея, жена, жълт, чист, четири, суша, душно;*
с.-х. *жи́вети, жи̑в, же́на, жут, чист, че́тири, су́шити;*
словен. *živéti, žéna, žôlt, čist, čtiri;*
польск. *żyć, żywy, żona, żolty, czysty, cztery, suszyć, duszno;*
чеш. *žiti, živý, žena, cistý, čtyři, sušiti, duševni;*
в.-луж. *žić, žy̆u, žona, žolty, čisty, štyri.*

Вторая палатализация могла осуществиться лишь после монофтонгизации дифтонгов: ***kaina > kě̯na > cěna** (др.-р. цѣна, лит. **káina**).

И здесь фонетический закон «работает»:

$$L\left\{\frac{a > b}{P}\right\}T.$$

В нем изменился параметр **P** (по отношению к закону первой палатализации). Действительно, заднеязычные **г, к, х** переходили в свистящие **з, ц, с** в других позиционных условиях, а именно: перед [ě], обозначавшимся буквой **ѣ**, а также [и] дифтонгического происхождения.

Замена [ai], [oi] > [ě], [u] произошла еще на общеславянской почве, но позже (после) первой палатализации. Теперь заднеязычные [g], [k], [x] > [з'], [ц'], [с'], а не в [ж], [ч], [ш]:

другъ > друзи (drug > drudzi > др.-р. **друзи**),
нога > нозѣ (пода > nodzě > др.-р. **нозѣ**),
человѣкъ > человѣци,
языкъ > языци,
снѣгъ > сносѣ — дат. падеж,
грѣхъ > грѣси — им. падеж,
в глаголах: **рекэ > рьци** (повел. накл. *реки — говори*).

Как видим, обе палатализации заднеязычных осуществились еще в общеславянском языке, хотя и в разное время [см. параметр **T** в формуле фонетического закона]: первая — в I—II веках н.э., а вторая — во II—IV (по данным известного польского лингвиста Тадеуша Лер-Сплавинского) или в III—V веках, как полагает Ф.П. Филин.

Стало традиционным обвинять младограмматическое учение в «атомизме», в исследовании судьбы отдельного звука «вне его связи с системой». Однако уже анализ процессов первой палатализации снимает традиционные обвинения. Именно фонетический закон объединяет «разрозненные звуки» в определенные классы: *все* задненёбные [к, г, х] перед *всеми* гласными переднего ряда

[i, e, ei, eu, en], а также [i] (обозначаемыми буквами е, и, ь, ѧ, ѣ), восходящим к [ē], *данного* языка (праславянского) на *данном* этапе его развития переходят в шипящие [ч, ж, ш].

Данный фонетический закон позволяет раскрывать качество звуков на ранних этапах предыстории языка.

Так, если глухой взрывной [к] по первой палатализации переходит в аффрикату [ч], то и звонкий взрывной [г] должен дать звонкую аффрикату (к > ч) = (г > ж).

Если [к], [г] переходят в шипящие, а не наоборот, то более вероятен переход глухого фрикативного [х] в шипящий [ш] (х > ш), а не наоборот, как полагают некоторые авторы.

Такая логика фонетических процессов позволяет реконструировать праформу того или иного слова. Например, сопоставляя слова *смех* ~ *смешно*, можно показать последовательность фонетических процессов и реконструировать архетип.

Шипящий [ш] мог возникнуть из [х] перед гласными переднего ряда. Таковым мог быть редуцированнный *ь: смешно < **smĕ$_2$šьnó**. Следовательно, падение редуцированных «моложе» первой палатализации [х] > [*s] после **i, u, r, k**. Следовательно, [ĕ] > [ĕ$_2$] дифтонгического происхождения. Итак: **smĕ$_2$šьńó < smaixină < smaisină** (ср. др.-р. **смѣшьно**).

Относительная хронология звуковых изменений, как показывают наши наблюдения, служит задачам доказательства безысключительности (непреложности) фонетических законов. Так, например, в законе Педерсена (**s > x**) о генезисе славянского [х] обнаруживаются якобы «отклонения»: в исконных словах *бес, тесный, рысь, писать* и др. [с] не переходит в [х]. Почему?

Объяснение этому следует искать в реконструируемых архетипах ***baids-, *taiskn-, *rūds-**. Обращают на себя внимание соседствующие с [s] звуки: предшествующий [d] либо последующий [k] — оба взрывные. Они-то и служили препятствием к [s > x]. Позже произошел процесс упрощения групп согласных [ds], [skn], но это по времени совпало с прекращением процесса перехода [s > x]:

***baids- > bais > be$_2$s- > бѣсъ;**

***taiskn- > taisn- > tĕsn- > тесно — тискать;**

***rūds- > rūs- > рысь.**

Следовательно, процесс упрощения групп согласных «моложе» закона Педерсена (**s > x**). Важное значение в осмыслении фонетических законов имеет также относительная хронология

генезиса исходного звука (в нашем случае звука [s]). Восстанавливается архетип **писа'ть,** приходим к выводу о вторичности здесь звука [с]:

писать < ср. *англ.* **picture** < *лат.* **pictus** «нарисованный».

Отсюда вывод: действию закона Педерсена подверглось лишь исконное, первичное $*s_1$.

Из анализа приведенных примеров следует извлечь также урок методического характера. Применяя тот или иной фонетический закон к осмыслению конкретных звуковых изменений, необходимо выяснить причину перехода одного звука в другой — [b] < [a]. При этом важно помнить, что причины эти следует искать в непосредственном звуком окружении исходного звука [а]. Такой подход к пониманию реализации фонетических законов непременно убедит нас в том, что «исключения» не менее закономерны, чем сам закон.

Понятие фонетического закона было и остается фундаментальным понятием компаративистики, той демаркационной линией, которая отделяет науку от не-науки. Несколько перефразируя экспрессивное выражение Б.А. Серебренникова, можно сказать: «Уберите постулат (положение) о непреложности фонетических законов — и весь сравнительно-исторический метод окажется повисшим в воздухе».

Более сдержанно специалисты высказываются при оценках значимости для сравнительно-исторического языкознания закона а н а л о г и и, также открытого младограмматиками. Если фонетические законы и исследовались более интенсивно, и «превозносились» почти всеми поколениями компаративистов, то аналогии, по образному выражению В.К. Журавлева, отводилась роль некоей «мусорной корзинки», куда складывались все исключения из фонетических законов.

Сложилась весьма парадоксальная ситуация: с одной стороны, аналогией занимались лишь попутно, а, с другой стороны, сама проблема аналогии была и остается предметом, пожалуй, наиболее древней дискуссии в истории языкознания. Александрийские грамматики усматривали в аналогии воплощение порядка и гармонии. Она служила унификации грамматических форм. Даже Юлий Цезарь был сторонником этой школы, свидетельством чему — его книга «De Analogia». Противоположных взглядов на движущие силы языковой эволюции придерживались стои-

ки Пергамской школы: стимулом развития языка, по их мнению, выступают языковые аномалии.

Однако качественно новым витком в учении об аналогии оказалась концепция И.А. Бодуэна де Куртенэ, особенно плодотворно развивавшаяся его талантливым учеником Каролем Ю. Аппелем. Целостная теория грамматической аналогии изложена К.Ю. Аппелем в статье 1880 г. «Заметка о древнепольском языке». Ученый отказывается от оппозиции «аналогия — аномалия», выдвинув взамен оппозицию «аналогия — дифференциация». Борьба этих двух сил и является стимулом развития языка. Аналогия, в интерпретации К.Ю. Аппеля, выражает стремление языка к унификации и интеграции своих форм, а дифференцирование отражает тенденцию к уникальности, различию, разнородности. Противоборство этих устремлений — источник языковой эволюции.

На принципиально новый уровень учение об аналогии поднимает Василий Алексеевич Богородицкий (1895 г.). Ученый снимает противостояние фонетических законов и закона аналогии как гармонии и дисгармонии в языке. Исследователь приходит к выводу, что «процессы аналогии в языке являются тоже закономерными, как и процессы фонетические». Более того, оба закона взаимно дополняют друг друга.

Серьезные наблюдения над действием закона аналогии в грамматике оставили Г.А. Ильинский и Л.А. Булаховский (первый создает теорию формирования окончаний по аналогии, а второй вскрывает источники грамматической аналогии — 1) индукцию (прямую, действующую в пределах слова: др.-рус. **селомъ** > **селам** (д.п. мн.ч.) под влиянием формы **сел-а** (им. мн.) и 2) опосредованную, т.е. воздействие других слов на данную форму: **женá: водá = х — воды, отсюда х = жены**).

Е. Курилович и Р.О. Якобсон рассматривали грамматическую аналогию как способ перестройки (изменения) морфологической структуры. Причем такая перестройка, по их убеждению, — следствие фонетических и семантических изменений.

Окончательно снимает противопоставление «фонетический закон — аналогия» В.К. Журавлев. По его мнению, грамматическая аналогия в такой же мере закономерна, как и явления, подводимые под фонетические законы.

Недвусмысленное умозаключение исследователя воспринимается еще более убедительно на фоне предложенного им определе-

ния «морфологического закона», выводимого из формулы, построенной по образцу формулы «фонетического закона».

Ср. формулу фонетического закона:

$$L\left\{\frac{a > b}{P}\right\}T.$$

и формулу морфологического закона:

$$L\left\{\frac{m_1 \geq m_2}{P}\right\}T^1.$$

«Читается» она по схеме «озвучивания» фонетического закона: алломорф m_1 замещается алломорфом m_2 в определенных позициях данного языка на данном этапе его развития. Например, **-омъ ≤ ам** в словоформах дат. падежа мн. числа муж. рода типа др.-рус. **столомъ** > совр. рус. **столам.**

Замещение **-омъ ≤ ам**[1] произошло в др.-рус. языке, когда эти элементы структуры слова были алломорфами, т.е. «изосемантическими» единицами. Суть грамматической аналогии состоит в «снятии» вариативности алломорфов путем замещения одним из алломорфов всех других. Происходит унификация морфем, сокращение диапазона их вариативности. К такой унификации корневой морфемы стремятся, например, восточные диалекты украинского языка (**воз-/вож-, сид-/сиж-, кос-/кош-**): *диал.* **возю** *(лит.* **вожу)** по аналогии с **возиш,** *диал.* **сидю** *(лит.* **сижу)** по аналогии с **сидиш,** *диал.* **косю** *(лит.* **кошу)** по аналогии с **косиш.**

Взаимодополняемость, взаимосвязь фонетических и морфологических законов обнаруживается в том, что алломорфы могут возникать в результате действия фонетических анализируемых словах **ж > з + jo/je, ж < д + jo/je, ш < с + jo/je:**

воз + jQ ~ воз + i (t) — вожу, но *возит*

сид + jQ ~ сид + i (t) — сижу, но *сидиш*

кос + jQ ~ кос + i (t) — кошу, но *косиш*

Подобное наблюдалось и в аффиксальных алломорфах. В процессе воздействия предшествующего **-j-** на последующий гласный в именных основах на ***-ja-, -jo-*** в праславянском языке образовались две алломорфемы (вариативные флексии): старосл. **-ъ/-ь, -омь/-емь, -е/-и, -ы/-а, -ы/-и, -ехъ/ихъ, -ога/-егд** и т.д.

[1] Знак ≥ — символ замещения, знак > — символ перехода.

В др.-рус. и ст.-сл. языках в одном и том же падеже разных слов употреблялись разные алломорфы. Ср., например, словоформы местного падежа ед. числа:

селѣ, но **поли**; градѣ, но **кони**; горѣ, но **земли**.

В разных современных славянских языках вариативность алломорфов устранена замещением одного алломорфа другим. В русском языке унифицировался «твердый» ряд: **(на) селе, (на) поле**, а в украинском, сербохорватском **(в) селі, (в) полі, (в) сели, (в) поли** унифицировался «мягкий» ряд.

Итак, закон грамматической аналогии — это результат вариативности морфем, т.е. результат образования алломорфов. Сами же алломорфы образуются не только в результате действия фонетических законов, как было показано выше, но и в результате морфологических процессов, в частности переразложения. Переразложение основ в пользу флексии приводит к образованию алломорфных окончаний, включающих в свой состав прежний тематический гласный основы. Например: **ом ~ ам** в дат. падеже мн. числа: **селомъ > селам, столомъ > столам.** Алломорфы **омъ ~ амъ** были взаимозаменяемы, т.е. находились, по определению Ежи Куриловича, в отношении дополнительной дистрибуции (или дополнительного распределения). Это означает, что взаимозаменяемые морфемы могли замещать друг друга. Один из алломорфов закреплялся за одним классом слов (с основами на ***-а** либо ***-і**), другой алломорф — за другим классом слов. Происходит взаимозамещение алломорфов, их унификация, что означает их превращение из вариантных в самостоятельные морфемы. Самостоятельные морфемы взаимозамене не подлежат, поскольку они уже не изосемантичны.

С течением времени алломорф **-омъ** был замещен алломорфом **-амъ**. Начиная с XIII в. подобные замещения наблюдаются не только в дат. падеже мн. числа, но и в творительном: **столы, отроки > столами, отроками** (твердый вариант), **кони, краи > конями, краями** (мягкий вариант) и местном падежах столѣхъ, отроцѣхъ > **столах, отроках** (твердый вариант), **конихъ, краихъ > конях, краях** (мягкий вариант).

Постепенно окончания **-амъ (-ямъ), -ами (-ями), -ахъ (яхъ)** вытесняют соответствующие падежные окончания у существительных с другими основами. Происходит унификация форм дат., тв. и мест. падежей мн. числа у существительных всех трех родов:

дом: **домамъ — домами — домахъ,**
слово: **словамъ — словами — словахъ,**
земля: **землямъ — землями — земляхъ.**

Действие закона грамматической аналогии в данном случае стимулировалось наличием у существительных ср. рода в им. и вин. падежах мн. числа флексий **-а (-я)**: *села, поля,* а также включение в число основ на **-в, -jв** существительных муж. рода: *староста, воевода, дядя,* которые склонялись как существительные жен. рода: *земля, жена.*

Процесс унификации флексий в тв. п. продолжается и в наше время. Ср. параллельные формы: *дочерьми ~ дочерями, лошадьми ~ лошадями, костьми ~ костями.*

Интересно, что реликтовые формы дат. падежа мн. числа сохранились в некоторых бывших существительных, перешедших в современном русском языке в другие лексико-грамматические разряды: *посредством* — предлог (ср. *по средствам), поделом* — наречие (ср. *по делам).*

Итак, фонетический закон и грамматическая аналогия — это два важнейших и равноправных фактора эволюции языка, определяющих его внешний облик.

13.3. Принципы ареальной (пространственной) лингвистки в современном сравнительно-историческом языкознании

Использование основных положений ареальной лингвистики в качестве методологических принципов сравнительно-исторического языкознания обусловлено поисками сущности праязыковой реальности. Известный отечественный историк языка Энвер Ахмедович Макаев счел вполне уместным вопрос: знают ли компаративисты второй половины XX века, *что* они реконструируют?

Иными словами, продолжает оставаться открытым вопрос о том, что такое «праязык»: а) реально существовавший общий язык праиндоевропейцев; б) унифицированная модель, в наиболее обобщенном виде отражающая реальные праязыковые состояния, или в) это лишь теоретическая схема наших знаний и представлений, не имеющая ничего общего с реальным праязыком?

Три вопроса — три подхода к решению. За каждым из них стоят теоретически обоснованные позиции крупнейших ученых, школ и направлений.

Первая из них представлена концепцией А. Шлейхера, в основе которой лежит весьма привлекательная гипотеза о возможности происхождения группы родственных языков от одного языка-предка. Ее появление обусловлено издавна замеченным материальным родством индоевропейских языков. Ср.: *рус.* **брат,** *перс.* birädär, *гр.* φρατηρ «член фратрии» (перв. брат), *лат.* Frater «брат».

Не случайно, начиная с А. Шлейхера, многие компаративисты видели свою задачу в восстановлении праязыка (прежде всего — индоевропейский праязык). Спору нет, цели эти были, может быть, и утопическими, но в процессе их осуществления был сделан крупный шаг вперед, особенно заметны достижения в области этимологических изысканий. К сожалению, в эпоху марризма с его яфетической теорией развитие отечественного сравнительно-исторического языкознания (СИЯ) было приостановлено, а сам метод (СИМ) объявлен буржуазным, а значит, и враждебным. Вслед за Н.Я. Марром, его ученик Ф.П. Филин прямо называет гипотезу «праязыка» «теорией расовой обособленности». Приверженцы СИМ (А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Е.Д. Поливанов и др.) подвергаются идеологической травле.

И все же достижения мировой индоевропеистики того времени очевидны: 1) был реконструирован вокализм и консонантизм индоевропейского праязыка; 2) восстановлена система склонения и спряжения; 3) выявлены древнейшие особенности синтаксиса индоевропейских языков; 4) совершенствовались приемы сравнительно-исторического изучения языков, что способствовало открытию новых семей родственных языков: угро-финской, тюркской, семитской и т.д.

Думается, что во многом названные достижения оказались возможными благодаря вере ученых в реальность существования реконструируемых явлений. Основой такой веры было представление о монолитности праязыкового состояния. Так, например, Леонард Блумфилд был убежден в том, что СИМ не допускает возможности существования диалектных различий в праязыке. Этой идеей проникнуты работы таких авторитетных компаративистов, как Карл Бругман, Антуан Мейе, Роланд Кент, Джеймс Марчанд, Владимир Георгиев и др. Вместе с тем

почти все они отмечали отсутствие полной идентичности племенных диалектов.

Постепенно мысль о диалектном членении праиндоевропейского языка перерастает в самостоятельную концепцию. Ее составной частью становится вопрос о реальности реконструируемых форм. Исходила эта концепция из уверенности А. Шлейхера в возможности реконструирования индоевропейского праязыка в виде связного текста. Однако истины ради следует отметить, что в последние годы своей деятельности А. Шлейхер указывал на приближенный характер предлагаемых реконструкций.

Младограмматики были более категоричны (70-е годы XIX века)[1]. Влиятельнейший из них, Бертольд Дельбрюк, с неизменной настойчивостью повторял, что праформы представляют собой только «выражение в формулах меняющихся воззрений ученых на объем и характер языкового материал, который отдельные языки унаследовали от общего языка».

Не чужд позитивистского понимания возможностей СИМ и Антуан Мейе. Метод сравнительной грамматики, по его мнению, применим не для восстановления индоевропейского языка в том виде, как на нем говорили, а лишь для установления определенной системы соответствий между исторически засвидетельствованными языками.

Подобное скептическое отношение к истинности реконструируемых форм выражено и в работах других исследователей того периода. Так, американский компаративист Эрнст Пулгрэм недвусмысленно заявляет, что получаемые реконструкции не имеют ничего общего с реальным праязыком. Его истинная структура остается такой же загадкой, как и время и место существования самого индоевропейского праязыка и народа, который на нем говорил.

Как воспринимать подобные суждения? Как взвешенное и осторожное отношение к достоверности получаемых результатов исследования или как деструктивный нигилизм, затормаживающий развитие СИЯ? Скорее, второе. Именно такой точки зрения придерживаются известные современные компаративисты А.С. Мельничук и О. Семереньи.

---

[1] Их позиции определялись воздействием на это направление философии позитивизма; его главное требование: единственный объект познания — данные непосредственных наблюдений.

По мнению А.С. Мельничука, такой подход 1) лишает СИЯ глубокой диахронической перспективы, 2) устраняет главный источник освещения эволюции языка, 3) иными словами, СИМ теряет свой основной смысл: перестает быть средством и источником изучения дописьменной истории индоевропейских языков и народов. О. Семереньи тоже считает, что «только в случае признания реальности различных реконструированных форм имеет смысл ставить вопрос о том, как они соотносятся друг с другом, т.е. как выглядела система».

В связи с этим достаточно реалистичны выводы А.С. Мельничука, допускающего возможность установления истины как путем непосредственного наблюдения фактов, так и путем логически обоснованных заключений о непосредственно не наблюдаемых фактах на основе фактов наблюдаемых. При этом ученый обращает внимание на относительный характер всякой истины, устанавливаемой как первым, так и вторым путем. Оптимистический взгляд на реконструкции содержится в трудах Б.А. Серебренникова. «Гипотетически восстанавливаемый праязык играет роль очень удобной точки отсчета при изучении истории языков. Прежде чем выяснить, в каком направлении развивалось то или иное слово или та или иная форма, необходимо, — пишет ученый, — знать их древнее состояние. Точнее говоря, без праязыковой схемы не может быть исторической перспективы. По своей сущности праязыковая схема является типичной моделью».

Наиболее перспективна в осмыслении праиндоевропеской языковой реальности та точка зрения, согласно которой праязык представляется в виде сильно пересеченного диалектного ландшафта. Ее разделяли и разделяют многие компаративисты, в том числе И.А. Бодуэн де Куртенэ, Эдуард Герман, Уильям Фримец Тводделл, Томас Барроу. Не следует думать, предостерегает Т. Барроу, что эволюция индоевропейского языка протекала точно так же, как развитие романских языков из латыни, когда различные языки произошли из единого языка, сложившегося в одном городе. В случае же индоевропейского можно утверждать, что такого единого языка, который можно было бы реконструировать путем сравнения известных языков, не существовало. [...] Детальное сравнение показывает, что индоевропейский праязык... был уже глубоко расщеплен на ряд отличающихся друг от друга диалектов.

Индоевропейская диалектология -- самый молодой раздел СИЯ. Ее развитие должно прояснить пути и условия происхождения групп родственных языков, а также способствовать поиску прародины индоевропейцев.

Уже в 70-е годы XIX века возникает своеобразный протест против упрощенного понимания самого праязыка и процессов его распада. Ярким выражением этого является волновая теория Йоганна Шмидта (1872 г.). Ее исходным положением является гипотеза о возможности распространения новых, зарождающихся явлений и тенденций из одного определенного центра. Подобные инновации охватывали, по мнению И. Шмидта, прежде всего географически близко расположенные языки и по мере отдаления от центра постепенно прекращались. Распространение инноваций, по образному выражению Б.А. Серебренникова, напоминает волны от брошенного в воду камня. Все это несомненно укрепляло представление о праязыке как совокупности близкородственных диалектов, образовавшихся в результате распада языка.

Осмыслению процессов такого распада способствовала, в частности, теория субстрата[1], созданная в трудах Грациано Асколи, Юлиуса Покорного и др.

Волновая теория и теория субстрата способствовали становлению ареальной лингвистики как науки и формированию метода лингвистической географии.

Ареальная лингвистика, будучи изначально исторической наукой, значительно расширяет эвристические возможности СИЯ. Во-первых, приемы ареальных исследований позволяют выявить пределы территориального распространения того или иного языкового явления и обозначить их на географической карте в виде изоглосс (линий на географической карте, ограничивающих территорию распространения языковых явлений). Во-вторых, приемы ареальной лингвистики помогают решать задачи реконструирования праформ, устанавливать относительную хронологию

[1] *Субстрат* (< лат. *sub* — под, *stratum* — слой, пласт) — совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих к языку, распространенному ранее на данной лингвогеографической территории. Субстрат, в отличие от заимствования, предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию пришельцами коренного населения, через стадию двуязычия.

изучаемых явлений. Сопоставительное исследование изоглосс служит ретроспективному изучению праязыка во всем его диалектном многообразии. Разъясняя характер, направление и взаимодействие изоглосс, ученые получают возможность с помощью внутренней **реконструкции** восстановить пути развития и взаимодействия целых народов, их языков и культур.

Важнейшей, хотя и не бесспорной изоглоссой индоевропейской диалектологии является та, которая разделяет эти языки на две группы: а) centrum и б) satəm. «Различие centrum — satəm, по утверждению В. Порцига, остается одной из древнейших фонетических изоглосс, которые мы можем установить в индоевропейской языковой области». Деление индоевропейских языков на centrum (западные языки) и satəm (восточные языки) осуществлено при помощи СИМ. Сами же названия языковых групп происходят от обозначения числительного «100» в индоевропейских языках.

Ср.: *лат.* **centrum**, *скр.* **šatám**, *авест.* **satəm**, *лит.* **šimtas**, рус. **сто**. Было установлено, что гуттуральному звуку (заднеязычно, гортанные) **k** западных и.-е. языков регулярно соответствует спирант (**s** или **š**) восточных и.-е. языков. Ср.: *kerd-, *kr̥d- «сердце»: *лат.* **cor**, *ген.* **cordis**, *гот.* **hairtō-**, *др.-ирл.* **cride**, *лит.* **širdis**, *ст.-сл.* **srŭdĭce**, *рус.* **сердце**.

По этому признаку западные языки (centrum) — греческий, латинский, кельтский, германские, а также не-западные хеттский и тохарский — противопоставляются восточным (satəm): балтийским, славянским, албанскому, армянскому и индоиранскому.

В языках centrum представлен праиндоевропейский звук [k] без лабиального элемента (**k^u**), а в языках satəm гуттуральные подвергаются палатализации (**k**, **g** + **e**, **i**, **y** > **и**, **j** (т.е. **t'**, **d**)):

и.-е.: ***k^{u}id** «что»: *лат.* **quid**, *хетт.* **kwid**, *ст.-сл.* **čĭ-to**,

и.-е.: ***g^{u}en** «жена»: *др.-в.-н.* **quena**, *др.-прус.* **genna**, *ст.-сл.* **žena**.

Деление и.-е. языков на centrum и satəm вызвало в компаративистике неоднозначное отношение: от полного одобрения до столь же решительного отрицания его научной эффективности. Во втором случае в качестве аргумента выдвигается непоследовательность проявления в отдельных языках (напр., албанском) признаков centrum или satəm. Владимир Георгиев даже требовал исключения из понятийного аппарата СИЯ самих этих терминов.

Другие ученые (В. Порциг, Е. Курилович, А.В. Десницкая и др.), наоборот, считают, что деление языков на группы centrum и satəm *отражает важнейшую и.-е. изоглоссу. Его целесообразность — в* разграничении ведущих фонетических процессов, определивших лицо западных и восточных и.-е. языков, — процессов палатализации[1] и лабиализации велярных[2]. С этой точки зрения выделяют или один ряд гуттуральных (Я. Сафаревич, А. Мейе, О.С. Широков), или два ряда (Э. Герман, Е. Курилович, Н.С. Трубецкой), или три ряда (Х. Педерсен, Н. Йокль, В. Пизани, У. Леман, Т. Барроу). *Современный компаративист Ю.В. Откупщиков ряды* гуттуральных представляет следующим образом:

	Ряды гуттуральных		
	палатальный	велярный	лабиовелярный
и.-е.		k_1k_2	
satəm	k_1	k_2	
centrum		k_1	k_2^u

Здесь использована концепция А. Мейе об изначальности одного ряда (*велярного*), *сдвиг вперед привел к* **палатализации в языках** satəm, а сдвиг назад — к **лабиализации в языках** centrum.

Языки, которые не умещаются в строгие рамки «сатемизации», обычно признают языками переходного типа, сочетающими в себе признаки *centrum* и *satəm*. Однако не лишена смысла и попытка «увязать» такую непоследовательность с известной закономерностью исторической диалектологии, согласно которой в месте возникновения новые языковые явления проявляются наиболее непоследовательно. По мере же своего распространения соответствующие инновации реализуются последовательнее. В связи с этим имеет право на осмысление гипотеза о большей архаичности и.-е. языков со сложной непоследовательной «сатемностью». К таковым относятся балтийские языки, албанский и частично славянские. Последовательность же и простота «сатемности» в

[1] *лат.* **palatum** — «твердое нёбо»; **палатализация** — смягчение твердых согласных.

[2] *лат.* **velum** — *«мягкое нёбо»*; **веляризация** — *отвердение мягких согласных*; **велярные** — твердые (заднеязычные).

индоиранских (арийских) языках, согласно этой закономерности, может свидетельствовать о ее более позднем проявлении, о ее вторичности. А это уже непосредственно сопряжено с расселением индоевропейских племен, с проблемой поиска «прародины» индоевропейцев.

Предполагают, что «сатемизация» и связанные с ней другие явления распространились в Восточной Европе к началу I тысячелетия до н.э. Связывают это с распадом и.-е. общности и миграцией и.-е. племен (из Висло-Одерских земель на восток Европы). К этому времени должны были на юг (за Черное море) отойти предки хеттов и лувийцев, на северо-запад (между Эльбой и Одером) — протогерманцы, предки итало-кельтов — на запад, предки греков и фракийцев — на юго-запад. Дело в том, что «сатемизация» не распространяется на диалекты этих отделившихся и.-е. племен.

С расселением и.-е. народов связаны и этапы «сатемизации». Наиболее ранним процессом, предшествующим сатемизации, является славяно-арийское изменение ***S** → **Š** (→ **X**) в позиции после ***r**, ***i**, **u**. Этот процесс охватил некоторым образом албанский и палеобалканские языки. **Первый этап** «сатемизации» относится ко времени до переселения предков индоарийцев. Характерной чертой этого периода сатемизации является переход заднеязычных палатальных в препалатальные аффрикаты или фрикативные. **Второй этап** соотносим с полным разделением протоарийцев на две группы — а) протоиранцев и б) протоиндийцев. Основанием для такого предположения служит тот факт, что развитие новых зубных свистящих [S] и [Z] произошло только в иранских языках (курдский, персидский, таджикский, дари, осетинский, пушту, мертвые: др.-персидский, скифский, аланский).

Для большой части диалектов satəm была свойственна так называемая «палатализация» рефлексов и.-е. постзадненебных согласных. Ср.: *тохар, диал.* **A çärme** «летняя жара», *ст.-сл.* **жаръ**, *алб.* **zjarr, zjerm**, *др.-инд.* **haras**, *греч.* **ρὸ θέροζ** «жар». Полагают: начальные этапы «палатализации» предшествовали «сатемизации». «Сатемизация» была последним и.-е. диалектным процессом. Дальнейшие изменения происходили после распада и.-е. языковой общности на ветви, которые также не были монолитными, поскольку подвергались дальнейшему диалектному членению.

13.4. Проблема индоевропейской прародины

Использование в сравнительно-историческом языкознании методов ареальной лингвистики предполагает обсуждение пространственных и временных аспектов бытования и.-е. праязыка. Прежде всего следует отметить, что проблема локализации прародины индоевропейцев должна решаться в единстве с ее хронологизацией, поскольку в разные временные периоды индоевропейцы занимали разные ареалы. В связи с этим возникает вопрос о «возрасте» и.-е. праязыка. По мнению известного археолога М. Гимбутас, древнейшие индоевропейцы появляются уже в середине V тыс. до н.э. как носители так называемой курганной культуры. Первичное место их обитания — черноморские степи к северу и северо-востоку от Черного моря. Отсюда, по ее данным, и.-е. народ быстро распространяется в центр Европы, Карпаты и бассейн среднего и нижнего Дуная. Эта точка зрения нашла поддержку в среде таких известных компаративистов, как Уинфред Филипп Леман и Антуан Мейе.

V—IV тыс. до н.э. названы эпохой существования и.-е. праязыка в фундаментальном труде Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984). Древнейшие засвидетельствованные и.-е. памятники на хеттском и микенском диалекте греческого языка датированы, однако, только II тыс. до н.э.

В последних работах У.Ф. Лемана отмечается, что для периода конца V—III тыс. до н.э. в индоевропеистике предложены три различные локализации и.-е. прародины: а) область к северу от Черного и Каспийского морей, б) Карпатский район Балкан, в) Малая Азия.

Первая гипотеза основана на данных археологии (М. Гимбутас), вторая — на данных языкознания (Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов), третья гипотеза выстраивается в результате анализа и лингвистического, и археологического материала (И.М. Дьяконов).

Убедительной представляется теория и.-е. прародины в IV тыс. до н.э., согласно которой индоевропейцы занимали территорию от Карпат до северокаспийского региона. Принятие этой точки зрения позволяет объяснить наличие в и.-е. заимствований из семитского, контакты с картвельскими языками и др. В работах Л.А. Гиндина выделенные гипотезы используются для выявления основных этапов развития и.-е. языков.

I. Протоиндоевропейская эпоха – период стабильного существования уже диалектно расчлененной индоевропейской языковой общности (с конца V тыс. до III тыс. до н.э.).

II. Праиндоевропейская эпоха — период распада и.-е. Языковой общности и дальнейших последовательных миграций (с начала III тыс. до рубежа III—II тыс. до н.э.).

III. Историческая эпоха (хеттские клинописные источники) формирования и.-е. языков (рубеж III—II тыс. — 1200 г. до н.э.).

К активно обсуждаемым в компаративистике относится проблема прародины славян. К ней постоянно возвращаются как отечественные, так и зарубежные исследователи (О.Н. Трубачев, В.В. Иванов. В.Н. Топоров, Х. Бирнбаум и др.).

По данным Х. Бирнбаума, прародиной славян следует считать территорию севернее Карпат, куда пришли предки славян, выделившиеся из поздней общеиндоевропейской сообщности. Ученый доказывает, что в IV в. н.э. славяне заселяли довольно обширную территорию от Одера до центрального Днепра и от Балтийского моря до Припяти. В V в. славяне продвигаются на северо-восток, осваивая регион верхнего Днепра и Припяти. К VI в. они уже достигли финских земель на севере и нижней Лабы (Эльбы) на западе. *После 500 г. н.э. часть славянских племен устремилась на Балканы.* Огромная территория не была однородной ни по своему этническому, ни по языковому признаку. Это объяснялось, с одной стороны, племенным (и диалектным) членением языка самих славян, а с другой — контактами с другими народами, их языками и культурами (аварами, заселявшими венгерскую низменность; романскими народами — предками современных румын на Балканах; албанцами, греками и булгарами, которые, после их ассимиляции славянами, дали начало болгарскому этносу).

Однако выделенные этапы развития и.-е. языков не являются пределом реконструкции праязыковых состояний. Представленные выше периоды отражают лишь одно из возможных эволюционных направлений языка — **дивергенцию,** т.е. распад праязыка на более поздние генетически родственные языки. Результатом такого подхода к изучению эволюции языка является генеалогическая классификация языков мира, группирующая их в языковые семьи, группы и подгруппы. *Заслуги сравнительно-исторического языкознания* в этом направлении не вызывают сомнений. Они налицо.

И все же не следует забывать, что языковая эволюция в пространстве и времени происходит в двух ипостасях — дивергентной и конвергентной.

Великий предшественник современной лингвистики И.А. Бодуэн де Куртенэ рассматривал смешанный характер всех языков как результат **конвергентного** развития, различных структурных уподоблений. Вторая ипостась языковой эволюции раскрывается при помощи *типологического* метода. Поэтому попытки «заглянуть» в до-протоиндоевропейское состояние языка с целью выявления более широкого родства языков основываются на комбинировании сравнительно-исторического и типологического методов. Такой подход не противоречит реальному положению дел в компаративистике. По мнению Эмиля Бенвениста, всякая генеалогическая классификация, когда она констатирует родство между какими-либо языками, устанавливает степень этого родства, определяет некоторый общий для них тип. Материальное совпадение между формами и элементами форм ведет к выявлению формальной и грамматической структур, присущих языкам определенной семьи. Отсюда следует, что генеалогическая классификация является в то же время и типологической.

Следовательно, комбинаторное использование СИМ для установления генетического родства языков и типологического метода для идентификации структурного сходства обнаруживает некоторые общие моменты. Эффективность комбинаторного применения генетических и типологических критериев особенно очевидна 1) при решении проблемы дальних родственных связей в рамках языковых макросемей и 2) при осмыслении процессов взаимодействия языков в рамках языкового союза.

1. Пожалуй, наибольшей известности достигла первая проблема: исследование дальних родственных связей между языковыми семьями одной макросемьи. Широкую популярность приобрели в современном языкознании исследования так называемой ностратической языковой макросемьи, или семьи ностратических языков. Впервые предположение о существовании ностратической макросемьи языков высказал в начале XX века Х. Педерсен. Позже, параллельно с названием «ностратическая», использовались наименования «евразийская» и «бореальная». Активизация ностратических исследований связана с именем В.М. Иллич-Свитыча. Он включал в состав этой макросемьи шесть языковых семей:

индоевропейскую, афразийскую, картвельскую, уральскую, алтайскую и дравидскую.

Последователи В.М Иллич-Свитыча, развивая ностратическую идею, определили своими исследованиями несколько проблем.

Во-первых, определение границ ностратической макросемьи языков. Дело в том, что некоторые ученые предпринимают попытку расширить ее, включив в нее чукотско-камчатские и эскимосско-алеутские языки. Более четкие очертания границ ностратической макросемьи позволят ограничить собственно ностратику от универсальной этимологии, исповедующей идеи всеобщего родства языков как следствия языкового моногенеза.

Вторая проблема связана с использованием в этимологии сравнений и звуковых законов на фоне широкой панорамы всей ностратической макросемьи языков.

Третья проблема упирается в возможности СИМ как основного метода реконструкции, превышающего глубину проникновения в историю одной семьи.

Четвертая проблема — верификация данных, получаемых путем сравнения языков, принадлежащих макросемье. Здесь одним СИМ не обойтись. Предполагаются в качестве дополнительных а) типологические верификации и б) верификации археологические.

Как видим, круг проблем и точек зрения в вопросах языкового родства с появлением новых исследований не только не сужается, но, наоборот, расширяется. Все более укрепляется позиция тех ученых, которые стремятся установить не известные ранее родственные связи между отдельными языками, языковыми группами и семьями.

2. Не ослабевает интерес в современном сравнительном языкознании и к ареальному взаимодействию языков. Серьезным стимулом к исследованию этой проблемы также служит комбинаторное применение в сравнительном языковедении генетических и типологических критериев к изучению взаимодействия родственных и неродственных языков в пределах единого географического пространства. Результатом такого взаимодействия является образование языкового союза. Впервые идея **языкового союза** была высказана в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ. Само же понятие «языковой союз» формулируется учеными Пражской лингвисти-

ческой школы, в частности в статье Н.С. Трубецкого «Вавилонская башня и смешение языков» (1923).

Языковым союзом обычно называют группу географически смежных, но не родственных или не близкородственных языков, обнаруживающих специфическое структурное подобие в области синтаксиса, морфологии и фонологии. Структурное сближение соседствующих языков происходит в процессе их конвергентной эволюции. Наиболее изученным оказался языковой союз Балканского полуострова, или балканский языковой союз, объединяющий пять языков: албанский, румынский, болгарский, греческий и сербохорватский. В области фонологии для них характерны редуцированные гласные [ъ], [д], [ё] (болгарский, румынский, албанский), сходство лексического состава (напр., в болгарском и румынском языках 38% одинаковых иди сходных слов). Под влиянием болгарского и греческого в румынском языке сохраняется звательная форма на -е и средний род, чего нет в других романских языках.

Балканские языки лишились инфинитива, а некоторые из них сохранили его как крайне малопродуктивную форму. Объединяющим явлением выступает и постпозитивное употребление артиклей. Древние синтаксические формы уступили место аналитическим.

Кроме балканского языкового союза, современная ареальная лингвистика выделяет волго-камский, алтайский, кавказский, гималайский. Различают а) интенсивные, или многоуровневые языковые союзы (они перечислены выше) и б) экстенсивные языковые союзы (Х. Бирнбаум), одноуровневые структурные общности — подобно евразийскому (сходство фонологических систем)[1]. Формирование языковых союзов — длительный и сложный процесс исторического взаимодействия языков: глубинного (субстрат) и поверхностного (адстрат).

Таким образом, при наличии некоторого сходства, между макросемьями и союзами языков существует принципиальное различие: первые — результат генетического родства, а вторые —

[1] Евразийский союз языков Р.О. Якобсон выделил на основе двух критериев — просодическая (интонационная) монотонность и фонологическая палатализация. Этого недостаточно, по мнению Х. Бирнбаума, даже для идентификации экстенсивного языкового союза.

результат языковых контактов в пределах единого географического пространства. При этом, как полагает Х. Бирнбаум, степень структурного сходства, необходимая для выделения языковых союзов, намного превосходит (в количественном и качественном отношении) подобия, требуемые для объединения языков в макросемье.

***

Современное сравнительно-историческое языкознание в своем развитии характеризуется двумя направлениями: 1) развитием традиций классического компаративизма в его «чистом» виде и 2) стремлением к «сотрудничеству» с синхроническим языкознанием. Первое направление основывается на принципе оппозиции «диахрония — синхрония», согласно которому «противопоставление синхронии и диахронии абсолютно и не терпит компромисса» (Ф. де Соссюр). Второе направление исходит из уже признанного положения о том, что язык существует в каждый данный момент и тем самым существует исторически. Язык, не следует забывать, — это **исторически** сложившаяся система языковых элементов (единиц), находящихся в состоянии постоянного и закономерного взаимодействия. Поэтому система языка, считавшаяся предметом изучения исключительно синхронического языкознания, все активнее входит в круг интересов диахронических исследований. Системность в языке — лишь относительное равновесие (Б.В. Горнунг), которое подвержено непрерывному движению: в языковой системе происходят постоянные перемещения и замены устаревших, функционально отживших элементов новыми, необходимыми языку в данный период его развития. Языковая система, как видим, в каждый данный момент своего развития *статична* и *динамична*, ***синхронна* и *диахронна*.**

Второе суждение стало возможным благодаря теоретическому преодолению бескомпромиссности первого. Однако только теоретически! На практике исследователи, за редким исключением[1],

[1] См., например, одну из докторских диссертаций последнего времени, выполненную под нашим руководством: *Заметалина М.Н.* Функционально-семантическое поле бытийности в синхронии и диахронии: Монография. Волгоград: Перемена, 2002.

все еще следуют прежним канонам, оставаясь в рамках или синхронии, или диахронии. Есть все основания полагать, что будущее за вторым направлением, поскольку невнимание к истории изучаемого языкового явления не способствует всестороннему осмыслению его синхронического состояния.

С полной уверенностью можно утверждать, что в XXI веке сравнительно-историческое языкознание будет развиваться не столько «вглубь» (возможности сравнительно-исторического метода далеко не исчерпаны), сколько «вширь». Этот метод должен окончательно покинуть свою индоевропейскую «колыбель» и превратиться в привычное средство изучения фонетики, морфологии и синтаксиса языков других семей. В связи с этим следует ожидать нового прорыва в области ностратики по реконструкции макросемей на всем пространстве лингвистической карты мира.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Леман В.П.* Новое в индоевропейских исследованиях // Вопр. языкознания. 1991. № 4.
2. *Макаев Э.А.* Общая теория сравнительного языкознания. М.: Наука, 1977.
3. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938; Или *Мейе А.* Сравнительный метод в истории языкознания. М.: Изд-во иностр. литературы, 1954.
4. *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.
5. *Трубачев О.Н.* Реконструкция слов и их значений // Вопр. языкознания. 1980. №3. С. 3—14.
6. *Широков О.С.* Современные проблемы сравнительно-исторического языковедения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

Дополнительная

1. *Гиндин Л.А.* Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В.М. Иллич-Свитича // Вопр. языкознания. М., 1992. № 6.
2. *Дельбрюк Б.* Введение в изучение индоевропейских языков // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч.1. С. 218—219.
3. *Журавлев В.К.* 1) Законность исключений из фонетических законов // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987; 2) Диахроническая морфология. М.: Наука, 1991.; 3) Постулат непреложности

фонетических законов и современная компаративистика // Вопр. языкознания. 1986. № 4. С. 27—36.
4. *Мельничук А.С.* Проблематика реконструкции в сравнительно-историческом языкознании // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л.: Наука, 1989.
5. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
7. *Серебренников Б.А.* О праязыке // О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
8. *Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. М., 1956. Т. 1.

Вопросы и задания

- Кратко охарактеризуйте методологические и теоретические истоки современного сравнительно-исторического языкознания.
- Покажите эвристические возможности современной внутренней реконструкции языковых праформ.
- Расскажите о принципах ареальной лингвистики.
- В чем состоит лингвистическая суть проблемы индоевропейской прародины?
- Каковы современные перспективы лингвистической компаративистики?

Часть IV

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Глава 14

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

14.1. Основные понятия

Среди основных проблем общего языкознания едва ли не центральной является проблема методологии лингвистических исследований.

***Наука** — это непрерывно развивающаяся система знаний об объективных законах природы, общества и мышления; это миропонимание, общественное сознание, сумма опыта человечества, организованная форма деятельности людей, результатом которой и является система знаний о законах объективного мира и путях его преобразования.*

***Цель науки** — познание объективных законов развития природы и общества.* Пока соответствующие законы не открыты, человек может лишь собирать, систематизировать и описывать явления, но ничего не может объяснить и предсказать.

Развитие научного исследования идет от сбора фактов, их изучения и систематизации, осмысления и обобщения некоторых закономерностей — к связанной, логически стройной системе научных знаний, позволяющей объяснить уже известные факты и предсказать новые.

Становление науки завершается лишь тогда, когда она начинает обладать своим собственным методом исследования. Метод служит инструментом для решения главной задачи лингвистики — открытия объективных законов развития и функционирования изучаемой языковой действительности. Метод в лингвистике — это система научно-исследовательских приемов, предназначенных для познания закономерностей возникновения, развития и функционирования языковых явлений.

Что значит вести научное исследование?

Д.И. Менделеев полагал, что это значит: а) определять и выражать качество неизвестного; б) измерять все то, что может подлежать измерению, показывать *количественное отношение* неизвестного к известному; в) определять место изучаемого в системе известного, пользуясь и качественными, и количественными сведениями.

Вести исследование, с точки зрения современного науковедения, значит:

осуществлять научный поиск в направлении: *единичное — особенное — всеобщее;*

размышлять, производить мысленный эксперимент;

искать противоречия в существующих научных представлениях. В этом смысле стоит упомянуть высказывание академика Н.Н. Семенова: «Для ученого натолкнуться на большое или малое противоречие — дар судьбы. Его нельзя упускать. ...В научной работе не надо бояться противоречий, более того, их надо искать»;

возвращаться к уже решенным вопросам и задачам, предлагать их рассмотрение с новых методологических позиций, в новых ракурсах познания истины.

До недавнего времени сущность методологии современной отечественной науки о языке определялась однозначно: ею признавалась философия. Такое понимание методологии языкознания в принципе не вызывает возражений. И вместе с тем его нельзя не признать односторонним и ограниченным, зашоренным узкими и откровенно идеологизированными рамками. Поэтому лингвистика сегодняшнего времени требует более комплексного, широкого и всестороннего осмысления ее методологических основ.

Исходным моментом в решении задачи может служить традиционное определение методологии как философского учения. В этом смысле под методологией языкознания зачастую понимают философский метод.

С точки зрения происхождения, оба термина — «методология» и «метод» восходят к греческому слову *methodos* — (букв.) «путь к чему-либо» и *logos* — «учение, наука, теория». Этимология термина «методология» достаточно прозрачно показывает его содержание. ***Методология*** — это философское учение (и теоретическая программа) об основных путях и способах познания языко-

вой действительности. Иными словами, методология в лингвистике — это конкретное философское мировоззрение, определяющее пути и способы осмысления и познания языка.

Нетрудно заметить, что в приведенных определениях указывается прежде всего на философскую сущность методологии. Этим, видимо, подчеркивается, что при объективном изучении языковых явлений исследователь стихийно или сознательно руководствуется специфическим пониманием первичности или вторичности предмета исследования, его познаваемости (непознаваемости), способов проверки истинности результатов исследования.

В зависимости от понимания этих категорий философское мировоззрение лингвиста, как известно, бывает или материалистическим, или идеалистическим.

Материалистическая философия считает материю первичной, сознание вторичным, язык (речь) познаваемым, критерием истинности научных знаний признается практика. Идеалисты, наоборот, первичным полагают сознание (идею), а вторичным — материю. Практика для них не является критерием истинности лингвистической теории.

Таким образом, языкознание наряду с другими науками обнаруживает самую тесную связь с философией на всем протяжении своего развития. Эту связь особенно подробно рассматривает Е. Альбрехт в монографии «Язык и философия».

Тесная связь лингвистики с философией обусловлена самой природой ее предмета. Ведь язык — непременное условие осуществления абстрактного, обобщающего мышления и рациональной ступени человеческого познания. Поэтому вопрос о роли языка в познании входит составной частью в гносеологию (теорию познания) любой философской системы.

Проблема активности языка в познании мира не является новой для философии языка. Первые опыты ее обоснования принадлежат В. фон Гумбольдту. Его учение, к сожалению, было позже абсолютизировано (неогумбольдтианство, экзистенциализм[1], соссюрианство, глоссематика). Эти направления, вопреки учению Гумбольдта, рассматривают язык как единственную данную че-

[1] *Экзистенциализм* — направление в философии иррационализма, форма субъективного идеализма, отрицает объективное существование материального мира [Кр. филос. сл. М.: Прогресс, 1994].

ловеку реальность, поэтому они представляют собой своеобразную форму лингвистического идеализма, даже лингвистического агностицизма.

Вместе с тем представители крайнего лингвистического идеализма декларируют свое отрицание философского компонента в методологии языкознания, пытаются доказать, что наука о языке может быть свободной от философии. Они полагают, что специальные лингвистические теории, в частности структурализм, стоят вне борьбы основных направлений в философии и поэтому неправомерно давать им какую-либо философскую оценку.

Насколько же отвечает истине такое заявление? Действительно ли языкознание может быть свободно от философии? По этому поводу имеется глубоко содержательное высказывание Ф. Энгельса: «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления необходимы специфические логические категории, которые они некритически заимствуют (1) либо из обыденного общего сознания так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно умерших философских систем, (2) либо из крох прослушанных в обязательном порядке университетских курсов по философии... (3) либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, — то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии...»

Справедливость этого суждения подтверждается современными лингвистическими теориями.

Несмотря на декларации о независимости современных лингвистических направлений и теорий от философии, каждое из них базируется на тех или иных философских принципах.

Проявляются эти принципы весьма многообразно:

- в определении сущности и природы языка;
- при рассмотрении проблемы соотношения языка и речи;
- при решении проблемы знаковости языка, его отношения к действительности;
- в понимании закономерностей эволюции языка;
- при определении методологических основ исследования языка;
- при разработке конкретных лингвистических методов.

Так, например, понимание сущности языка в соссюрианстве и глоссематике (Л. Ельмслев) основано на философии релятивизма, исповедующей примат отношений над вещью.

Дескриптивная лингвистика ориентируется на тезис позитивистской философии о том, что статусом существования обладает лишь непосредственно наблюдаемое (при этом, как ни странно, отрицается факт объективного существования языка наряду с речью).

Влияние философской позиции исследователей на методологические основы школ и направлений наиболее ярко обнаруживается в формируемом структуралистами принципе имманентности языка, согласно которому язык должен рассматриваться «в самом себе и для себя». В основе этого принципа — метафизический отрыв языка от общества и мышления, которые он призван обслуживать.

Не лишены воздействия философии и конкретные методы исследования языка. Так, *метод дистрибутивного анализа,* учитывающий синтагматические связи языковых единиц, исходит из релятивистского их понимания; *метод трансформационного анализа* и *трансформационной* грамматики Н. Хомского и его последователей основан на метафизическом и механистическом понимании природы языка (не признается его историческая изменчивость, социальная обусловленность и др.).

Итак, попытки изолироваться от философского влияния при построении тех или иных лингвистических концепций являются весьма иллюзорными. Однако доля философского компонента в лингвистической методологии может быть разной (весьма значительной, открытой и скрытой, «невидимой»). Особенно это свойственно современной научной методологии, освобождающейся от идеологических догм и стереотипов.

В *широком* понимании методология определяется как учение о структуре, логической организации и средствах деятельности (А.Г. Спиркин, А.И. Юдин), а в *узком* имеет более конкретное осмысление — не как учение, а как определенный подход или система подходов к планируемой деятельности на всех ее этапах.

Лингвистическая методология — в ее более конкретном понимании — представляет собой совокупность исходных принципов, которыми руководствуется лингвист на различных этапах исследования, начиная с определения его целей и заканчивая формулированием выводов и обобщений.

Вот как подходит, например, к определению методологических основ функциональной грамматики А.В. Бондарко. Исходным для него является философское положение о единстве системного и функционального подходов к осмыслении языка. Затем он определяет базовое понятие — «**функция**» языковой единицы в соответствующей подсистеме как способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем функция — результат функционирования, т.е. реализованное назначение.

И все же исходные принципы в данном случае основываются на широких философских обобщениях свойств наблюдаемых явлений языка. Поэтому в лингвистической методологии целесообразно выделять три уровня: 1) общую для всех наук философскую доктрину; 2) общенаучную философию, применяемую в группе наук; 3) частную методологию, специфическую для одной науки.

Иными словами, современная лингвистическая методология включает три основных компонента: философский, лингвотеоретический и гносеологический (общую теорию методов познания).

Содержанием *первого* компонента являются философские принципы, категории и законы, которыми руководствуется исследователь. Содержанием *второго* компонента служат лингвистические принципы исследования языка. Сущность *третьего* компонента определяют специальные лингвистические методы.

Научные принципы исследования языка вырабатываются *лингвистическими теориями*. Таковыми являются: а) принцип системно-структурной организации языка; б) принцип изоморфности разных структурных уровней языка и единиц языковой системы; в) принцип социальной обусловленности языка и его динамический характер; г) семиотический принцип; д) принцип асимметрического дуализма (двуединства) языкового знака и др.

Общая *теория методов познания* — важнейший компонент лингвистической методологии — содержит сведения о возможных способах познания языковых явлений, о диапазоне их применения и зависимости от специфики (природы) изучаемого явления, об универсальных и частных способах познания и некоторые другие сведения. Главная ценность этого компонента – в обеспе-

чении программы исследования. Действительно, изучая то или иное явление языка, мы осознанно или подсознательно руководствуемся определенной программой описания. Это объективная необходимость, перед которой оказывается любой исследователь. Без определенной программы действий ведение научного поиска невозможно.

Следовательно, чтобы получить адекватное представление о предмете, его нужно исследовать с тех позиций, на которые указывает диалектика — наука об общих законах развития, аспектах и методах научного познания. Диалектика вооружает лингвиста: а) информацией об объекте, б) способами познания и в) обязательной программой исследования.

Полученные по этой программе данные об изучаемом языковом явлении затем систематизируются в форме определений, классификаций, теорий. После систематизации изучаемого материала проверяется, насколько полученные данные адекватны изучаемому явлению. С этой целью применяются положения теории познания (гносеологии) о критериях истины. Критерием истинности любой лингвистической теории является практика.

Итак, в методологию языкознания включаются те науки, которые имеют отношение к способам познания, аспектам исследования, к правилам систематизации знания и критериям его истинности.

Сказанное подводит нас к выделению четырех главных функций лингвистической методологии:

первая — определение предмета исследования (исходные позиции в понимании данного явления, его отношение к смежным явлениям, отграничение от них);

вторая — определение цели исследования;

третья — разработка (подбор) системы методов для данного исследования;

четвертая — оценка степени соответствия результатов проведенного исследования поставленным целям.

14.2. Методологические поиски современного языкознания

Современная лингвистика представляет собой непрерывно и многоаспектно развивающуюся систему знаний об объективных за-

конах языковой действительности в самых разных ипостасях — эволюционно-динамической, системно-структурной, функциональной и др. Это ее онтологический признак. Вторая ее составляющая — детерминирующая, благодаря которой наука о языке определяется как организованная форма познавательной деятельности, направленная на поиск объективных законов внутренней организации, развития и функционирования языка. Открытие законов и познание закономерностей языка — задача любой лингвистической теории, глобальная цель языкознания. До тех пор пока соответствующие закономерности не установлены, преждевременно говорить о сформировавшейся лингвистической теории. При этом усилия исследователя по ее созданию могут быть вполне очевидными: описаны языковые явления, собран материал, систематизированы речевые факты. Все это чрезвычайно важные шаги в исследовании, однако, сделав их, лингвист оказывается лишь на полпути к познанию природы и сущности языкового явления. Не поняв его закономерностей, ничего невозможно *объяснить* и тем более *предсказать*. Поэтому развитие лингвистического поиска идет от сбора речевых фактов, их изучения и систематизации через обобщение множества явлений и осмысление их основных закономерностей к целостной, связанной причинно-следственными отношениями и логически непротиворечивой системе научных знаний, позволяющей объяснить непознанные стороны уже известных языковых фактов, открыть новые и предсказать возможные пути их развития и функционирования в будущем.

Познанные законы языка на различных этапах развития лингвистического знания оформляются в постулаты, положения, гипотезы и др. обобщенные формулы, которые, однако, оказываются лишь относительно непреложными и незыблемыми. Поистине конструктивную роль они играют лишь тогда, когда соответствуют удовлетворяющему науку уровню лингвистических знаний. Приобретенные новые знания приводят к необходимости пересмотра, корректировки или развития известного и привычного постулата. Степень преобразования традиционной аксиоматики определяет смену лингвистических подходов, теорий, направлений и парадигм.

На стадии полного соответствия общепринятой системы лингвистических аксиом оптимальному уровню лингвистических знаний данная аксиоматика становится методологией языко-

знания в целом или одного из его направлений, где каждый постулат приобретает статус методологического принципа.

Пересмотр или содержательное развитие некоторой части постулатов порождает новый поворот, новое видение предмета лингвистического исследования, методологическое обоснование которого позволяет констатировать возникновение нового направления в рамках известной исследовательской парадигмы. Полная замена всей системы лингвистических аксиом означает, что на данном этапе развития лингвистической мысли исходные принципы познания языковой действительности не только вступают в противоречие с задачами лингвистической теории (объяснительной, интерпретирующей и прогнозирующей), но и превращаются в деструктивные догмы, приостанавливающие поиск нового в системе закономерностей языка. В таком случае системная замена методологических принципов неминуемо сопряжена с формированием новой исследовательской базы и новой исследовательской парадигмы. Ее становление осуществляется в процессе «испытания на прочность» инноваций, пересмотра существующих точек зрений, формирующихся школ и подходов, способных индуцировать и развивать ту или иную лингвистическую теорию.

Так, введенная В. фон Гумбольдтом и обоснованная Ф. де Соссюром дихотомия «язык — речь» послужила методологическим основанием для зарождения и становления ведущих направлений современной науки о языке:

1) лингвистики языка, *целью* которой является исследование закономерностей и инвариантных свойств лингвосистемы; ее *стратегический подход* — семиотический, *принцип* исследования — системный, *поисковая ориентация* — структура и функционирование языка;
2) лингвистики речи в двух ее разновидностях: а) лингвистики текста (преимущественно письменного) и б) лингвистики разговорной речи; *цель* этого направления — познать законы построения связной речи, доминирующий *подход* — субстанциональный, *принцип* исследования — синтагматический, *поисковая ориентация* — структура речевого сообщения;
3) лингвистики речевой деятельности, *цель* которой — познание многоуровневой организации речевого общения, *подход* — коммуникативно-функциональный, предполагающий изуче-

ние речевой коммуникации в широком неязыковом контексте, *принципы* исследования — деятельностный, эвристический и экспериментальный (не алгоритмический), *поисковая стратегия* — прагматическая структура речевого общения.

Сложности лингвистического поиска на этапе становления новой научной парадигмы обусловливаются, как правило, декорреляцией между формирующимся понятийно-категориальным аппаратом, предметом исследования и пребывающей в стадии становления лингвистической теорией. С одной стороны, исследователем овладевает чарующее ощущение новизны концептуального содержания вводимых в науку понятий и категорий. Это побуждает к незамедлительному их испытанию на собственном лингвистическом полигоне, зарождая в глубине души надежду если не на возможное открытие, то, по крайней мере, на новый поворот в осмыслении закономерностей «своего» (нередко традиционного) объекта. С другой стороны, окрыляющее чувство может быть подавлено разочарованием: «примерка» новых идей к исследуемым явлениям языка может обнаружить их «инородность». В результате «сопротивление материала» может показаться непреодолимым, а отторжение материалом столь привлекательного нового подхода делает ситуацию почти безнадежной. В лучшем случае придется примириться с неприменимостью новых идей к решению исследуемой проблемы; в худшем — исследователь, будучи не в силах расстаться с мыслью о недоступности лингвистической жар-птицы, попытается использовать новый понятийный аппарат в качестве наукообразной декорации к исповедуемой (уже известной) лингвистической теории. Последствия такого положения дел можно назвать «топтанием на месте» и даже вредными, поскольку создают не только видимость научного поиска (что само по себе безнравственно), но и вводят в заблуждение тех, кто так или иначе соприкасается с данным объектом исследования.

В чем причина появления подобных ловушек на столь непредсказуемой стезе познания лингвистических истин? Не удобнее ли продвигаться к ним привычным и испытанным путем?

Наиболее очевиден ответ на последний вопрос. Без поиска новых путей, а значит, и новых идей современные лингвистические исследования невозможны в принципе. Основная же причина возможных (реальных или мнимых) трудностей и неудач — остановка в исследовании на одном из его этапов, чаще всего не за-

трагивающем его методологического основания, иными словами, формализм в худшем его понимании, когда внешняя форма, в которую облекается материал исследования, не служит раскрытию внутренней структуры и внутренних закономерностей исследуемого явления.

Выход из подобных лингвистических лабиринтов видится в соблюдении незыблемого принципа любого исследования — принципа системной методологии. Чтобы этот принцип стал основополагающим и функциональным, необходимо осмыслить сущность таких понятий, как «методология», «системная методология», «метод», «объект», «предмет» и «единица» исследования, «лингвистическая теория» и «лингвистическая парадигма».

Прежде всего, важно снять ореол ускользающей таинственности с понятия «методология». В отечественном языковедении его содержание осложнялось еще и несоизмеримостью идеологического смыслового компонента: если говорилось о методологии, то имелось в виду главным образом философское мировоззрение, восходящее к одной лишь марксистской идеологии. Методологическая часть введения любого лингвистического труда состояла, как правило, из заверений в приверженности принципам господствующего мировоззрения с обязательной системой ссылок на соответствующие труды, его канонизирующие. При этом такая «методология исследования» обычно носила ритуальный характер, поскольку к самому исследованию никакого отношения не имела.

После деидеологизации науки о языке, изъятия из содержания методологии его «основного» (идеологического) компонента само понятие «методология» оказалось в состоянии диффузного испарения. Для одних бывшая идеологическая коннотация сделала его непривлекательным и даже запретным (этим, видимо, объясняется тот факт, что многие авторы диссертаций не утруждают себя методологическими обоснованиями своего исследования, «восполняют» этот пробел исключительно в связи с требованиями процедуры защиты квалификационной работы). Другие ощущали потребность а) либо в наполнении этого понятия новым содержанием, б) либо в возвращении ему изначального (истинного) смысла. В последнем случае возникает опасность низвести его исключительно к понятию «философский метод», отождествив тем самым хотя и смежные, но все же разные понятия — «методология» и «метод».

Как известно, оба понятия, с точки зрения этимологии, восходят к греческому *methodos* — (букв.) «путь к чему-либо». Однако первое из них имеет еще и аффиксоид — *logos* — «учение, наука, теория». Полагаем, уже сама этимология достаточно точно ориентирует на использование объективных критериев разграничения данных понятий: «метод» — *путь, способ, инструмент* решения главной задачи лингвистики: открытия объективных законов «жизни» языка, а «методология» — *учение* об основных путях и способах познания языковой действительности. Суть этого учения составляют его содержательные ингредиенты.

Важнейшим компонентом лингвистической методологии в полном соответствии с традиционным ее пониманием является философский метод, философская доктрина, соответствующая стратегии лингвистического поиска, т.е. конкретное мировоззрение, определяющее пути и способы познания языковой действительности. В зависимости от понимания первичных и вторичных явлений языка, их познаваемости/непознаваемости, способа подразделения на материалистическое и идеалистическое вырабатывается тот критерий, по которому определяются не только такие общелингвистические категории, как *природа* (сущность) языка, механизмы его *возникновения, развития* и *функционирования,* но и отдельные понятия лингвистических теорий, таких, например, как знаковая, когнитивная, коммуникативная, социо- и прагмалингвистическая. Это тем более важно учитывать в тех случаях, когда они непосредственно используются при исследовании лексики, морфологии, синтаксиса, фраземики, словообразовательных, ономасиологических, семасиологических механизмов и т.д.

Весьма перспективным представляется моделирование всего многообразия форм и векторных параметров диалектики взаимодействия материального и идеального в языке/речи. Этим закладываются основы нового (и, возможно, даже еретического!) лингвистического мышления, согласно которому разрушаются традиционные представления о первичных и вторичных (производных) механизмах речемыслительной деятельности человека. Вместо этого утверждается, что первичным стимулом лингвокреативной активности нередко выступает идеальное начало, а известные в материалистической диалектике формы возникновения и развития языковых явлений (борьба противоположностей, например) умножаются новыми, такими, как *лингвистическая дополнительность*

(новый способ разрешения стимулирующих языковое развитие противоречий: объединение речевых явлений в новую языковую целостность). Подобный подход успешно используется при разработке интегративных лингвистических теорий; в частности, он реализуется в концепции межуровневого взаимодействия языковых единиц во фразеологии, неологии, словообразовании и других сферах языковой системы.

Итак, с философской точки зрения, методология современного языкознания может быть представлена в широком и узком понимании: а) как учение о структуре, логике и средствах лингвистической деятельности и б) как определенный подход к планируемой деятельности на всех ее этапах, как совокупность исходных принципов, которым подчиняется лингвистический поиск, начиная с определения объекта, предмета, цели и задач исследования, выбора лингвистических методов и заканчивая интерпретацией языковых явлений и формулированием выводов, соответствующих теоретических положений или предположений.

Вторым компонентом лингвистической методологии следует считать специальную лингвистическую доктрину — теоретическую базу предпринимаемого исследования, включающую обоснование соответствующих концепций, подходов и принципов исследования. Ярким примером тому могут быть фонологическая доктрина Н.С. Трубецкого, психолингвистическая концепция А.А. Леонтьева или Н.И. Жинкина, коммуникативно-прагматическая теория Н.Д. Арутюновой и т.д. Научные (в нашем случае — языковедческие) принципы исследования не просто заимствуются из философии, а вырабатываются в процессе создания той или иной лингвистической теории. Так, в недрах известных парадигм выкристаллизовывались следующие стратегические методологемы: а) принцип системно-структурной организации языка, б) принцип изоморфности единиц разных структурных уровней языковой системы, в) принцип знаковости языка, г) принцип асимметрического дуализма языкового знака.

Теоретический аспект методологии современного лингвистического поиска в конечном счете обеспечивает: 1) адекватное выделение в безбрежном языковом космосе *объекта* исследования, того языкового пространства (ограниченного локально-временными параметрами), которое оптимально регламентирует поле зрения исследователя, выделяя его из ряда смежных образова-

ний; 2) определение непосредственного *предмета* (факта, явления, процесса) изучения. Объект и предмет лингвистического исследования находятся в родовидовых отношениях. При определении **объекта** изучения следует ответить на вопрос: «Что должно находиться под объективом моего лингвистического микроскопа?». Выделяя **предмет** исследования, важно а) уяснить, *что́* (устройство, явление, процесс) подлежит изучению, б) установить рамки конкретного лингвистического моделирования. А это, в свою очередь, предполагает адекватное определение *цели* и *задач* предпринимаемого исследования.

Лингвистическая теория и методология взаимосвязаны самой логикой научного поиска: методологические принципы исследования формируются в процессе становления теории, а теории разрабатываются в соответствии с научно обоснованными принципами и стратегией лингвистического моделирования. В связи с этим необходимо различать лингвистическую **модель** (результат моделирования) и лингвистическую **теорию**. Лингвистическая модель представляет собой логическое воспроизведение свойств и признаков исследуемого языкового явления в соответствии с целью и задачами исследования. Это необходимый облигаторный этап лингвистического поиска, но отнюдь не конечная его цель. Таковой является лингвистическая теория. Моделирование языковых явлений всегда относительно: во-первых, ни одна модель не является исчерпывающей (А.А. Леонтьев), а во-вторых, она не лишена субъективизма, поскольку представляет определенную точку зрения (исследователя, школы, направления). Поэтому разные модели даже одного и того же явления могут существенно различаться. Классическим образцом тому могут служить модели систем русских фонем в Петербургской и Московской фонологических школах. Разные модели одного и того же объекта лежат в основе разных лингвистических теорий. В отличие от лингвистической теории, модель исследовательского поиска нуждается в верификации, формализации и операционализации.

Третий компонент лингвистической методологии — теория методов познания закономерностей языка, содержащая сведения о возможных практических *способах познания* языковых явлений, о диапазоне их применения и зависимости от специфики предмета изучения. Главная ценность этого компонента лингвистической методологии в обеспечении исследователя программой и алгоритмами каждого его конкретного исследования.

Лингвистическая теория — результат обобщения определенного множества создаваемых моделей исследуемого объекта, своего рода их инвариантная интерпретация. Лингвистическая теория сопряжена с *методологией* языкознания, а лингвистическая модель — с *методом познания* языковой действительности. Методологически ориентированы все три компонента лингвистической теории: а) ее концептуальный базис — система исходных понятий; б) логический конструкт — алгоритм: правила вывода и способы доказательств; в) законы и постулаты, логически вытекающие из исходных оснований, система аргументации и умозаключений.

Лингвистическое моделирование объектов познания опирается на различные способы познания — приемы, операции, методы и методики. Исследовательский *прием* — практическое средство познания свойств изучаемого языкового явления; *операция* — отдельное исследовательское действие в ряду других ему подобных; *метод* — система научно-исследовательских приемов и операций познания и/или способ постижения закономерностей, свойственных языковой действительности; *методика* — конкретный вариант/вариация применения того или иного метода для решения определенной группы исследовательских задач. Смешение или непоследовательное применение выделенных способов лингвистического познания искажает модель познаваемого объекта, растворяет предмет исследования в ряду смежных языковых явлений, снижает достоверность полученных результатов и в конечном счете девальвирует разрабатываемую теорию.

Итак, системную методологию современной лингвистики образуют те сферы научного поиска, которые объективно идентифицируют предмет исследования, указывают на его способы и аспекты, формируют принципы и правила систематизации знания и критерии истинности. Из этого вытекает, что эффективность современного лингвистического поиска обусловлена его методологией, поскольку она 1) выделяет и структурирует предмет исследования, 2) определяет его цель, 3) разрабатывает системы необходимых методов и 4) оценивает степень соответствия полученных результатов поставленным целям.

14.3. Философский компонент методологий лингвистического поиска

Философскую базу лингвистической методологии составляют категории классической диалектики. В связи с этим основной задачей методологии нашей науки в этой области является разъяснение, с одной стороны, того, как эти категории проявляются в языке, в его функционировании и развитии, а с другой — что дает язык для их становления, развития и понимания. Для любого лингвистического исследования важен характер проявления в языке категории всеобщей связи и законов диалектики.

Категория всеобщей связи отражается, прежде всего, в системно-структурной организации языка. Различают внешние и внутрисистемные связи и отношения языковых явлений.

Внешние связи языка обнаруживаются в его взаимодействии с другими (внеязыковыми) явлениями: общественными, логическими, психическими и т.п. Взаимодействие языка и общества изучает социолингвистика (см. гл. 6), взаимодействие языка с логикой и психологией — предмет психолингвистики (см. гл. 9), часть этой проблемы находится в ведении когнитивной лингвистики (см. гл. 10). Связь языка с внеязыковыми явлениями не только функциональна — она во многом определяет характер его развития. Язык, как известно, изменяется крайне незначительными темпами, что обусловлено его *общественной* природой. Язык не может качественно изменяться в течение короткого времени; это прежде всего средство общения, а быстрые изменения затруднили бы общение даже людей одного поколения, внесли бы беспорядок в общественную жизнь. Не говоря уже о том, что язык выполняет функцию хранения и передачи культурно-исторического опыта, является средством единения одного поколения с другим. Это первая особенность языковой эволюции.

Вторая ее особенность — неравномерность изменений на разных уровнях языковой системы. Она также во многом определяется социальным фактором. Но не только им. Огромное значение здесь имеет внутриязыковая специфика той или иной подсистемы, ее место в глобальном речемыслительном механизме. Как средство и форма мышления язык должен быть гибким, хотя бы отдельными своими подсистемами оперативно реагировать на

результаты познавательной деятельности человека, а как средству общения языку необходимы устойчивость и стабильность.

Внутрисистемные связи в языке могут быть диахроническими и синхроническими. Современное состояние языка — результат его многовековой истории. Поэтому многие явления современного языка несут на себе печать тех исторических изменений, которые обусловили их нынешний статус, а некоторые из них вообще нельзя разъяснить без знания истории языка. Без обращения к историческим фонетическим процессам невозможно данными современного русского языка объяснить, например, чередование **г//ж**, **к//ч** и **с//ш** в таких словах, как ***друг — дружить, наука — научить, сухой — суша***. Историки русского языка разъясняют, что заднеязычные в общеславянском праязыке были твердыми. Однако наступило время, когда заднеязычные **г**, **к**, **х** перед гласными переднего ряда и **j** начали смягчаться, так как в противном случае могла бы нарушиться действующая в языке того времени закономерность — тенденция к соединению в одном слоге звуков, однородных по своей артикуляции. В результате этого смягчения согласные **г**, **к**, **х** переходили в другие звуки — мягкие по своей природе: **ж**, **ч**, **ш** или свистящие **з**, **ц**, **с**. Переход заднеязычных в шипящие называется первой палатализацией, а переход в свистящие — второй палатализацией. Теперь становится понятным чередование этих согласных звуков в современном русском языке. Звуки **г**, **к**, **х** переходили в шипящие перед гласными переднего ряда **е**, **и**, **ь**, **ѧ**, **ѣ**, восходящим к **е** (**е** долгому), и согласным **j**. Ср.: *другъ — друже, реку — речеши, грѣхъ — грѣшити*. Следует помнить, что первая палатализация заднеязычных нашла свое отражение во всех славянских языках. Подобным образом закон второй палатализации объясняет чередование современных **г**, **к**, **х** и **з**, **ц**, **с**.

Без диахронических сведений осталась бы непонятной утрата некоторыми глаголами прошедшего времени мужского рода суффикса **—л**. Сравним: ***вез — везла, нес — несла, греб — гребла***. Почему исчез суффикс -л? На самом деле этот суффикс в данных глагольных формах был. Но только до тех пор, пока сохранялись глухие гласные **ъ** и **ь**. После их утраты образовались труднопроизносимые сочетания согласных, которые затем упростились. Ср.: ***везлъ — везл — вез***, ***неслъ — несл — нес***, ***греблъ — гребл — греб***. Налицо взаимосвязь грамматических форм современного русского языка

и соответствующих им праформ. Это так называемые внутриуровневые зависимости.

Существует, кроме того, зависимость между языковыми подсистемами: фонологией и грамматикой, лексикой и грамматикой, морфологией и синтаксисом.

Развитие фонологической системы связано с совершенствованием системы речевых знаков (о соотношении языковых и речевых знаков). Это проявляется при интерпретации фонем как звуковых типов, когда разные сочетания фонем образуют и дифференцируют речевые знаки (морфы и словоформы). И наоборот, развитие фонологической системы регулируется в определенной степени необходимостью дифференцировать речевые знаки.

Однако фонетические изменения кардинально облика речевых знаков не меняют. Например, падение редуцированных (**ъ**, **ь**), совпадение **ѣ** с **е** перед мягкими согласными и перед **ц**, отвердение **ж**, **ч**, **ш**, появление **ф**, оглушение и озвончение согласных мало отразилось на внешнем облике речевых знаков. Количество омонимов, возникших в результате происшедших фонетических процессов, крайне незначительно (В.Н. Мигирин).

В некоторой степени изменения словарного состава и грамматического строя видоизменяют фонологическую систему языка. Изменения в словаре и грамматике уменьшают или увеличивают количество фонологических оппозиций. Кроме того, фонетические изменения могут использоваться как грамматическое средство. Ср.: рус. *сух* (краткое прилагательное) — *сушь* (сущ.), англ. *advice* (-s) «совет» — *advise* (-z) «советовать».

Особенно впечатляет зависимость лексической и грамматической подсистем. Нередко специфика лексического значения слова регламентирует его употребление в той или иной грамматической форме. Так, формы степеней сравнения имеют только имена прилагательные, обозначающие количественно меняющийся признак предмета *(сильный, сильнее, наиболее сильный);* отвлеченные и вещественные существительные, обладая особым лексическим значением, не употребляются во множественном числе *(любовь, мужество, мясо, золото).* Только приобретая более конкретное значение, такие слова употребляются и во множественном числе *(красоты Адриатики).* В современном синтаксисе имеются интересные наблюдения о взаимосвязи грамматической модели предложения с ее лексическим наполнением (см. работы Н.Ю. Шведовой, Н.Н. Арват и др.).

Как видим, всеобщим принципом системно-структурной организации языка служит категория взаимосвязи. Немаловажно при организации лингвистического исследования помнить и о функциональной зависимости языковых единиц. **Функция языкового знака отражается в его свойствах.** Пожалуй, наиболее ярким примером тому является переход слов из одной части речи в другую: выполнение словом новой функции порождает в нем новые лексические и грамматические свойства. Так, существительные, выступая исключительно в функции обстоятельства, переходят в разряд наречий (*домой, вечером, бегом*), имя прилагательное, выполняющее функции подлежащего или дополнения, субстантивируется и т.д.

Знать, что принцип взаимосвязи структурирует всю систему языка, конечно, важно. Но, пожалуй, еще важнее — научиться правильно им пользоваться. Чем глубже проникает исследователь в сущность взаимосвязей изучаемого явления, тем адекватнее познание его специфики, закономерностей его появления и функционирования, тем объективнее и достовернее предстает перед нами сущность языкового явления.

14.3.1. Явление и сущность в науке о языке

Понятия «явление» и «сущность» в современной науке относятся к числу наиболее употребительных, хотя и требующих своего осмысления. Думается, что основой такого понимания могут стать категории всеобщего и единичного особенного.

Всеобщее — это объективно существующая общность языковых явлений. Их общность обеспечивается единством присущих им свойств и признаков. *Единичное* (отдельное) — это отдельные знаки, единицы, явления, процессы, происходящие в том или ином языке. В качестве единичного может рассматриваться и некоторый разряд, класс, группа языковых явлений в их отношении к более общему образованию. Срединное положение занимает категория *особенного,* поскольку особенное по отношению к единичному является всеобщим, а по отношению к всеобщему — единичным. Так, любое конкретно взятое слово (словоформа) представляет единичное *(столы, идешь, утром),* лексема — особенное (так как еще есть фонема, морфема, фразема и т.д.), а единица языка — всеобщее.

Единичное языковое явление характеризуется тем, что обладает как общими с другими явлениями языка свойствами, так и специфическими характеристиками. Все общее и особенное существует в единичном языковом явлении как единое целое. Познать всеобщее можно только изучая и сопоставляя большое количество единичных явлений языка, а само познание языка осуществляется по схеме: от единичного через особенное к всеобщему.

В конечном счете **сущность** языкового явления раскрывается только путем обнаружения его связей и отношений с другими явлениями на основе выделения единичного, особенного и всеобщего. **Сущность — это внутренняя, наиболее устойчивая сторона, определяющая природу изучаемого языкового явления.**

Языковое явление, в отличие от сущности, — **более изменчивая, динамичная сторона языкового образования.** Каждое языковое явление обладает множеством признаков, которые, собственно, и служат средством репрезентации сущности изучаемого. Цель лингвистического исследования состоит как раз в том, чтобы, изучая внешние формы проявления языка, познавать его сущность.

14.3.2. Законы диалектики в «жизни» языка

Языковые явления познаются в процессе изучения их возникновения и развития. Однако само признание принципа развития еще не раскрывает сущности явления. Для этого необходимо осмыслить характер возникновения и развития изучаемого явления, установить закономерности, по которым они совершаются. Важнейшим условием познания этой закономерности является умение применять закон перехода количественных изменений в качественные.

Закон перехода количественных изменений в качественные

Согласно этому закону, изначально незначительные и незаметные количественные изменения в составе того или иного языкового явления, накопившись до определенного рубежа, начинают нарушать его структуру, вызывая тем самым глубинные качественные изменения. В итоге языковое явление изменяется, его старые структурообразующие качества подвергаются трансформации, порождая тем самым новую качественную сущность явления.

Понятие «количество» получает в языке весьма многоаспектную реализацию: в долготе звука, силе звука, количественном составе однородных явлений, в степени их употребительности и т.п.

Как утверждают философы, количественные изменения языковых явлений представляют собой *эволюционную* форму развития этих явлений. Качественные изменения соотносимы с *революционной* формой развития языка, т.е. они являют собою скачок, приостановку постепенности количественных изменений и переход от одного качественного состояния к другому. Скачок завершает эволюционную стадию развития, но не обрывает его, а становится его кульминацией и своего рода переломным моментом в развитии языкового явления, за которым следует его новое качество.

Методологическая ценность закона перехода количественных изменений в качественные определяется тем, что он указывает общий путь развития языка, требуя это общее найти в конкретном, а затем в каждом конкретном увидеть особые формы такого перехода. Действительно, язык постоянно находится в состоянии качественного изменения и развития.

Прежде всего эволюционирует **словарный состав языка.** Одни слова уходят в небытие, другие появляются. В первом случае образуется фонд устаревших слов (*городовой, пристав, околоточный, рында, кружало, конка*), во втором — неологизмы (*перестройка, космический корабль, космодром* и др.). Изменениям подвергается внутренняя форма номинативных единиц языка: «прямая» внутренняя форма при непрямой номинации нередко усложняется «косвенной».

В процессе опрощения, переразложения и осложнения изменяется **морфемный состав** слов.

Хотя и медленно, но изменяется **фонетическая система языка.** Так, русский язык утратил редуцированные гласные [ъ] и [ь]. носовые гласные (юс большой — ѧ и юс малый — ѫ), дифтонг, обозначавшийся буквой ѣ (ять), мягкие краткие [ж'] и [ш'], мягкое [ц'] и др. Зато приобрел твердые краткие [ж], [ш], твердый [ц] и др. Кроме того, изменилось количество и качество фонем, характер их оппозиций и т.п. В итоге звуковой облик многих слов стал несколько другим. Ср. *бъчела* и *пчела*, *жьрьць* и *жрец*, *шия* и *шея*.

Чтобы убедиться в том, как изменяется **грамматическая система** достаточно вспомнить, что наш язык утратил и что приобрел по сравнению с древнерусским этапом своего развития.

Исчезли формы двойственного числа имен (существительных, прилагательных, местоимений) и глаголов. Имена существительные, кроме того, еще утратили звательный падеж. Еще внушительнее «потери» в системе глагола, лишившегося таких грамматических форм, как аорист, перфект, имперфект, супин, плюсквамперфект, будущее второе. Трудно в одном предложении перечислить то, что изменилось в системе склонения имен и спряжения глаголов.

Появились формы одушевленности и неодушевленности имен существительных, аналитические формы степеней сравнения, деепричастия, модальные слова.

Меняется содержательная сторона грамматических категорий. Изменилось содержание категории числа: значение единственного числа теперь представляет только одну единицу, а множественное число начинается с двух и заканчивается любым множеством. Ср. в древнерусском языке: двойственное число выражало два спаренных предмета, множественное число — совокупность предметов, начинающуюся с трех и заканчивающуюся любым множеством. Кстати, в доисторическую эпоху существовало еще более дробная система категории числа: единственное, двойственное, тройственное и множественное числа. Тогда грамматическое значение множественного числа имело еще более узкое содержание: грамматическое понятие о множестве начиналось с совокупности предметов, в состав которой входило более четырех единиц. Подобным образом изменилось качество (содержание) категорий вида, наклонения, залога, падежа и некоторых других грамматических понятий.

Сам процесс перехода количественных изменений в качественные можно продемонстрировать разными его проявлениями. Одно из них — *степень употребительности* языковых единиц. Пока изменения в языке находятся на уровне индивидуального новшества, качественных изменений не происходит. Если же индивидуальное новшество получает общенародное употребление, то оно приобретает статус узуса. Это проявляется прежде всего на уровне семантики языковых единиц, ударений, произношения, употребления грамматических форм, синтагматики языковых единиц и в

некоторых других аспектах функционирования языковой системы.

Не менее значимой формой проявления перехода количественных изменений в качественные является *процесс накопления в языке однотипных единиц*. Так происходит при формировании новой части речи. Несколько слов, однотипных с точки зрения категориального значения, морфологии и синтаксических функций, не образуют части речи. Если же таких слов набирается хотя бы более двух-трех десятков, то появляются основания для их выделения в самостоятельную часть речи. Так, например, решается вопрос о предикативах (категории состояния) в современных славянских языках, вопрос о признании причастий отдельной частью речи и др. Концентрация стилевых элементов одного типа дает основание рассматривать вопрос о наличии соответствующего стиля речи. В области семасиологии ярким примером роли накопления категориальных признаков для перехода количественных изменений в качественные служит процесс расщепления полисемии на омонимы.

И, наконец, применяя закон перехода количественных изменений в качественные, следует иметь в виду два типа изменений качества языковых единиц — трансформацию и развитие. **Трансформация** — микросистемное, замкнутое преобразование, представляющее собой переход языкового явления из одного класса (разряда, группы) в другой. Примерами трансформации могут служить: переход слов из одной части речи в другую, явления переходности между словами и морфемами, между синтаксическими единицами и словами, между морфемами, между фонемами и т.п. Развитие языка отличается незамкнутым характером. Это означает, что в процессе перехода количественных изменений в качественные явление выходит за пределы своего исконного категориального поля. Этому способствует приобретение им новых свойств, признаков, функций, т.е. нового качества. Примером тому могут служить преобразования в области склонения имени существительного русского языка: они перегруппировались по новым типам словоизменения. Ср. шесть типов склонения существительных в древнерусском языке:

1) с основой на: -ŏ, -jŏ: **столъ, поле**;
2) с основой на -ā, -jā: **жена, земля**;
3) с основой на -ŭ (у краткое): **сынъ, медъ**;

4) с основой на -ĭ: кость, гость;
5) с основой на согласные -en, (m) en, at (-ят), -es, -er: камы, имя, отроча, слово, мати;
6) с древней основой на -ū (у долгое): свекры

и три типа склонения в современном русском или четыре типа склонения в современном украинском языках.

Итак, закон перехода количественных изменений в качественные должен использоваться для адекватного описания характера языковых изменений.

Закон единства и борьбы противоположностей в «жизни» языка

Источник языкового развития позволяет раскрыть второй закон диалектики — закон единства и борьбы противоположностей. Он открывает путь к познанию самой сущности изучаемого языкового явления, делает доступными внутренние источники и импульсы развития языковых явлений.

Как и предыдущий закон, он обнаруживает себя в разнообразных языковых процессах. Применяя его, важно установить специфику того или иного противоречия, поскольку противоречия имеют не только разную природу, но и разный статус в языковом изменении, подразделяясь на главные и второстепенные. Главные противоречия вскрывают самую сущность языкового явления.

Проявляется этот закон достаточно многоаспектно: в борьбе между старым (отмирающим) и новым (нарождающимся), между потребностями выражения новой мысли и имеющимися в языке средствами, в ассимиляции и диссимиляции языковых явлений, в конвергентных и дивергентных процессах языкового развития, в аналогии и дифференциации морфем, в опрощении и разложении морфем, в процессах анализа и синтеза. В языке примеры борьбы противоположностей буквально лежат на поверхности. Это и борьба между старыми и новыми формами (*профйссоры — профессора́, умолк — умолкнул, носок — носков*), конкуренция форм степеней сравнения (*умнее, умнейший* — старая форма и *более умный, самый умный* — новая форма), преобразование придаточного предложения в местоимение (*ср.: выбери коня, **какой тебе люб** — выбери коня, **какой любо** — выбери **какого любо** коня — выбери **какого-либо** коня*). Примеры ассимиляции, диссимиляции, унификации раз-

личающихся форм (аналогии), расподобления сходных языковых явлений (дифференциация), опрощения и разложения предоставлены в учебных пособиях по истории языка.

Следует отметить, что борьба противоположностей в языке возникает не только в процессе его спонтанного развития, но и в результате взаимодействия с неязыковыми явлениями: при взаимодействии языка и мышления, в результате языковых контактов и т.п. Развитие языка в целом или отдельных его явлений происходит на этапе устранения появившихся в языке противоречий.

Закон отрицания отрицания в «жизни» языка

Значение этого закона в лингвистическом исследовании состоит в том, что он вскрывает внутренние связи между разными фазами языкового развития, показывает поступательный характер языковых изменений, «спиралевидную» форму развития языка. При этом важно правильно понимать сущность самого отрицания: отрицание в диалектике языковых изменений ни в коем случае не означает разрыва в развитии языковых явлений или устранение преемственности между старым и новым. Наоборот, старое порождает новое, а новое удерживает все то положительное и жизнеспособное, что было в старом. Новое, таким образом, отрицая предыдущие, тормозящие развитие формы, сохраняет все то, что было достигнуто положительного на предшествующем этапе языкового развития.

Убедительные примеры действия в языке закона отрицания отрицания предоставляют словообразование и фразеология.

Данный закон показывает главную особенность развития языка: в процессе изменений языковые формы и механизмы с о в е р ш е н с т в у ю т с я: расширяется словарный состав языка, более тонкие смыслоразличения обретает фонологическая система, совершенствуется грамматический строй, более гибким становится синтаксис.

Рассматриваемый закон характеризует исключительно развитие языка; синхронические трансформации и модификации в языковой системе остаются за его пределами (например, преобразование активных синтаксических конструкций в пассивные, придаточных предложений в причастные и деепричастные обороты и т.п.). Закон отрицания отрицания «работает» преимущественно в области историко-лингвистических исследований.

Итак, философские категории и законы диалектики способствуют получению истинных знаний о языковой действительности, развитию прикладного и теоретического языкознания в единой смысловой цепи. «Наука, — писал Анри Пуанкаре, — созданная исключительно в прикладных целях, невозможна; истины плодотворны только тогда, когда между ними есть внутренняя связь. Если ищешь только тех истин, от которых можно ждать непосредственных практических выводов, то связующие звенья исчезают и цепь разрушается». Принципы, система категорий и законы диалектики современной науки о языке необходимы для формирования новых лингвистических теорий, процедуры классификации и синтеза знаний, полученных в разных областях языкознания.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Алефиренко Н.Ф.* Методологические основы науки о языке // Методологические и мировоззренческие основы научно-исследовательской деятельности. Волгоград: Перемена, 1998. С. 141—148.
2. Методологические основы новых направлений в мировом языкознании: Коллективная монография. Киев: Наукова думка, 1991.
3. *Степанов Ю.С.* Язык и метод: К современной философии языка. М.: Наука, 1998.
4. Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М.: Наука, 1989.

Дополнительная

1. *Алефиренко Н.Ф.* Теория языка: Введение в языкознание. — Волгоград: Перемена, 1998.
2. *Алтухов В.Л.* О становлении новой формы диалектики // Филос. науки. М., 1990. №2. С. 23—30.
3. *Лисицкий В.А.* Философские методы и лингвистические приемы исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978.
4. *Распопов И.П.* Методология и методика лингвистических исследований (методы синхронного изучения языка). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976.
5. *Горланов З.К.* Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995.

Вопросы и задания

- Какое содержание вкладывается в понятие «наука»? Каковы ее основные цели?
- Что значит вести научное исследование?
- Покажите взаимосвязь философии и лингвистики на разных этапах истории языкознания.
- Охарактеризуйте три составляющие лингвистической методологии: философии, лингвистической теории и методики исследования.
- Как проявляются в языке принципы и законы диалектики (закон перехода количественных изменений в качественные, закон единства и борьбы противоположностей, закон отрицания отрицания)?
- В каких направлениях ведется поиск путей обновления лингвистической методологии?

Глава 15

МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

15.1. Сравнительно-исторический метод

Среди лингвистических методов и приемов можно обнаружить как методы собственно лингвистические, так и заимствованные из других наук. Так, собственно лингвистическим методом является сравнительно-исторический, который возник в результате открытия в XIX веке родства языков.

Ученые полагают, что с момента зарождения членораздельной речи и до настоящего времени на Земле появилось приблизительно семь тысяч языков. Ныне на земном шаре насчитывается около трех тысяч живых языков — больших и малых наций, языков народностей и мелких этнических групп. Если на китайском языке говорят почти 700 млн носителей, то на водском — всего 50 человек, живущих в Ленинградской области. В одном только

Конго существует 500 языков, а в Индонезии — 250. Яркий пример многоязычия дают народы Российской Федерации. В нашей стране насчитывается свыше 100 языков, из них около 70 письменных.

Сложившееся в мире множество языков представляет собой не беспорядочную картину. Даже не искушенный в лингвистике человек знает, что одни языки очень похожи друг на друга, а другие не имеют между собой ничего общего.

Раскрыть сущность языкового родства оказалось возможным лишь при историческом подходе к изучению языков, что было бы немыслимым без их сравнения. Сравнение, утверждал выдающийся французский лингвист Антуан Мейе, вот единственное орудие, которым располагает языковед для построения истории языков. Наблюдению доступны лишь результаты изменений, а не сами изменения. Следовательно, за развитием языков можно проследить и следят лишь путем сопоставления результатов.

Первые труды в области сравнительно-исторического языкознания созданы, как известно, независимо друг от друга датчанином Расмусом Раском, немцами Францом Боппом и Якобом Гриммом и русским ученым А.Х. Востоковым. Эти лингвисты создали и обосновали понятие «родство языков», заложили основы их сравнительно-исторического изучения. Последующие поколения лингвистов разных стран работали над совершенствованием сравнительно-исторического метода.

Сравнительно-исторический метод — это *«система научно-исследовательских приемов, используемых при изучении родственных языков для восстановления картины исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития, начиная от языка-основы»*[1].

Возникновение и использование этого метода стало возможным благодаря объективно существующему материальному родству языков. Аксиомой сравнительно-исторического языкознания является признание того, что материальное родство языков — результат общности их происхождения. Родственные языки восходят к одной и той же языковой основе, которую по традиции называют праязыком. Типичной формой существования праязы-

[1] См.: Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 58.

ка, или языка-основы, ныне признается совокупность племенных диалектов, переживавших общие изменения и взаимодействовавших между собою и с соседними неродственными языками.

Разновременное отделение от праязыка, неравномерность в самом характере развития — все это приводит к тому, что родственные языки в неодинаковой мере сохраняют унаследованные от эпохи первоначальной языковой общности элементы. Создается своеобразная перспектива, становится возможным сравнивать то, что есть, с тем, что было. Русский язык, к примеру, утратил сложную систему форм прошедшего времени глагола и значительно упростил систему склонения имен. Болгарский же язык сохранил сложную систему форм прошедшего времени (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект), но почти целиком утратил древнюю систему склонения.

Сравнительно-исторический метод использует следующие основные приемы:

- сопоставление значимых единиц языка;
- доказательство их генетического тождества;
- выявление приблизительных исторических соотношений между сопоставляемыми элементами (прием относительной хронологизации);
- прием внешней реконструкции (восстановление исконного вида фонемы, морфемы или формы в целом);
- прием внутренней реконструкции (восстановление более ранней формы путем сравнения фактов одного языка).

1. Чтобы доказать родство языков, нужно их сравнить. Прежде всего бросается в глаза лексическое сходство родственных языков. Например, языковое родство славянских народов ярко проявляется в материальной общности значительной части словарного состава их языков. Ср.:

Русский	Украинский	Болгарский	Сербский	Чешский	Польский
брат	*брат*	*брат*	*брат*	*bratr*	*brat*
мать	*мати*	*майка*	*мајка*	*matka*	*matka*
лето	*літо*	*лято*	*лето*	*leto*	*lato*
один	*один*	*един*	*један*	*jeden*	*jeden*
восемь	*вісім*	*осем*	*осмина, осам*	*osm*	*osiem*

Столь же несомненное сходство обнаруживается и в грамматическом строе славянских языков, в системе личных и падежных окончаний. Ср. например:

Лицо, число	Русский	Украинский	Болгарский	Сербский	Чешский	Польский
1 л. ед. ч.	*несу*	*несу*	*неса*	*несем*	*nesu*	*niese*
2 л. ед. ч.	*несёшь*	*несеш*	*несеш*	*несеш*	*neseš*	*niesiesz*
2 л. мн. ч.	*несёте*	*несете*	*несете*	*несете*	*nesete*	*niesiecie*

Путем сравнения можно обнаружить лексические соответствия и в языках, находящихся в более далеком родстве.

2. Чтобы доказать генетическое тождество сопоставляемых слов и форм, нужно установить закономерные звуковые соответствия между ними. Эти соответствия обусловлены тем, что один и тот же исходный звук, если он подвергался действию разных фонетических законов, давал в родственных языках разные рефлексы (отражения). При выявлении таких соответствий сначала подбирают близкие по значению слова, т.е. идут от их внутренней стороны, от семантики сопоставляемых единиц к их внешнему, звуковому облику. Ср.:

Старославянский	Русский	Украинский	Польский
бѣлый	*белый*	*білый*	*bjały*
лѣсъ	*лес*	*ліс*	*las*
лѣто	*лето*	*літо*	*lato*
пѣснь	*песня*	*пісня*	*pieśc*
хлѣбъ	*хлеб*	*хліб*	*chleb*

Легко заметить, что старославянскому [h] закономерно соответствует русский [э], украинский [і], польский [а] перед твердыми зубными и плавными или [э] перед прочими согласными.

3. Поскольку родственные языки развиваются неравномерно и в каждом из них архаические элементы и новообразования сочетаются своеобразно, то при сравнении важно установить приблизительные исторические соотношения между сопоставляемыми языковыми элементами. Этот прием относительной хронологизации помогает избежать ошибок при восстановлении картины прошлого родственных языков.

Так, сравнивая рус. *пять* и лит. *penki*, отмечаем, что последнее более архаично по своему звуковому облику, ибо сочетание гласного с носовым согласным в закрытом слоге древнее носового и тем более чистого гласного. При сопоставлении греч. *kardia*, лат. *cordis* (им. пад. *cor*), русск. *сердце*, готск. *hairtd*, англ. *hearto*, нем. *Herz* можно сделать вывод о последовательной эволюции звука d → t → z.

4. Генетическое тождество единиц и форм позволяет восстановить их древнейший вид. Гипотетически реконструированная исходная форма слова называется архетипом. Одни архетипы более достоверны, другие — менее. Это зависит от количества и качества сравниваемого материала, а также от строгости самой методики реконструкции. Архетип принято отмечать особым значком — астериском (*), который был введен в научный обиход А. Шлейхером.

Представление о методе реконструкции архетипа для близкородственных языков может дать, например, восстановление общеславянского облика русской словоформы *борода*.

Сопоставив рус. *борода*, ст-сл., болг., серб. *брада*, чешск. *Brada*; польск. *broda*, легко убедиться, что они одинаковы по значению, тождественны по морфемной структуре и находятся в следующих звуковых соотношениях: рус. *-оро-*, южнослав. и чеш. *-ра- (-ra-)*, польск. *-ro-* между согласными в пределах одной морфемы. Зная о законе открытых слогов, который действовал в древнейших славянских языках, полагаем, что русское *-оро-*, южнослав. и чеш. *-ра- (-ra-)*, польск. *-ro-* восходят к общеславянскому сочетанию ***tort** (краткий гласный + плавный между согласными). Отсюда праславянский архетип слова *борода* — **borda*. Правильность этой реконструкции подтверждается данными других языков, не знавших закона открытых слогов. Ср: прусск. *bordus*, лит. *bardza*, нем. *Bard*.

Восстановление первоначального облика слов и форм — средство проникновения в дописьменную историю родственных языков. Реконструировав ту или иную исходную форму, можно проследить затем ее последующее развитие в родственных языках в соответствии с их внутренними законами.

5. Чтобы восстановить прежний вид какой-либо словоформы того или иного языка, пользуются приемом внутренней реконструкции. При этом сравниваются факты данного языка, сосуществующие в синхронии. Например, сопоставив русские словофор-

мы *класть — кладу* и *вести — веду*, можно восстановить некогда существовавшую форму инфинитива *кладти, ведти*, поскольку, как известно, [*дт*] подвергалось расподоблению в [*ст*]. Этот прием позволяет выявить также исконные значения словоизменительных форм внутри отдельного языка, например, во флективных языках — прежнюю систему падежей и типов склонения и пр.

Сравнительно-исторический метод дает возможность проникнуть в не засвидетельствованную письменными памятниками историю языков, обнаружить и в известных пределах восстановить некое первоначальное единство родственных языков, выявить специфические внутренние законы их последующего развития. Благодаря этому методу наука о языке уже в XIX веке достигла впечатляющих успехов.

Сравнительно-исторический метод не лишен, однако, существенных недостатков. Отметим основные из них.

— Данный метод малоэффективен при изучении изолированных языков, языков-одиночек (баскский, японский).
— Возможности сравнительно-исторического метода зависят от количества материально родственных черт внутри той или иной семьи языков. Так, в финно-угорских языках общих черт меньше, чем в индоевропейских, а в индоевропейских — меньше, чем в семитских или тюркских. Наилучших результатов посредством этого метода ученые добились при изучении индоевропейских языков.
— При помощи сравнительно-исторического метода удается объяснить реально существующие между родственными языками различия, возведя их к единому источнику, однако нельзя выявить те различия между ними, которые существовали в прошлом, а позже были утрачены. Трудно установить также параллельные процессы, возникавшие в родственных языках независимо друг от друга. Он оказывается бессильным при изучении изменений, которые были обусловлены контактами языков в глубокой древности.
— При сравнительно-историческом изучении языков, приходится иметь дело с очень пестрыми в хронологическом отношении фактами: хеттскими памятниками XIV—XIII веков до н.э., греческими X—IV веков, ст.-славянскими IX—XI веков, литовскими второй половины XVI века и т.д. По этой причине невозможно восстановить ни целостной системы праязыка,

ни стройной и строгой картины последующего развития его диалектов.

— Самые значительные достижения сравнительно-исторического метода связаны с изучением фонетики и морфологии. Он позволяет восстановить фонемный и морфемный инвентарь праязыка эпохи. Методика же сравнительно-исторического изучения лексики, семантики и синтаксиса разработана пока слабо и не дает ожидаемых результатов.

— Дальнейшее развитие и совершенствование этого метода, обогащение его новыми приемами — одна из важнейших задач нашей науки.

На современном этапе развития компаративистики усиливается связь и взаимодействие сравнительно-исторического изучения языков с их сопоставительно-типологическим исследованием. Как всегда бывает в подобных ситуациях сближения и взаимодействия разных областей исследования, проявляется стремление четко разграничить задачи и цели каждой из них.

Между сравнительно-историческим и типологическим изучением языков существуют следующие различия.

1. Сравнительно-историческое языкознание изучает только родственные языки, тогда как типология рассматривает и родственные, и не родственные.
2. Сравнительно-историческое языкознание сопоставляет языковые явления, связанные материально и генетически, тогда как типологическое исследование сравнивает категории, связанные общностью структуры, типа отношений, общностью функций.
3. Сравнительно-историческое языкознание неразрывно связано с планом диахронии, тогда как типология является, главным образом, синхронической, хотя может быть и диахронической.

Различие между сравнительно-историческим и сопоставительно-типологическим методом не исключает связи и взаимодействия этих областей сравнения. Следует отметить, что типология действительно оказала реальную помощь сравнительно-историческому языкознанию в оценке реконструкций.

Традиционное сравнительно-историческое языкознание было направлено в основном на реконструкцию праязыкового состояния. Реконструкция рассматривалась как основная цель сравни-

тельно-исторического исследования. Последующее развитие родственных языков обычно выпадало из поля зрения исследователей или отодвигалось на второй план. В настоящее время получило распространение более широкое понимание целей и задач компаративистики. Новое направление включает в сферу сравнительно-исторического языкознания не только реконструкцию праязыкового состояния, но и выяснение общих закономерностей исторического развития родственных языков.

Хотя конкретные исследования могут быть целиком посвящены реконструкции основных этапов праязыковой истории, в плане решения задач сравнительно-исторического языкознания такая реконструкция является не самоцелью, а лишь частью более общей задачи изучения закономерностей развития родственных языков.

Таким образом, широкое понимание задач сравнительно-исторического языкознания, включение в сферу его изучения общих закономерностей исторического развития родственных языков означает, что сравнительно-историческое исследование в той или иной степени сближается с сопоставительным. Оно неизбежно включает в себя элементы сопоставительного исследования, становится иногда комбинаторным сравнительно-сопоставительным исследованием, как по своим целям, так и по методу.

Необходимо проводить четкое разграничение сравнительно-исторического исследования и сравнительно-исторического метода. Сравнительно-исторический метод представляет собой систему научно-исследовательских приемов, используемых при изучении родственных языков для восстановления картины исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития, начиная от языка-основы. Однако в сравнительно-историческом исследовании, преследующем эти цели, используются и другие методы и приемы. В последнее время особое внимание уделяется внутренней реконструкции, тесно связанной с принципом относительной хронологии.

В сравнительно-историческом языкознании применяются описательный метод, приемы системного анализа, в частности, в самом процессе реконструкции фонетических явлений используются приемы фонологических исследований. В связи с более широким пониманием задач сравнительно-исторического изучения языков сравнительно-исторический метод комбинируется с методом сопоставительным.

Итак, сравнительно-историческое языкознание опирается прежде всего на сравнительно-исторический метод, хотя использует и другие методы и приемы лингвистического анализа. С другой стороны, сравнительно-исторический метод применяется не только в компаративистике, но и при изучении истории отдельных языков, а также в диалектологии. Таково соотношение между областью исследования и его основным, но не единственным методом.

Сравнительно-исторический метод, таким образом, вместе с другими методами лингвистического анализа служит и в современном языкознании важным средством познания языковой действительности.

15.2. Историко-сравнительный метод

Определение данного метода сходно с определением предыдущего метода, поскольку он является, собственно говоря, вариацией сравнительно-исторического метода: его приемы были использованы для изучения разновременных форм отдельного языка. Если объектом сравнительно-исторического исследования служат два или более родственных языка, то здесь таковым выступают разные периоды развития одного и того же языка.

При этом исследуемые периоды должны находиться в отношении генетической общности, как, например, латинский язык и народная латынь; народная латынь и отдельные романские языки (итальянский, французский, испанский, румынский, португальский и др.); современный немецкий язык и древневерхненемецкий, средневерхненемецкий языки. В отношении исторической преемственности находятся древнерусский и современные восточнославянские языки (белорусский, русский и украинский).

Итак, историко-сравнительный метод — это система исследовательских приемов, используемых для познания закономерностей исторического развития какого-либо языкового явления в пределах одного языка.

В основании историко-сравнительного метода лежит принцип историзма. Основными приемами служат: а) внутренняя реконструкция, б) поэтапная хронологизация языкового явления, в) прием диалектографии, г) прием культурно-исторической интерпретации и д) прием текстологии.

Прием внутренней реконструкции состоит в установлении этимологически изначальной, первичной формы изучаемой единицы (или явления) путем сопоставления разных ее проявлений на различных этапах развития или разных проявлений форм одной и той же единицы. Так, нередко даже у школьников возникает недоумение по поводу звуковых несоответствий некоторых личных форм глагола и инфинитива. Ср.: *вести*, но *веду, ведешь, ведет, ведем, ведете, ведут*. Почему в инфинитиве корень *вес-*, *а* в личных формах *вед-*? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо реконструировать древнейшую форму инфинитива: **ведти*. Различают два типа внутренней реконструкции слова — операционный и интерпретационный.

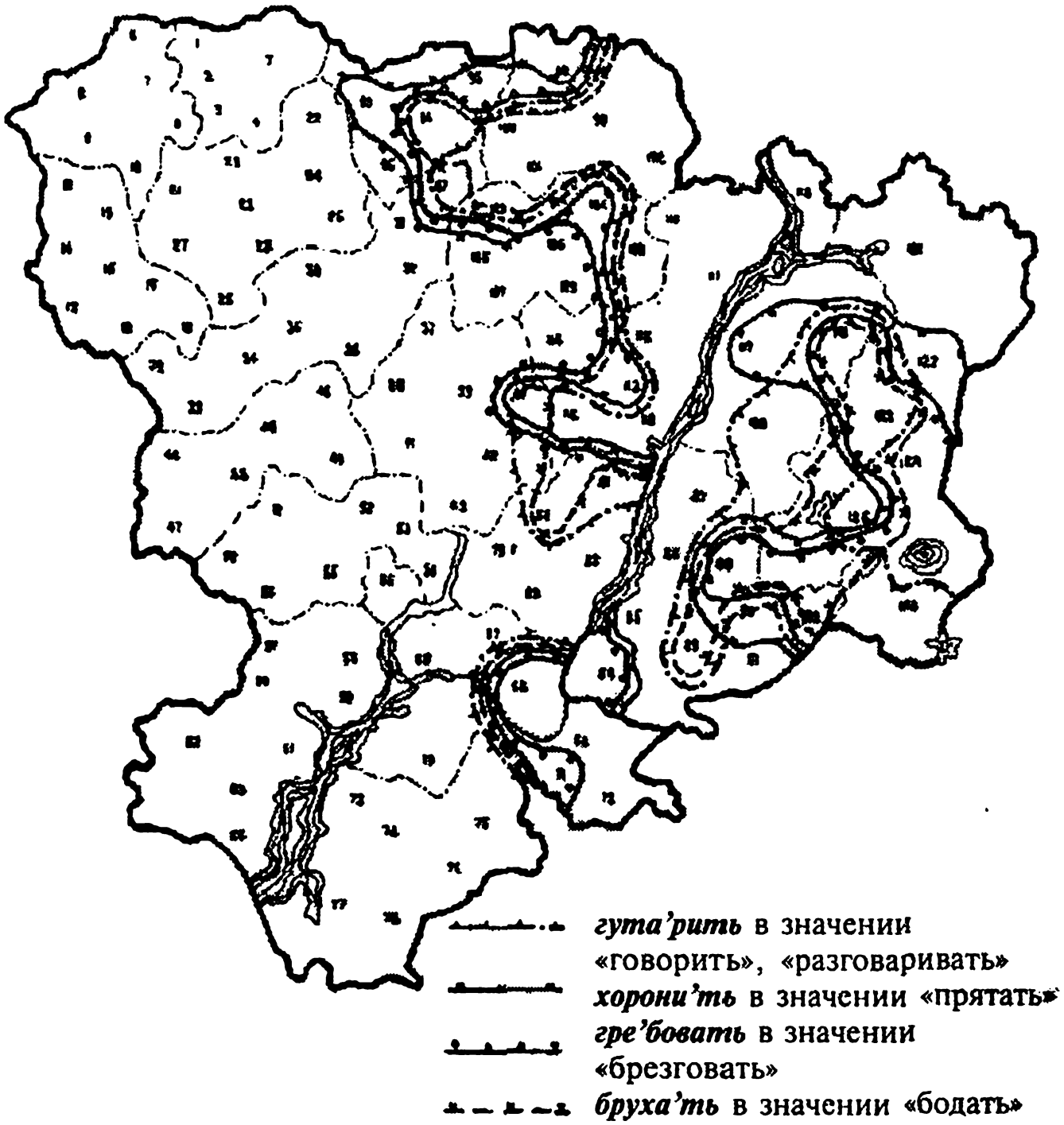
Операционный аспект состоит в разграничении специфических соотношений в сравниваемом материале. Формальным выражением операционного подхода служит формула реконструкции, или форма под астериксом (звездочкой). Ср.: *восемь* < *osmь; *жать* 'сдавливать' < *žęti, 1 ед. *žьmç. Формула реконструкции — это краткое обобщенное изображение существующих отношений между сопоставляемыми формами.

Интерпретационный подход состоит в наполнении формул соответствий конкретным смысловым содержанием, когда даются пояснения конкретным историческим изменениям и процессам, в результате которых и установились данные соответствия.

Прием диалектографии применяется в диалектологии, лингвогеографии и ареальных исследованиях. Это прием сбора, обработки и интерпретации диалектного материала. Диалектография включает методики диалектологических, лингвогеографических и ареальных исследований. Это методика изоглосс, анкетирования и филологического анализа (лингвистической интерпретации).

Изоглоссы (< греч. *isos* — 'равный, одинаковый, подобный' + *glossa* — 'язык, речь') — линии на географической карте, показывающие границы распространения того или иного языкового явления; специфические родственные явления в диалектах. Это основное понятие картографирования диалектного материала (см. в кн.: «Диалектологический атлас Волгоградской области»).

Картографируются различные элементы языковой системы (фонетические, лексические, грамматические), отличающиеся (и даже противопоставляемые) друг от друга на разных территориях [*петух — кочет, вода — въда, делать — делаеть — делая* (3 л. ед. ч.)].



Диалектологический атлас Волгоградской области

Возникло картографирование в Западной Европе как вспомогательное, иллюстративное средство. Вскоре картографирование стали использовать и отечественные ученые (И.И. Срезневский, К.П. Михальчук, Е.Ф. Будде, Н.Н. Дурново, Д.К. Зеленин, Б.М. Ляпунов и др.). Со временем результаты картографирования становятся предметом глубокой научной интерпретации; из вспомогательного средства оно превращается в особую отрасль языкознания — лингвистическую географию с одноименным частным методом.

Метод лингвистической географии включает в себя несколько приемов:

а) сбор диалектного материала, в том числе и путем интервьюирования и анкетирования;
б) картографирование собранного материала: проведение изоглосс, устанавливающих границы территориального распространения того или иного языкового явления;
в) объединение в один пучок изоглосс сходных по очертанию и проходящих в одном направлении;

Само по себе простое сопоставление изоглосс с историческим картографированием изучаемого материала не может служить достаточным основанием для установления достоверного соотношения разных проявлений данного языкового явления определенной эпохи на обследуемой территории. Поэтому в качестве заключительного приема следует использовать лингвогенетическую интерпретацию языкового явления, предварительно рассмотрев его внутреннюю историю.

Прием культурно-исторической интерпретации опирается на использование данных этнографии и археологии. Процедурными шагами при этнографической интерпретации являются:

а) этнографическая группировка языковых явлений;
б) выделение и описание этнографизмов — слов и фразеологизмов, указывающих на этнографическую специфику данного языка;
в) сопоставление изучаемого языкового явления с археологическими данными о его проявлениях в надписях на предметах материальной культуры;
г) осмысление результатов сопоставления в соответствующем культурно-историческом контексте.

Текстологический прием направлен на изучение истории анализируемого текста, разграничение основного текста и отдельных его списков, редакций, установление авторства и хронологизации основного текста и его списков. Применяемые методы зависят от времени и сохранности текста; это — филологическая критика, археография, герменевтика, экзегетика (< греч. exēgētikos «объясняющий, толкующий») и др.

В конечном счете с помощью культурно-исторической интерпретации можно установить имеющиеся связи между историей языка и историей соответствующего этноязыкового сообщества.

В целом историко-сравнительный метод — основа лингвистической дисциплины, названной акад. А.А. Шахматовым историей языка, в рамках которой объединились историческая грамматика и диалектология. Историческая грамматика занимается сравнением синхронных срезов в сфере фонетики и фонологии, морфологии и синтаксиса с целью выявления законов, действовавших в определенном языке на разных этапах его развития. Включение в историческую грамматику исторической фонетики на первый взгляд кажется некорректным, хотя и объяснимо. Без данных исторической фонетики нельзя вразумительно разъяснить многие грамматические явления, которые обусловливались главным образом фонетическими процессами. Историческая морфология рассматривает вопросы развития морфологической системы путем сопоставления парадигм склонения и спряжения на разных этапах истории языка. Исторический синтаксис прослеживает изменения порядка слов и средств выражения грамматических отношений между словами. В последние годы историко-сравнительный метод применяется при изучении динамики словообразовательных моделей (их состава, количественных и качественных изменений).

Из истории языка как лингвистической дисциплины вычленилась история литературного языка, где сравниваются разные формы литературной речи, рассматривается их эволюция. Каждая из упомянутых дисциплин своим возникновением обязана особому предмету и специфическому применению к его исследованию историко-сравнительного метода.

15.3. Сравнительно-сопоставительный метод

С увеличением количества сравниваемых языков возникла необходимость в разработке такого метода исследования, который, выходя за рамки прямой культурно-исторической преемственности языков и этносов, позволил бы учитывать все разнообразие языкового строя безотносительно к этнической истории народов. Обоснование новому методу дал В. фон Гумбольдт вместе с зарождением в компаративистике новой дисциплины — лингвистической типологии. Именуют его по-разному: сопоставительный, сравнительно-сопоставительный, или типологический метод. Изначально он предназначался для исследования грамматического строя неродственных языков (Фридрих и Август Шлегель, В. фон Гумбольдт, А. Шлейхер, Ш. Балли, Е.Д. Поливанов и др.), позже

сфера его применения расширяется: возникают типологические фонология, лексикология, дериватология и т.п. Применительно к разным областям языка данный метод подвергается, естественно, некоторым модификациям. Однако незыблемым остается главное: сравнительно-сопоставительный метод — это система приемов исследования как родственных, так и разноструктурных языков с целью выявления в них общих и отличительных свойств и признаков. В результате обнаружения общего в сопоставляемых языках были открыты так называемые языковые союзы — особые типы ареально-исторической общности языков, характеризующиеся определенным количеством сходных структурных и материальных признаков, приобретенных в результате длительного и интенсивного контактного и конвергентного развития в пределах единого географического пространства (В.П. Нерознак). По определению Н.С. Трубецкого, впервые предложившего науке это понятие (и термин), *языковой союз — это группа языков, обнаруживающих существенное сходство в синтаксисе, морфологии, иногда — внешнее сходство в фонетике и обладающих общим фондом культурных слов, но не связанных (как в языковой семье)* системой звуковых соответствий и исконной элементарной лексикой, например, балканский, поволжский (волго-камский), центрально-азиатский (гималайский).

Так, для языков, входящих в балканский языковой союз, общим является наличие постпозитивного артикля, совпадение дательного и родительного падежей, образование будущего времени при помощи вспомогательного глагола *хотеть,* утрата синтаксической формы инфинитива, Это при всем том, что каждый язык в отдельности обладает особыми, только ему присущими свойствами и признаками.

Главными исследовательскими приемами сравнительно-сопоставительного метода являются: установление основания сопоставления, сопоставительная интерпретация и типологическая характеристика.

Установить основание сопоставления — значит определить предмет сопоставления. Различают два способа решения этой задачи: а) путем языкового сопоставления и б) путем признакового сопоставления. Избирается один из исследуемых языков (обычно мотивом выбора оказываются либо исследовательская задача, либо уровень изученности языков, как, например, латынь для многих европейских языков или английский для многих индейских языков Латинской Америки).

Если установление основания сопоставления идет по второму пути, то, как правило, поиск сосредоточивается на одном из аспектов двусторонней сущности языковой единицы — на ее плане выражения и плане содержания. В плане выражения таким основанием может служить любое формальное явление: морфема, формообразование, синтаксическая или словообразовательная модель. В плане содержания — факты и явления идеальной стороны языковых единиц. В ходе языкового сопоставления создается общая панорама общих и отличительных свойств исследуемых языков. Признаковое сопоставление позволяет более глубоко представить своеобразие сопоставляемых явлений. Однако наиболее эффективен комплексный подход, когда признаковое сопоставление дополняет языковое, являясь его логическим продолжением.

Сопоставительная интерпретация опирается на методику параллельного изучения, когда факты и явления (предмет сопоставления) сначала изучаются в каждом отдельно взятом языке, а затем результаты такого описательного изучения сопоставляются. Параллельное исследование главным образом обнаруживает общие и отличительные свойства и признаки исследуемых языков, содержательное же их отличие конкретизируется при помощи содержательной (структурной и стилистической) интерпретации. Особенно важна такого рода интерпретация при типологическом исследовании близкородственных языков, где сопоставление по языковому критерию концентрирует внимание в основном на их сходстве. Между тем при всей генетической близости родственных языков типологические различия между ними могут быть весьма существенными. Так, при всем внешнем сходстве систем гласных в славянских языках между ними имеются и невидимые на первый взгляд различия, требующие содержательной интерпретации. Примером тому может служить качественное своеобразие беглых гласных.

Основная линия различий между славянскими языками (качественная характеристика беглых гласных) проходит по вариантам одного из этих гласных, отраженного в восточнославянских языках как [*о*] (рус., укр., блр. *сон — сна, сну, каток — катка*), в западнославянских как [*е*] (п., ч., слц. *sen — snu*) и как [*о*] (вл. *són — snu*, нл. *són — sni*, слц. *bočka*), в словацком также [*а*] (*dážď, mach*), болгарском — как [*ъ*] (*сън — сънища*, гласный не выпадает; *зъл — зли*), в македонском — как [*о*] (сон — *сновидение*), в сербском —

как [ä] (*сäн — сна*) и в словенском — как долгое [ā] или краткое [ĕ] (*mâh* «мох», *sen — sna*).

Разнообразие вариантов этого беглого гласного по отдельным славянским языкам [*е, о, а, ъ*] объясняется двумя причинами. Во-первых, его происхождением из праславянского редуцированного гласного [ъ], отличавшегося весьма неопределенным качественным характером, при котором он мог быть в одинаковой степени сближен с любым открытым кратким гласным. И, во-вторых, длительностью процесса вокализации сильных редуцированных, начавшегося еще в конце праславянского периода, а завершившегося уже в условиях самостоятельного существования отдельных славянских языков. Другой беглый гласный почти во всех славянских языках, за исключением сербского и частично словенского, имеет одинаковый качественный характер [*е*] (рус. *день — дня, конец — конца,* укр. *день — дня, кінец — кінця,* блр. *дзень — дня, канец — канца,* п. *dzień — dnia, koniec — kосса,* ч. *den — dne, konec — koncе,* слц. *deň — dnia, koniec — konca,* вл. *dzień — dnja,* нл. *źeń — dńa,* болг., м. *ден — дни, конец — концы*). Это объясняется происхождением данного беглого гласного из праславянского редуцированного [*ь*], который был, по-видимому, наиболее близок к краткому закрытому [*е*]. В сербском языке этот беглый гласный, как и первый, имеет звуковой характер [*а*] (*дâн,кȏнац*), в словенском — частично [*а*], частично [*е*] (*dân, kôпec*). Отличия объясняются тем, что в сербском и словенском языках редуцированный [*ь*], к которому восходит второй беглый гласный, в процессе вокализации совпал с редуцированным [*ъ*], вместе с которым дал одни и те же общие рефлексы.

Типологическое исследование языков обычно осуществляется по одной из двух моделей — анкетной или эталонной. В основе анкетной модели лежит список признаков, присущих тому или иному языку. По указанным в списке признакам и проводится сопоставление языков. Анкетная модель рассчитана на индуктивный анализ. Эталонная модель разработана Б.А. Успенским. При этом эталоном служит язык, в котором имеется исследуемое языковое явление. Так, для описания системы иностранного языка эталоном служит родной язык. Классическим примером этого могут считаться латинские грамматики, созданные по греческому образцу. Кроме родного, эталоном может служить специально созданный метаязык, под которым понимается система правил для

построения типологического описания языков. Язык-эталон обычно создают для типологического исследования определенного уровня языковой системы: фонологического, словообразовательного, лексического, синтаксического. Язык-эталон может быть ориентирован у́же: на конкретную область (подсистему) соответствующего уровня (для исследования частей речи, членов предложения, терминологии, интонации и т.п.).

Рассматриваемые приемы сравнительно-сопоставительного метода и модели типологических исследований целенаправленно использу́ются для определения общих структурных признаков, свойственных всем или большинству языков. Такие межъязыковые общности называются *лингвистическими универсалиями*. Это признаки, свойства, законы, тенденции, которые присущи всем языкам или языку в целом (Ч.Ф. Хоккет).

Различают разные типы лингвистических универсалий (с точки зрения их логической природы и с точки зрения их логической структуры).

1. Абсолютные (полные) лингвистические универсалии — утверждения, характеризующие язык вообще (признак, свойство, все то, что присуще всем языкам), типа «во всех языках имеются онимы и аппеллятивы», «всем языкам свойственна номинативная функция» и т.п. Такие универсалии несут незначительную информацию, поскольку они общеизвестны.
2. Статистические (неполные) лингвистические универсалии свойственны большим группам, типам, союзам языков. Они допускают отдельные «исключения из общих правил», которые однако не разрушают универсальных законов, т.е. всецело структурируются на высокой статистической вероятности (см. гл. 17 «Лингвостатистический метод»).

Статистические (неполные) лингвистические универсалии подразделяют на простые и сложные. Первые лишь указывают на наличие/отсутствие в языке исследуемого явления, а вторые еще и раскрывают существующую между языками в этом плане зависимость. К *простой* статистической универсалии можно отнести, например, утверждение: наличие в языке системы словоизменения непременно предполагает в нем и систему словообразования. Сложной статистической универсалией обычно называют обратно пропорциональную зависимость между небольшим количеством

фонем в том или ином языке и частотностью появления каждой из них в составе морфем.

Абсолютные универсалии выводятся дедуктивным путем (в виде гипотез), а статистические — индуктивным (эмпирически, в результате практического опыта, наблюдений). Гипотетические утверждения должны проверяться (подтверждаться или опровергаться) эмпирической информацией. Статистические универсалии в результате накопления знаний о языке могут стать абсолютными, т.е. накопленный эмпирическим путем материал может стать основой для новых обобщений.

По отношению к объекту сопоставительного анализа различают лингвистические универсалии языка и лингвистические универсалии речи (текста). Так, утверждение, что фонема представляет собой пучок смыслоразличительных признаков, может рассматриваться универсалией языка, а установление ограничений, накладываемых на количество комбинаций фонем в тексте — универсалией речи. Но при всем различии универсалии языка и универсалии речи являются лингвистическими. Наряду с ними иногда выделяют еще и экстралингвистические (внеязыковые) универсалии — предмет изучения семиотической типологии. Экстралингвистические универсалии показывают место и специфику языка как лингвосемиотической системы в сопоставлении с другими знаковыми системами (искусственными языками, «языками» животных, азбукой Морзе, флажковой сигнализацией у моряков и др.).

И, наконец, в зависимости от уровневой принадлежности единицы сопоставления выделяют *фонологические, грамматические, лексические, семантические* универсалии. Вне уровневой отнесенности находится особый тип — *символические* универсалии.

Наиболее заметный вклад в исследование фонологических универсалий сделан Н.С. Трубецким («Основы фонологии». М., 1960), Б.А. Успенским («Структурная типология языков». М., 1965) и американским исследователем Ч. Фергусоном.

Полный список абсолютных фонологических универсалий (более 100) составил Б.А. Успенский. Примером такого типа универсалий может служить следующий постулат: если в сопоставляемых языках имеется простой носовой согласный, то непременно в них имеется и шумный согласный.

Исследователи грамматических универсалий (Ч. Хоккет, Э. Сепир, Дж. Гринберг) отмечают, что в каждом языке грамма-

тические универсалии подразделяются на морфологические и синтаксические. В сфере морфологии имена существительные во всех языках обозначают предметы и абстрактные понятия, имена числительные — числа, имена прилагательные — признаки предметов, а глаголы — действие или состояние. Исключение составляет китайский язык, в котором идея качества выражается не именем прилагательным, а глаголом (Э. Сепир). Большинство морфологических универсалий (45) было определено Дж. Гринбергом. И все же список фонологических и грамматических универсалий не является исчерпывающим.

Достаточно подробная классификация семантических универсалий принадлежит английскому языковеду С. Ульману. Большинство такого рода универсалий относится к разряду статистических. Они могут быть как синхроническими, так и диахроническими.

В результате типологических исследований, начиная с работ братьев А. и Ф. Шлегель, В. фон Гумбольдта и А. Шлейхера, были разработаны типологические классификации языков мира. Из известных типологических классификаций наибольшего признания получила классификация Гумбольдта—Шлейхера, основой которой служит характер соотношения лексического и грамматического значений слова. С этой точки зрения все языки мира образуют четыре типа: флективный, агглютинирующий, изолирующий и инкорпорирующий. Во флективных языках лексическое и грамматическое значения выражаются одной и той же словоформой (совместным изменением корня и аффиксов: *пишу — писал, друг — дружба*). Раздельное выражение лексического и грамматического значений, когда изменение аффиксов, выражающих грамматическое значение, не вызывает изменения основы слова, способной выступать отдельным словом: татар, *урман* 'лес' — *урманлар* 'леса'. Слова изолирующего языка не имеют в своем составе элементов, выражающих грамматические значения. Такие языки не имеют механизмов словоизменения (не случайно А. Шлегель называл их аморфными); позже В. Гумбольдт отказался от этого термина, справедливо полагая, что бесформенных языков не бывает, и предложил называть их корневыми, или изолирующими (большинство языков Юго-Восточной Азии, китайский язык). Аморфными словами в русском языке можно назвать наречия (*вчера, вперед, быстро*), неизменяемые лексические заимствования (*кенгуру, бюро*). Грамматические значения в языках изолирующего типа выражаются порядком слов и интонацией. В инкорпорирую-

щих языках грамматические значения выражаются включением (инкорпорированием) в состав глагола-сказуемого других членов предложения (чукотско-камчатские языки, языки индейцев Северной Америки). Глагол-сказуемое при этом может согласовываться одновременно с несколькими членами предложения. Не случайно изолирующие языки еще называют полисинтетическими.

Группируя языки по типам грамматической структуры, следует, однако, помнить, что абсолютно типологически стерильных языков нет. В одних языках типологические черты проявляются в большей степени, в других — в меньшей. Так, в русском языке преобладает синтетизм и флективность, в английском и французском — аналитизм и изоляция, в семитских — интрорефлективность, в тюркских — агглютинация, в языках Юго-Восточной Азии — полисинтез и т.д.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Макаев Э.А.* Общая теория сравнительного языкознания. М.: Наука, 1977.
2. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.
3. *Нерознак В.П.* Метод сравнения в синхронном языкознании: К основаниям лингвистической компаративистики // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. М., 1986. Т.45. С. 402—412.
4. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1973.

Дополнительная

1. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1989.
2. *Байрамова Л.К.* Введение в контрастивную лингвистику: Учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1994.
3. *Бондарко А. В.* Методологические принципы функциональной грамматики // Методологические проблемы языкознания. Киев, 1988.
4. *Гак В.Г.* Сопоставительная прагматика // Филол. науки. 1992. № 3. С. 78—88.
5. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
6. *Солодуб Ю.П.* Контрастивная фразеология // Филол. науки, 1998. № 4. С. 57—65.
7. *Швейцер А.Д.* Контрастивная стилистика. М.: Наука, 1993.

Вопросы и задания

- Расскажите о предпосылках возникновения сравнительно-исторического метода.
- Дайте определение сравнительно-историческому методу.
- Охарактеризуйте основные приемы сравнительно-исторического метода.
- Чем отличается историко-сравнительный метод от сравнительно-исторического?
- Раскройте специфику сравнительно-сопоставительного метода.
- Расскажите о принципах и задачах типологических исследований и о развитии лингвистической типологии.
- На примере собственного исследования продемонстрируйте «работу» методов и приемов современной компаративной лингвистики.

Глава 16

СТРУКТУРАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

16.1. Метод дистрибутивного анализа

Дистрибутивный анализ (ДА) был разработан учеными американской дескриптивной школы в 40—60-е годы XX века в рамках так называемого необлумфилдианского метода и представлен в книге З. Харриса «Methods in Structural Linguistics». Его суть — в исследовании и описании языка «изнутри». Основное внимание при этом сосредоточивается на языковых явлениях с регулярно повторяющимися признаками (свойствами, чертами). Иными словами, этот метод ориентирован на использование внутренних, собственно языковых признаков регулярности (повторяемости) тех или иных явлении или их свойств. Повторяющиеся признаки появляются в речи в соседстве с другими признаками. Языковые элементы отличаются расположением относительно друг друга и особым окружением, т.е. постоянным соседством с другими эле-

ментами речевого акта. По характеру окружения определяется статус исследуемого языкового элемента: его самостоятельность или несамостоятельность, зависимость или независимость.

Исследуются дистрибутивным методом только структуры плана выражения в отвлечении от плана содержания. Однако ДА не является чисто формалистичным, поскольку им анализируются осмысленные формы, формы несущие информацию и сообщение. Но в самом исследовании те или иные операции производятся все же над осмысленными формами, а не над смыслом форм. Поэтому такой анализ считается формальным, а не формалистичным и не семантическим.

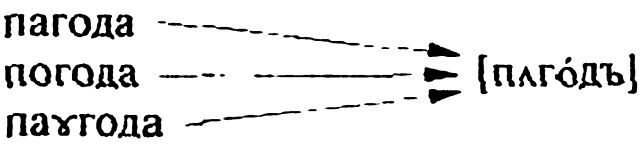
Главная цель ДА — классификация языковых единиц по их синтагматическим свойствам, т.е. по их распределению относительно друг друга в потоке речи и по их окружению.

Совокупность всех окружений, в которых встречается данная единица, называется ее дистрибуцией (англ. *distribution*). ***Дистрибуция** — это сумма всех позиций языковой единицы относительно встречаемости других единиц.* Понятие позиции эквивалентно понятию «окружение».

Следовательно, чтобы представить дистрибуцию какого-либо элемента, необходимо определить (выявить) все те окружения, в которых он встречается в речи. Сходство и различие дистрибуции исследуемых языковых единиц служит основанием для их классификации.

Дистрибутивный анализ применим на всех уровнях языка, поэтому конечной целью его должно быть, по замыслу дескриптивистов, компактное описание того или иного языка в единстве всех его структурных уровней. Основной алгоритм ДА можно свести к двум операциям: а) выявлению языковых единиц (элементов) и б) определению их дистрибуции относительно друг друга. Данный алгоритм используется на всех уровнях языка.

Выявление языковых единиц начинается с процедуры сегментации речевого отрезка. Сегмент — это отрезок речевой цепи. Сегмент противопоставляется единице языка (элементу), как конкретное, физическое явление абстрактному. Языковые единицы (элементы) устанавливаются в результате отождествления сходных сегментов. Языковая единица (элемент) — это, таким образом, некоторый класс сегментов. Ср. три речевых отрезка:



Они расчленяются на шесть звуковых сегментов, сопоставляемых по вертикали: все звуки [п] отождествляются в один элемент — фонему /п/, звуки [о] — фонему/о/, [а] — фонему /а/, а звуковые сегменты (звуки) [г] и [ɣ] — в фонему /г/, звуки [о] и [а] — в фонему /ъ/. Процедура сегментации носит произвольный характер (правила сегментации отсутствуют). Сегментация может опираться на акустическое восприятие частей речевого отрезка, паузы между ними и т.п.

Собственно лингвистический анализ начинается с процедур отождествления (идентификации) сегментов. Для объединения выделенных сегментов в эквивалентные классы необходимо установить все возможные дистрибутивные отношения между этими сегментами. Дистрибутивные отношения устанавливаются между двумя сегментами (попарно). Установить дистрибутивные отношения между двумя сходными сегментами значит определить, в каких отношениях находится дистрибуция одного сегмента относительно дистрибуции другого. Обычно обнаруживают три типа таких отношений, которые иногда называют моделями дистрибуции.

1. **Контрастная дистрибуция** — это такой тип дистрибутивных отношений, когда встречающиеся в одном и том же окружении первоначально выделенные одноименные сегменты могут заменять друг друга, непременно изменяя смысл высказывания. В этом случае они являются представителями разных языковых единиц. На этом основании представители МФШ русские звуки **[й]** и [и] относят к разным фонемам. Ср.: *герои* и *герой*.
2. **Дополнительная дистрибуция** — это дистрибутивные отношения двух первоначально выделенных сегментов, которые никогда не встречаются в одном и том же окружении, несмотря на их формальное сходство. В отношении дополнительной дистрибуции находятся позиционные варианты одной и той же единицы языка. Ярким примером этому может служить дистрибуция русских [и] и [ы]: [и] встречается в позиции а) между двумя пробелами — союз «и»; б) в начале слова — *игра*;

в) после гласных — *моц;* г) после мягких согласных — *лицця.* Ни в одной из этих позиций не употребляется [ы]. Позиция звука [ы] — после твердых согласных, но она неприемлема для звука [и].

3. **Дистрибуция свободного варьирования** — это такой тип дистрибутивных отношений двух первоначально выделенных сегментов, при котором они могут заменять друг друга в любом окружении, не меняя смысла высказывания. В таких дистрибутивных отношениях находятся факультативные (свободные) варианты одной и той же единицы языка. На фонетическом уровне таковыми оказываются русские звуки — взрывной [г] и щелевой [ɣ]: [гот] и [ɣот] = *год*, звуки [ч] и [ш] в сочетании с [н]: *було[чн]ая — було[шн]ая.* На морфемном уровне: *-сь и -ся* (*встретилась, встретился*), корни *твóрог* и *творóг.*

И все же свободные варианты языковых единиц не лишены информативности: они могут иметь стилистические различия, а также указывать на социальное положение говорящего, его культурный уровень, откуда он родом.

Итак, первый тип дистрибутивных отношений диагностирует разные (самостоятельные) единицы языка, а второй и третий — вариантные модификации одной и той же единицы. Применение ДА к единицам различных структурных уровней происходит по одному и тому же алгоритму, хотя и имеет на каждом из уровней свою специфику.

Легче всего дистрибутивному анализу подлаются единицы фонетического уровня, поскольку их число невелико и строго ограничено. Применение ДА к единицам морфемного уровня усложняется их количеством. Еще более специфично использование ДА в синтаксисе, предметом которого является построение высказываний путем комбинирования и соединения словоформ. Для осуществления ДА необходимо абстрагироваться от конкретных словоформ с указанием их частеречной принадлежности и грамматической формы.

Например:

1) $N_1V_г$ — *Птицы поют*
2) $N_1V_гN_4$ — *Студенты слушают лекцию*
3) $N_1V_гN_2N_2$ — *Ребенок одевается без помощи родителей*
4) $N_1V_гN_4N_3$ — *Отец вручил подарок сыну*

5) $N_1V_fV_{inf}$	*Сестра любит рисовать*
6) $V_\varnothing N_5$	*Пахнет дождем*
7) $N_1V_{ся}$	*Родители волнуются*

Наблюдения показывают, что дистрибуция компонентов высказывания зависит от грамматического оформления глагола (чаще всего от форм лица и залога). Однако эта зависимость, по данным исследований И.П. Распопова, не является абсолютной, так как дистрибуция глаголов в различных грамматических формах, оказывается, может совпадать (ср.: 1 и 7), а с другой стороны, иметь разную дистрибуцию (ср.: N_1V_f, $N_1V_fN_4$, $N_1V_fN_2N_2$, $N_1V_fN_4N_3$). Причины подобных совпадений и различий, надо полагать, обусловлены своеобразием лексической семантики анализируемых глагольных форм. Поэтому вместо символа, обозначающего класс словоформ, следует восстановить конкретные глагольные лексемы с целью установления тождественной дистрибуции уже для лексико-синтаксических классов глагола. Для установления дистрибутивных различий между лексико-синтаксическими классами используются следующие операции:

а) *Субституция* (подстановки): заменяя словоформы в одной и той же позиции (окружении) или, наоборот, заменяя окружения одной и той же формы, мы уточняем (подтверждаем или опровергаем) правильность выделенных позиций, а также правильность выделения подклассов внутри более общего класса (для существительных N_1, N_2, N_3, N_4, N_5, N_6).

б) *Реконструкция*: при наличии неясной или неполной конструкции восстанавливается полная структура высказывания путем замены нулевых позиций конкретными формами. Таким способом выясняется реальность той или иной позиции, а также устанавливаются позиционные варианты исследуемой конструкции.

в) *Перестановки*: ее цель — обнаружить те различные позиции, которые может замещать одна и та же форма в пределах исследуемой конструкции.

Конечная цель ДА на синтаксическом уровне — получить картину сочетательных возможностей различных компонентов (классов, подклассов) синтаксической конструкции.

Выявление различных типов дистрибутивных отношений при помощи субституций, реконструкций и перестановок, которые

являются собственно экспериментальными операциями, позволяют исключить субъективизм, который появляется обычно при анализе, исходящем из значения языкового знака. Рассматриваемые экспериментальные операции могут быть использованы при ДА единиц любого структурного уровня.

Дистрибутивный анализ позволяет раскрыть внутреннюю организацию структуры языка на всех его уровнях. Приемы метода ДА применяются для изучения не только плана выражения, но и плана содержания, например, в компонентном анализе семантики языковых единиц разных уровней. Выявление дистрибутивных отношений между единицами языка служит весьма эффективным средством обнаружения семантических оппозиций и семантических множителей.

16.2. Метод трансформационного анализа

При разработке трансформационного метода (ТМ) в качестве исходного служит предположение о том, что любое конкретное высказывание может быть испытано на возможность тех или иных преобразований и что такие испытания могут служить выявлению различий семантико-синтаксического характера между компонентами (частями) высказывания. Особенно остро ощущается потребность в таком разграничении тогда, когда оно неразрешимо при помощи метода ДА и метода НС (непосредственно составляющих). Например, эти методы оставляют двусмысленными конструкции *обучение учителя:* либо (*Кто-то*) *обучает учителя,* либо *Учитель обучает (кого-то).* Однако именно различное осмысление говорит о том, что перед нами две омонимические конструкции (N_1N_2).

Основы ТМ были разработаны З. Харрисом, который рассматривал его как логическое развитие метода ДА и метода НС. Дело в том, что синтаксическая конструкция может быть испытана на допустимую сочетаемость ее элементов тогда, когда а) уже выделены классы языковых единиц, различающиеся своими дистрибутивными свойствами, и б) установлены методом НС основные синтаксические модели, которыми располагает данный язык.

Центральными здесь являются понятия «трансформация» и «трансформ». *Трансформация* — это операция, преобразующая одно высказывание в другое (при трансформационном синтезе) или

отношение преобразуемости между двумя высказываниями (при трансформационном анализе). *Трансформом* называется высказывание, получаемое в результате трансформации исходного высказывания и связанное с исходным отношением трансформации. Например: 1) *Режиссер Виктюк ставит новый спектакль* > *Режиссер Виктюк будет ставить новый спектакль* > *Новый спектакль будет ставиться режиссером Виктюком.* 2) *Режиссер Виктюк ставит новый спектакль* > *Постановка нового спектакля режиссером Виктюком.*

К наиболее распространенным видам трансформаций относят:

1. Преобразование активной конструкции в пассивную и наоборот: *Ласточки строят гнездо — Гнездо строится ласточками.*
2. Преобразование утвердительной конструкции в отрицательную и наоборот: *Сын любит рисовать — Сын не любит рисовать.*
3. Преобразование повествовательного предложения в вопросительное и наоборот: *Она танцует. — Танцует ли она?*
4. Преобразование предложения в словосочетание и наоборот: *Актер исполняет роль — Исполнение роли актером.*
5. Преобразование одного типа словосочетания в другой: *Строить дом — Строительство дома.*

Перечень трансформаций может быть увеличен. Виды применяемых трансформаций и их количество зависит от материала исследования и задач, которые в нем решаются. Так, например, анализ сравнительных оборотов трансформационным методом предполагает их испытание на возможность преобразования этих оборотов в другие конструкции, выражающие сравнительные значения. В этом смысле ТМ открывает больше возможностей для творческого подхода в лингвистическом экспериментировании. Однако это не значит, что ТМ лишен каких-либо ограничений. Наоборот, без строгих ограничений он немыслим. Более того, именно такие ограничения отличают его от тех преобразований, которые издавна, хотя и бессистемно, применялись в традиционных методиках лингвистического описания. Поэтому важнейшее значение для корректного трансформационного анализа (или синтеза) имеет установление границ допустимых преобразований как по признаку грамматической маркированности (отме-

ченности, правильности), так и по признаку смысловой инвариантности.

Грамматически правильные конструкции, по Хомскому, не означают осмысленные. Речь идет исключительно о грамматической правильности. Поэтому предложение *«Ароматные прокисшие мысли весело смеются»*, грамматически правильно, хотя и бессмысленно. Грамматическая правильность высказывания определяется вне семантических критериев: либо путем опроса информантов, либо сугубо формальным способом, с использованием приема замещения. В результате замещения одних слов другими, принадлежащими к одному классу, высказывание, согласно теории Н. Хомского, остается грамматически правильным: *На стене висит картина. — На верблюде поет бумага.*

Позже Н. Хомский убедился, что совершенно устранить семантический критерий из ТМ невозможно, поскольку грамматика призвана отражать языковую компетенцию (языковую способность) говорящего и слушающего. А это значит, что грамматическое исследование, в том числе и методом трансформационного анализа, должно включать правила смысловой интерпретации. В связи с этим было сформулировано важнейшее условие применения ТМ: ***исходное высказывание и его трансформы должны обладать смысловым инвариантом***, т.е. соотноситься с одной и той же денотативной ситуацией. Следовательно, трансформации при таком понимании представляют собой преобразования, инвариантом которых является одно и то же содержание сообщения.

Грамматическая правильность и смысловая инвариантность осуществляемых синтаксических преобразований обеспечиваются следующей последовательностью шагов:

1-й шаг: на некотором множестве высказываний определенного состава обнаруживаются их возможные преобразования, затрагивающие служебные слова и не нарушающие тождества знаменательных слов;

2-й шаг: составляется список трансформаций, которым будут подвергаться все анализируемые высказывания. В ходе исследования начальный список видов трансформаций можно дополнять;

3-й шаг: испытание высказываний на возможность/невозможность тех видов трансформаций, которые заданы списком; каждому высказыванию присваивается индекс, указывающий на его трансформационный потенциал (количество допустимых трансформаций);

4-й шаг: по выявленному трансформационному потенциалу проводится классификация анализируемых высказываний: высказывания, обладающие одинаковым трансформационным потенциалом, составляют один класс.

Выделенные процедуры в исследовании показывают общий ход трансформационного анализа. Строгость, объективность, системность проводимых преобразований обеспечиваются правилами трансформационного анализа. Однако, прежде чем сформулировать правила применения ТМ, необходимо сделать следующие допущения:

1) трансформации высказываний возможны лишь в том случае, если мы можем отличать знаменательные слова от служебных в дескриптивной терминологии — корневые (лексические) морфемы от служебных (в структурной лингвистике приравниваемых к аффиксам);
2) любое знаменательное слово, замещающее в высказывании определенную позицию, мы можем отнести к одному из частеречных разрядов — V, N, A, Adv;
3) мы умеем устанавливать непосредственные синтаксические связи между словоформами высказывания;
4) испытаниям на возможность/невозможность трансформаций должен предшествовать процесс перевода высказывания в конструкцию; с этой целью все знаменательные слова высказывания необходимо заменить символами соответствующих частеречных разрядов, а служебные слова — символами служебных слов: *Певец исполняет арию из оперы* (= N_1 V_f N_4 из N_2).

Испытания высказываний на те или иные преобразования осуществляются по следующим правилам:

1. Исходное высказывание и его трансформы должны состоять из одного и того же набора знаменательных слов, исключающего даже их синонимические перифразы типа *Врач обследует больного* и *Врач осматривает больного (пациента),* которые не пребывают в отношении трансформации.
2. Между словами исходного высказывания и трансформа должны сохраняться одинаковые синтаксические связи. Поэтому высказывания *посещение выставки художником* (1+2; 1+3) и *посещение выставки художника* (1+2; 2+3) трансформами не являются: у них разные непосредственные синтаксические связи.

3. Разным высказываниям соответствуют разные конструкции; если разным высказываниям соответствует одна и та же конструкция, то они не являются трансформами друг друга. Ср.: *Мать встречает дочь — Дочь встречает мать* (N_1 $V_г$ N_4).

Сформулированные правила обеспечивают сохранение смыслового инварианта трансформов. При таком условии проведения трансформаций многие высказывания, являющиеся трансформами друг друга, имеют, по данным З. Харриса, почти одно и то же значение, различаясь только внешним грамматическим оформлением. И в этом ученый усматривает определенную закономерность: «и значение, и трансформации связаны с... определенной областью встречаемости»[1].

Трансформационный анализ дает возможность решать ряд формально-грамматических и содержательных задач:

1) определять различия и сходства в синтаксических структурах;
2) выявлять омонимичные структуры;
3) совершенствовать и уточнять классификацию языковых структур, получаемую при ДА и методом НС; одинаковая реакция исследуемых синтаксических структур на заданные трансформации свидетельствует об однотипности синтаксических отношений между составляющими их компонентами, различная реакция — о каком-то различии в их синтаксических отношениях;
4) трансформационный анализ помогает уточнить семантические свойства трансформируемых высказываний, имеющих одинаковые структуры: семантически близкими (и даже тождественными) являются те синтаксические структуры, которые обладают общим трансформационным потенциалом[2], и, наоборот, различая в трансформационном потенциале свидетельствуют о семантических различиях анализируемых структур.

В качестве примера (один из возможных вариантов) проведения ТА сравнительных оборотов с целью выявления степени их идиоматизации (смысловой спаянности слов-компонентов) и

---

[1] *Харрис З.* Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 635.

[2] Трансформационным потенциалом называется способность синтаксической структуры подвергаться определенной системе трансформаций, заданных для этого класса структур.

соответствующей их классификации. Исходя из «материала» исследования, составим список трансформаций. О важности этого шага пишет Г.В. Колшанский. Объективность и формальность, строгость трансформационного метода, считает ученый, начинается с того момента, когда на основе структурных проб вместе с оценкой семантической допустимости (содержательность смысла и семантическое сходство трансформ) будет составлен список трансформаций как руководство для дальнейших операций. Это своего рода лакмусовая бумага, при помощи которой разграничиваются не только синтаксически свободные и фразеологические единицы, но и обнаруживается уровень идиоматизации последних.

Характер трансформаций, их виды и содержание определяются теми типами конструкций, которые способны выражать сравнительное значение.

T_1: Конструкция со сравнительными союзами *как, как будто, будто, словно, точно, подобно тому как.*

T_2: Конструкция с творительным сравнения.

T_3: Предложная конструкция *подобно + Д.п.*

T_4: Наречная конструкция с приставкой *по-*

T_5: Придаточное сравнительное предложение.

Каждую сравнительную конструкцию подвергаем испытанию на возможность (+) / невозможность (−) ее преобразования по заданному списку трансформаций.

	Сравнительные обороты	Трансформации				
		T_1	T_2	T_3	T_4	T_5
1.	*Нервы натянуты, как струна*	+	+	+	−	−
2.	*Народу набилось как селедки в бочке*	+	−	+	−	+
3.	*Горой стоят (за своего командира)*	+	+	−	−	−
4.	*Вьется как уж*	+	−	+	+	+
5.	*Смотрит волком*	+	+	+	+	−
6.	*Дрожит как осиновый лист*	−	−	±	−	−
7.	*Лось забился в воде, как раненый лебедь*	+	+	+	−	+
8.	*(Нужен) как мертвому припарка*	±	−	−	−	−

[1] *Колшанский Г.В.* К вопросу о семантическом инварианте при трансформации предложений // Филол. науки. 1965. № 2. С. 51.

Трансформационный потенциал сравнительных оборотов обратно пропорционален степени их идиоматизации: большей трансформационной свободой обладают свободно-синтаксические сравнительные обороты; им уступают сравнительные фразеологические сочетания; идиомы вообще не допускают каких-либо преобразований.

Однако, несмотря на успешное применение ТМ зарубежными и отечественными синтаксистами, он не лишен и некоторых уязвимых мест. Прежде всего это касается степени объективности проводимого анализа: трансформационная методика оставляет довольно широкий простор для «субъективного произвола» исследователя при определении пределов допустимых трансформаций, при установлении критериев их отбора и упорядочения и т.п. (о чем свидетельствуют и трансформации, приведенные в таблице). И все же с помощью ТМ достаточно успешно и с высокой степенью достоверности решаются многие задачи структурно-семантического описания языковых явлений.

16.3. Метод непосредственно составляющих

Традиционные методы синтаксического анализа, опирающиеся на семантические критерии, нередко оказываются недостаточными для однозначного истолкования синтаксических отношений между членами предложения, так как одно и то же слово может рассматриваться в функции разных членов предложения (в таких случаях это слово отвечает одновременно на несколько разных вопросов). Так, в предложении-высказывании *Жизнь в океане многообразна* сочетание слов *в океане*, отвечая на вопрос *где?* может быть определено как обстоятельство места, а при вопросе *в чем?* — как дополнение, вопрос *какая?* (жизнь) выявляет функцию определения. Вызывает также сомнения традиционный подход к главным членам предложения, согласно которому независимым членом предложения признается подлежащее, от которого зависит сказуемое. Наиболее самостоятельный (независимый) член предложения невозможно в предложении опустить; без него предложение прекращает свое существование. В соответствии с этим нельзя было бы опустить подлежащее. В действительности же таковым в большинстве языков является сказуемое; без подлежащего функционируют многие типы предложений, не нарушая

грамматических норм языка. Подобную неоднозначность не спасает и анализ синтаксических связей между словами в предложении. Такой анализ также не позволяет до конца раскрыть структуру предложения путем точного опознания всех его членов, поскольку один и тот же член предложения может обладать разными типами синтаксических связей, а один и тот же тип связей может характеризовать различные члены предложения.

Следовательно, традиционные принципы синтаксического анализа, хотя и привычны для нас, не являются ни достаточно ясными, ни достаточно последовательными. Причиной тому, считает Ю.Д. Апресян, ориентирование традиционных методов главным образом на семантические свойства и признаки языковых единиц. А поскольку объективные критерии измерения смысла в науке отсутствуют, то такой анализ сводится, по сути дела, к интуиции. Интуиция же, будучи важным элементом научного поиска, не может служить средством доказательства истины. Методика доказательства может быть только формальной. Ее важнейшее назначение — формализовать наши первоначальные интуитивные представления о языковом явлении и тем самым сделать наши выводы и обобщения аргументированными. С этой целью в 60-е годы XX века велась активная разработка новых методов синтаксического анализа, в частности метода непосредственно составляющих (НС).

Метод НС базируется на предположении о том, что все слова в предложении находятся в однотипных отношениях подчинения: а) второстепенные члены предложения подчинены друг другу или одному из главных членов; б) подлежащее подчинено сказуемому.

Отношение подчинения предполагает наличие бинарных структур: главное слово (ядро) и зависимое. Главным является то слово, без которого предложение существовать не может, т.е. его опущение разрушает высказывание. Опущение зависимого слова правильность высказывания не нарушает. Так, в высказывании *В этом году ожидается очень холодная зима* имя прилагательное следует считать главным словом, а наречие *очень* — зависимым. Опущение первого слова нарушает правильность высказывания, а изъятие второго нет. Ср.: 1) *В этом году ожидается очень ? зима,* 2) *В этом году ожидается холодная зима.*

Главный и зависимый компоненты являются непосредственно составляющими синтагмы. Каждая из полученных синтагм мо-

жет оказаться НС более крупной синтагмы: *очень, холодная* и *очень холодная зима*.

Анализ по НС состоит из нескольких исследовательских шагов. Каждый шаг направлен на выделение двучленной синтагмы. Эти два элемента «свертываются» в один новый элемент, который по своим синтаксическим функциям должен быть эквивалентным ядру синтагмы. Свертывание осуществляется по следующим правилам[1]: 1) Adv+A>A; 2) A+N>NP; 3) V+N>VP; 4) NP+VP>S и т.д.

За один шаг свертыванию можно подвергать не более двух «старых» символов. Перестановка символов запрещена. Строго фиксирован порядок проведения операций. Так, в приведенном выше примере сначала выполняется свертывание по адъективной модели (атрибутивной, где главное слово — имя прилагательное), затем — свертывание по субстантивной модели (главное слово — имя существительное) и т.д. Нарушение порядка проведения операций свертывания может привести к образованию неправильного предложения (ср.: *В этом году ожидается очень (?) зима*).

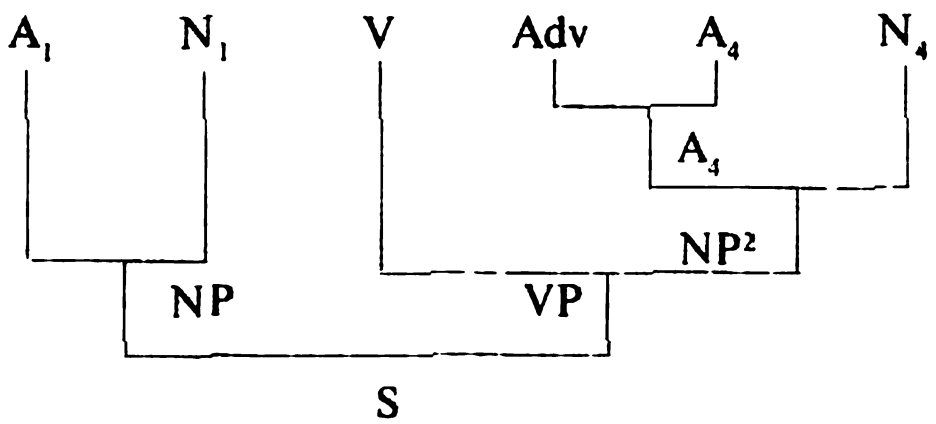
В результате операций свертывания мы превращаем речевую единицу (высказывание) в единицу языка (структурную схему, или модель, этого высказывания, т.е. предложение).

Общую картину свертывания высказываний по НС можно представить графически: а) с помощью скобок, применяемых при обычной — линейной — записи высказывания и б) в виде «дерева» НС. Ср.:

а) {(*Известный певец) исполнил* [(*очень сложный) романс*]}

A_1 N_1 V Adv A N

б) *Известный певец исполнил очень сложный романс*



[1] Условные обозначения: V — глагол, N — существительное, A — прилагательное, Adv — наречие, NP — группа существительного, VP — группа глагола, S — предложение, цифра обозначает падеж.

Графический способ изображения операций свертывания не всегда позволяет показать порядок операций. Поэтому нередко используют последовательные записи этих операций в виде цепочек символов:

1) $A_1 + N_1 + V + A_4 + N_4$, где $Adv + A_4 > A_4$.
2) $A_1 + N_1 + V + NP$, где $A_4 + N_4 > NP$.
3) $A_1 + N_1 + NP^2$, где $V + NP > VP$.
4) $NP + VP$, где $A_1 + N_1 > NP$.
5) S (т.е. $NP + VP > S$).

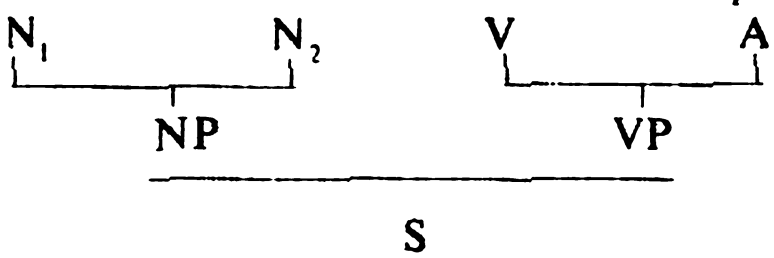
Метод НС может использоваться как для анализа синтаксических структур, так и для их синтеза, т.е. с целью построения порождающих моделей предложений. Процедура порождения предложений методом НС представляет собой обратную последовательность процедуры анализа по НС.

Процесс порождения предложений по НС называется развертыванием. При этом следуют тем же правилам, что и при свертывании. В ходе порождения предложений характер исследования приобретает противоположную направленность: от структурной схемы (модели) к конкретному высказыванию; иными словами, единица языка преобразуется в единицу речи. Для этого, разумеется, необходимо знать лексическое наполнение модели. В качестве примера синтеза по НС могут служить записи ранее приведенного примера с той лишь разницей, что записывать операции развертывания следует в обратной последовательности (5, 4, 3, 2, 1), а «дерево» НС при порождении предложения примет зеркально противоположное изображение, т.е. «перевернутый» вид, где вершину «дерева» составит символ S, а основание — цепочка символов, отражающая полный набор словоформ данного предложения.

Развертывание конструкций по их НС позволяет разграничивать омонимичные высказывания, что важно для полного моделирования синтаксической структуры того или иного языка с конечным числом возможных комбинаций символов НС. Полученный список мог бы служить аналогом словаря — списка лексем данного языка. Опыт описания синтаксических структур по НС был творчески использован Н. Хомским для построения трансформационной (генеративной) грамматики. В отличие от традиционного синтаксиса, предметом изучения которого являются статические структуры, генеративный подход подразумевает изучение динамического аспекта построения высказываний.

Одним из недостатков метода НС является неразличение структурно-семантического своеобразия внешне сходных предложений. Например, в результате анализа по НС одно и то же «дерево» НС выстраивается для таких хотя и близких, но все же разных предложений:

Изучение событий становится интересным
Развитие событий становится интересным



Анализ этих предложений по НС «не распознал», что в первом предложении словоформа *«событий»* представляет объект действия, а во втором — субъект. Этому мешают, вероятно, жесткие правила свертывания (развертывания) НС предложений.

Изучив недостатки метода НС, американский ученый Н. Хомский предпринял попытку разработать метод построения грамматики, свободный от этих недостатков. В основе нового метода, названного трансформационным, лежат более гибкие правила преобразования предложений.

16.4. Метод компонентного анализа

Несмотря на изначальное предназначение структурных методов служить изучению формальных свойств языка, они со временем стали использоваться и для исследования языковой семантики. В результате этого возникла структурная семасиология. Ее основным методом является компонентный анализ, цель которого — определение семантической структуры двусторонних языковых единиц, хотя семантика и не поддается полной формализации. Определить семантическую структуру языковой единицы — значит: а) выделить мельчайшие единицы ее содержания и б) установить между ними закономерные связи и отношения. Однако выполнение этой задачи сопряжено с известными трудностями. Одной из них оказывается обеспечение объективности выделения минимальных единиц содержания, второй — способы выявления структурообразующих связей и отношений между ними.

Некоторую путаницу в компонентный анализ вносит терминологический разнобой в именовании семантических единиц. Особенно это актуально для названия мельчайшей единицы плана содержания языкового знака. Ее терминообозначениями выступают: «дифференциальный элемент» (Ф. Де Соссюр), «фигура содержания» (Л. Ельмслев), «семантический множитель» (Ю.Д. Апресян), «дифференциальный признак» (И.В. Арнольд), «ноэма» (Э. Кошмидер, Г. Мейер), «семантический маркер» (Д. Болинджер, Дж. Кац и Дж. Фодор) и «сема» (В. Скаличка). В настоящее время наиболее употребляемым является термин «сема» (ср.: семантика, семасиология, семема, семантема, семный).

***Сема** — это наименьший смысловой элемент значения, составная часть семемы, ее конструктивный компонент.* Отсюда определение ***семемы** как пучка структурно упорядоченных сем.* Следовательно, семема представляет собой семантическую структуру, выражающую определенные содержательные отношения между семами, которые, в свою очередь, являются репрезентантами свойств и признаков именуемых объектов. В этом плане особую актуальность приобретает следующее суждение В.Г. Гака: «Под семантической структурой отдельного значения слова понимается совокупность элементарных смыслов, «сем», составляющих это значение. Каждая сема представляет собой отражение в сознании носителей языка различительных черт, объективно присущих денотату, либо приписываемых ему данной языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему»[1]. В данном определении содержится указание на связь между семами и признаками денотата. Кроме В.Г. Гака, эту точку зрения разделяют Ю. Найда, Дж. Кац и Дж. Фодор, Г. Вотяк, А. Греймас и другие сторонники макролингвистического подхода к анализу семантической структуры. Приверженцы микролингвистического подхода сущность сем раскрывают через их соотношение в рамках взаимодействующих языковых единиц на синтагматической и парадигматической оси. Учитывая существующие подходы к компонентному анализу, следует назвать несколько способов выявления сем в структуре того или иного значения:

---

[1] *Гак В.Г.* К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. М., 1971.

а) *логический*, основанный на установлении гносеологических связей между семами и признаками денотата;

б) *лингвистический*, использующий совместную встречаемость (сочетаемость, синтагматику) семантически близких слов в речи;

в) *логико-лингвистический*, сочетающий в себе логические и лингвистические приемы выделения сем.

Начинающие лингвисты чаще других применяют логический способ выделения сем, нередко подменяя анализ языкового значения анализом всех существенных реальных и возможных признаков денотата. При таком осуществлении компонентного анализа происходит ошибочное отождествление значения языковой единицы со всей совокупностью свойств и признаков обозначаемого объекта. Критическое описание подобного подхода в работах Г. Мейера находим у Е.В. Гулыги и Е.И. Шенделъс. В семный состав слова *Ford* «горшок» Г. Мейер неоправданно включает все его характеристики, даже такие, как цвет, цена, способ чистки и др. В таком случае не различаются постоянные и переменные величины, лингвистические и экстралингвистические признаки, языковые значения и гносеологические формы отражения предмета в нашем сознании (научные и бытовые понятия, представления, образцы).

Стремясь избежать подобных недостатков, нередко языковые значения отграничивают от логических при помощи словарных дефиниций. Однако и здесь не всегда удается обнаружить семный состав слова, поскольку вместо компонентного анализа приводятся словарные толкования значений без должной их семасиологической обработки.

Корректность компонентного анализа требует последовательного разграничения таких двух смежных понятий, как «сема» и «семантический признак» (ср. «фонема» и «фонологический признак»). В практике лингвистического анализа их зачастую отождествляют. Если сема — это элементарная смысловая единица, или смысловой элемент значения (семемы), то ***семантический признак*** *— это определенный параметр или аспект значения слова (фразеологического оборота) типа «цвет», «размер», «внешний вид», «внутреннее свойство»* и т.п. Семы следует отличать от категориальных и функционально-стилистических значимостей типа «субстантивность», «адъективность», «переходность», «просторечность».

Определение сущности семы зависит также от внутреннего устройства семемы. Данное выше определение семемы как пучка

сем прежде всего исключает их линейное расположение. Семантическая структура слова представляет собой иерархическую организацию сем (Ю. Найда, А. Греймас, В.Г. Гак). В рамках иерархического построения значения семы обнаруживают различные свойства и отношения. Они могут быть разного ранга и разной значимости. Именно на этом основании строится типология сем. Различают следующие типы сем: 1) *лексические* и *грамматические;* 2) *эксплицитные,* если в плане выражения знака их представляет какая-либо морфема, и *имплицитные,* не имеющие специального материального средства своего выражения; 3) *парадигматические* и *синтагматические;* 4) *главные* (доминирующие) и *зависимые;* 5) *ядерные* и *периферийные;* 6) *интегрирующие* (идентифицирующие) и *дифференцирующие;* 7) *облигаторные* (обязательные) и *факультативные* и т.д.

Выделенные типы сем обнаруживаются на разных уровнях, хотя компонентный анализ на том или ином уровне имеет специфику. К общим признакам компонентного анализа на разных языковых уровнях следует отнести выявление иерархии сем. Вслед за Б. Потье, В.Г. Гак выделяет:

а) архисему — общую сему родового характера (у слова *медведь,* например, это — «одушевленное существо», а у глагола *бежать* — «действие»);

б) дифференциальные семы видового характера: 1) описательные (отражающие индивидуальные свойства и признаки предмета: форму, размер, устройство, способ совершения действия и т.п.) и 2) относительные (отражающие связи и отношения данного предмета с другими предметами: функции, пространственные и временные отношения);

в) потенциальные семы — скрытые элементарные смыслы, возможность проявления которых обеспечивается особыми речевыми средствами (средствами их актуализации): у слова *медведь* это могут быть такие семы, как «неповоротливость», «неуклюжесть», у глагола *бежать* — «течь», «вскипать» и т.п.

Иерархический статус в процессе исторических или функциональных изменений значения может трансформироваться: ядерные семы — перемещаться на периферию, а дифференциальные занимать ядерные позиции; потенциальные семы могут приобретать статус дифференциальных и даже ядерных. Особенно значимым оказывается изучение таких трансформаций при разъясне-

нии механизмов образования переносных значений — метафорических, метонимических и др.

Компонентный анализ на морфемном уровне состоит в выявлении сем в пределах семантики морфем. Хотя количество сем и количество морфем не совпадают, между ними все же существует известная корреляция. Многие морфемы вполне соотносимы с конкретными семами. Например, сема «отрицание» в русском языке выражается приставкой *не-*, в немецком *un-*, в английском *un-*, в немецком суффиксом *-los*. Некоторые морфемы обладают двумя семами, как, например, суффиксы уменьшительности — семой «малость» и семой «оценка» (ср. *котенок, соколик, рыбка).* И все же между морфемной и смысловой структурой слова отношения скорее асимметричные, чем прямо пропорциональные.

На морфологическом уровне компонентный анализ используется для выявления семантической структуры грамматических категорий. Например, глагольные формы 1-го лица ед. ч. включают семы: «субъект речи», «лицо», «единичность»; форма 2-го лица — «адресат речи», «лицо», «единичность». Количество сем у разных граммем различно. Ср: в немецком языке претерит содержит одну сему «прошедшее», а плюсквамперфект четыре: «прошедшее», «предшествование по отношению к другому действию», «контактность с последующим действием», «законченность действия».

На синтаксическом уровне компонентный анализ направляется на выявление семантической структуры синтаксических категорий и, прежде всего, категории предикативности и модальности.

Результативность компонентного анализа, достоверность его результатов во многом зависит от объективности вычленения сем. Каковы же способы определения семного состава значения? Чтобы выделить семы, отмечают Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс, требуется языковой опыт и логический анализ, подкрепленный различными пробами или экспериментами, основы которых были разработаны еще А.М. Пешковским и Л.В. Щербой. Основными приемами при этом служат проверка на *замену* (подстановку) с сопоставлением замещаемых форм, проверка на *сочетаемость* и на *трансформацию.*

Комбинации полученных дифференциальных семантических элементов образуют смысловые структуры анализируемых слов. Поскольку сущность значения определяется двумя типами отно-

шений знаковых единиц языка, то выделение сем следует проводить двумя путями — парадигматическим и синтагматическим.

Компонентный анализ слова

	способный рассуждать	с богатой интуицией	с интуицией	быстро соображающий	с большим опытом	с большой начитанностью	безотносительно к опыту и начитанности	нормально соображающий
1. *Мудрец*	+	+		+	+			
2. *Эрудит*	+	+		+		+		
3. *Талантливый*	+	+		+			+	
4. *Умница, способный*	+	+						+
5. *Смекалистый*	+		+	+				

Парадигматический способ предполагает использование логического анализа (напр., ЛСГ родства) и словарных толкований. Наиболее часто в компонентном анализе используются словарные дефиниции. Данный прием нашел обоснование в работах И.В. Арнольд, Э.В. Кузнецовой, А.А. Уфимцевой и др. Так, И.В. Арнольд был разработан прием извлечения сем путем сопоставления объяснительных трансформаций словарных дефиниций. Дело в том, что словарная дефиниция представляет собой разложение смыслового содержания слова на его составляющие. Например, в словаре С.И. Ожегова *солдат* определяется как «рядовой военнослужащий», а *боец* как «солдат, рядовой». Словарные толкования анализируемых слов приводятся к единообразному виду. Общая часть трансформов соответствует общим компонентам (*солдат* — включение первого слова в определение второго; рядовой). Та же часть трансформов, которая не совпадает, представляет собой дифференциальные семы. Этот прием применяется при построении синонимических рядов, различных микрополей (ЛСГ, ТГ) и т.п.

Синтагматический путь проведения компонентного анализа исходит из учета совместной встречаемости в тексте семантически близких слов. В сочетаемости слова обнаруживают свои семантические признаки (НА. Шехтман). Методика извлечения сем сводится к следующим шагам:

1. Фиксируются все случаи совместного появления в тексте двух слов, одно из которых является анализируемым.
2. Составляется список слов, уточняющих значение другого слова (слов-синонимов).
3. Аллонимы группируются в семантически близкие классы.
4. Каждому классу присваивается обобщенное значение. Эти обобщенные значения и являются семемами (семантическими структурами) исследуемых слов.

Такие приемы выделения сем позволяют максимально избежать субъективности в анализе языковых значений, поскольку извлекаются они из текста при помощи формальных процедур.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
2. *Засорина Л.Н.* Введение в структурную лингвистику. М.: Высш. школа, 1974. С. 157—290.
3. *Распопов И.П.* Методология и методика лингвистических исследований (методы синхронного изучения языка). Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1976.

Дополнительная

1. *Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
2. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. Ч. II. Виды языковых преобразований.
3. *Зевахина Т.С.* Компонентный анализ как метод выявления семантической структуры слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979; *Зевахина Т.С.* К типологии методик компонентного анализа // Прикладные аспекты лингвистики. М., 1989. С. 26—47.
4. *Кузнецов А.М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. М.: Наука, 1986. 125 с.
5. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975.

Вопросы и задания

- Что такое структурные методы в современном языкознании?
- Для решения каких исследовательских задач был разработан метод дистрибутивного анализа?
- Что называется дистрибуцией? Охарактеризуйте типы дистрибутивных отношений.
- Опишите принципы и задачи метода трансформационного анализа. Каковы его эвристические возможности?
- Что такое трансформация? Назовите виды трансформаций.
- Какие исследовательские задачи решаются методом непосредственно составляющих?
- Что «подвластно» компонентному анализу?
- Что такое «семантический признак», «сема» и «семема»?
- За что критикуют метод компонентного анализа?

Глава 17

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД

17.1. Количественно-вероятностный характер языка

Для современного лингвистического исследования актуальным остается философское положение о том, что предмет, не отраженный в аспекте количества, не может считаться конкретно познанным и что наука вообще достигает совершенства лишь там и в той мере, в какой ей удается взять на вооружение математику. Категория количества в языке связана с установлением количественных изменений, вызывающих качественные преобразования языковых явлений. Именно действие в языке закона перехода количественных изменений в качественные служит важнейшим условием выявления в нем его закономерностей. В связи с этим основной задачей количественного метода в языкознании является раскрытие закономерностей функционирования единиц языка и речи, а также установление закономерностей построения текста. Теоретическое обоснование этого метода и создание алгоритмов его практического применения в языкознании — предмет особой отрасли науки о языке, получившей название лингвостатистики.

Возможность применения лингвостатистического метода в нашей науке обусловлена природой и сущностью языка.

1. Язык как система представляет собой совокупность взаимосвязанных дискретных (членимых) единиц, обладающих количественными характеристиками. Этот фактор в скрытом виде признается всеми языковедами, традиционно использующими такие количественные понятия, как «часто», «редко», «многочисленные», «наиболее употребительные», «редко употребляемые» и т.п.
2. Количественные характеристики языковых единиц (и их элементов) одного уровня формируют качественное своеобразие единиц другого уровня. Так, язык с десятью фонемами образует иное количество звуковых «оболочек» морфем и слов, чем язык с пятьюдесятью фонемами.
3. Язык имеет вероятностный характер. Так, для образования слов используется незначительная часть возможных комбинаций фонем и морфем. В этом выражается действие вероятностных ограничений в сочетании фонем и морфем.

Речь, как известно, — область реализации языковой системы. Применение к ее исследованию лингвостатистического метода предопределяется: а) множественностью языковых единиц, б) их повторяемостью в речи и в) избирательностью языковых единиц (элементов) из ряда однородных (возможностью выбора соответствующей замыслу высказывания единицы).

Итак, лингвостатистический метод применим для изучения как языка, так и речи. Однако следует помнить, что количественные характеристики в системе языка не тождественны их количественным отношениям в речи. Дело в том, что на речь влияют не только законы языка (и, прежде всего, закономерности строения языковых единиц, закономерности их речевой реализации), но и законы сочетаемости языковых единиц в речи, законы жанра, тема высказывания, идиостилистические особенности речи и т.п. Характер воздействия этих факторов предсказать сложно. Однако если они регулярно повторяются при одних и тех же условиях, то их все же можно объяснить, раскрыть закономерности появления в речи того или иного элемента с помощью лингвостатистики.

Абсолютизировать лингвостатистический метод, разумеется, не следует. Это всего лишь еще один способ познания тех закономерностей «жизни языка», которые не доступны другим методам. Тем более что любая количественная характеристика исследуемо-

го явления не может считаться самодостаточной: она предполагает содержательную лингвистическую интерпретацию. Иными словами, количественные и качественные методы должны дополнять друг друга.

Следовательно, лингвостатистический метод, как и математизация языкознания, «не отменяет и не умаляет значимости качественных методов». Известный специалист в области лингвостатистики Н.Д. Андреев имел все основания утверждать, что «традиционное языкознание, обновляясь и обогащаясь благодаря синтезу с новыми методами, — в первую очередь с математикой, — было и остается центральным направлением нашей науки»[1].

В результате успешного применения лингвостатистического метода к исследованию языковых единиц в речи появились частотные словари (их уже более 300 для более чем 20 языков). Они задали новые стимулы для развития лингвистической типологии. Впервые идею количественного исследования типологически разных языков высказал Дж. Гринберг [Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 60—94]. Сравнивая отрывки текста одной и той же длины, составленные на разных языках, можно установить степень сходства или различий в строении этих языков. Об этом свидетельствуют количественные отношения между словами обследуемых текстов и компонентами их морфологического строения.

Количественные характеристики словарного состава в разных стилевых и авторских разновидностях речи в настоящее время широко используются в лексикологии и стилистике. Количественное описание подъязыков науки и техники используется для автоматической обработки языковой информации (создания информационно-поисковых систем и программ для машинного реферирования текстов), а также в методике преподавания языков.

17.2. Основные понятия лингвостатистики

Согласно философской категории всеобщей связи, между явлениями языка и речи существуют определенные связи и зависимости. Обычно различают два вида зависимости — функциональную (линамическую) и статистическую. Функциональная зависимость состоит в том, что одному языковому явлению соответствует дру-

[1] *Андреев Н.Д.* Статистико-комбинаторное моделирование языков. М.-Л.: Наука, 1965. С. 12.

гое определенное явление. Такого рода зависимость присуща многим физическим явлениям. Повышение температуры — жидкое состояние воды; понижение температуры — ее кристаллизация. Функциональные зависимости дают точные определения установленным закономерностям, т.е. могут быть сформулированы как закон. В нашем случае он имеет всем известную формулу: *«Вода при температуре ниже 0°С превращается в лед»*.

При статистической (вероятностной) зависимости одному явлению или свойству языка могут соответствовать несколько явлений или свойств. Так, уже можно считать аксиомой: между числом значений слова в словаре и частотой его употребления в речи (тексте) существует определенная статистическая зависимость. Это значит, что выявленному числу значений того или иного слова не обязательно соответствует строго определенная частота употребления этого слова (М.В. Арапов).

Такие нестрогие соответствия между качественной и количественной характеристикой языкового явления получили название корреляций. Термин ***корреляция*** имеет два значения: 1) *общенаучное* — «соотношение, соответствие, взаимосвязь, взаимозависимость явлений» и 2) в *лингвистической статистике* — «такая связь между языковыми явлениями, при которой одно из явлений входит в число причин, определяющих другие, или когда имеются общие причины, воздействующие на эти явления». В математической статистике существует несколько видов корреляции. В лингвистике обычно используют линейную корреляцию, согласно которой возрастание значений одного признака сопровождается возрастанием или убыванием значений другого признака. В такой линейной корреляции могут находиться, например, *лексико-семантические варианты* слова и *частота встречаемости* слова в речи (в тексте). Если при возрастании значений одного признака возрастают значения другого, то устанавливается так называемая *положительная корреляция*. Если же при возрастании значений одного признака значения другого признака убывают, то налицо *отрицательная корреляция*.

Число, показывающее степень тесноты корреляции, называется коэффициентом корреляции (это число находится между **−1** и **1**). Иными словами, коэффициент корреляции заключается от нуля до единицы со знаком «плюс» или «минус»: **−1 ← 0 → +1**. Если между исследуемыми признаками нет никакой статистической зависимости, величина коэффициента будет рав-

на нулю или близка к нему. И наоборот, сильную зависимость между наблюдаемыми явлениями следует констатировать тогда, когда величина коэффициента приближается к 1 или −1. Величина коэффициента здесь указывает на степень связи между наблюдаемыми языковыми явлениями, а его знак (***плюс*** или ***минус***) — на характер самой корреляции. Начинающий исследователь должен помнить, что такая корреляция может быть обусловлена причинно-следственными отношениями, хотя и не всегда. То есть для констатации причинно-следственных отношений, кроме корреляционного анализа, необходимо привлечь и другие аргументы. Как же исчисляется коэффициент корреляции?

Статистика располагает несколькими способами. В лингвистике обычно используют для этого формулу:

$$r = \frac{\Sigma(x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\Sigma(x_i - \bar{x})^2 \Sigma(y_i - \bar{y})^2}},$$

где r — коэффициент линейной корреляции; Σ — суммирование получаемых в результате той или иной операции величин; x_i — значение первого знака; y_i — значение второго знака; $\bar{x}$ — средняя (теоретическая) величина первого признака; $\bar{y}$ — средняя величина второго признака. Величины $x_i - \bar{x}$ и $y_i - \bar{y}$ обозначают отклонения полученных нами величин от средних (см. в следующем параграфе).

Покажем технику вычисления r на конкретном примере. Предположим, что произвели выборку десяти репрезентаций одного и того же явления в текстах двух авторов (A_1 и A_2) и получили следующие частоты их встречаемости:

Наблюдаемое явление	Выборка-1	Выборка-2	Всего
1	5	10	15
2	10	15	25
3	15	20	35
4	20	25	45
5	25	30	55
6	30	35	65
7	35	40	75
8	40	45	85
9	45	50	95
10	50	55	105
Всего	275	325	600

По формуле исчисления r находим x и y:

$\bar{x} = 275:10 = 27,5$, а $\bar{y} = 325:10 = 32,5$.

Теперь произведем действия в числителе: (5 − 27,5) (10 − 32,5) + (10 − 27,5) (15 − 32,5) + (15 − 27,5) (20 − 32,5) + (20 − 27,5) (25 − 32,5) + (25 − 27,5) (30 − 32,5) + (30 − 27,5) (35 − 32,5) + (35 − 27,5) (40 − 32,5) + (40 − 27,5) (45 − 32,5) + (45 − 27,5) (50 − 32,5) + (50 − 27,5) (55 − 32,5) = 506,25 + 306,25 + 156,25 + 56,25 + 6,25 + 6,25 + 56,25 + 156,25 + 306,25 + 506,25 = **2062,5.**

Соответствующие действия в знаменателе представим подобным же образом: 1) в первой выборке: 506,25 + 306,25 + 156,25 + 56,25 + 6,25 + 6,25 + 56,25 + 156,25 + 306,25 + 506,25 = **2062,5;** 2) такой же результат получим и по второй выборке — **2062,5;** 3) $\sqrt{2062,5 \times 2062,5} = 4253906,2$.

Коэффициент r = + 062,5 : 4253906,2 = + **0,0004848.**

Коэффициент показывает, что корреляция между наблюдаемыми выборками крайне слабая, хотя и положительная.

Однако окончательные выводы делать рано. Как полагают матлингвисты, коэффициент корреляции — величина в известной степени случайная. Для определения необходимой степени надежности получаемых величин И.А. Носенко советует начинающим лингвистам пользоваться понятиями «доверительная вероятность» (коэффициент доверия) и «уровень значимости» (коэффициент надежности). Под коэффициентом надежности принято считать 95%, когда вероятность допущенной ошибки равна 5%. Кроме того, существует еще уровень значимости — величина, дополняющая коэффициент надежности до **1**. Так, при доверительной вероятности p = **0,95** уровень значимости 1 − p = **0,05.** Именно при таком уровне значимости результаты лингвистического анализа считаются достаточно надежными.

Уровень значимости и обусловливаемая ею доверительная вероятность определяется исследователем для установления параметров случайных величин. Соответствие между ними определяется по специальным статистическим таблицам (они прилагаются в учебниках и справочниках по статистике).

Итак, в лингвистике установлено: **частота появления тех или иных языковых элементов в речи подчиняется определенным статистическим законам (закономерностям).**

Статистические законы вероятностны потому, что они лишь предсказывают свойства языковых элементов. Однако они про-

гнозируют вероятность появления наблюдаемых свойств только в известном диапазоне (от — до), поскольку используются каждый раз в новом количественном измерении (хотя и в пределах известной средней величины). Статистические законы распространяются на те языковые явления, которые испытывают влияние множества факторов (причин). Такие факторы не только многочисленны, но и многовекторны (разнонаправлены). Они взаимодействуют между собой неоднозначно, и поэтому результаты их взаимного воздействия колеблются вокруг некой средней величины.

Располагая известной гипотезой о действии некоторого статистического закона, можно говорить о вероятности соответствующего языкового явления. В нестрогом терминологическом употреблении вероятность представляет собой долю исследуемого элемента (явления) в ряду однородных, долю, ожидаемую по имеющейся у исследователя гипотезе. Исчисляется вероятность (P) отношением числа появлений изучаемого явления в речевом потоке (a) к числу всех других явлений (b):

$$P = \frac{a}{b}.$$

Сама вероятность закономерна. Действие статистического закона выражается именно в сохранении установленной ранее вероятности. Измерение вероятности языкового явления ведет к изменению статистического закона.

Наблюдения за действием статистических законов, т.е. за вероятностью языкового явления, осуществляются при помощи понятий «частота», «средняя частота», «отклонение от средней частоты». Простейшим из них является *«частота»* языкового элемента (или явления), под которым понимается число его появлений в наблюдаемом речевом отрезке. Это так называемая *выборочная частота*, т.е. абсолютное (не обработанное) количество употреблений изучаемого элемента в тексте. Выборочные частоты в абсолютном выражении недостаточно информативны, поскольку не способны дать достоверное представление о вероятности изучаемого явления (элемента) и тем более не позволяют сформулировать статистический закон. Так, зная, что в текстах (одинакового объема, разумеется) В. Ерофеева жаргонизмы встречаются 800 раз, а в текстах Б. Акунина — 400, нельзя вывести вероятность жаргонизмов в современной художественной прозе и сформировать соответствующий статистический закон. Поэтому были разработаны специальные методики проведения статистического анализа.

17.3. Основные методики лингвостатистического анализа

Приблизиться к искомому статистическому закону позволяет средняя выборочная частота (далее — средняя частота).

Существует несколько способов получения средних частот. Простейший из них (для начинающих исследователей) предлагает Б.Н. Головин. Допустим, мы располагаем десятью однородными выборками одинаковой длины. Сосчитав исследуемые признаки в каждой выборке, получим выборочные частоты: $x_1 = 182$; $x_2 = 187$; $x_3 = 173$; $x_4 = 173$; $x_5 = 158$; $x_6 = 201$; $x_7 = 222$; $x_8 = 233$; $x_9 = 213$; $x_{10} = 194$.

Для определения средней частоты (x) суммируются все выборочные частоты и полученная сумма делится на число выборок (у нас их 10):

$$\bar{x} = \frac{x_1 + x_2 + \ldots + x_{10}}{10} = \frac{1936}{10} = 193{,}6.$$

Информативность средней частоты уже достаточно высока. В ней, собственно, и выражается та вероятность языкового явления, которая необходима для выведения статистического закона.

Однако для получения статистического закона нужно сделать еще один шаг: **обработать средние выборочные частоты.** С этой целью исчисляются отклонения выборочных частот от средней частоты. Если выборочная частота меньше средней, отклонение получает знак «минус»; если больше — знак «плюс». Полученные отклонения хоть и интересны для исследования данного языкового явления, все же нуждаются в обобщении, усреднении. С этой целью определяется ***среднее квадратичное отклонение.*** Его исчисление осуществляется по формуле:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\Sigma(x_i - \bar{x})^2}{k}},$$

где: σ = среднее квадратичное отклонение; ($x_i - \bar{x}$ — отклонение i-ой выборочной частоты от средней; Σ — знак суммирования всех отдельных отклонений; k = число выборок. Для упрощения формулы: $x_i - \bar{x} = a_i$. Тогда ее можно представить более компактно:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\Sigma a_i^2}{k}}.$$

Прочитаем формулу: среднее квадратичное отклонение от средней выборочной частоты равняется корню квадратному из суммы возведенных в квадрат отклонений выборочных частот от их средней, разделенной на число выборок. Величина

$$\frac{\Sigma(x_i - \bar{x})^2}{k}$$

получила в линвостатистике название **дисперсии;** обозначают ее знаком $D(=\sigma^2)$.

Покажем, как исчисляется среднее квадратичное отклонение на конкретных пяти выборках глаголов: $x_1 = 95$; $x_2 = 87$; $x_3 = 94$; $x_4 = 104$; $x_5 = 100$:

1) вычисляем среднюю частоту ($\bar{x}$):

$$\bar{x} = \frac{95 + 87 + 94 + 104 + 100}{5} = 96;$$

2) определяем отклонения от средней частоты $(x_i - x) = a_i$: $a_1 = -1$; $a_2 = -9$; $a_3 = -2$; $a_4 = +8$; $a_5 = +4$;

3) возведем в квадрат каждое отклонение: 1, 81, 4, 64, 16;

4) суммируем все квадраты отклонений (166);

5) разделим полученную сумму на число выборок: 166:5 = 33,2;

6) извлечем корень квадратный из этого числа:

$$\sqrt{33,2} = 5,76.$$

Итак, 5,76 — величина среднего квадратичного отклонения.

Для того чтобы установить, случайны или закономерны отклонения теоретических величин от фактических, используют так называемый «хи-квадрат критерий» (χ^2). Одни исследователи его еще называют критерием согласия, другие — критерием различия. Оба названия отвечают истине, так как этой величиной можно определить и наличие соответствий, и наличие расхождений. Обозначается она греческой буквой χ (отсюда название хи-квадрат), а исчисляется по формуле:

$$\chi^2 = \frac{\Sigma(0 - E)^2}{E}.$$

Полученную по данной формуле величину «хи-квадрат» сличают с соответствующей теоретической величиной. Все теорети-

ческие величины представлены в таблице (это числовые значения χ^2, соответствующие различным случаям расхождений между средней частотой и отклонениями от нее).

Таблица для расчета χ^2

O	E	O − E	$(O - E)^2$	$\frac{(O - E)^2}{E}$
10	13,6	−3,6	12,96	0,95
15	18,2	−3,2	10,24	0,56
20	22,7	−2,7	7,29	0,32
25	27,3	−2,3	5,29	0,19
25	31,8	−6,8	46,24	1,45
30	22,7	+7,3	53,29	2,35
50	38,6	+11,4	129,96	3,37
20	16,4	+3,6	12,96	0,79
25	21,8	+3,2	10,24	0,47
30	27,3	+2,7	7,29	0,27
35	32,7	+2,3	5,29	0,16
45	38,2	+6,8	46,24	1,21
20	27,3	−7,3	53,29	1,95
35	46,4	−11,4	129,96	2,80
Σ 385	Σ 385			Σ 16,84

Примечание: **O** — фактически наблюдаемые величины; **E** — теоретически ожидаемые величины.

Критерий χ^2, по данным В.В. Левицкого, можно использовать не только для выявления соответствия или различия между наблюдаемыми и средними (теоретическими) частотами. Он также показывает наличие или отсутствие связи между признаками. Если сумма χ^2 превышает критическую величину (для уровня значимости 0,05, т.е. χ^2 соответствует 5%), то это означает, что между исследуемыми статистическими методами явлениями (или их признаками) имеется взаимосвязь, т.е. расхождения частот в данном случае существенны.

Если выборочное расхождение частот представлено величиной «хи-квадрат», которая не превышает теоретического значения (это 5% вероятности), то такие расхождения частот случайны.

В первом случае выдвинутая гипотеза подтверждается, а во втором — опровергается.

Однако и критерий χ^2 не дает ответов на все вопросы исследователя. Он при анализе качественных признаков устанавливает наличие или отсутствие связи. Мера же этой связи определяется с помощью *коэффициента взаимной сопряженности* (А.А. Чупров), в формулу которой входит χ^2:

$$k = \sqrt{\frac{\chi^2}{n\sqrt{(r-1)(c-1)}}},$$

где k: — коэффициент взаимной сопряженности, n — общее число наблюдений, r — коэффициент корреляции, c — эмпирическая (наблюдаемая) величина. Статистическая техника исчислений по данной формуле разъясняется в работе П.Ф. Рокицкого[1].

Итак, критерий χ и коэффициент взаимной сопряженности служат средством определения наличия связи между исследуемыми величинами, меру этой связи и ее содержательную ценность, т.е. позволяют установить положительный или отрицательный характер этой связи.

И, наконец, для начинающего исследователя крайне важно определить тот объем выборки (количество примеров), который обеспечил бы «надежность» полученных в ходе лингвостатистического анализа результатов. Ответ на этот вопрос следует искать по формуле так называемой ошибки выборки δ. Величина этой ошибки, по В.И. Перебийнос, не должна превышать 33% при доверительной вероятности 95% (значимости $P = 0{,}05$). Относительная ошибка выборки исчисляется по формуле:

$$\delta = \frac{Zp}{\sqrt{Np}},$$

где Zp — константа (постоянная величина), которая для 5-процентного уровня значимости равняется 1,96; N — объем выборки (в абсолютных величинах, например, в числе словоупотреблений); p — относительная частота употребления исследуемой единицы.

[1] *Рокицкий П.Ф.* Биологическая статистика. Минск: Вышэйшая школа, 1964. С. 267.

Предположим, в проанализированном тексте общим объемом 300 000 словоупотреблений (по данным В.В. Левицкого, в книге среднего формата встречается около 300 словоформ на одной странице) методом сплошной выборки нами зафиксировано 30 неологизмов. В таком случае относительная частота употреблений изучаемых неологизмов составит: 30 : 300 000 = 0,0001. Значит, относительная ошибка нашей выборки будет равна:

$$\sigma = \frac{1,96}{\sqrt{300\ 000 \times 0,0001}} = \frac{1,96}{\sqrt{30}} = 0,36.$$

Величина 0,36 выше критической (0,33). Следовательно, полученное нами число примеров (выборка неологизмов) недостаточно, чтобы служить основанием для достоверных выводов. Для определения объема текста используют формулу:

$$N = \frac{Z_p^2}{\delta^2 p}.$$

Предположим, что δ равна 30% (т.е. 0,3). В таком случае N в нашей выборке неологизмов следует определять так:

$$N = \frac{1,96^2}{0,32 \times 0,0001} = \frac{3,84}{0,000009} = 426\ 666.$$

Это приблизительно 427 тыс. словоупотреблений. Если учесть, что относительная ошибка выборки допускает 10% словоупотреблений, то для решения нашей задачи

$$N = \frac{3,84}{0,1^2 \times 0,0001},$$

т.е. 3 840 000 словоупотреблений.

Статистические методы в современной лингвистике разработаны еще не достаточно. Особенно это ощущается при исследовании семантики языковых единиц, что объясняется двумя наиболее очевидными причинами. Во-первых, сфера идеального всегда считалась слишком сложной для изучения ее статистическими методами. Во-вторых, недостаточна, видимо, подготовка по лингвостатистике языковедов в вузе. В магистратуре начинающий исследователь должен убедиться в преимуществах статистических методов перед известными лингвистическими средствами познания вероятностных языковых явлений. В ряде случаев они оказы-

ваются уникальным (единственным) «инструментом» обнаружения скрытых от наблюдения закономерностей функционирования единиц языка и речи.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Головин Б.Н.* Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971.
2. *Носенко И.А.* Начала статистики для лингвистов. М.: Высш. школа, 1981.
3. *Фрумкина Р.М.* Статистические методы изучения лексики. М.: Наука, 1964.

Дополнительная

1. *Арапов М.В.* Квантитативная лингвистика. М.: Наука, 1988.
2. *Тулдава Ю.А.* О применении коэффициентов сопряженности в лингвистике // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста. Тарту, 1988.
3. *Плотников Б.А.* Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений. Минск, 1979.
4. *Пиотровский Р.Г.* и др. Математическая лингвистика. М.: Высш. школа, 1977.
5. *Хант Д.* Вычислительная лингвистика в Летнем Институте лингвистики // Вопр. языкознания. 1993. № 6.

Вопросы и задания

- Расскажите об объективных предпосылках применения математического метода в лингвистических исследованиях?
- Коротко изложите историю возникновения лингвостатистического метода?
- В чем заключается сущность функциональной и статистической зависимости в природе и языковой действительности?
- Что такое *статистическая корреляция* и *коэффициент корреляции* языковых явлений?
- Что называется вероятностью появления языковых явлений?
- Как исчисляются частота (выборочная частота), средняя частота, среднее квадратическое отклонение, дисперсия, «хи-квадрат»?
- Продемонстрируйте возможность использования лингвостатистических приемов в проводимом вами исследовании.

Post scriptum

Заключая обсуждение методологических проблем современного языкознания, важно отметить, что лингвистические теории и методы лингвистических исследований находятся в тесной взаимосвязи.

Лингвистическая теория *— система обобщенных и упорядоченных лингвистических знаний, выполняющая в процессе познания языка организующую и конструктивную роль, определяющая точку зрения на избранный для исследования языковой объект, объясняющая известные факты и направляющая поиск решения новых проблем.* Теория формируется при двух обязательных условиях: при наличии достаточного количества фактического материала и при наличии соответствующих методов его сбора, обработки и осмысления.

Лингвистический метод *— совокупность исследовательских приемов, методик и операций, используемых для достижения исследовательских задач в соответствии с определенной лингвистической теорией и принципами (методологией) познания.*

Взаимосвязь теории и метода в научном познании языка отражена, как видим, в их определении. Формирование лингвистической теории предполагает использование специального метода, а лингвистический метод является известным продуктом теории. Итак, с одной стороны, систематизированные знания о языке/речи, оформленные при помощи определенного метода, превращаются в лингвистическую теорию (при таком толковании метод предшествует теории), а с другой — очевидна изначальная значимость самой теории, без которой ни появление лингвистического метода, ни его использование были бы невозможны. Действительно, чтобы изобрести метод и затем применять его, необходимо знать природу и сущность тех языковых явлений, которые подлежат дальнейшему, уже аспектному исследованию. Ярким свидетельством такой взаимосвязи теории и метода служит вся история лингвистических учений: накопление фактических знаний о языке создавало условия для их классификации и систематизации, что, в свою очередь, требовало разработки соответствующего метода.

На каждом новом этапе развития лингвистической мысли язык рассматривается в ином ракурсе: новые подходы и новые видения объекта познания стимулируют создание новых методов. При

этом формируются новые, более совершенные определения, вводятся новые понятия, выстраивается в итоге их система, т.е. возникают новые лингвистические теории и парадигмы. Поэтому не удивительно, что нередко встречается нетерминологическое употребление слова ***теория***. Ср.: *трансформационная (порождающая) теория* и *трансформационный метод, дескриптивистская теория* и *дескриптивный метод, описательная лингвистика* и *описательный метод, сравнительно-историческая лингвистика* и *сравнительно-исторический метод, сопоставительная лингвистика* и *сопоставительный метод*. Такое нетерминологическое употребление слов ***теория*** и ***метод*** в академической науке нежелательно, тем более в тех случаях, когда одна и та же теория соотносится с несколькими методами, а один метод порождает несколько теорий. Так, описательная лингвистика использует несколько методов (кроме описательного, еще и метод внутриязыкового сопоставления, лингвостатистический и др.), а метод дистрибутивного анализа используется и в фонологических, и в морфологических, и семасиологических, и многих других лингвистических теориях. При этом следует помнить, что система приемов в структуре метода может видоизменяться в зависимости от объекта и аспекта изучения: из фонологии, например, метод и методику дистрибутивного анализа нельзя без каких-либо модификаций переносить в морфемику, морфологию или фразеологию. Методика проведения дистрибутивного анализа единиц разных уровней имеет свою специфику.

Различают научную методику и технические приемы исследования. **Научная методика** включает приемы наблюдения, сбора материала, выделения языковых единиц, отбора этих единиц для конкретного анализа, а также способы описания материала и представления результатов исследования. **К техническим приемам** относятся конспектирование литературы, составление лексической картотеки, изготовление диаграмм, таблиц, карт, составление анкет и анкетирование информантов, записи на магнитофонную ленту и т.п.

Выбор метода обусловливается целью и аспектами изучения соответствующего объекта. Изучение сложных лингвистических объектов требует сочетания (комбинаторики) нескольких методов и приемов, необходимых для осмысления разных аспектов данного многогранного явления. Методы и приемы исследова-

ния определяются, таким образом, спецификой изучаемого объекта.

Сложным по своей организации может быть не только познаваемое явление, но и сам метод исследования. *Метод — это всегда система приемов.* Один прием не может представлять исследовательский метод в целом. Более того, лингвистический метод можно рассматривать как научно-исследовательский комплекс, объединяющий в своем составе: а) теорию данного метода, б) систему исследовательских приемов, в) совокупность технических приемов, операций и процедур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С легкой руки Т. Куна — автора теперь уже всем известного труда «Структура научных революций» — термин «парадигма», встречавшийся, пожалуй, только в морфологических исследованиях, стал одним из базовых в методологии науки о языке. Представляемое им понятие стало символом новой методологии самой лингвистики: наука о языке — это не простое континуумное (непрерывное) накопление фактов, поскольку, если следовать рассуждениям Т. Куна, линейные (обычные, кумулятивные) периоды познания языковой действительности чередуются с «революционными» (некумулятивными). Как модель лингвистического мышления парадигма состоит из набора правил постановки и решения соответствующих лингвистических проблем. Такие правила необходимы науке уже потому, что делают ее системной и единой. Это единство существует до тех пор, пока принятые правила позволяют решать лингвистике ее насущные проблемы. Однако в науке всегда накапливаются так называемые аномальные явления, необъяснимые по существующим «правилам игры». И тогда научное единство, или устоявшееся методологическое пространство, разрушается и возникает кризис. Наступает, по Т. Куну, научная революция, т.е. борьба за первенство в утверждении нового стиля лингвистического мышления и разработку необходимых для выхода из создавшегося кризиса «правил игры». В этой борьбе побеждает тот, кто предложит новую парадигму, позволяющую вместить в ее пределах и те лингвистические аномалии, которые не вписывались в структуру предшествующей модели научного мышления. Выйдя из кризиса, наука вступает в парадигмальную фазу развития лингвистического знания. Знаковым для этого этапа научного познания языковой действительности является возникновение новых лингвистических дисциплин, специальностей и методов исследования.

В силу специфики объекта исследования современная лингвистика — наука многоаспектная. Многие ее разделы соприкасаются, как мы уже убедились, с другими науками — философией, логикой, психологией, когнитологией, литературоведением и др. Это обязывает исследователя рассматривать язык не только как застывшую систему — множество языковых единиц и правил их употребления или систему развивающуюся исторически, но и как особую деятельность человека. Такой подход позволяет решать современному языкознанию наиболее актуальные задачи теоре-

тического и прикладного характера. Многие из них традиционны в своей постановке, но тем не менее они остаются актуальными, поскольку все еще скрывают множество неразгаданных тайн человеческого языка. К таковым относятся проблемы вербализации мышления и планирования интеллектуальной деятельности, языковые процессы познания мира и закономерности фиксации, хранения, переработки и передачи человеческого опыта системами языка и речи. Поиски новых методологических подходов, более эффективных путей и средств решения этих и других связанных с ними проблем побуждает к преодолению противоречий, объективно возникающих в рамках существующей системы парадигмальных законов, предписаний и постулатов, приводит к непарадигмальному осмыслению проблем современной науки о языке.

По большому счету, в истории нашей науки можно выделить две макропарадигмы (гиперпарадигмы или суперпарадигмы): внеисторическую и историческую. Первая основывается на универсалистом подходе к исследованию языка (на поиске универсальной языковой системы, реализующейся в конкретном отдельном языке; при этом в центре внимания исследователя оказываются универсальные, типологические черты языков без изучения их развития и особенностей функционирования). Вторая макропарадигма специализируется на исследовании отдельного языка и поэтому ее стратегическим направлением является изучение истории и закономерностей функционирования языка. Эта макропарадигма лишена универсалистских притязаний. Если «частные» лингвистические парадигмы подвержены постоянным изменениям, то макропарадигмы предрасположены к сосуществованию. Сосуществование и смена этих макропарадигм говорит о наличии в языке нескольких ведущих констант и «вечных» принципов лингвистического познания, находящихся в состоянии постоянной «конкуренции»: одни из них устремляются в центр, становятся актуальными, а другие — на периферию исследовательских интересов, оказываются в науке малопродуктивными на том или ином этапе истории языкознания. Однако на последующих этапах развития лингвистической мысли они могут возрождаться. Возможно, поэтому история (традиции) и новаторство (инновации) так взаимосвязаны. Нередко старые идеи оказываются весьма привлекательными, актуальными для обоснования нового подхода к осмыслению как зарождающихся, так и традиционных, «сакральных», проблем и методов науки о языке.

Видимо, определяющим в лингвистике XXI века станет, с одной стороны, сохранение лучших, наиболее продуктивных научных парадигм, а с другой — разработка и развитие новых подходов к языку. В основе взаимоотношения традиций и инноваций в современном языкознании прочно обосновался принцип преемственности, который, хочется надеяться, исключит подавляющее (другие, непарадигмальные, воззрения на язык) господство какого-либо одного направления или подхода, как это было во времена расцвета сравнительно-исторического, логико-грамматического, психологического, структурального или генеративного метода.

Сегодня уже никем не оспаривается, что наиболее перспективным является комплексный подход к изучению одного и того же языкового объекта. В основе такого подхода лежат взаимодополняющие принципы — антропоцентризм и системоцентризм, утверждающие в нашей науке идеи множественности лингвистических интерпретаций. По справедливому утверждению А.Д. Дуличенко, «идея множественности, а не единственности интерпретаций должна стать господствующей в лингвистике XXI века» (1996; 124). По его мнению, множественность лингвистических интерпретаций обусловливается многоаспектной природой самого человеческого языка. Имеется в виду, с одной стороны, ярко выраженный антропоцентрический характер самого языка, а с другой, лингвоцентрическое мировосприятие человека, «всеобщее языкотворческое начало в человеке» (В. фон Гумбольдт). В этом отношении перспективными представляются: а) разработка антропоморфической грамматики; б) выявление идиоэтнических и универсальных категорий в типологически разных языках мира; в) проблема этноглоттогенеза и развитие в связи с этим ностратической теории; г) исследование аморфных (нечетких) языковых структур, характеризующихся «текучестью» признаков, неуловимостью категориальных нюансов (типа соотношения глагольного вида и способа действия в славянских языках); д) вопросы языковой политики, языковых ситуаций и социолингвистических стратегий; е) решение проблем прикладной лингвистики, в частности, устранение «белых пятен» на лингвистической карте мира. В связи с такими, столь впечатляющими перспективами лингвистики в XXI веке особым, пророческим, смыслом наполняется древнеиндийское изречение Anatapâram kila úabdaúâstram — «Не имеет предела наука о языке».

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ УГЛУБЛЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ

Введение

Актуальные проблемы советского языкознания: 1932—1986 гг. М., 1987.

Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 1998.

Амирова Т.А., Ольховников Б.А, Рождественский Ю.В. Очерки лингвистики. М., 1975.

Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975.

Берестнев Г.И. О «новой реальности» языкознания // Филол. науки, 1997. №4. С. 47—55.

Гак В.Г. О плюрализме в лингвистических теориях // Филол. науки. 1997. № 6. С. 60—69.

Касериу Э. Синхрония, диахрония, история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып.3.

Некоторые аспекты исследования языка советской лингвистики: 1977—1981 гг. М., 1982.

Николаева Т.М. Диахрония или эволюция // Вопр. языкознания. 1991. № 2.

Проблемы языкознания в СССР: 1987—1991 гг. М., 1992.

Пуанкаре А. Ценность науки // О науке. М.: Наука, 1983. С. 152—282.

Ревзина О. Язык и дискурс // Вестник Моск. ун-та. Сер. Филология. М.,1999. № 1. С. 25—33.

Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания: Антология / Сост. и комментарии В.Н. Базилева и В.П. Нерознака. Под общей ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Akademia, 2001.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.

Язык и речевая деятельность / Гл. ред. В.Б. Касевич. СПб., 1998. Т. 1. 1998. Т. 2.

ЧАСТЬ I

Теоретические основы развития современного языкознания

Глава 1. Парадигмы современной науки о языке

Алпатов В.М. Предварительные итоги лингвистики XX века // Вестник Моск. ун-та. Сер. Филология. 1995. № 5.

Березин Ф.М. О парадигмах в истории языкознания XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 2000. С. 9—25.

Богданов В.В. Семантикоцентризм и формоцентризм в мировой лингвистике XX века // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 5 / Под ред. А.С. Герда. СПб., 1998.

Дуличенко А.Д. Некоторые соображения о перспективах лингвистики после XX века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 6.

Кибрик А.Е. Куда идет современная лингвистика? // Вестник Моск. ун-та. Сер. Филология. 1995. № 5.

Косарик М.А. Ренессансная и современная лингвистическая парадигмы — связь эпох // Вестник Моск. ун-та. Сер. Филология. 1995. № 5.

Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. АН РФ. Сер. лит. и яз. 1994. № 2. С. 3—15.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (Опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1995.

Пинто де Лима Ж. Новый подход к прототипам: прагматический взгляд // Вестник Моск. ун-та. Сер. Филология. 1995, № 5.

Серьо П. Россия и Запад: языкознание в 20-е и 30-е годы XX века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. № 2.

Черненко Л.О. Две лингвистические парадигмы // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тез. Международной конф. М., 1995. Т. 2. С. 550—551.

Глава 2. Сущность языка и речи

Левицкий Ю.А. Язык, речь, текст / Пермский ун-т. Пермь, 1999.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.

Ломтев Т.П. Язык и речь // Общее и русское языкознание. М., 1976.

Менджерицкая Е.О. Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997.

Норман Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1978.

Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1992.

Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987.

Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы / Калин. гос. ун-т. Калинин, 1988. С. 7—13.

Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 21—81.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Глава 3. Система и структура языка

Будагов Р.А. Система и антисистема в науке о языке// Вопр. языкознания. 1978. № 4. С. 3—17.

Галкина-Федорук Е.М. О форме и содержании в языке // Мышление и язык. М., 1957.

Горнунг Б.В. О характере языковой структуры // Вопр. языкознания. 1959. № 1. С. 43—49.

Дегтярев В.И. Вопросы общей грамматики. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ин-та иностр. языков, 2002. С. 3—34.

Макаев Э.А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопр. языкознания. 1962. № 5.

Мельничук А. С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Вопр. языкознания. 1970.

Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972. Гл. 1 и 2.

Плотников Б.А О форме и содержании в языке. Минск: Вышэйшая школа, 1989.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. Изд. 2-е. М.: Наука, 1977.

Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993. С. 252—311.

Улуханов И.С. О причинах, влияющих на степень системности и нормативности языковых единиц // Известия АН СССР, ОЛЯ, 1991. № 4. С. 291—304.

Юрченко В.С. Реальное время в структуре языка (к философии языкознания // Вопр. языкознания. 1993. № 3. С. 36—47.

Арнольдт И.В. Современная лингвистическая теория взаимодействия системы и среды // Вопр. языкознания. 1991. № 3. С. 118—126.

Гак В.Г. Об использовании идей симметрии в языкознании // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. Калинин, 1980. С. 41—51.

Глава 4. Лингвосемиотика

Гринев С.В. К уточнению некоторых основных понятий семиотики // Филол. науки. 1997. № 3.

Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск, 1990.

Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983.

Никитин М.В. Предел семиотики // Вопр. языкознания. 1997. № 1.

Новиков Л.А. Значение эстетического знака // Филол. науки. 1999. № 5. С. 83—90.

Семиотика и информатика. Сб. статей (около 40 выпусков).

Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М.: Мол. гвардия, 1995.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

Сыроваткин С.Н. Принципы и методы лингвистических исследований в свете семиотики: Учеб. пособие. Калинин: КГУ, 1979.

Глава 5. Менталингвистика: язык и мышление

Серебренников Б.А. Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 70—85.

Портков А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново: Изд-во Иван. ун-та, 1994.

Переверзев К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопр. языкознания. 1998. № 5.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1998.

Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. М., 1983.

Хамский Н. Язык и мышление. Язык и проблемы знания / Пер. И.М. Кобозевой, Н. Исакадзе, А.А. Арефьева; Под ред. И.М. Кобозевой. Благовещенск, 1999.

Чесноков П.В. Логические и семантические формы мышления как значение грамматических форм // Вопр. языкознания. 1984. № 5. С. 3—13.

Глава 6. Семантическая система языка

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1999. № 4. С. 39—53.

Беляевская Е.Г. Семантика слова. М., 1987.

Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 32—66.

Кузнецов А.М. Некоторые теоретические проблемы семантики последних лет // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 2000. С. 173—185.

Кузнецов А.М. Семантика лингвистическая и нелингвистическая, языковая и неязыковая // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 1992. С. 5—27.

Лейкина Б.М. Об одном методе описания семантических единиц: (множественные объекты смысловой структуры) // НТИ. Сер. 2. 1973. № 8.

Леонтьев А.А Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.

Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сборник обзоров. М., 1997. С. 370—389.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1987.

Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопр. языкознания. 1999. № 1.

ЧАСТЬ II
Современные лингвистические теории

Глава 7. Психолингвистика

Асмолов А.Г. Три грани интериоризации // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. М., 1981. С. 10—13.

Брунер Дж. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. Перевод с разных языков. М., 1984.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.

Залевская А.А. Психолингвистика: Пути, итоги, перспективы // Вопр. языкознания. 1998. № 6. С. 81—94.

Зимняя И.А. Вербальное мышление (психологический аспект) // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М.: Наука, 1985. С. 72—85.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.

Леонтьев А.А. Надгробное слово «чистой» лингвистике // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тез. Международн. конф. М., 1995. Т. II. С. 307—308.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969б.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образное мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 1993. С. 16—21.

Медведева И.Л. Лингвистическая и психолингвистическая трактовки понятия «внутренней формы» // Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики. Тверь, 1994. С. 30—37.

Слама-Казаку Т. Методология психолингвистического подхода в контрастивных исследованиях // Психолингвистика: Пер. с англ, италянск., нем., франц. М., 1984. С. 283—306.

Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976.

Шмелев А.Г. Сопоставление двух моделей семантической памяти // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1978. № 2.

Глава 8. Когнитивная лингвистика

Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. С. 5—11.

Джакендофф Р. Модель языковой способности: неоминималистская перспектива // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2002. № 2. С. 157—189.

Знание и мнение. М.: Наука, 1988.

Зубкова Л.Г. К истокам когнитивной парадигмы в отечественной науке: А.А. Потебня // Когнитивная лингвистика конца XX века: Материалы Международной научной конференции 7—9 октября 1997. Минск, 1997. Ч. 1. С. 22—26.

Камчатнов А.М. Лингвистическая герменевтика. М., 2000.

Когнитивная семантика // Семиотика и информатика. М., 1998.

Когнитивные основания изучения семантики слова // Структура представления знаний в языке. М.: ИНИОН, 1994. С. 87—110.

Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект: Пер. с англ. и нем. М., 1996. С. 143—184.

Мейзерский В.М. Структуры языкового сознания // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления исследования. Киев, 1980.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. С. 281—309.

Модели действия. М.: Наука, 1992.

Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Ору Сильвен. История. Эпистемология. Язык: Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.Ю. Бокадоровой. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.

Петров В.Б. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний // Вопр. языкознания. М., 1990. № 6. С. 11—19.

Пиаже Ж. Генетический аспект языка и мышления // Психолингвистика. М., 1984. С. 325—336.

Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопр. языкознания. 1990. № 6. С. 110—122.

Реденко Д.И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // Вопр. языкознания. 1992. № 6. С. 19—35.

Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. (№ 6, № 1, № 4)

Телия В.Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 65—75.

Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М.: Наука, 1990.

Уринсон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная картина мира // Вопр. языкознания. М., 1995. № 3. С. 14—23.

Фрумкина Р.М., Звонкин А.К., Ларичев О.И., Касевич В.Б. Представление знаний как проблема // Вопр. языкознания. М., 1990. № 6. С. 14—26.

Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 68—78.

Язык и когнитивная деятельность: Сб. ст. М., 1989.

Язык речевых действий. М.: Наука, 1994.

Янко Т.Е. Когнитивные стратегии в речи: коммуникативная структура русских интродуктивных предложений // Вопр. языкознания. 1994. № 6.

Глава 9. Коммуникативная лингвистика

Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994.

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // НЗЛ. М.,1985. Вып.16.

Богданов В.В. Речевое общение: прагматический и семантический аспекты. Л.: ЛГУ, 1990.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и основы аспектологии. Л., 1983.

Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 336—341.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.

Бюлер К. Теория языка. М., 1983.

Ван Валин Р.Д. Взаимодействие синтаксиса, семантики и прагматики в рамках грамматической системы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. № 1.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.

Гак В.Г. Прагматика и языковое варьирование // Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. С. 554—586.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.

Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров, Саратов, 1998.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1973.

Конецкая В.П. Социология коммуникации. М., 1997.

Культурные концепты. М., 1991.

Левицкий Ю.А. От высказывания — к предложению. От предложения — к высказыванию. Пермь, 1995.

Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 384—398 (Новое в зарубежной лингвистике).

Мецлер А.А. Прагматика коммуникативных единиц. Кишинев: Штиинца, 1990.

Модели действия. М., 1992.

Муханов И.Л. Имплицитные смыслы как сост. часть семантико-прагматического потенциала высказывания // Имплицитность в языке и речи, М.: «Языки русской культуры». 1999. С. 81—87.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М., 1986.

Пинто де Лимо Ж. Новый подход к прототипу: прагматический взгляд // Вестник. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1995. № 5. С. 64—77.

Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М.: Радио и связь, 1997.

Почепцов Г.Г. Коммуникативные аспекты семантики. Киев, 1987.

Прагматика и проблемы интенсиональности. М.: Наука, 1988.

Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М., 1989.

Протасова Е.Ю. Функциональная прагматика: вариант психолингвистики или общая теория языкознания? // Вопр. языкознания. 1999. № 1.

Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 30—61.

Седов К.Ф. Структура устного дискурса и становление языковой личности. Грамматический и прагмалингвистический аспекты. Саратов, 1998.

Степанов Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Серия лит. и язык. 1981. Т. 40. № 4.

Сусов И.П. Семантика и прагматика предложения. Калинин, 1980.

Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 151—169 (Новое в зарубежной лингвистике).

Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопр. языкознания. 1991. № 6. С. 46—50.

Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989.

Хэйраартс Д. Принципы прагматической ономасиологии // Вестник Моск. ун-та. Сер; 9. Филология. 1995. № 5.

Якобсон Р.О. Речевая коммуникация // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

Ярцева В.Н. Сопоставительно-контрастивная лингвистика в СССР: итоги и перспективы развития // Филол. науки. 1987. № 5. С. 3—12.

Глава 10. Прикладная лингвистика

Андрющенко В.Н. Машинный фонд русского языка: постановка задачи и практические шаги // Вопр. языкознания. 1985. № 2.

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Уч. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Ершов А.П. Машинный фонд русского языка // Вопр. языкознания. 1985. № 2.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

Марчук Ю.Н. Прикладная лингвистика в конце XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 2000. С. 85—111.

Теслер Л.Г. Языки программирования // Современный компьютер. М., 1986. С. 76—89.

ЧАСТЬ III

Интерлингвистические теории

Глава 11. Социолингвистика

Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.

Антология мировой интерлингвистики. М., 1993.

Белл Р.Т. Социолингвистика. Цели, методы, проблемы. М., 1980.

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1987.

Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

Кузнецов С.Н. Теоретические основы интерлингвистики. М., 1987.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 1996.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 1996.

Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976.

Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.

Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, метод. М., 1976.

Швейцер А.Д., Никольский Л. Б, Введение в социолингвистику. М., 1978.

Глава 12. Лингвокультурология

Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» // Вопр. философии. 2002. № 8. С. 52—69.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1983.

Иванов Вяч.В. О взаимоотношении динамического исследования эволюции языка, текста, культуры // Исследования по структуре текста. М., 1987.

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.

Ольшанский И.Г. Лигвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. М., ИНИОН, 2000. С. 26—55.

Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998.

Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопр. языкознания. М., 1998. № 3. С. 43—73.

Глава 13. Современное историческое языкознание

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1979.

Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику. Казань, 1994.

Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, 1989.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1983.

Зеленецкий А.Л., Монахов П. Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983.

Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. М.: Наука, 1990.

Конецкая В.П. Введение в сопоставительную лексикологию германских языков. М., 1993.

Леман В.Ф. Индоевропеистика сегодня // Вопр. языкознания. 1987. С. 17—31.

Лукин М.Ф. Вопрос о взаимосвязи синхронии и диахронии в словообразовании // Филол. науки. 1997. № 5. С. 89—98.

Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени. М., 1983.

Ромашка С.А. Сравнительно-историческое языкознание и типология: Реконструкция индоевропейской фонологии // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 2000. С. 69—84.

Типология и теория языка: от описания к объяснению. М., 1999.

Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. М., 1980.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.

Ярцева В.Н. Проблемы исторической грамматики: соотношение синхронии и диахронии // Филол. науки. 1997. № 6. С. 105—116.

ЧАСТЬ IV
Методологические проблемы современного языкознания

Глава 14. Методология и методы языкознания

Гольдберг В.Б. Лексика современного английского языка в свете лингвистических парадигм: Методы исследования: Уч. пособие. Тамбов, 2003.

Гурдов А. Принципы и методы научных исследований по филологии: Уч. пос. Ашхабад, 1986.

Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.

Комлев Н.Г. Закон, правило и норма в языке // Проблема закона в общественных науках: Сб. ст. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 139—146.

Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопр. языкознания. 1966. № 2. С. 19—42.

Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Наука, 1998.

Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М.: Наука, 1989.

Глава 15. Методы лингвистической компаративистики

Кибрик А.Е. Типология: таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая // Вопросы языкознания. 1989. № 1.

Литвинов В.П. Типологический метод в лингвистической семантике. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986.

Глава 16. Структуральные методы

Дзоценидзе Н.А. Явные и скрытые компоненты значения слова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982.

Живов В.М., Тимберлейк А. Расставаясь со структурализмом // Вопр. языкознания. 1997. № 3.

Зевахина Т.С. К типологии методик компонентного анализа // Прикладные аспекты лингвистики. М., 1989. С. 26—47.

Исаченко А.В. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 87—91.

Кравченко Е.Л. К понятию «семантическое поле» и методам его изучения // Филол. науки. 1973. № 1. С. 99—103.

Хайдарова З.Т. О применении ТА и КА в преподавании семантики // Рус. яз. в нац. школе. 1987. № 10. С. 11—13.

Глава 17. Лингвостатистический метод

Корбетт Г.Г. Вычислительная лингвистика и типология // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.

Общелингвистические проблемы

Алефиренко Н.Ф. Теория языка; Введение в общее языкознание. Волгоград, 1998.

Аронов Р.А. В начале было слово // Вопр. философии. 2002. № 8. С. 70—77.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1975.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1974.

Вайсгербер И.Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993.

Вандриес Ж. Язык. М., 1937.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.

Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

Кодухов В.И. Общее языкознание. М., 1974.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. яз. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. М.: «Прогресс», 1978.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1973.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 376.

Общее языкознание // Под ред. А.Е. Супруна. Минск, 1983.

Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М., 1970.

Попова З.Д. Общее языкознание. Воронеж, 1987.

Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.

Словари и справочники

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 607.

Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964. С. 350.

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 685.

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960. С. 436.

Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978.

Розенталь Д.Э., Теленкова Н.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976. С. 534.

Русский язык: энциклопедия. М., 1979. С. 432.

Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.

Хэмп Э.П. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.

Учебное издание

Николай Федорович Алефиренко
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

Учебное пособие

Подписано в печать 13.10.2004. Формат 60x88/16. Печать офсетная
Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,8
Тираж 3 000 экз. Заказ № 5177. Изд. № 802

ООО «Флинта», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 345
Тел/факс 334-82-65, тел. 336-03-11. E-mail: flinta@mail.ru; flinta@flinta.ru
WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485, ул. Профсоюзная, д. 90

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14